

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 3

Минск
Академия МВД
2018

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, а также тезисы докладов, представленных на конференциях (чтениях, круглых столах), проведенных Академией МВД.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Редакционная коллегия:

А.В. Яскевич, проректор Академии МВД по научной работе, кандидат юридических наук, доцент (ответственный редактор);

А.А. Вишневецкий, начальник кафедры экономической безопасности, кандидат юридических наук, доцент;

Н.С. Демьянец, научный сотрудник научно-исследовательского отдела;

С.В. Добриян, начальник кафедры административной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;

Е.М. Ефременко, заведующая кафедрой гражданского и трудового права, кандидат юридических наук, доцент;

И.В. Козелецкий, начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров, кандидат юридических наук, доцент;

В.Ч. Родевич, профессор научно-педагогического факультета кафедры оперативно-розыскной деятельности, кандидат юридических наук, доцент;

А.Н. Тукало, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;

Т.М. Фицук, начальник научно-исследовательского отдела;

М.П. Шруб, начальник кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2018

УДК 341

Е.С. Ан, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.И. Бородич

Рецензент – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В РОЗЫСКЕ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ
И БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИХ ЛИЦ**

Рассматриваются проблемы системы правовых связей в розыске без вести пропавших и безвестно отсутствующих лиц, порядок организации деятельности правоохранительных органов, международных некоммерческих организаций в розыске без вести пропавших и безвестно отсутствующих лиц. Предложена модель розыска без вести пропавших, авторское определение межгосударственного розыска лиц без вести пропавших, аспекты совершенствования форм и методов розыска без вести пропавших и безвестно отсутствующих лиц.

В современных условиях, безвестное исчезновение граждан обуславливает объективную необходимость решения проблем борьбы с данным явлением и выработку единой комплексной системы деятельности правоохранительных органов по установлению и розыску без вести пропавших лиц.

Согласно Модельному закону «О лицах, пропавших без вести», утвержденному постановлением, принятым на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств: «Лицо, пропавшее без вести, – это человек, местонахождение которого неизвестно его родственникам и (или) который на основании достоверной информации и в соответствии с национальным законодательством государства объявлен лицом, пропавшим без вести, в связи с международным или немеждународным вооруженным конфликтом, ситуацией насилия или беспорядков внутри страны» [1, ст. 2].

Понятие лиц «без вести пропавший» и «безвестно отсутствующий» не равнозначное значение. Признание лица безвестно отсутствующим

согласно ст. 38 Гражданского кодекса Республики Беларусь – это процесс, осуществляемый судом, по заявлению заинтересованных лиц, если в течение одного года по месту его жительства нет сведений о месте его пребывания.

Появлению такого явления, как пропажа без вести, впоследствии которого возникают международные отношения (кроме пропавших при вооруженных конфликтах, стихийных бедствиях, крушениях самолетов и судов) сопутствуют: лица, с различными психическими заболеваниями; несовершеннолетние, как правило, из неблагополучных семей, интернатов, детских домов, специальных школ для несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в пограничной зоне¹, сбегающих в поисках приключений, часто в результате плохого обращения с ними; охотники, рыбаки, грибники, собиратели ягод, находящиеся в пограничной зоне; утопленники, тела которых унесены течением и не обнаружены в реках и водоемах, находящихся на территории двух и более государств; люди, погибшие во время нахождения в иностранных государствах; жертвы убийств и похищений.

Особой категорией пропавших без вести являются лица, пропавшие во время вооруженных (международных и немеждународных) конфликтов и гражданских войн. Для предотвращения данных инцидентов и ликвидации их последствий международное сообщество выработало соответствующий организационно-правовой механизм, включающий: международные договоры; деятельность правоохранительных органов, регулируемая международными договорами и национальным законодательством; деятельность Международного комитета Красного Креста (далее – МККК), национальных обществ Красного Креста (Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца), их международной федерации, негосударственных некоммерческих организаций.

Движение МККК является крупнейшим в мире гуманитарным объединением. Вопросы поиска пропавших без вести возложены на его Центральное агентство по розыску, которое предоставляет населению всех стран мира ряд услуг: восстановление и поддержание связей между лицами, разлученными в результате конфликта; организация деятель-

¹ Пограничная зона – участок местности, прилегающий к Государственной границе в пределах части территории района, города, поселка городского типа, сельсовета, включающий также принадлежащую Республике Беларусь часть вод пограничных рек, озер и иных поверхностных водных объектов и расположенные в этих водах острова, предназначенный для осуществления охраны Государственной границы («О Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 г. № 242-З // Доступ из справочно-поисковой системы «Эталон» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017).

ности по воссоединению разлученных войной семей; обращение от имени родственников в соответствующие органы власти для выяснения участи, пропавших без вести; отслеживание дальнейшей судьбы лиц, лишенных свободы, содействие их защите.

МККК в своей деятельности руководствуется: Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.; Женевской конвенцией об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава Вооруженных Сил на море от 12 августа 1949 г.; Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.; Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны 12 августа 1949 г.; Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) 8 июня 1977 г. (вместе с «Правилами, касающимися опознавания»); Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) 8 июня 1977 г. [2, с. 4–5]. Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним не допускают безвестных исчезновений людей.

МККК также участвует в работе по предотвращению исчезновения людей путем оказания помощи государствам в принятии законодательства, направленного на имплементацию их международных обязательств в отношении пропавших без вести. Консультативная служба МККК по международному гуманитарному праву, предоставляющая правовую и техническую поддержку государствам в области имплементации международного гуманитарного права, разработала руководящие принципы и Модельный закон для оказания помощи органам государственной власти в принятии законодательства, направленного на решение вопросов, связанных с пропавшими без вести, предотвращения и урегулирования ситуаций с исчезновением лиц. Эти средства также предназначены для оказания помощи государствам в защите прав лиц, пропавших без вести, и их семей.

Понятия межгосударственного розыска лиц без вести пропавших в целостной форме не существует. Ни один нормативно-правовой либо международный акт не дает такого понятия. В настоящее время существует такое понятие, как межгосударственный розыск лиц и розыск без вести пропавших.

Межгосударственный розыск лиц – это комплекс оперативно-розыскных, поисковых, информационно-аналитических и иных мероприятий МВД, осуществляемых в соответствии с международными соглашения-

ми и национальным законодательством с использованием Межгосударственного информационного банка и направленных на обнаружение в целях последующего ареста или предоставление информации о всех категориях разыскиваемых, находящихся за пределами государства-инициатора розыска, но в пределах территории государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) [3, с. 155].

Определение межгосударственного розыска лиц относится не только к без вести пропавшим, но и к лицам: подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным; уклоняющимся от исполнения решений судов по искам; при идентификации неопознанных трупов.

В своей диссертации Д.А. Гринева дает определение розыску лиц без вести пропавших: «Розыск без вести пропавшего лица – это направление оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой как по розыскным, так и по возбужденным уголовным, делам, целью которой является установление местонахождения лица для обеспечения его безопасности, а также информирование о месте его пребывания заинтересованных органов, организаций и (или) граждан, если это не ущемляет законные права разыскиваемого» [4]. В данном определении Д.А. Гринева описывает розыск как процесс, осуществляемый сотрудниками органов внутренних дел, на территории своей страны.

Синтезируя понятия «межгосударственный розыск лиц» и «розыск без вести пропавшего лица», предлагаем следующее определение межгосударственного розыска лиц без вести пропавших, под которым мы понимаем комплекс оперативно-розыскных, поисковых, информационно-аналитических и уголовно-процессуальных мероприятий, осуществляемых в соответствии с международными соглашениями и национальным законодательством, осуществляемый по розыскным и возбужденным уголовным делам с целью установления местонахождения лица, находящегося за пределами государства-инициатора розыска, для обеспечения его безопасности и последующей передачи его, либо информации о нем инициатору розыска.

В 2002 г. решением Совета Министров внутренних дел СНГ была утверждена Инструкция о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц. Инструкция определяет единый порядок взаимодействия министерств внутренних дел (далее – МВД) государств-участников СНГ и иных уполномоченных государственных органов, выполняющих правоохранительные функции при осуществлении межгосударственного розыска обвиняемых, подсудимых и осужденных, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда; лиц, уклоняющихся от

исполнения уголовных наказаний и решений судов по искам; пропавших без вести граждан; при установлении личности граждан по неопознаным трупам. На основании требований Инструкции формальным основанием объявления межгосударственного розыска является постановление, которое выносит ОВД, осуществляющий розыск. Постановление об объявлении межгосударственного розыска может быть вынесено в том случае, когда меры розыска внутри государства-инициатора розыска исчерпаны, разыскиваемое лицо не найдено и имеются основания полагать, что оно выехало в другое государство-участник СНГ.

В соответствии с соглашением о взаимодействии МВД в сфере обмена информацией (Чолпон-Ата, 1992 г.) сведения о лицах, объявленных в межгосударственный розыск, информационными центрами МВД передаются в созданный Международный информационный банк (далее – МИБ), шифр-телеграммами с последующим направлением в пятидневный срок необходимых документов. Держателем МИБ является МВД России.

При получении запроса от правоохранительных органов страны-инициатора о розыске, правоохранительные органы запрашиваемого государства-участника СНГ осуществляют следующие мероприятия: рассматривают запрос на предмет достаточности информации; проводят соответствующую проверку по имеющимся в ОВД учетам и по базе данных информационного центра (далее – ИЦ) МВД; направляют информацию о розыске в ОВД, находящиеся на их территории; запрашивают в случае необходимости у инициатора розыска дополнительные сведения [5, с. 355].

Особую роль в розыскной работе играет проведение на территории запрашиваемой стороны оперативно-розыскных мероприятий.

Для достижения цели розыска без вести пропавших и безвестно отсутствующих лиц правоохранительные органы помимо сотрудничества посредством МИБ сотрудничают с Национальными центральными бюро (далее – НЦБ) Интерпола, а именно осуществляют деятельность по розыску лиц по каналам Интерпола (Международная организация уголовной полиции). Запрос об объявлении лица пропавшего без вести в международный розыск направляется во все государства – члены Интерпола в тех случаях, если: оперативно-розыскные мероприятия, проведенные на территории тех иностранных государств, где у разыскиваемого имелись связи и где он мог находиться, результатов не дали; либо при наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого за пределы Республики Беларусь информации о его возможном местонахождении и связях не имеется.

Международный розыск лица, пропавшего без вести, прекращается в случае установления местонахождения разыскиваемого на территории иностранного государства или на территории Республики Беларусь; при обнаружении на территории иностранного государства или Республики Беларусь трупа, идентифицированного как разыскиваемый либо получении документально подтвержденных сведений о смерти разыскиваемого; по истечении одного года после объявления международного розыска [6, с. 35].

Генеральная Ассамблея ООН в 2011 г. объявила 30 августа Международным днем жертв насильственных исчезновений.

В современных условиях существует необходимость к принятию серьезных мер на усовершенствование форм и методов розыска без вести пропавших. Разберем пошагово процесс розыска без вести пропавших (общую модель для любой страны мира). Это поможет нам определить формы и методы, а также возможные пути его совершенствования.

Вначале есть факт длительного отсутствия человека по постоянному месту его пребывания, что не оставляет равнодушными его родственников, близких и окружающих.

1. Родственники (близкие, окружающие) самостоятельно пытаются установить местонахождение отсутствующего, а в случае тщетности предпринятых попыток обращаются в правоохранительные органы по месту жительства либо пребывания отсутствующего. Также информация о пропаже человека может поступать в правоохранительные органы посредством личного сыска сотрудников либо по сообщениям граждан. Далее эта информация тщательно проверяется.

2. Сотрудники правоохранительных органов полученную информацию в установленном порядке регистрируют.

3. Затем сотрудники розыскных подразделений правоохранительных органов проводят оперативно-розыскные и иные мероприятия для установления местонахождения без вести пропавшего. При этом они обязаны:

- проверить достоверность полученной информации о безвестном исчезновении разыскиваемого лица;
- выехать по месту жительства, или пребывания без вести пропавшего;
- опросить граждан, которые могут располагать сведениями о пропавшем;
- собрать полные данные о разыскиваемом лице, сведения о его внешности, одежде, в которую он был одет накануне исчезновения, вещах и документах, которые могли находиться при нем, особых приметах, финансовом положении, о его образе жизни, трудовой и общественной деятельности, взаимоотношениях с членами семьи, родственниками и иные имеющиеся сведения, а также, по возможности, фотографию с его изображением, относящуюся к периоду предшествующего его исчезновения;

получить в подразделении паспортно-визовой службы сведения об оформлении разыскиваемым лицом документов для выезда за пределы страны, об изменении гражданства и т. д.;

получить из медицинских учреждений информацию о его здоровье и идентифицирующих его признаках, схеме зубного аппарата и группы крови;

проверить разыскиваемое лицо по имеющимся базам данных и учетам; изъять с участием эксперта-криминалиста образцы для проведения биологических и иных исследований [7, с. 58–59].

4. На основании полученных данных сотрудники заводят розыскные и уголовные дела, а полученные данные вносятся в государственные и международные базы данных по без вести пропавшим.

5. Помимо этого правоохранительные органы взаимодействуют с волонтерскими организациями и средствами массовой информации.

В Республике Беларусь примером такой организации является поисково-спасательный отряд «Ангел». Это первое в Беларуси добровольное движение, целью которого являются: оказание помощи в поиске пропавших детей; оказание помощи в поиске без вести пропавших людей; оказание помощи в поиске заблудившихся людей в лесу; размещение информации о пропавших без вести в интернет-ресурсах; профилактика пропажи детей; профилактика безвестного исчезновения взрослых; профилактика предотвращения пропажи в лесу.

Взаимодействие со средствами массовой информации (далее – СМИ) проявляется в доведении до населения информации о пропавшем без вести посредством радио-, телепередач и печатных изданий.

6. В случае необнаружения без вести пропавшего на территории государства правоохранительные органы осуществляют сотрудничество с правоохранительными органами, организациями и учреждениями других стран на основании международных соглашений о сотрудничестве.

В Республике Беларусь взаимодействие по розыску без вести пропавших осуществляется следующим образом. Подразделение ОВД через МВД и Министерство иностранных дел взаимодействуют с дипломатическими и консульскими учреждениями. В рамках такого взаимодействия осуществляется работа дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь по учету и обобщению сведений о пропавших без вести. Незамедлительно направляются компетентным органам иностранных государств поступающие из МВД запросы и просьбы ОВД. Обеспечивается оказание дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Республики Беларусь содействие ОВД в розыске пропавшего без вести. Своевременно переда-

ются в МВД направляемые по дипломатическим каналам ответы компетентных органов иностранных государств на запросы и просьбы ОВД.

Осуществление сотрудничества с розыскными подразделениями иностранных правоохранительных органов посредством международных информационных баз: Информационного центра, МИБ, НЦБ Интерпола.

Непосредственное сотрудничество посредством направления в подразделения правоохранительных органов запросов (в рамках СНГ) либо через филиалы НЦБ Интерпола.

Сотрудничество через представительства с международными гуманитарными организациями. К примеру, сотрудничество с МККК в случае предположения о том, что без вести пропавший против своей воли мог стать жертвой вооруженного конфликта, находясь в иностранном государстве, либо террористических актов.

На данном примере мы наблюдаем, что сотрудничество по розыску без вести пропавших весьма многогранно. Тогда возникает вопрос, по какой причине число без вести пропавших во всем мире имеет тенденцию к росту? Самым простым ответом, по нашему мнению, является то, что перечень причин и условия исчезновения граждан в десятки раз превышают перечень форм и методов их розыска.

Подводя итоги вышеизложенному, для совершенствования форм и методов розыска без вести пропавших и безвестно отсутствующих лиц целесообразно: упростить документальную формальность, которая сопровождает межгосударственное сотрудничество правоохранительных органов в розыске без вести пропавших; создать конкретные инструкции по межгосударственному и международному розыску без вести пропавших; применять современные передовые технологии для совершенствования межгосударственных и международных баз данных, с последующим возможным созданием единой базы данных без вести пропавших; улучшить профилактическую работу, проводимую с населением в целях предотвращения исчезновения лиц; улучшить идеологическую работу, проводимую с населением в целях предотвращения военных конфликтов; организовать более тесное взаимодействие со СМИ, с возможным созданием отдельных телепрограмм, радиопередач, печатных изданий по вопросам пропавших без вести (для привлечения внимания общественности к трагической судьбе лиц без вести пропавших и горю их семей); оказывать материальную и иную поддержку международным и внутригосударственным гуманитарным организациям со стороны правительства и населения; пересмотреть все методы работы по

предотвращению исчезновений людей во время вооруженных конфликтов и ситуаций насилия внутри страны и удовлетворению потребностей людей, потерявших связь с членами своей семьи.

1. О Модельном законе «О лицах, пропавших без вести» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 25 нояб. 2008 г., № 31-17 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Права человека : сб. междунар. договоров / Орг. Объед. Наций. – Нью-Йорк и Женева, 2002. – Т. 1. – 510 с.

3. Сотрудничество министерств внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств : сб. актуал. док. / Совет Министров внутр. дел. – М., 2014. – Т. 1. – 239 с.

4. Гринева, Д.А. Розыск без вести пропавших лиц: правовой, оперативно-розыскной и криминалистический аспекты [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Гринева // Юрид. Россия : Федер. правовой портал. – М., 2017.

5. Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Розыскная работа в органах внутренних дел : материалы Всерос. видеоконф., Тюмень, 29 февр. 2012 г. / Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России. – Тюмень, 2012. – 479 с.

6. Зайцева, Е.С. Система международных уведомлений Интерпола / Е.С. Зайцева // Рос. следователь. – 2007. – № 7. – С. 34–36.

7. Бабушкин, А.А. Некоторые вопросы осуществления оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками Национального центрального бюро Интерпола в Российской Федерации / А.А. Бабушкин. – М., 1998. – 537 с.

УДК 343.21

А.А. Богданова, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Н.И. Козелецкая

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *С.М. Свило*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Анализируется проблема использования оценочных понятий, которая является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем уголовного законодательства. Рассматриваются способы интерпретации оценочных признаков, а также исследуются проблемы, связанные с толкованием правоприменителем отдельных оценочных категорий, содержащихся в уголовном законе.

Современная уголовная политика Республики Беларусь строится на принципах законности, равенства, справедливости и гуманизма. Для качественного соблюдения этих принципов законодателем должно быть уделено особое внимание оценочным признакам, особенности толкования которых всегда вызывали определенные трудности у правоприменителя. Впервые проблема законодательного употребления оценочных признаков как самостоятельная уголовно-правовая проблема, судя по литературе, на территории СНГ начала обсуждаться в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В науке уголовного права одним из первых определение оценочных понятий, актуальное и на современном этапе развития уголовного права, дал Я.М. Браинин, указывая, что это понятия, «не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона» [1, с. 63].

При конструировании уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) законодателем часто используются термины оценочного характера, отношение к которым в доктрине уголовного права является неоднозначным. С одной стороны, их существование объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела, которые «обладают многообразным содержанием и в конкретном своем проявлении выступают в различной форме» [2, с. 117]. С другой стороны, использование оценочных признаков сопряжено с угрозой неоднозначного, а порой, и противоречивого толкования правоприменителем «оценочных» уголовно-правовых предписаний.

Учитывая невозможность полного отказа от оценочных признаков, законодатель должен использовать определенные приемы, позволяющие снизить риск негативных последствий, которые обусловлены применением оценочной лексики при конструировании уголовно-правовых норм.

В частности, при разработке «оценочных» статей необходимо ограничить возможность предоставления на законодательном уровне полномочий определения пределов криминализации, исключив случаи принятия правоприменителем самостоятельного решения о признании определенных видов деяний преступными и наказуемыми. Другими словами, нужно избегать использования оценочных понятий в основных составах преступлений. К примеру, «существенный вред» в составе злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) является хотя и альтернативным, но криминообразующим признаком, влияющим на пределы и основания уголовной ответственности. Между тем до сих пор четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда, т. е. преступного или не преступного поведения должностно-

го лица не выработано. В правоприменительной практике содержание данного оценочного признака раскрывается через такие же оценочные признаки, что не способствует единообразному применению данного признака на практике и часто приводит к неоправданному расширению уголовной репрессии. К составам преступлений, имеющих достаточно высокий удельный вес оценочных понятий, определяющих уголовную противоправность деяния, относится и состав хулиганства (ст. 339 УК). В этой связи Н.А. Лопашенко справедливо отмечает, что речь должна идти только о таких оценочных категориях, которые не влияют на криминализацию деяния. В противном случае их использование в законе должно быть исключено, ибо оно противоречит принципам уголовного закона и уголовной ответственности. В частности, нарушается принцип законности, поскольку границы преступного реально устанавливаются не законом, а конкретным правоприменителем [3, с. 44]. Более того, нарушение принципа законности влечет за собой и нарушение иных принципов: принципа равенства, так как лица, совершившие одни и те же деяния, будут признаны виновными в преступлении или правонарушении; принципа справедливости, поскольку в одном случае – при признании деяния преступным – лицу будет определено уголовное наказание, а в другом – при признании деяния правонарушением – неуголовные меры принуждения [4, с. 60–61].

Учитывая невозможность полного отказа от использования оценочных признаков в уголовном законодательстве, наиболее приемлемым подходом к решению проблемы закрепления оценочных понятий при конструировании уголовно-правовых норм является их ограниченное употребление. При формулировании составов преступлений оценочные признаки следует использовать только тогда, когда без них нельзя обойтись. При этом, как считают некоторые ученые, необходимо выработать критерии, позволяющие в одной уголовно-правовой норме оптимально сочетать оценочные и не оценочные признаки [5, л. 34; 6, с. 71–73]. Г.Л. Кригер предлагает свою схему оптимального употребления в уголовном законе понятий точного значения и оценочных признаков через недопущение наличия нескольких оценочных понятий в одной норме; формализацию по возможности оценочных понятий в основных составах и целесообразность их закрепления в составах квалифицированных [7, с. 34].

При этом, как справедливо отметила Е.В. Кобзева, описывая каждое преступное посягательство, законодатель должен соблюдать требование, согласно которому применение оценочных понятий для выражения одних признаков состава преступления должно быть обратно пропорционально их употреблению для выражения других его признаков, под-

лежащих формулированию при помощи понятий точного, формально-определенного характера [8, с. 26].

Законодательное закрепление оценочных признаков требует и решения вопроса о возможной дефинированности оценочных признаков. Необходимо ли стремиться дать законодательное определение всем оценочным признакам, содержащимся в уголовном законе? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Дать определение всем содержащимся в уголовном законе оценочным признакам, видимо, не представляется возможным, но к этому нужно максимально стремиться; определения отдельных оценочных признаков не должны быть полностью формализованными, а должны носить преимущественно приблизительный характер, обеспечивающий таким признакам определенную гибкость.

В научной литературе не существует единого мнения относительно наибольшей предпочтительности того или иного способа законодательной интерпретации оценочных признаков. Я.М. Брагинин пишет о законодательном закреплении критериев определения содержания некоторых оценочных понятий [1, с. 65–66]. Н.А. Лопашенко указывает на максимально конкретное определение или перечисление в законе наиболее спорных вариантов оценочных категорий, признавая возможным их сочетание. Следует согласиться с мнением М.И. Бару и Н.И. Панова, которые настаивают на необходимости установления в законе примерного перечня явлений, подпадающих под то или иное оценочное понятие [9, с. 105; 10, с. 103]. В качестве примера можно проанализировать такой признак преступлений, как тяжкие последствия. Законодатель, употребив данный оценочный признак и стремясь несколько раскрыть его содержание, почти всегда указывает на некоторые возможные варианты его проявления в действительности, т. е. фактически перечисляет подпадающие под него явления. Другое дело, что такие перечни являются довольно узкими, часто завершаясь фразой «иные тяжкие последствия» с предварительным приведением лишь одного могущего произойти случая. Так, в качестве единственного варианта наступления тяжких последствий в законе указывается неосторожное причинение смерти человеку (ст. 130, 218, 291, 463, 465 УК и др.). В иных случаях наряду с причинением смерти указаны и тяжкие телесные повреждения (ст. 181, 181¹, 182, 301, 325 УК и др.) В данной ситуации необходимо согласиться с мнением М.Б. Костровой о необходимости дальнейшей максимальной конкретизации «иных тяжких последствий» [11, с. 43]. Закрепить же результаты такой конкретизации целесообразно, прежде всего, путем более подробного (и подробного – там (ст. 351, 354, 373, 374, 375, 392, 393, 395, 397, 408, 425, 426 УК и др.), где перечня нет совсем) перечисления

явлений, подпадающих под понятие «тяжких последствий». Кроме того, как справедливо отметил В.В. Питецкий, «тяжкие последствия» можно было бы, да и следовало бы конкретизировать посредством выделения (по возможности) из их структуры и абсолютной формализации материального вреда [12, с. 13].

Объем и характер уголовно-правовых последствий применения оценочных признаков оказывают влияние на выбор способа их нормативного толкования. Так, если речь идет об оценочном признаке основного состава преступления, то он должен быть максимально определен путем формулирования наиболее полной дефиниции либо путем прямого закрепления критериев конкретизации. Если же оценочный признак является конструктивным элементом квалифицированного (привилегированного) состава преступления или же нормы, обеспечивающей индивидуализацию наказания, то можно ограничиться приведением примерного перечня подпадающих под него явлений.

Важным является тот факт, что общеправовая открытость содержания понятия, т. е. общее представление об определенном оценочном признаке не устраняется при четком определении данного правового понятия, «задействованного» в механизме правового регулирования различных юридических отраслей (в нормативном правовом акте одной из таких отраслей), в том случае, когда такое определение, преследуя «узкоотраслевые» цели, расширяет или сужает содержание правового понятия. Указанное расширение либо сужение содержания понятия делает невозможным и ненужным использование его в таком значении за рамками определившей понятие отрасли. Тем не менее для достоверного и полного закрепления оценочного понятия в норме уголовного права необходимо обратить внимание прежде всего на существующую практику толкования данного понятия отраслевыми науками, что будет способствовать правильному и единообразному пониманию, и, соответственно, применению данного оценочного понятия [13].

Также имеет значение утверждение Е.А. Фролова о том, что оценочные понятия могут и должны употребляться при характеристике явлений, «относящихся к нравственно-этической сфере, к сфере явлений, измерение которых несводимо к однозначным определенным критериям, к сфере нематериализованного характера. Во всех этих случаях сохранение оценочных понятий и категорий представляется вполне оправданным и, более того, неизбежным» [14].

Как было отмечено ранее, при конструировании «оценочных» уголовно-правовых норм необходимо исключить возможность использования в одной норме большого числа оценочных категорий. В частно-

сти, определяя содержание термина «аффект» (ст. 31 УК), законодатель употребляет для этого такие признаки, как сильное душевное волнение, издевательство, тяжкое оскорбление, иные грубые аморальные действия. Также примером служит расплывчатая дефиниция хулиганства в ст. 339 УК с использованием сразу трех оценочных признаков: «грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу», «исключительный цинизм». Превышение «критической массы» оценочных признаков данного состава преступления, как считает В.В. Марчук, создает предпосылки для применения аналогии уголовного права. В настоящее время состав хулиганства, по мнению ученого, выполняет для судебной практики роль резервной правовой площадки, на которой может разворачиваться расследование и рассмотрение уголовного дела в случае обнаружения правоприменителем очередной неисправности в механизме уголовно-правового регулирования [15, с. 230].

Понятия, используемые в тексте уголовно-правовой нормы, должны быть однозначными. Использование двусмысленных понятий и формулировок может исказить смысл положений законов. Недочеты лингвистического характера способны привести к серьезным негативным последствиям, поскольку вероятность произвольного применения нормы повышается, когда то или иное положение в силу своей двусмысленности, неясности и недостаточной определенности может трактоваться двояко.

Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» гласит: «Признавая лицо виновным в преступлении, в составе которого имеются оценочные признаки (тяжесть последствий, размер ущерба, существенный вред и другие), суд обязан привести доказательства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака» [16]. Однако на практике данное требование выполняется не всегда. Например, в обзоре кассационно-надзорной практики Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам было указано, что «при описании преступного деяния, признанного доказанным, суд в нарушение требований ч. 1 ст. 360 УПК и вопреки разъяснениям, содержащимся в п. 10, 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда», не указал в приговоре, какие умышленные действия вопреки интересам службы совершил П. с использованием своих служебных полномочий, в чем выразилось причинение существенного вреда государственным интересам, и не мотивировал свой вывод о причинении такого вреда» [17, с. 55–63].

Любое судебное решение, а в особенности, связанное с такой уголовно-правовой категорией, как оценочные признаки, должно быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым. При таком подходе к толкованию и уяснению уголовно-правовой нормы обеспечивается стабильность в понимании и применении уголовного закона. Однако ситуация, которая складывается на данный момент относительно оценочных признаков, не позволяет сделать вывод, что последние правильно толкуются и соответствующим образом применяются на практике. Исходя из чего следует вывод о необходимости конкретизации законодателем методов и способов интерпретации оценочных признаков, что в значительном объеме сократило бы неправильное толкование указанной уголовно-правовой категории.

Еще в конце прошлого века основные тенденции по использованию законодателем оценочных понятий в составах конкретных преступлений были определены в научном исследовании С.Д. Шапченко. В частности, автором предложена замена оценочных признаков формально-определенными в тех случаях, когда нефиксированность их содержания уже преодолена в теории уголовного права и судебной практике; исключение хотя бы некоторых оценочных понятий из излишне «оценочных норм»; особо осторожное использование оценочных признаков в тех составах конкретных преступлений, которые отражают деяния, по степени общественной опасности, граничащие с непроступным поведением, включающие такие признаки преимущественно в квалифицированные виды соответствующих составов преступлений; более широкое использование на законодательном уровне возможностей частичной конкретизации оценочных признаков [18, с. 18].

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным рассмотреть вопрос об издании постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, посвященного интерпретации всех оценочных признаков действующего уголовного законодательства. Наряду с этим одним из вариантов улучшения практического применения оценочных признаков может стать дополнение Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь статьей, объясняющей содержание оценочных признаков, имеющих одинаковое значение для всех закрепляющих их уголовно-правовых предписаний, и, соответственно, дополнение Особенной части статьями, посвященными разъяснению тех оценочных признаков, которые используются в системе уголовного законодательства в различных значениях.

1. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 240 с.
2. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1963. – 304 с.
3. Лопашенко, Н.А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности / Н.А. Лопашенко // Уголов. право. – 2002. – № 2. – С. 42–45.
4. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
5. Игнатенко, В.В. Оценочные понятия в законодательстве об административной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Игнатенко. – Свердловск, 1989. – 34 л.
6. Ковалев, М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе / М.И. Ковалев // Совет. государство и право. – 1973. – № 11. – С. 71–73.
7. Кригер, Г.Л. Некоторые вопросы построения Особенной части Уголовного кодекса / Г.Л. Кригер // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. – С. 123–134.
8. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Кобзева. – Саратов, 2002. – 32 с.
9. Бару, М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве / М.И. Бару // Совет. государство и право. – 1970. – № 7. – С. 105–106.
10. Панов, Н.И. Оценочные понятия и их применение в уголовном праве / Н.И. Панов // Проблемы социалистической законности : респ. межвед. науч. сб. – Харьков, 1981. – Вып. 7. – С. 99–106.
11. Кострова, М.Б. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона / М.Б. Кострова // Уголов. право. – 2001. – № 4. – С. 42–43.
12. Питецкий, В.В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства / В.В. Питецкий // Совет. юстиция. – 1991. – № 2. – С. 12–13.
13. Беляева, О.М. Оценочные категории в конструкциях правовых норм: особенности толкования и правоприменения / О.М. Беляева // Юрид. техника. – 2013. – № 7, ч. 2. – С. 133–136.
14. Фролов, Е.А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве / Е.А. Фролов // Проблемы уголов. права и криминол. – Свердловск, 1973. – Вып. 28. – С. 67–74.
15. Марчук, В.В. Теория квалификации преступлений / В.В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 339 с.
16. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. И.Н. Минец ; под общ. ред. В.О. Сукало. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 607 с.
17. Обзор кассационно-надзорной практики Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам за 2008 год // Суд. вестн. – 2009. – № 2. – С. 55–63.
18. Шапченко, С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Д. Шапченко. – Киев, 1988. – 24 с.

УДК 340

М.В. Богомаз, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат медицинских наук, доцент

Г.В. Мережко

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *С.Н. Чигирь*

МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОВРЕЖДЕНИЙ, ПРИЧИНЕННЫХ ВЫСТРЕЛАМИ ИЗ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Рассматриваются вопросы поражающих свойств травматического оружия. Дается анализ характера телесных повреждений, причиненных выстрелами из такого оружия в зависимости от модели, боеприпасов, дистанции и локализации на теле человека.

Современные процессы гуманизации общества привели к появлению так называемого «оружия ограниченного поражения», не предназначенного для причинения смерти. Многие из устройств, относящихся к данному виду оружия, имеют аналогичную с огнестрельным оружием конструкцию, боеприпасы, используемые в нем для стрельбы, также конструктивно повторяют устройство боеприпасов к огнестрельному оружию, в их конструкции используются новые технологии и материалы, влияющие на механизм образования и морфологические особенности возникающих повреждений.

В настоящее время в Законе Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. «Об оружии» содержится следующее определение понятия некоторых из таких устройств: «огнестрельное оружие травматического действия – огнестрельное короткоствольное или бесствольное оружие, предназначенное для поражения живой цели на расстоянии метаемым элементом травматического патрона и не предназначенное для причинения смерти человеку» [1, ст. 1].

Данное оружие актуально при действиях специальных подразделений МВД по задержанию преступников, прекращению массовых беспорядков, пресечения противоправных действий лица, совершающего преступное деяние, отпугивания животного, представляющего опасность для людей, поскольку свойства упругой деформации эластичного снаряда в момент поражения позволяют минимизировать тяжесть наносимых телесных повреждений. Многие образцы травматических пистолетов используются в качестве учебно-тренировочного оружия.

В соответствии со ст. 8 Закона Республики Беларусь «Об оружии» на территории Республики Беларусь запрещен оборот огнестрельного ору-

жия травматического действия и травматических патронов [1]. Однако запрет оборота данного оружия не исключает возможности его завоза и применения как в целях самообороны, так и в криминальных.

К травматическому оружию, применяемому в отношении человека, относятся травматические пистолеты, револьверы и бесствольное оружие, в которых в качестве боеприпасов используются патроны, снаряженные пулями, изготовленными из полимерных материалов.

В настоящее время образец ручного огнестрельного оружия с применяемым в нем для стрельбы патроном рассматривается как целостный комплекс «оружие – патрон», элементы которого оказывают взаимное воздействие друг на друга в процессе функционирования. Эффективность применения данного комплекса по цели практически полностью определяется патроном [2, с. 7].

Одним из видов патронов к гражданскому оружию самообороны – газовому оружию – являются патроны травматического (кинетического) действия с резиновыми снарядами, относящиеся к оружию нелетального (несмертельного) действия. Следует отметить, что указанные виды оружия, неспособны при надлежащем их применении причинить такие телесные повреждения, которые привели бы к смерти, – травматическое, ослепляющее, звуковое и т. п. Как правило, подобные устройства используются правоохранительными органами с целью обеспечения выполнения возложенных на них задач и разрабатываются с учетом научно обоснованных медицинских критериев.

Результатом применения подобных устройств по живой цели является дестабилизация функций человеческого организма путем воздействия определенного уровня физических явлений (кинетической энергии эластичного метаемого элемента, светового излучения, звукового давления и т. п.). Данные патроны применяются для «временного лишения противника боеспособности без серьезных остаточных патологических изменений в организме пострадавшего» [3, с. 126.]

В судебной медицинской практике стран ближнего зарубежья (Российская Федерация, Украина) все чаще встречаются случаи причинения различных повреждений эластичными снарядами. При этом вопросы, связанные с судебной медицинской оценкой как повреждающих свойств эластичного метаемого элемента (снаряда) (далее – ЭС), так и механизма возникновения повреждений, в настоящее время недостаточно изучены.

Согласно законодательству кинетическая энергия метаемого элемента при стрельбе из травматического оружия не должна превышать 91 Дж (для гражданских образцов) и 150 Дж (для служебных). Большинство боеприпасов, существующих на данный момент, имеют ограниченную

производителями мощность, не превышающую 35–50 Дж, поэтому боевые свойства большинства образцов схожи между собой [4].

Общим правилом для всех видов травматического оружия можно считать запрещение выстрелов в шею, любую часть головы, груди у женщин и области паха. Теоретически во все остальные части тела стрелять «можно», в некоторых руководствах по эксплуатации к модели указаны как разрешенные части тела – спина и ягодичные мышцы.

Минимальная дистанция безопасного использования для каждой конкретной модели оружия и патрона может обладать значительной вариационностью. Она определяется исходя из данных, приведенных в руководстве, к соответствующим образцам оружия и патронов, используемых в нем для стрельбы. Установлено, что минимальная дистанция, на которой можно произвести выстрел, должна быть не менее 3 м [5].

Изложенное позволяет сделать некоторые обобщенные выводы. Применение травматического оружия не гарантирует отсутствие летального исхода при его применении, оно лишь существенно уменьшает вероятность подобных случаев по сравнению с применением обычного (огнестрельного) оружия. Смертельный или несмертельный характер поражения человека определяется не только параметрами комплекса «оружие – патрон», но и конкретными обстоятельствами его применения: интенсивностью воздействия (дистанцией, продолжительностью, окружающими условиями, наличием или отсутствием одежды), а также индивидуальной конституцией и текущим функциональным и психосоматическим состоянием объекта воздействия.

В процессе развития конструкции травматического патрона калибра 18×45Т к огнестрельному оружию травматического действия (например, пистолетам «ОСА» ПБ-4-1, «ОСА-Эгида» ПБ-2, «Стражник») установлено, что использование в его конструкции заряда пироксилинового пороха неспособно обеспечить необходимое постоянство баллистических характеристик метаемого снаряда при выстреле (допустимое отклонение не должно превышать ± 30 м/с [4].

Отказ от использования в конструкции рассматриваемого патрона (боеприпаса) порохового метательного заряда и применения в качестве источника энергии пиротехнического состава в конструкции электровоспламенителя позволил устранить указанный недостаток. Скорость горения пиротехнического состава превышает скорость горения пироксилиновых порохов в несколько раз, что дало возможность достичь необходимого уровня воздействия давления газов на метаемый снаряд в относительно коротком участке корпуса гильзы патрона (боеприпаса), выполняющего в нем функцию ствола. Величина кинетической энергии

метаемого элемента (пули) такого патрона достаточна для поражения цели и составляет 80–90 Дж [6].

Опыт применения травматического оружия показывает, что плотная зимняя одежда достаточно надежно защищает от ЭС патронов травматического оружия. Следует отметить, что при анализе локализации телесных повреждений из травматического оружия обращает на себя внимание преимущественное поражение головы и шеи не только убитых, но и раненых (табл. 1) [7].

Таблица 1

Распределение ранений по локализации

Локализация	Частота повреждений, %		Характер повреждений среди раненых, %	
	убитые	раненые	проникающие	непроникающие
Голова, шея	100	52,1	18	52
Грудь	–	15,1	21	79
Живот, таз	–	9,9	16	84
Конечности	–	22,9	43	57

Высокая частота проникающих ранений при выстрелах в голову и шею, а также конечности объясняется тем, что в эти области выстрелы производятся чаще всего с дальности 1–2 м с целью гарантированного поражения, исходя из характеристик поражающего действия ранищих снарядов применяемого оружия и незащищенности их элементами одежды. В тех случаях, когда представилось возможным установить дистанцию выстрела, выстрелы производились с расстояния 1–2 м в 73 %, с расстояния 2–3 м – в 7 % и с расстояния более 3 м – в 20 % [7].

Ввиду указанных обстоятельств на практике нередки случаи, когда при стрельбе целятся в голову или пах. Такие травматические раны более тяжелые и способны привести к летальному исходу. Особенно опасно попадание пули в глаз или окологлазную область. В этих случаях ранения, как правило, ведут к потере зрения. Весьма опасны и ранения в переносицу и височную область. Кинетическое воздействие ЭС способно привести к расщеплению тонких костей и их проникновению внутрь черепной коробки. При попадании в крупные кровеносные сосуды, например, в бедренную артерию, также возможен летальный исход [8].

Как правило, выстрелы в корпус, при отсутствии плотной зимней одежды сопровождаются переломами, гематомами (указанное характерно не только для боеприпасов, прошедших сертификацию на соответствие его характеристик предъявляемым требованиям с энергией до 50 Дж, но и для усиленных – с кинетической энергией до 300 Дж).

Для характеристики повреждений травматическим оружием можно использовать результаты экспериментальной стрельбы, проведенной из наиболее распространенного на территории Российской Федерации образца травматического оружия – четырехзарядного пистолета «ОСА» ПБ-4-1: дульная энергия метаемого элемента которого составляет 120 Дж (на расстоянии 10 м снижается до 70 Дж). При стрельбе использовался патрон калибра 18×45 мм. Масса резинового ЭС – 11,6 г.

Для установления возможности нанесения травм ЭС травматического оружия была проведена экспериментальная стрельба по животному (свинье) массой 80 кг, кожа которого по своей анатомической структуре наиболее близка к человеческой. Всего было произведено шесть выстрелов с дистанции 1–2 м в область груди и живота. После производства выстрелов животное сохраняло двигательную активность, активных попыток вырваться из загоня не предпринимало, голосовой реакции на боль отмечено не было.

После проведения эксперимента на теле животного были обнаружены повреждения следующего характера: в области живота – рвано-ушибленные раны, в междуреберной области – ушиб легкого (краевое кровоизлияние в нижнюю долю левого легкого). Кроме того, было отмечено только одно проникающее ранение: пуля пробилла кожу и остановилась в подкожной клетчатке под париетальной брюшиной, повредив при этом желудок животного. На стенке желудка были обнаружены кровоизлияние и неполный разрыв. Подобные повреждения, нанесенные человеку, требуют неотложной госпитализации пострадавшего.

После одного из выстрелов было отмечено сквозное ранение кожи, подкожной клетчатки и мышц (пуля остановилась под париетальной брюшиной). Животное село на задние ноги и находилось в состоянии оглушения около 30 с. В результате наружного осмотра животного (по окончании стрельбы) на коже груди и живота в местах попадания эластичных поражающих элементов были обнаружены рвано-ушибленные раны кожи неправильной овальной формы размерами 1,5×4,0 см с выраженными внутрикожными кровоизлияниями размерами от 5,0×7,0 см до 9,0×10 см. Воздействие эластичных поражающих элементов также сопровождалось обширными кровоизлияниями в подкожно-жировую клетчатку овальной формы размерами 8,0×10,0 см.

Как правило, большинство повреждений ограничивались рвано-ушибленными ранами кожи, подкожной клетчатки и мышц. В одном случае при попадании пули между ребрами обнаружено краевое кровоизлияние в нижнюю долю левого легкого размером 2,5×6,0 см. Кроме того, в первом случае, когда пуля остановилась под париетальной

брюшиной, был обнаружен неполный разрыв стенки желудка линейной формы длиной до 2,0 см с кровоизлиянием в стенку желудка округлой формы размером 2,0×2,5 см [9].

Указанный объем и выраженность проявлений травматических последствий применения пистолета «ОСА» позволяют сделать выводы:

1. Основным фактором в механизме образования повреждений, определяющим их морфологические особенности, является соотношение плотностей эластичного снаряда и повреждаемого объекта.

2. На основании свойства эластичного снаряда к упругой деформации предлагается подразделять механизм образования повреждений ими при выстрелах с расстояний, превышающих механическое воздействие газопороховой струи выстрела, по двум вариантам:

первый: плотность эластичного снаряда больше, чем плотность повреждаемого объекта – площадь повреждения будет не больше диаметра поперечного сечения эластичного снаряда;

второй: плотность эластичного снаряда меньше плотности повреждаемого объекта – площадь повреждения будет больше диаметра поперечного сечения эластичного.

3. Диагностическими критериями при установлении повреждений, причиненных эластичными снарядами, являются огнестрельный характер, слабая выраженность пояса осаднения, слепой характер раневого канала или его отсутствие, частое отсутствие снаряда в раневом канале.

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2001 г., № 61-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.11.2005 г. № 65-3 // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Васильев, В.Е. Бесшумное стрелковое оружие и боеприпасы к нему как объекты криминалистического исследования : учеб. пособие / В.Е. Васильев, А.М. Коробов. – Владивосток : ВГУЭС, 2006. – 66 с.

3. Корецкий, Д.А. Электрошоковое оружие : учеб. пособие / Д.А. Корецкий, С.Л. Кулаков, М.В. Сальников ; под. общ. ред. В.П. Сальникова, М.В. Сальникова. – СПб. : Фонд Университет, 2001. – 346 с.

4. ГОСТ Р 55786-2013 Оружие огнестрельное ограниченного поражения и патроны травматического действия. Требования безопасности и методы испытаний на безопасность. – Введ. 06.01.14. – М. : Стандартинформ, 2014.

5. Применение травматического оружия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stepandstep.ru/catalog/learn-as/153917/update_Y/. – Дата доступа: 27.11.2016.

6. Травматический патрон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.findpatent.ru/patent/245/2453797.html>. – Дата доступа: 22.11.2016.

7. Травматический диагноз / Л.Б. Озерцовский, Д.Г. Гребнев, К.П. Головкин, Д.А. Альтов // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. – 2009. – № 8. – С. 66–68.

8. Травматическое оружие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://weaponplace.ru/travmaticheskoe_orugie.php. – Дата доступа: 22.11.2016.

9. Энциклопедия оружия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://weaponland.ru/publ/osa_svine_ne_tovarishh/3-1-0-791. – Дата доступа: 24.11.2016.

УДК 343.985

П.А. Божко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Толочко

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются вопросы реализации принципа законности оперативно-розыскной деятельности, в соответствии с которыми данная деятельность осуществляется в Республике Беларусь (на примере подразделений по борьбе с экономическими преступлениями). Уделяется внимание аспектам проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент, вопросам разграничения правомерного проведения данного оперативно-розыскного мероприятия и совершения провокации взятки или коммерческого подкупа, отмечается необходимость получения санкции прокурора для проведения определенного перечня оперативно-розыскных мероприятий.

Оперативно-розыскная деятельность – деятельность, осуществляемая в соответствии с настоящим законом государственными органами (далее, если не определено иное, – органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность) с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, направленная на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее, если не определено иное, – граждане), прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства [1].

Данная деятельность основывается на конституционных принципах законности, соблюдения прав и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также на принципах конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно.

Существование принципов оперативно-розыскной деятельности бесполезно, если в деятельности субъектов ОРД не имеет места реализация этих принципов. Подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (далее – подразделения БЭП) ввиду своей специфики проводят те или иные оперативно-розыскные мероприятия чаще, чем остальные. Обращаясь к аспектам реализации принципов ОРД в деятельности данных подразделений, следует, в первую очередь, остановиться на реализации ключевого общеправового принципа законности. Наглядно рассмотреть этот вопрос можно на разграничении оперативных экспериментов и провокаций.

Определение допустимых пределов (и с правовой, и с моральной точек зрения) проведения оперативных комбинаций и оперативных экспериментов, с тем чтобы они не переросли в провокации, и на сегодня остается острой проблемой [2].

По общему правилу побуждение, вызываемое ОРМ, в любом случае не должно провоцировать кого-либо на преступные действия или нарушать законные права и интересы граждан. Но сила воздействия и его направленность в зависимости от характера решаемых задач могут быть различными. Например, если с помощью комбинации необходимо побудить конкретное лицо к отказу от осуществления преступного замысла или к приостановлению подготовительных действий, то чем глубже, сильнее воздействие, тем оно более эффективно, результативно по своим последствиям.

Но такие воздействия целесообразно проводить лишь в отношении лиц, как правило, замышляющих совершить преступление впервые, под влиянием сложившейся неблагоприятной ситуации, когда есть убежденность, что с помощью нашего воздействия они твердо встанут на путь честной жизни.

Иное дело, когда приходится сталкиваться с субъектом продолжаемых или длящихся преступлений, с теми, у кого антиобщественные взгляды, убеждения и преступные намерения достаточно устойчивы. В этих случаях требуется в максимально короткие сроки не только собрать фактические данные, позволяющие привлечь подозреваемых к ответственности за содеянное, но и не допустить возможности нанесения ущерба. Такие задачи успешно решаются тогда, когда за поведением подозреваемых лиц установлен эффективный контроль и известны их намерения и способы действий.

Поскольку наиболее часто оперативные эксперименты проводятся сотрудниками подразделений БЭП в отношении лиц, вымогающих взятки либо участвующих в коммерческом подкупе, законодатель ввел жесткие правовые ограничения на проведение такого рода ОРМ, с тем чтобы оно не трансформировалось в провокацию. В уголовном законодательстве Республики Беларусь (ст. 396 УК) предусмотрена ответственность за инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа, под которой понимается «передача должностному лицу, работнику государственного органа либо иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя либо юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказания услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа».

Общественная опасность провокации взятки либо коммерческого подкупа заключается в том, что такими действиями не только подрывается репутация должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях, но и искусственно создается повод к возбуждению уголовного дела и его производству, тем самым отвлекаются силы и средства органов предварительного расследования от процессуальной деятельности по делам, по которым действительно совершено преступление. Этим и объясняется, что данное противоправное деяние отнесено к преступлениям против правосудия [3].

Рассматриваемое преступление является оконченным с момента попытки вручения должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции, лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно с момента начала непосредственного оказания такому лицу услуг имущественного характера.

С субъективной стороны это преступление совершается с прямым умыслом, при этом виновный осознает, что должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, не знает о том, что ему будут передаваться деньги или иное имущество либо оказываться услуги имущественного характера, и не давало на то согласия, однако, несмотря на это, предпринимает попытку передать их лично или через посредника. Целью действий виновного является искусственное создание видимости наличия доказательств того, что данное должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции, было намерено незаконно получить деньги, ценные бумаги, иное имущество, а равно воспользоваться услугами имущественного

характера за совершение в связи с занимаемым им служебным положением действий (или бездействия) в интересах дающего эти ценности или оказывающего услуги.

Исходя из УК, запрет на провокацию взятки или коммерческого подкупа адресован, прежде всего, субъектам ОРД. Иными словами, допуская проведение оперативного эксперимента в оперативно-розыскном законодательстве, государство вводит в уголовное законодательство жесткие ограничения для недопущения превращения этого ОРМ в провокацию.

Вместе с тем в теории уголовного права отмечено, что от провокации взятки либо коммерческого подкупа следует отличать случаи, когда должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, требует денежные средства или иные ценности и они передаются ему в целях его изобличения и задержания с поличным. Такие случаи не могут рассматриваться как провокация взятки либо коммерческого подкупа, поскольку, во-первых, передаче денег или иных ценностей предшествует требование об этом от указанных лиц и, во-вторых, передача вознаграждения производится с предварительным уведомлением об этом сотрудников соответствующих правоохранительных органов [4].

От провокации взятки следует отличать попытки раскрытия факта взяточничества. Допуская возможность совершения взяточничества, мы тем самым не создаем искусственно условий, способствующих предложению или получению взятки, не провоцируем эти действия, а создаем предпосылки для обнаружения уже имевших место фактов вымогательства взятки. Иными словами, такие действия не отражаются на решимости подозреваемых совершить преступление вообще. Создается лишь модель реальной ситуации, что позволяет взять под контроль ее развитие, получить изобличающие доказательства, задержать разрабатываемого с поличным [5].

Действия участников ОРМ по активизации поведения объекта мероприятия (например, обсуждение вопроса о передаче предмета взятки в более удобное время для проведения ОРМ), направление его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение (например, ориентирование преступника на объект, который заранее подготовлен для задержания с поличным, и обеспечение при этом безопасного проведения мероприятия), не образуют провокации преступления и соучастия в нем.

При проведении рассматриваемого ОРМ представляется недопустимым создание таких условий, при которых объект мероприятия лишен возможности избирательности поведения. Также представляется

недопустимым и побуждение к преступным действиям или вовлечение другого лица в совершение преступления с целью его дальнейшего разоблачения, если у такого лица отсутствовал умысел на совершение преступления. Инициатива на совершение преступления должна исходить только от объекта ОРМ, а не от оперативных сотрудников или конфиденентов.

Совершение объектом ОРМ деяния, содержащего признаки конкретного, предусмотренного уголовным законом, состава преступления, не является основанием для его освобождения от уголовной ответственности. Правомерные действия участников ОРМ, хотя формально они могут содержать признаки состава преступления (например, дача взятки), не являются преступлением. В частности, не является провокацией взятки или коммерческого подкупа проведение ОРМ, предусмотренного законом, в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки или имущественного вознаграждения при коммерческом подкупе.

Кроме того, УК предусмотрена уголовная ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного лица за фальсификацию доказательств, а также за провокацию взятки или коммерческого подкупа (ст. 393, 395 и 396 УК).

На практике использование материалов ОРД по делам о взяточничестве в качестве доказательств зависит, прежде всего, от способа их получения, содержания, момента поступления в уголовное дело. При оперативном эксперименте оперативные сведения могут являться лишь поводом для возбуждения уголовного дела [6].

Разграничение действий, направленных на выявление, пресечение или предупреждение преступлений с помощью методов ОРД, в том числе оперативного эксперимента и действий преступного характера, направленных на искусственное создание доказательств совершения преступления, связано с установлением и исследованием фактических обстоятельств дела, определением законности и обоснованности решений о проведении ОРМ [2].

В необходимости получения оперативным сотрудником санкции прокурора также просматривается реализация принципа законности, поскольку в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» прокуратура обеспечивает законность и осуществляет надзор за исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Соответственно, уполномоченный прокурор (или его заместитель) принимает решение о предоставлении санкции и таким образом определяет обоснованность проведения данного

оперативно-розыскного мероприятия. Без санкции прокурора оперативный сотрудник не имеет права проводить определенный ряд оперативно-розыскных мероприятий. К тем ОРМ, которые чаще всего проводятся сотрудниками БЭП и требуют санкции прокурора, относятся наведение справок о сведениях, составляющих банковскую, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль, вышеуказанный оперативный эксперимент.

В отдельных случаях проведение оперативно-розыскных мероприятий может осуществляться без санкции прокурора: в отношении отдельных категорий граждан; в случаях, не терпящих отлагательства; по заявлению гражданина; при сборе сведений и применении мер по обеспечению безопасности.

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Гояринова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2010.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М. : ИНФРА-М : НОРМА, 1996.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : науч.-практ. коммент. / отв. ред. В.М. Лебедев. – М. : Юрид. лит., 1998.

5. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – М., 1959.

6. Радачинский, С.Н. Уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа : учеб. пособие / С.Н. Радачинский. – М. : МарТ ; Ростов н/Д, 2003.

УДК 338.2

А.С. Бурак, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.И. Бородич

Рецензент – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Представлен взгляд автора на экономическую безопасность в контексте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и основных принципов, норм международного права.

Устойчивое и динамичное развитие экономики государства, ее эффективность и конкурентоспособность на мировых рынках тесно связаны с экономической безопасностью. Понятие «экономическая безопасность страны» отражает способность законодательной, исполнительной, судебной власти, соответствующих институтов (политических, правовых, экономических и др.) государства защищать интересы личности, общества и государства в рамках национальных традиций и ценностей, в том числе хозяйственных.

Из международного права известно, что обеспечение экономической безопасности – это одна из гарантий независимости страны, одно из условий стабильности и эффективной жизнедеятельности личности и общества, достижения успеха государства. Экономика представляет собой одну из жизненно важных сторон деятельности государства, общества, личности, и, следовательно, понятия международной безопасности, национальной безопасности будут просто словами без оценки жизнеспособности экономики государств, ее прочности при возможных внешних и внутренних угрозах. Поэтому обеспечение экономической безопасности государств принадлежит к числу важнейших как национальных, так и международных приоритетов.

Экономическая безопасность органически включена в систему национальной безопасности вместе с такими ее составными частями, как политическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая безопасность. Здесь все взаимосвязано, и одно направление дополняет другое. Например, не может быть политической, научно-технологической, военной безопасности при слабой экономике, как не может быть ни военной безопасности, ни эффективной экономики в обществе, с нездоровой социальной обстановкой. Но, рассматривая те или иные стороны безопасности, нельзя обойти их экономические аспекты.

Экономическая безопасность традиционно рассматривается как важнейшая качественная характеристика экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности личности, общества и государства, устойчивое обеспечение ресурсами хозяйства, а также последовательную реализацию национальных интересов.

Проблемы обеспечения экономической безопасности привлекают к себе все более пристальное внимание широких слоев населения – политических деятелей, ученых и др. Именно масштабы угроз и даже реальный урон, нанесенный экономической безопасности страны, выдвигают проблемы обеспечения экономической безопасности на авансцену

общественной жизни. Недопустимы легкомыслие и попытки преуменьшить грозящие опасности. Весьма велика и ответственна роль науки в разработке концепции экономической безопасности, раскрытии самой сути проблемы, выявлении реальных угроз, предложении надежных и эффективных методов их отражения.

Сущность экономической безопасности реализуется в системе критериев и показателей. Но для экономической безопасности значение имеют не сами показатели, а их пороговые значения, т. е. предельные величины, несоблюдение значений которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области экономической безопасности.

Таким образом, рассматривая сущность экономической безопасности, уточним само понятие «безопасность», которое «чаще всего трактуется как состояние защищенности от различных видов вызовов, рисков, опасностей и угроз» [1]. Белорусскими учеными определение безопасности в наиболее общем виде для социальных систем сформулировано как «защищенность жизненно важных интересов социальной структуры от внешних и внутренних угроз, где последние выступают или реализуются как противоположные, противоречивые интересы каждого элемента социального сообщества» [2]. Поэтому в современных условиях термин «безопасность» толкуется как ситуация спокойствия, отсутствия реальной опасности, а также материальные, экономические, политические условия, соответствующие органы и организации, способствующие созданию данного положения и обеспечивающие безопасность от нежелательных внешних воздействий и радикальных внутренних изменений.

Безопасность – это базовая, основополагающая потребность личности, общества и государства. В условиях современного рыночного хозяйствования сфера безопасного существования настолько сузилась, что так называемое «желательное состояние» субъекта определяется конкретным сочетанием параметров его жизнедеятельности. В зависимости от изменения этого сочетания будет меняться и понятие «желательные изменения». Не менее важным для субъекта является правильная оценка уровня своей безопасности, т. е. отражение ситуации в его сознании. Оценка безопасности субъектом может не совпадать с ее реальным уровнем. Причины неадекватного восприятия безопасности могут быть самыми различными: ограниченность знаний законов природы, отсутствие необходимого объема достоверной информации о событиях и обстановке, низкий уровень методов и оперативности обра-

ботки имеющейся информации, отсутствие навыков прогнозирования и предвидения последствий, особенности реальной обстановки и др.

Используя понятийно-категориальный аппарат Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [3], безопасность – это состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. Национальные интересы представляют собой совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь. Экономическая безопасность – это состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

Согласно п. 10 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в экономической сфере основными национальными интересами являются:

- экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений, снижения себестоимости, импортоемкости и материалоемкости производимой продукции;

- сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем;

- обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов;

- достижение уровня энергетической безопасности, достаточного для нейтрализации внешней зависимости от поступления энергоносителей;

- поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности;

- трансфер современных технологий в экономику страны преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов.

Исходя из национальных интересов, категориальный анализ экономической безопасности предполагает применение субъектно-объектного подхода, т. е. конкретизацию ее субъектов и тех сфер их жизнедеятельности, которые выступают объектами их отношений по поводу обеспечения потребности в защите от внутренних и внешних угроз. В качестве субъектов экономической безопасности предстают: государство, осуществляющее функции в этой области через Президента Республики Беларусь, органы законодательной, исполнительной и судебной власти;

граждане, общественные и иные организации и объединения, наделенные правами и обязанностями по участию в обеспечении экономической безопасности в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Белорусские ученые П.Г. Никитенко, В.Г. Булавко, с которыми нельзя не согласиться, субъектами обеспечения экономической безопасности определяют государство и его структуры, юридические и физические лица, иные субъекты хозяйствования. Основным субъектом экономической безопасности, обеспечивающим ее реализацию на национальном, общественном, государственном уровне, а также оказывающим большое влияние на реализацию экономической безопасности личности (граждан), является государство, осуществляющее управленческие функции в данной области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Субъектами системы обеспечения экономической безопасности являются Президент, Совет Министров, органы законодательной и исполнительной власти всех уровней, министерства и ведомства, предприятия и учреждения различных форм собственности, юридические и физические лица. Каждый из субъектов обеспечения экономической безопасности выполняет свои функции в определенной сфере хозяйственной, управленческой или организационной деятельности, реализуя меры экономического, правового, аналитического, оперативно-розыскного и иного характера в соответствии с компетенцией, возложенной на него законодательством Республики Беларусь [4].

Экономическая безопасность имеет как собственный объект экономическую систему, так и объекты на пересечении и взаимном проникновении (влиянии) с другими возможными сферами деятельности: политической, научно-технологической, социальной, демографической, информационной, военной, экологической.

Поэтому проблему экономической безопасности необходимо рассматривать в собственно экономической сфере, включая внутриэкономические и внешнеэкономические проблемы, в том числе проблемы на их стыке: в областях пересечения экономической сферы со смежными внешнеэкономическими сферами.

Следовательно, объектами экономической безопасности являются:

личность – ее конституционные, в том числе и экономические права, свободы и законные интересы;

общество – его материальные (материально-технические, сырьевые и энергетические ресурсы) и духовные ценности, система общественных отношений, охраняемых нормами права;

государство – его независимость, территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй, в том числе и экономическая система, институты и учреждения (соответствующие органы, создаваемые Президентом, комитеты Парламента, функциональные и отраслевые министерства, госкомитеты; налоговые и таможенные службы; банки, биржи, страховые компании, предприятия) [5].

Исходя из субъектно-объектного подхода, предметом государственной деятельности в области экономической безопасности являются:

определение и мониторинг факторов, подрывающих устойчивость социально-экономической системы и государства;

формирование экономической политики и институциональных преобразований, устраняющих или смягчающих вредное воздействие этих факторов.

На основании вышеизложенного целесообразно сделать вывод о том, что содержание деятельности в области экономической безопасности государства может включать:

определение национальных экономических целей и приоритетов, исходя из сбалансированных интересов личности, общества и государства;

формирование социально-экономической модели;

планирование (долгосрочное, среднесрочное, краткосрочное) реализации национальных экономических целей;

выявление и преодоление внутренних и внешних угроз, создающих опасность сбалансированным интересам личности, обществу и государству;

разработка системы категорий, показателей состояния экономики в качестве ориентиров;

определение и мониторинг факторов, подрывающих экономическую безопасность;

разработка научно обоснованных прогнозов изменения внутренних и внешних факторов, влияющих на экономическую безопасность;

создание системы контроля за реализацией национальных экономических целей;

определение основных направлений деятельности органов государственного управления, совершенствование регулирования правоотношений в области экономической безопасности;

организация и проведение научных исследований в области экономической безопасности;

надзор и контроль за соблюдением законности.

Не принижая важности решения проблемы безопасности во всех областях и сферах деятельности (политической, научно-технологической,

социальной, демографической, информационной, военной, экологической), следует указать на роль экономики, как базисную составляющую личности, общества и государства. Производство, обмен, распределение и потребление материальных благ первичны по отношению к другим непроектным сферам деятельности, они определяют жизнедеятельность и жизнеспособность личности, общества и государства. Базисный характер экономики формирует цели, задачи и функции государственных структур, а также критерии и показатели экономической безопасности.

Экономическая безопасность имеет достаточно сложную внутреннюю структуру. Анализ реальных процессов и осмысление отечественного и зарубежного опыта решения экономической безопасности, как указывает Л.И. Абалкин, позволяет выделить следующие элементы: экономическую независимость; стабильность и устойчивость национальной экономики; способность к саморазвитию и прогрессу [6].

Экономическая независимость в условиях современного мира не носит абсолютного характера. Исходя из этого, вопросы экономической безопасности приобретают первостепенное значение в спектре проблем международного права в области безопасности. Особую значимость они приобретают в период реформирования общественно-экономических отношений и их трансформации в процессе развития рыночных отношений. Механизм экономической безопасности играет роль в отношении субъектов международного права, особенно при проявлении негативных тенденций в сфере их экономических отношений. Поэтому сущность международной экономической безопасности составляет состояние мирового хозяйства и международных экономических отношений, при котором в полной мере обеспечивается стабильное экономическое развитие государств, а также создаются все необходимые условия для взаимовыгодного экономического сотрудничества. Понятие международной экономической безопасности исключает противоправное применение экономической силы. Как и любая другая система мер, международная экономическая безопасность подвержена определенным угрозам. К наиболее распространенным угрозам экономической независимости относятся нежелательные последствия экономических решений, которые не согласовывались между странами, стихийные разрушения условий мирового экономического развития и сознательная экономическая агрессия со стороны иных государств и др. Таким образом, экономическая независимость означает возможность контроля государства за ресурсами, достижение такого уровня производства, эффективности и качества продукции, который обеспечивает ее конкурентоспособность и позволя-

ет на равных участвовать в мировой торговле, кооперационных связях и обмене научно-техническими достижениями и др.

Стабильность и устойчивость национальной экономики предполагает защиту собственности во всех ее формах, создание надежных условий и гарантий для предпринимательской активности, сдерживание факторов, способных дестабилизировать состояние экономической безопасности (противодействие преступности в сфере экономики, недопущение серьезных разрывов в распределении доходов, грозящих вызвать социальные волнения и т. д.);

Способность к совершенствованию и прогрессу в условиях глобализации предполагает создание благоприятной обстановки для инвестиций и инноваций, модернизация производства, повышение профессионального мастерства, образовательного уровня специалистов становятся необходимыми и обязательными условиями устойчивости и самосохранения экономики государства.

Таким образом, сущность экономической безопасности можно определить как состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов государства. Иными словами, экономическая безопасность – это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

1. Прохожев, А.А. Теория развития и безопасность человека и общества / А.А. Прохожев. – М., 2006.

2. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М.В. Мясникович [и др.]. – Минск : ИООО «Право и экономика», 2003.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. : в ред. от 24 янв. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.

4. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. П.Г. Никитенко, В.Г. Булавко ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2009.

5. Моисеенко, Е.Г. Экономическая безопасность государства (понятие, содержание, структура, система) : монография / Е.Г. Моисеенко. – Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2001.

6. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопр. экономики. – 1994. – № 12.

Е.Д. Вислобов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
О.С. Буйкевич

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Г. Сачек*

СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Освещается вопрос деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь по обеспечению экономической безопасности государства. Анализируются полномочия отдельных правоохранительных органов, а также проблемы их взаимодействия между собой.

В обеспечении экономической безопасности государства принимают участие все ветви государственной власти, а также их многочисленные структурные подразделения.

Анализ Концепции национальной безопасности Республики Беларусь дает основание сделать вывод о том, что система государственных органов, обеспечивающих экономическую безопасность Республики Беларусь, состоит из трех блоков [1]:

1. Высшие органы государственного управления: Президент Республики Беларусь, а также формируемые им органы (Администрация Президента Республики Беларусь и Совет Безопасности Республики Беларусь), Национальное собрание Республики Беларусь и Правительство (Совет Министров Республики Беларусь);

2. Республиканские органы государственного управления, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь;

3. Контрольно-надзорные и судебные органы.

При этом следует учитывать, что весь государственный аппарат как целостная и иерархическая система государственных органов, учреждений и организаций в рамках своей компетенции принимает участие в обеспечении экономической безопасности государства.

К силам обеспечения национальной безопасности относятся Вооруженные Силы, органы государственной безопасности, органы пограничной службы, внутренние войска Министерства внутренних дел, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, другие воинские

формирования Республики Беларусь, Следственный комитет, органы внутренних дел, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, органы финансовых расследований, таможенные органы, орган финансового мониторинга, подразделения (службы) иных государственных органов, обеспечивающие безопасное ведение работ в промышленности, энергетике, на транспорте, безопасность связи и информации, а также охрану окружающей среды, и другие. При этом следует отметить, что большинство перечисленных структур относится к правоохранительным органам.

В белорусском законодательстве понятие «правоохранительный орган» и его место в системе сил обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь не определено. Можно отметить то, что и единого нормативного определения указанного понятия не существует.

Вместе с тем вполне очевидно, что значительные усилия государства направлены на создание устойчивой и надежной правоохранительной системы, на которую возложены важнейшие задачи по реализации его внутренних и внешних функций. Именно правоохранительные органы обеспечивают законность и правопорядок, защиту прав и свобод граждан, государственных и общественных интересов, ведут борьбу с преступностью и иными правонарушениями. Все это и обуславливает их особую роль в обеспечении экономической безопасности государства [2, с. 132–134].

Хотелось бы отметить, что в современной юридической литературе нет единства взглядов ученых-правоведов на понятие «правоохранительные органы», в отношении его до сих пор продолжаются дискуссии. Последнее в немалой степени вызвано и тем, что, с одной стороны, понятие «правоохранительные органы» объективно существует и активно используется как в юридической доктрине, так и на практике, а с другой – имеется неопределенность в отношении законодательного закрепления понятия «правоохранительные органы», определения их видов [3, с. 108–110; 4, с. 342–344].

К правоохранительным органам, участвующим в обеспечении экономической безопасности в Республике Беларусь, мы можем отнести Комитет государственного контроля Республики Беларусь, Департамент финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции Ми-

нистерства внутренних дел Республики Беларусь, Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и др.

Большинство полномочий вышеперечисленных правоохранительных органов регламентируются внутриведомственными нормативно-правовыми актами и инструкциями, которые являются информацией ограниченного доступа, в связи с этим не все полномочия указанных органов могут быть рассмотрены в настоящей работе.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 142-З «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» к числу основных задач Комитета государственного контроля и его территориальных органов в сфере обеспечения экономической безопасности относятся:

защита интересов государства от противоправных посягательств в экономической сфере, обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь;

осуществление государственного контроля за эффективным и рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности;

осуществление государственного контроля за исполнением актов Президента Республики Беларусь, Парламента Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь и других государственных органов, регулирующих отношения государственной собственности, хозяйственные, финансовые и налоговые отношения, а также по иным вопросам;

проведение комплексных мероприятий по выявлению системных нарушений законодательства и отрицательных тенденций в экономике и социальной сфере;

выявление неиспользуемых резервов повышения эффективности экономической деятельности, развития реального сектора экономики;

предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в экономической сфере;

принятие эффективных мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности.

Также Комитет государственного контроля и его территориальные органы осуществляют в пределах своей компетенции государственный контроль за различными сферами хозяйственной деятельности, в том числе по вопросам аренды, а также приватизации и иного распоряже-

ния объектами государственной собственности, в сфере инвестиций, за соблюдением государственными органами, банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями, иными организациями и индивидуальными предпринимателями законодательства, регулирующего использование кредитных и валютных средств, финансово-хозяйственной деятельностью государственных органов, в том числе дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь, и др.

Комитет государственного контроля и его территориальные органы в пределах своей компетенции также осуществляют в порядке, установленном законодательными актами, координацию плановых проверок, проводимых контролирующими органами, принимают меры профилактики правонарушений в экономической сфере, участвуют в установленном порядке в борьбе с коррупцией и организованной преступностью, в том числе во взаимодействии с другими государственными органами.

Самостоятельными правоохранительными органами являются органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, которые призваны обеспечивать экономическую безопасность Республики Беларусь в соответствии с задачами, возложенными на них Законом Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» и иными законодательными актами.

Согласно ст. 2 указанного закона к основным задачам органов финансовых расследований относятся:

защита интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств в экономической сфере, обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь;

защита прав и законных интересов граждан и организаций в экономической сфере;

профилактика, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений в экономической сфере, в том числе коррупционных правонарушений;

производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией.

Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь относится к структурному подразделению Комитета государственного контроля Республики Беларусь, обладающему специальными компетенциями в сфере обеспечения экономической безопасности, который является органом финансового мониторинга, уполномоченным в соответствии с законодательством осуществлять деятельность по предотвращению легализации доходов, полученных

преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения.

Основные задачи Департамента определены в Положении о Департаменте финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 г. № 408 «Об образовании Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь».

Департамент финансового мониторинга для выполнения своих задач и функций осуществляет также специальные полномочия, предусмотренные ст. 9, 11 и 13 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения».

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» органы государственной безопасности относятся к правоохранительным органам по обеспечению экономической безопасности, к основным задачам которых в данной сфере можно отнести следующие:

защита независимости и территориальной целостности Республики Беларусь, обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в политической, экономической, военной, научно-технологической, информационной, социальной, демографической и экологической сферах;

оценка текущего состояния национальной безопасности Республики Беларусь, прогнозирование его развития, а также разработка и осуществление комплекса мер по предупреждению и выявлению угроз национальной безопасности Республики Беларусь, внесение в соответствии с законодательством Республики Беларусь предложений Президенту Республики Беларусь по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь.

Также органы государственной безопасности в пределах своей компетенции осуществляют внешнюю разведку в политической, экономической, военной, научно-технологической, информационной, социальной, демографической и экологической сферах в соответствии с законодательством Республики Беларусь о внешней разведке.

Хотелось бы отметить, что Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Министерства внутрен-

них дел Республики Беларусь также являются правоохранительными органами, наделенными полномочиями в сфере обеспечения экономической безопасности.

Относя ОВД к числу субъектов обеспечения экономической безопасности, законодатель возложил на них задачу по осуществлению противодействия негативным факторам и возникающим угрозам, в том числе и в экономической сфере. Следует отметить, что правоохранительная деятельность ОВД носит универсальный характер – от профилактики правонарушений до привлечения виновных к административной ответственности в соответствии с ПИКоАП и производства дознания по уголовным делам.

В частности, на Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь возлагаются такие задачи как противодействие коррупции в органах государственной власти и приоритетных отраслях экономики, пресечение и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений общекриминальной и экономической направленности, совершаемых организованными группами, и др.

Компетенция указанных подразделений ОВД содержится в ведомственных нормативно-правовых актах и инструкциях, которые являются информацией ограниченного пользования. Следует отметить, что полномочия данных органов очень схожи, а в некоторой части дублируются с полномочиями органов финансовых расследований.

К числу правоохранительных органов относятся и таможенные органы Республики Беларусь, деятельность которых также направлена на обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь. Отличительной особенностью таможенных органов как правоохранительных органов является то, что не все функции, отнесенные к их компетенции, носят явно выраженный правоохранительный характер.

Исходя из содержания п. 8 гл. 3 Положения о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь (утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228), основными задачами Государственного таможенного комитета как правоохранительного органа являются:

обеспечение в пределах своей компетенции экономической безопасности Республики Беларусь, защиты ее экономических интересов;

организация борьбы с контрабандой и иными преступлениями, дознание по которым отнесено к компетенции таможенных органов, административными правонарушениями, ведение административного процесса по которым отнесено к компетенции таможенных органов.

Государственный таможенный комитет в соответствии с возложенными на него задачами также информирует Президента Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь и Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь об угрозах экономической безопасности Республики Беларусь, принимает участие в разработке проектов нормативных правовых актов, определяющих правовой, экономический и организационный механизмы реализации государственной таможенной политики, вносит в установленном порядке предложения о совершенствовании мер тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности и др.

Исходя из изложенного, представляется возможным оптимизировать работу правоохранительных органов в рассматриваемой сфере путем разработки нормативно-методических рекомендаций по их взаимодействию при выявлении и пресечении экономических правонарушений, обмене информацией, направлении запросов и получении документов, сведений, необходимых для осуществления их деятельности, и в других формах.

В целом следует отметить, что теоретическая проработка проблем правового обеспечения деятельности правоохранительных органов имеет важное значение с точки зрения как правоохранительной практики, так и необходимости совершенствования законодательства в целях повышения эффективности правовых средств воздействия на преступность в сфере экономики и обеспечения экономической безопасности.

Законодатель по-прежнему ориентирует правоохранительные органы на выявление, предупреждение и пресечение конкретного правонарушения.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Гуценко, К.Ф. Правоохранительные органы : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.

3. Коваль, Н.В. К вопросу об определении правоохранительного органа в законодательстве Украины / Н.В. Коваль // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 108–110.

4. Лось, С.Л. Правоохранительная деятельность – основа для выделения правоохранительных органов / С.Л. Лось // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования : материалы респ. науч. конф. / под ред. В.К. Гавло, В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул, 2001. – С. 342–346.

УДК 366.542

С.А. Воловик, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
И.Н. Яхновец

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Рассматриваются случаи информационной фальсификации, раскрываются такие понятия, как «обман потребителей», «информационная фальсификация», а также рассматриваются объекты и способы фальсификации, методы выявления и способы защиты от ее.

Потребности покупателей в различных товарах и услугах обеспечивают торговые предприятия, производители и исполнители работ и услуг. Однако формирование рыночных отношений в Республике Беларусь наряду с положительным явлением – насыщением рынка разнообразными товарами и услугами – приводит к проявлению и негативных явлений, например обман потребителей. Под обманом потребителей, влекущим уголовную ответственность, понимается обман покупателей, заказчиков или иных потребителей работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, осуществляющим реализацию товаров, выполнение работ или оказание услуг, либо обман потребителей индивидуальным предпринимателем, осуществляющим такую же деятельность, совершенный в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение либо в значительном размере [1, ст. 257].

В зависимости от используемых средств обмана потребителей, сходства свойств заменителя фальсифицируемого продукта стоит рассмотреть такой способ фальсификации, как информационная фальсификация.

Информационная фальсификация – обман потребителя с помощью неточной или искаженной (ложной) информации о составе и/или свойствах товара [5, с. 44]. Такой вид фальсификации осуществляется с помощью искажения информации. В таких документах, как товарно-сопроводительные документы, сертификаты, маркировка и реклама. Неполная либо искаженная информация о свойствах, а также составе, служит причиной полагать подделку натурального продукта фальсифицированным товаром. Одной из разновидностей информационной фальсификации

сификации товара иногда является фальсификация с помощью упаковки, чаще всего производственной и потребительской [5, с. 46]. Часто крупные производители с помощью упаковки придают неповторимый вид товару, которая служит с целью идентификации товара потребителем, в результате чего создаются потребительские предпочтения. Объектом фальсификации в большинстве случаев является заманчивая по внешнему виду упаковка, имитирующая продукт высокого качества, хотя содержимое упаковки чаще всего оказывается фальсифицированным.

Фальсифицируют не только упаковку, но и товарно-сопроводительные документы, причем очень часто подделывают накладные и сертификаты. В последнее время распространенным видом фальсификации документов стала подделка сертификатов. При инспекционном контроле в ряде случаев обнаруживаются до 50 % фальшивых сертификатов, подлежащих аннулированию [5, с. 46].

В товарно-транспортных накладных на фальсифицированные товары чаще всего подделывается наименование товара, довольно часто – название изготовителя. Обнаружить подделку этих реквизитов в накладной можно только идентификацией товара на ассортиментную принадлежность и происхождение, а также количественным измерением всей товарной партии (перевешиванием, пересчетом, обмериванием) [5, с. 46].

Очень часто покупатели жалуются на реализацию им фальсифицированных пищевых продуктов, например, мясорастительных сосисок, но при анализе жалобы чаще всего выясняется, что признаки фальсификации отсутствуют, так как на маркировке товара полностью указаны состав продукта и его назначение.

Правила доведения информации о свойствах и составе товара до потребителей в Республике Беларусь установлены в Законе «О защите прав потребителей», где определено, как и на каком товаре должна указываться информация. В соответствии с этим законом неупоминание маркировки может служить основанием для определения информационной фальсификации и отнесения данного товара к фальсификату.

В большинстве случаев искажаются или указываются такие неточные данные, как:

- фирма-изготовитель товара и его почтовый адрес;
- наименование товара и его логотип;
- страна происхождения товара;
- условия и сроки хранения;
- количество товара;
- состав продукта.

Распространены случаи, когда страна происхождения указана неправильно или вовсе отсутствует информация. В такой ситуации фальсифицируется штриховой код. На рынки Республики Беларусь в неограниченных количествах поступают отечественные, а также импортные товары, без указания страны происхождения и фирм изготовителя. Также имеются случаи подделки под фирменные продукты, которые уже завоевали признательность у потребителя. Например, широко известна французская компания «Lacoste», а на рынке довольно часто встречается продукция под названием «Lacoste», которая по качеству намного отличается от уже признанного бренда. В большинстве случаев подделке подвержены фирменные и товарные знаки предприятий, у которых заслуженно высокая репутация благодаря высокому качеству продукции. В данном случае моральный вред и материальный ущерб несет не только предприятие, но и потребитель, купив фальсифицированный товар низкого качества с фирменным знаком известного предприятия-изготовителя, после чего утрачивает к нему доверие. Авторское право изготовителя на его фирменный знак защищено Законом Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания».

Орган по сертификации продукции общества с ограниченной ответственностью «СертЭксперт» выделяет такие методы выявления фальсификации, как:

- органолептические;
- регистрационные;
- расчетные;
- измерительные;
- экспертные.

Органолептический метод – это метод, в основе которого лежит определение показателей посредством использования органов чувств человека: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса. Показатели в этом случае имеют балловую систему. Этот метод достаточно доступен и прост, но не в полной мере объективен.

Регистрационный метод – наблюдение и подсчет предметов, событий, явлений, затрат, случаев.

Расчетный метод основан на расчетных методах определения показателей качества с помощью математических формул, когда за априорную информацию берутся показатели, полученные иными методами.

Измерительный метод является собой наиболее точный и объективный способ получения результатов. При таком методе используются высокотехнологичные технические средства измерений. Но есть и у этого

метода свои косвенные трудности – он требует высочайшей квалификации сотрудников и значительных затрат как времени, так и материальных ресурсов.

Экспертный метод – это метод, при котором определение показателей сводится к обобщению мнений группы специалистов (7–12 человек) [4].

Информационная защита товаров – это комплексная задача, состоящая из нескольких направлений.

Для противодействия фальсификации продукта (товара) продавцы приносят в его оформление элемент защиты, который затруднительно воспроизвести, либо влечет за собой уголовную ответственность за подделку торговой марки или защищенных патентами элементов продукции. К методам (элементам) защиты предъявляются следующие основные требования:

стоимость упаковки товара. Упаковка не должна стоить слишком дешево, так как чем дешевле она, тем легче ее подделать. Если фальсификация обходится в несколько раз дороже оригинала, то она потеряет всякий смысл. Но стоит отметить также то, что стоимость упаковки добавляется к стоимости товара, снижая его конкурентоспособность, и поэтому производителю нужно выбрать максимально оптимальный вариант в каждом конкретном случае;

использование защиты одновременно нескольких уровней – например, визуальной для потребителя и специальной для экспертов [3];

сохранение механической целостности защитных элементов и элементов упаковки в процессе перехода товара от производителя к потребителю и доступность проверки целостности на любом этапе [5];

режимная и правовая защита подразумевает под собой доступность контроля за производством самих защитных элементов.

В соответствии с этим наибольшее применение нашли следующие способы защиты продукции от подделки:

– *голограммы на фольге* выполняют на самоклеящейся, разрушающейся при попытке снять ее, клеевой основе или фольге горячего тиснения с применением защитных элементов [3];

– *упаковка*. В качестве идентификатора продукции часто применяют упаковки с уникальным дизайном с целью защиты продукции, используют защитные самоклеящиеся материалы, которые помогают сохранить все виды упаковки от подмены, воровства, реимпорта, вскрытия или неправильного использования [4];

– *наклейки и этикетки*. Наклейка и этикетка со штрих-кодом содержат кодированную информацию о товаре и компании, реализующей

товар [3]. При использовании такого способа защиты, этикетка предназначена не только для его защиты, но и становится средством идентификации товара;

– *применение флуоресцентных красок и люминофоров*. Основа флуоресцентных красок – люминофор – вещество, способное преобразовывать поглощаемую им энергию в световое излучение (люминесцировать). Физическая природа люминесценции состоит в излучательных переходах электронов атомов или молекул из возбужденного состояния в основное [4]. Такая упаковка показывает, не нарушены ли были условия хранения (определенные этикетки в тепле меняют цвет фона). Также эта особенность позволяет удостовериться в подлинности товара.

Модификации изображения штрихового кода:

1. *Светомаскировка* (цель эксперимента – получение малозаметного или невидимого невооруженным глазом цветного штрихового кода на цветной подложке, проявление и регистрирование которого сканирующим устройством происходило бы только при наличии ультрафиолетового излучения) [4];

2. *Словная блокировка частей штрихового кода* (цель эксперимента – искажение кода с возможностью регистрирования его только при нанесении флуоресцентной краски на затемненную область и при воздействии ультрафиолетового излучения) [3]. **Microsoft Tag** – двумерный цветной штриховой код, разработанный Microsoft. Код был специально разработан для распознавания при помощи фотокамер, встроенных в мобильные телефоны. Предназначен для быстрой идентификации и получения на устройство заранее подготовленной информации, привязанной к коду и хранящейся на сервере компании Microsoft [7];

3. *Крейзинг* (перспективным приемом нанесения вещества на полимерную пленку и введения его в структуру поверхностного слоя без использования связующего является технология крейзинга, позволяющая закрепить молекулы или коллоидные частицы вещества в наноструктуре микротрещин в самой упаковке, которые под действием УФ-излучения фотодимеризовываются [6].

Стоит отметить, что все вышеперечисленные методы имеют такие общие недостатки, как необходимость специального оборудования, при нанесении/изготовлении, переработка вторичного материала, высокая цена производства, что, соответственно, влияет на конечную стоимость товара. Мы полагаем, что использование того или иного средства защиты от подделки в ряде случаев нецелесообразно. При выборе форм и средств защиты самая распространенная ошибка – это использование

какой-либо одной меры или метода. Товар может считаться полностью защищенным лишь при использовании оптимальных сочетаний и комбинаций всех приведенных форм и методов защиты. Необходимость в ужесточении мер по борьбе с фальсифицированной продукцией можно обосновать тем, что в настоящее время все чаще встречаются случаи обмана, продажи фальсифицированных товаров, производимых завоевавшими доверие зарубежными фирмами.

Особо следует отметить, что фальсификаторы подделывают только тот товар, который есть смысл подделывать, т. е. стоимость фальсификации не только окупится, но и позволит получить прибыль. В случаях когда стоимость поддельного товара равна или почти равна по стоимости оригиналу, подделывание его является нецелесообразным с экономической точки зрения. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что производитель должен выбрать такое средство борьбы, на которое он затратит минимум средств, но создаст большие или непреодолимые препятствия для фальсификаторов.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июля 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июля 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Лесняк, В. Маркировка – способ решения проблемы подделки и идентификации товаров / В. Лесняк // Склад и Техника. – 2004. – № 9.

4. Методы борьбы с фальсификацией и способы ее обнаружения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sertexp.ru/statya/zashita_ot_falsifikata. – Дата доступа: 29.12.2016.

5. Чепурной, И.П. Защита прав потребителей. Виды и способы обмана покупателя / И.П. Чепурной. – Ростов н/Д, 2003. – 416 с.

6. Нанодисперсный полимерный пленочный материал для защищенной полиграфии с «водяным знаком» : пат. № 98354, Рос. Федерация: МПК В41М3/10 / Е.Б. Баблюк (RU), А.П. Кондратов (RU), М.А. Дрыга (RU) ; заявитель и патентообладатель ГОУ ВПО МГУП : заявка № 2010120835/12; заявл. 25.05.2010; дата публ.: 20.10.2010.

7. ОАО «Центр информационных ресурсов ЖКХ и С» МО «ЛМР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gkhlen.ru/web/pages/wNews.php?nzp_loc=1&nzp_news=293. – Дата доступа: 29.12.2016.

УДК 342.9

Д.Г. Галабурда, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
И.В. Козелецкий

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются проблемные аспекты административно-правового регулирования организации и функционирования системы республиканских органов государственного управления Республики Беларусь. Формулируются научно обоснованные предложения по совершенствованию механизма функционирования республиканских органов государственного управления, оптимизации их системы и структуры.

Ни одно современное государство не может существовать без системы органов государственного управления. За последние годы в Республике Беларусь в соответствии с указами Главы государства система республиканских органов государственного управления (РОГУ) неоднократно перестраивалась, видоизменяясь и адаптируясь к современным условиям общественной жизни. Вместе с тем приходится констатировать ряд существенных законодательных противоречий, негативно сказывающихся на эффективности принимаемых мер государственного воздействия в этом направлении. При этом сопоставление функций различных государственных органов позволяет говорить о том, что проводимая оптимизация государственного аппарата имеет далеко идущие перспективы к расширению.

Ведя речь о проблемах организации и функционирования системы РОГУ, прежде всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в системе законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих организацию государственного управления в Республике Беларусь, не содержится определения понятия «республиканский орган государственного управления». Не выработано консенсуса в вопросе о единообразном понимании указанного термина в учебной и научной литературе, где его содержание сводится от трактовки РОГУ как системы лишь органов исполнительной ветви власти до государственных органов, функционирующих в рамках иных ветвей власти [1–3].

Узкий подход к определению указанного понятия связан с действием Указа Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 «О струк-

туре Правительства Республики Беларусь», где говорится о системе республиканских органов государственного управления, *подчиненных Правительству Республики Беларусь*. Учитывая, что в иных нормативных правовых актах указанное понятие не разъясняется, в научный оборот оно вошло именно в таком значении, и в отечественной учебной и научной литературе данный термин преимущественно употребляется в узком значении, ограничиваясь сферой организации и деятельности государственных органов исполнительной ветви власти.

Устранению пробелов и правовой неопределенности, связанных с неоднозначностью понимания и использования понятия «республиканские органы государственного управления», должна служить необходимость нормативного закрепления легального определения указанного понятия в п. 3 ст. 3 «Государственный орган» Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», активно использующего указанный термин, но не разъясняющего его.

Комплексный теоретико-правовой анализ указанного понятия позволяет говорить о том, что под республиканским органом государственного управления следует понимать структурную единицу государственного аппарата, представляющую собой образованную Президентом Республики Беларусь в соответствии с Конституцией и иными законодательными актами Республики Беларусь организацию, наделяемую правовым статусом министерства или государственного комитета и по существу представляющую собой интегрированное единство взаимосвязанных подразделений, призванных реализовывать в качестве основного направления своей деятельности одну или несколько государственных функций и наделяемых в связи с этим государственно властными полномочиями в соответствующей сфере (области) государственной деятельности, которые реализуются ими на всей территории Республики Беларусь.

Вопрос нормативного правового определения понятия «республиканский орган государственного управления» и связанная с ним проблема соотношения этого понятия с понятием «орган исполнительной власти» указывают на целесообразность нормативного определения также второго из указанных понятий. Теоретико-правовой анализ данного понятия в соотношении с понятием «республиканский орган государственного управления» позволяет определять понятие «орган исполнительной власти» как относительно самостоятельную и обособленную часть системы органов исполнительной власти, непосредственно возглавляемую Советом Министров, которая призвана в порядке исполнительно-распорядительной деятельности осуществлять от имени и по поручению государства, в объеме предоставленных ему

государственно-властных полномочий повседневное и непосредственное руководство объектами хозяйственного, социально-культурного и административно-политического строительства.

Результаты теоретико-правового анализа понятия «республиканский орган государственного управления» позволяют утверждать, что под все критерии отнесения государственного органа к указанной категории подпадает и Совет Министров Республики Беларусь, который, однако, в отдельных действующих нормативных правовых актах преимущественно подзаконного характера называется центральным органом государственного управления и не включается в систему республиканских органов государственного управления, применяясь вместе с последним через разделительный союз «или».

Учитывая вышеизложенное, в целях систематизации практики применения указанного понятия целесообразно внести изменения в ст. 1. Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь», изложив ее в следующей редакции: «Совет Министров Республики Беларусь – Правительство Республики Беларусь является коллегиальным *центральным* (выделено нами – Д.Г.) республиканским органом государственного управления Республики Беларусь, осуществляющим в соответствии с Конституцией Республики Беларусь исполнительную власть в Республике Беларусь и руководство системой подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, а также местных исполнительных и распорядительных органов.»

Основным нормативным правовым актом, регулирующим организацию системы республиканских органов государственного управления в Республике Беларусь, является Указ Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 «О структуре Правительства Республики Беларусь», который, как показывает анализ его содержания, раскрывает не структуру Совета Министров Республики Беларусь как центрального органа государственного управления (на что указывает название данного документа), а его состав, а также систему и структуру республиканских органов государственного управления и организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь.

Это обстоятельство позволяет констатировать несоответствие содержания указанного нормативного правового акта его названию и связанной с этим необходимостью изменения действующей редакции его названия, которое целесообразно осуществить вместе с иными изменениями и дополнениями, в том числе предлагаемыми в тексте настоящей работы.

Важнейшей организационной формой работы Совета Министров как республиканского органа государственного управления выступает

заседание Президиума Совета Министров. Вместе с тем согласно п. 1.9. Указа Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 «О структуре Правительства Республики Беларусь» Президиум признается постоянно действующим органом Совета Министров Республики Беларусь и действует в составе Премьер-министра Республики Беларусь, Главы Администрации Президента Республики Беларусь, Председателя Комитета государственного контроля, заместителей Премьер-министра Республики Беларусь, Министра экономики, Министра финансов, Министра иностранных дел.

Однако ст. 34 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь» наряду с вышеприведенными должностными лицами включает в состав Президиума Совета Министров также председателя Правления Национального банка Республики Беларусь.

Проведенное исследование позволяет констатировать отсутствие у председателя Правления Национального банка Республики Беларусь нормативно закрепленного полномочия на принятие участия в деятельности и выработке решений Президиума Правительства Республики Беларусь.

Урегулирование создавшейся коллизии возможно посредством исключения фразы «Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь» после слова «Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь» из ст. 34 «Президиум Совета Министров Республики Беларусь» Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь».

Являясь республиканскими органами государственного управления и разновидностью государственных органов, министерства и государственных комитеты обладают всеми чертами последних. В то же время, осуществляя особый вид государственной деятельности, они обладают специфическими признаками, которые в совокупности с общими определяют их правовой статус, характеризуют роль и место в системе государственного управления. Эти признаки проявляются в особенностях их предмета деятельности, компетенции, средств ее реализации и обеспечения, форм и методов работы.

В целях совершенствования организации и деятельности министерств и государственных комитетов, более четкого установления их правового статуса необходимо произвести унификацию республиканских органов государственного управления по компетенционно-функциональному характеру их управленческой деятельности. В этой связи министерства следует относить к отраслевым органам управления, а государственные комитеты – к межотраслевым.

По содержанию компетенции традиционно выделяется три группы республиканских органов государственного управления: отраслевые, функциональные и функционально-отраслевые, в зависимости от приоритета тех или иных функций.

Вместе с тем изучение административно-правового регулирования статуса Совета Министров Республики Беларусь, а также имеющихся теоретических данных о его функциональной природе позволяет говорить о Правительстве как о центральном республиканском органе государственного управления. С учетом приведенного умозаключения система республиканских органов государственного управления по компетенционному критерию может быть представлена следующим образом:

центральный республиканский орган государственного управления (Совет Министров Республики Беларусь);

отраслевые республиканские органы государственного управления (министерства);

межотраслевые республиканские органы государственного управления (государственные комитеты).

В действующем законодательстве нет комплексного нормативного акта, закрепляющего правовой статус министерств, государственных комитетов Республики Беларусь. В связи с этим существует объективная необходимость в разработке таких комплексных актов, как Типовые положения «О статусе министерства Республики Беларусь», «О статусе государственного комитета Республики Беларусь», а также единого законодательного акта, который в систематизированном виде закрепил бы правовое положение органов исполнительной власти – министерств и государственных комитетов: их понятие, систему, принципы ее построения.

В основу организационного построения структурных подразделений республиканских органов государственного управления заложено сочетание производственно-отраслевого и функционального принципов. Соответственно, основными звеньями их организационной структуры являются производственно-отраслевые в сочетании с функциональными.

Первым из них непосредственно подчиняется определенная группа подведомственных данному органу предприятий, организаций и учреждений, в отношении которых производственно-отраслевые подразделения министерства (государственного комитета) располагают необходимыми государственно-властными полномочиями, осуществляют ими оперативное руководство и отвечают за состояние их организации и деятельности.

Функциональными подразделениями министерств (государственных комитетов) являются управления, отделы: планово-экономический, производственный, проектирования и капитального строительства, финансовый, отдел труда и заработной платы, бухгалтерия и др. Они осуществ-

влияют деятельность в пределах всей системы соответствующего министерства (государственного комитета) и его центрального аппарата.

Вместе с тем, говоря о функциональной системе республиканских органов государственного управления, необходимо принимать во внимание, что наряду с основным функциональным звеном системы государственного управления (отличительным признаком которого является выполнение стоящих перед органом основных задач) следует выделять также обеспечивающие (обслуживающие) функциональные звенья этой системы.

К обслуживающим (обеспечивающим) звеньям аппарата министерств (государственных комитетов) относятся: секретариаты руководителя и его заместителей, управление делами, канцелярия, хозяйственное управление (отдел). Эти структурные подразделения в основном занимаются материально-бытовым и техническим обслуживанием работников центрального аппарата органа. Какими-либо функциями управления в отношении предприятий, организаций и учреждений системы министерства (государственного комитета) они не обладают.

Общепризнанным в доктрине государственного управления зарубежных государств является подход, при котором работники обеспечивающих функциональных звеньев системы ОВД правовым статусом государственного служащего не наделяются, специальные звания им не присваиваются.

Экстраполяция такого подхода в отношении системы органов и организаций, подчиненных МВД Республики Беларусь как республиканскому органу государственного управления, с учетом проистекающей в белорусском государстве оптимизации позволяет говорить о целесообразности перевода ряда должностей служащих военизированного вида государственной службы системы Департамента финансов и тыла МВД Республики Беларусь, в том числе наделяемых статусом сотрудника органа внутренних дел (и обладающих в связи с этим рядом специальных социально-правовых государственных гарантий), в категорию рабочих и служащих аппаратной государственной службы.

Компетенция министерств и государственных комитетов по своему конкретному содержанию достаточно разнообразна и определяется решаемыми ими функциями.

Рассмотрение действующих Положений, закрепляющих административно-правовой статус республиканских органов государственного управления в Республике Беларусь, позволяет увидеть дублирование одними государственными органами функций других, а также и значительное совпадение предметов их ведения.

Так, полагаем, следует констатировать частичное совпадение предметов ведения таких государственных органов, как Министерства ин-

формации и Министерства связи и информатизации. Изучение организационно-правовых основ деятельности указанных республиканских органов государственного управления позволяет констатировать, что в основу деятельности обоих из указанных министерств заложена работа с информацией, однако данные органы государственного управления отвечают за различные аспекты по ее обработке и подаче населению. При этом достаточно компактная штатная численность указанных министерств позволяет говорить о возможности их организационного слияния и создании единого республиканского органа государственного управления (например, Министерство связи, информации и информатизации).

Полагаем, что реализация приведенных предложений, сформулированных на основе критического анализа действующего законодательства в контексте доктринальных положений административного права, позволит минимизировать существующие проблемы организации и функционирования системы республиканских органов государственного управления Республики Беларусь.

1. Дубовицкий, В.Н. Понятие органа исполнительной власти / В.Н. Дубовицкий // Право и демократия. – Минск : БГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 55–68.
2. Дубовицкий, В.Н. Исполнительная власть в Республике Беларусь: понятие и система органов : монография / В.Н. Дубовицкий. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 175 с.
3. Козелецкий, И.В. О сущности и признаках органов исполнительной власти // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 2. – С. 12–16.

УДК 343.985

Д.Н. Глухов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.Н. Толочко

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются проблемы возникновения и развития фальшивомонетничества в Республике Беларусь, уголовно-правовая характеристика данного преступления, характеристика личности преступника, а также рекомендации по наиболее быстрому раскрытию и расследованию фальшивомонетничества.

История фальшивомонетничества уходит в глубокую древность. Уже в VI в. до нашей эры изготовление фальшивых монет приняло такой размах, что в знаменитых Законах Солона предусматривалась за это смертная казнь. С тех пор прошли века, но фальшивомонетничество не только не изжито, но и, наоборот, получило трансконтинентальный размах. 20 апреля 1929 г. в Женеве представителями 28 стран подписана Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков [1, с. 3].

В целях борьбы с фальшивомонетничеством государственные предприятия денежных знаков постоянно осуществляют мероприятия по совершенствованию системы средств их защиты от подделки.

Однако, несмотря на усилия, предпринимаемые в борьбе с фальшивомонетничеством, в последнее время отмечается увеличение числа подобных преступлений. Постоянно увеличивается количество стран, валюта которых подвергается подделке, и государств, в которых выявлены фальшивые деньги.

Опасность исследуемого криминального деяния и его последствий для финансовой системы государства очевидна, но эффективность борьбы с фальшивомонетничеством остается низкой. Каждый год расследование значительного числа уголовных дел приостанавливается в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению к ответственности. Все эти обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования деятельности ОВД по предупреждению, пресечению и расследованию фальшивомонетничества, позволяют считать организацию борьбы с ним одним из приоритетных направлений работы правоохранительных органов. Борьба с фальшивомонетничеством в Беларуси станет эффективной только в том случае, если будет вестись с учетом международной практики выявления, пресечения, расследования и профилактики подобных правонарушений, в тесном контакте с правоохранительными органами различных стран.

Эффективность расследования по делам о фальшивомонетничестве во многом зависит от того, насколько основательны знания следователя и оперативного сотрудника в области производства денежных знаков и иных ценных бумаг, в какой степени они осведомлены о способах их подделки и методах выявления фальшивок, о следах, оставляемых данным преступлением, и о лицах, склонных к его совершению.

В борьбе с фальшивомонетничеством особое значение имеет знание особенностей личности фальшивомонетчиков. Эти знания способствуют грамотному использованию имеющихся сил и средств ОВД. В конечном итоге данный факт способствует повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в борьбе с фальшивомонетничеством.

При совершении различных преступлений остаются ряд и характер следов личности человека, их совершивших. Так, возможно установить необходимую для выяснения личности преступника типичную информацию, например сведения о его поле, возрасте, преступном опыте, профессии, специальных знаниях и личных социально-психологических свойствах и качествах и т. п.

Начиная с 1992 г., т. е. с обретением Беларусью суверенитета, количество регистрируемых фактов фальшивомонетничества в республике стало исчисляться сотнями, а в 1995 г. превысило 2 000 [2, с. 57].

Одна из главных причин – географическое положение Беларуси. После распада СССР открылись границы, экономика республики постепенно интегрировалась в мировую экономическую систему, т. е. появился новый рынок сбыта поддельных денег в виде территории суверенного государства, в связи с чем большое количество подделок стало попадать в республику из России, Украины, Польши, стран Балтии и Европы [2, с. 57].

Вторая причина – появление и распространение персональных компьютеров, копировально-множительной техники, принтеров, сканеров, с использованием которых, как показывает практика, несложно изготавливать поддельные деньги.

Следует отметить, что поддельные денежные знаки, изготовленные при помощи такой техники, не обладают высоким качеством, поэтому они достаточно легко распознаются кассовыми работниками и выводятся из денежного оборота, в отличие от подделок высокого качества.

В 1996–2005 гг. в республике ежегодно регистрировалось от 1 500 до 2 800 фактов фальшивомонетничества. Уменьшение их количества стало фиксироваться лишь с 2006 г., когда стала снижаться преступность в целом [2, с. 57].

Современные же фальшивомонетчики – это, как правило, люди, находящиеся в наиболее активном жизненном периоде и использующие максимум своих физических и интеллектуальных возможностей для обеспечения результативности и скрытности осуществляемой преступной деятельности.

В настоящее время в теории оперативно-розыскной деятельности отсутствует четко устоявшееся определение оперативно-розыскной характеристики личности преступника. При этом некоторые исследователи придерживаются позиции, согласно которой оперативно-розыскная характеристика личности преступника практически тождественна характеристике личности преступника, изучаемой другими науками. Однако с данной позицией я не совсем согласен, поскольку теория оперативно-розыскной деятельности обладает своими целями, для достижения

которых необходимо знание специфичных личностных характеристик лиц, совершающих преступления, которые имеют ряд отличительных особенностей. В рассматриваемом вопросе мной поддерживается позиция В.В. Зайганова, который выделил три типа фальшивомонетчиков: профессиональный, ситуативный, неустойчивый.

Профессиональный тип. К представителям этого типа в большей степени относятся организаторы изготовления или сбыта поддельных денег, лица на профессиональном уровне занимающиеся изготовлением или сбытом поддельных денег. Для них характерно убеждение, что преступное поведение – наиболее распространенный и приемлемый способ извлечения доходов, без которого невозможно существенно повысить материальную обеспеченность, а также устоявшаяся антиобщественная направленность, внутренняя тяга к совершению преступлений, а также наличие примитивных интересов [3, с. 11].

Ситуативный тип. Лицам, относящимся к данному типу, характерны наличие позитивных жизненных целей и ценностей, обладание устойчивым уровнем правосознания, четкое знание что «можно», а что «нельзя», при этом присуща повышенная чувствительность к внешним воздействиям. Им свойственно совершение преступления под воздействием тяжелой жизненной ситуации. Представители данного типа реализуют свои корыстные намерения чаще всего путем самостоятельного изготовления и последующего сбыта поддельных денег невысокого качества [3, с. 12].

Неустойчивый тип. Для лиц данного типа фальшивомонетничество выступает временным способом достижения материального благополучия и реализации корыстных намерений, не связанным с тяжелой жизненной ситуацией, т. е. способом получения так называемых «легких» денег. Реализацию своих корыстных намерений они находят в изготовлении или сбыте поддельных денег. Как правило, это молодые люди, чаще всего обучающиеся в средних или высших учебных заведениях. В последнее время ввиду ускоренного развития детей в области информатики, а также получения ранних навыков использования технических устройств и интернета, в числе «случайных» изготовителей увеличивается доля лиц, не достигших возраста шестнадцати лет [3, с. 13].

Несомненно, приведенная типология не является безоговорочно полной и исключительной, содержит потенциал для ее расширения и более углубленной характеристики. Любое криминологическое исследование не может дать исчерпывающие ответы на самый сложный комплекс проблем деятельности человека, особенно носящей противоправный характер.

Подводя итог личности фальшивомонетчика, следует сказать, что результаты изучения необходимо учитывать при планировании предупредительной деятельности правоохранительными органами и при проведении индивидуально-профилактических мероприятий с лицами, а также при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 221 УК.

Согласно ч. 1 ст. 221 УК преступление выражается в изготовлении или хранении с целью сбыта либо сбыте поддельной официальной денежной единицы Республики Беларусь (национальной валюты), государственных или иных ценных бумаг, номинированных в национальной валюте, иностранной валюты или ценных бумаг, номинированных в иностранной валюте [4, с. 116].

Непосредственным объектом преступления является установленный в государстве порядок эмиссии и обращения денег и ценных бумаг [5, с. 242].

Несмотря на то что санкция статьи предусматривает ограничение свободы на срок от двух до пяти лет или лишение свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации, это не отпугивает фальшивомонетчиков от совершения данного преступления.

Преступники при изготовлении качественной подделки используют современное техническое оборудование. В связи с этим и выделяют большое количество способов и технологий подделки, которые совершенствуются с каждым годом.

К основным способам подделки относят частичную подделку и полную. Частичная (подделаны только номер или серия подлинного денежного знака или подлинной ценной бумаги, изменен только номинал подлинного денежного знака и т. п.), полная (изготовлены один или несколько экземпляров фальшивых денежных знаков или ценных бумаг) – значения для квалификации не имеют [6].

В зависимости от качества поддельной купюры или ценной бумаги возможны различные варианты квалификации. Требуется лишь, чтобы по основным реквизитам (форма, размер, цвет и др.) подделка имела такую степень сходства с оригиналом, которая позволила бы отождествить их в обычных условиях реализации. Если же виновный достиг степени сходства подделки с оригиналом, достаточной для введения ее в оборот только при особых обстоятельствах (слепота или плохое зрение потерпевшего, ограниченная видимость при сбыте подделки, некомпетентность потерпевшего, никогда ранее не видевшего соответствующий денежный знак иностранного государства, и др.), и желал воспользоваться такой подделкой в расчете на грубый обман потерпевшего, его действия подлежат квалификации как мошенничество по ст. 209 УК [6].

На начальном этапе расследования фальшивомонетничества, как правило, возникают следующие следственные ситуации, которые принято называть исходными.

1. Наибольшее распространение имеет исходная ситуация, в которой денежные знаки или ценные бумаги, вызывающие сомнение в подлинности, обнаружены в обращении.

Такая ситуация имеет две разновидности: когда фальшивки выявлены сотрудниками кредитных и иных учреждений, производящих расчеты с населением по вкладам, за товары и услуги, и при последующих операциях с деньгами; либо обнаружены гражданами после получения зарплаты, оплаты за услуги, сдачи при покупке товаров и т. п. Сведения о сбытчиках поддельных денег отсутствуют.

2. Когда подделки выявлены при попытке их сбыта лицом, которое скрылось с места сбыта. Имеется некоторая информация о личности сбытчика.

3. Когда лицо задержано при попытке сбыта подделок.

4. Когда факт фальшивомонетничества выявлен оперативным путем.

5. Когда о фактах фальшивомонетничества становится известно из сообщений Интерпола в случаях задержания граждан Беларуси за рубежом за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, либо выявлений фальшивок и обоснованного предположения о том, что их изготовление осуществлялось в Беларуси [6, с. 59].

Для каждой ситуации оперативный сотрудник выдвигает версии дальнейшего расследования и составляет план. В процессе планирования расследования могут предусматриваться тактические операции, представляющие собой совокупность следственных действий, организационных, проверочных и оперативно-розыскных мероприятий по решению конкретных задач расследования, а также способствует более целеустремленной организации работы по раскрытию и расследованию преступления.

Таким образом, содержание типичных следственных ситуаций имеет определяющее значение для выдвижения версий и планирования расследования. В каждом конкретном случае в план расследования с получением новой информации вносятся необходимые изменения и дополнения.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что фальшивомонетничество с каждым годом набирает обороты в Республике Беларусь и мире в целом. Успешная борьба с изготовлением и сбытом поддельных денежных знаков во многом зависит от подготовленности сотрудников правоохранительных органов, а именно следователя и оперативного сотрудника. Основная задача при этом должна сводиться к

формированию практических навыков установления подлинности денежных знаков на первоначальном этапе оперативно-следственных действий и использования этих знаний на практике.

1. Климова, Е.И. Методика расследования фальшивомонетничества / Е.И. Климова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. – 1999. – 126 с.

2. Никитин, Ю.А. Фальшивомонетничество в Беларуси: штрихи истории и современные реалии / Ю.А. Никитин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 56–60.

3. Зайганов, В.В. Типологизация личности фальшивомонетчика в современной криминологии / В.В. Зайганов // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2010. – № 4. – С. 10–15.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июля 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июля 1999 г. : в Кодексе с 19 июля 2016 г. изм. и доп. не вносились. – Минск : Амалфея, 2017. – 304 с.

5. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2012. – 734 с.

6. Фирсов, Е.П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов : монография / Е.П. Фирсов ; под науч. ред. М.И. Комиссарова. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 160 с.

УДК 351.74 (09)

И.Т. Голуб, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
О.С. Буйкевич

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Г. Сачек*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Рассматриваются отдельные виды экономического мошенничества и их отличительные особенности, обосновывается возможность выделения их в отдельные самостоятельные составы преступлений.

Смена экономических отношений, происшедшая в результате осуществляемых в Республике Беларусь структурных реформ, а именно переход от административно-командной экономики к рыночной, предо-

пределила совершенно иную структуру преступности. Безусловно, это коснулось и мошенничества в сфере экономической деятельности. Появление новых отраслей хозяйственной (экономической) деятельности качественно обусловило многообразие новых видов мошеннических посягательств экономической направленности [1].

Мошенничество как преступное деяние занимает особое место среди преступлений против собственности, приобретая все больший удельный вес в их структуре. Мошенничеством поражены все сферы общественной жизни, оно имеет высокий уровень латентности, им причиняется существенный имущественный ущерб, способы совершения этого преступления имеют выраженный интеллектуальный характер, а лица, его совершающие, хорошо адаптируются к изменяющимся социально-экономическим условиям.

В пример подтверждения важности понимания и изучения видов мошенничества можно привести принятие Россией Федерального закона 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Данным законом были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, выразившиеся, в частности, дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации статьями 159.1–159.6. Законодатель разделил преступные деяния, охватываемые ранее составом преступления, предусмотренным ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество», на деяния, затрагивающие различные виды правоотношений, такие как кредитование, социальное обеспечение, предпринимательская деятельность, страхование, компьютерная информация, кредитно-банковская сфера, где имеют место быть обман или злоупотребление доверием.

В уголовном праве Республики Беларусь, в частности ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь, такой практики пока не осуществлялось. В соответствии со ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) мошенничеством признается завладение имуществом либо правом на имущество путем обмана или злоупотреблением доверием. Данный в УК состав является универсальным для всех видов мошенничества. Тем не менее считаю необходимым рассмотреть отдельные виды экономического мошенничества для лучшего понимания возможных сфер его проявления.

Мошенничества, совершаемые в кредитно-денежной сфере.

Одним из основных звеньев в экономической жизни государства является банковская система. В Беларуси работают 25 банков и 2 небанковские кредитно-финансовые организации. При этом постоянно расширяется спектр предоставляемых ими услуг.

В настоящее время наиболее распространенным преступлением в банковской сфере является мошенничество в сфере кредитования.

Схема этого преступления проста. Мошенник при получении кредита представляет подложные документы, свидетельствующие о намерении вернуть кредит банку. Это может быть фиктивный бизнес-план или подложные документы на имущество, отдаваемое в залог.

В отдельных случаях используются коррумпированные связи в банках. Сотрудники службы безопасности очень лояльно относятся к проверке документов, получая за это взятки в виде либо твердых денежных сумм, либо процентов от полученного кредита. Затем деньги, полученные в виде кредита, просто не возвращаются либо моделируется ситуация, где лицо, получившее кредит, в результате своей деятельности понесло огромные убытки и не имеет возможности исполнить свои обязательства перед банком. Служба безопасности пытается обратить взыскание на предмет залога, но оказывается, что изначально обозначенная залоговая стоимость сильно завышена или есть более приоритетные кредиторы, а может быть так, что предмет залога вообще отсутствует.

Отдельно стоит рассмотреть мошенничество в сфере потребительского кредитования. Доступность потребительского кредита и простота его получения являются основным привлекательным моментом для довольно распространенных случаев мошеннических посягательств [3].

Подавляющее большинство коммерческих банков в настоящее время предоставляет такую услугу, как потребительский кредит. Такой кредит выдается на приобретение товаров народного потребления (телевизор, холодильник и т. п.) и не требует предоставления залога, сведений о заработной плате, заключения договоров поручительства с третьими лицами. При этом потребительский кредит оформляется и предоставляется в течение нескольких минут, что лишает службу безопасности банка возможности проверить репутацию должника. Злоумышленники вступают в преступный сговор с работниками магазинов по продаже товаров и получают кредит якобы на приобретение товара. В действительности товар покупателю не передается, работники магазина получают свой процент за оформление документов по движению товара, а мошенники завладевают деньгами. Данный вид мошенничества в настоящее время получил массовое распространение. Злоумышленники ищут людей, злоупотребляющих спиртными напитками, или иных лиц, остро нуждающихся в деньгах. По их паспортам берут кредиты на приобретение товара за вознаграждение примерно в 1 000 руб. При этом жертвами таковых преступлений становится как сам банк, потому что, как правило, данные креди-

ты не возвращаются, так и тот человек, на которого оформлен кредит, так как банк предъявляет к нему иск о взыскании денег.

Самое главное – банки настолько привыкли к таким случаям, что закладывают в процент своей рентабельности возможность невозврата кредита, в том числе и мошеннического невозврата, что отрицательно сказывается в целом на банковской системе кредитования.

Еще одной из разновидностей банковского мошенничества являются преступления, связанные с банковскими картами, так называемый фишинг. Злоумышленники обманным путем узнают ПИН-код владельцев банковской карточки посредством рассылки писем с просьбой сообщить этот код или под видом продажи какого-либо дешевого интересного товара через интернет. После этого деньги со счетов клиентов снимаются через интернет-магазины.

Банковское мошенничество имеет ряд особенностей.

Во-первых, субъекты банковского мошенничества имеют высокий интеллектуальный уровень. Как правило, это люди с высшим образованием, которые занимаются или когда-либо занимались предпринимательской деятельностью.

Во-вторых, банковское мошенничество всегда сопровождается крупным ущербом и существенным моральным вредом, которые причиняются потерпевшим от мошенничества.

В-третьих, банковское мошенничество совершается в совокупности с другими преступлениями, такими как выманивание кредита или субсидий (ст. 237 УК), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 УК), преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство) (ст. 240 УК), ложная экономическая несостоятельность (банкротство) (ст. 238 УК) и другими.

В-четвертых, банковское мошенничество носит массовый характер. Мошенничество, совершенное в отношении больших групп людей, обычно причиняет вред наименее защищенным слоям населения – пенсионерам и престарелым людям, которые в условиях весьма затруднительного материального существования связали свои надежды с новыми формами предпринимательства и оказались обманутыми [4].

Мошенничества, совершаемые в сфере страхования.

Широкое развитие сферы страхования в Беларуси, сопровождающееся появлением новых видов и форм страховой защиты, многообразием страховых обстоятельств, обусловило появление самостоятельного, стойкого и саморазвивающегося явления – мошенничества в сфере страхования.

При этом выделяют подвиды данной группы преступлений: мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, мошенничество в сфере обязательного социального страхования, мошенничества в сфере личного и медицинского страхования [5].

Мошенничество, совершаемое в сфере страхования, обладает следующими особенностями:

1. Постоянное совершенствование способов совершения преступлений с учетом изменений, происходящих в сфере страхового дела;

2. Территориальное распределение преступных посягательств зависит от уровня развития системы страхования, а также количества потенциальных страхователей в конкретном регионе;

3. Высокий уровень латентности преступных посягательств.

Мошенничества, совершаемые в сфере привлечения частных инвестиций.

Инвестиционная деятельность всегда сопряжена со значительными рисками. В большей степени это касается инвестирования в страны, которые характеризуются нестабильной политической системой, экономикой.

Как свидетельствует практика, мировое хозяйство не может эффективно функционировать без прилива частного капитала в мировом масштабе. Это объективная необходимость и одна из важнейших отличительных черт современного мирового хозяйства международных экономических отношений.

Мошенничества, совершаемые в сфере частных инвестиций, имеют следующие особенности:

1. Мошенничества совершаются под прикрытием юридического лица. Оно функционирует, как правило, легально, имеет все атрибуты легальной деятельности (государственную регистрацию, юридический адрес, поставлено на налоговый учет, учет во всех фондах и т. п.);

2. Мошенничество вуалируется под финансовую или хозяйственную деятельность. Преступники стремятся к тому, чтобы в течение как можно более длительного времени их преступная деятельность внешне выглядела как законная и общественно полезная;

3. При предъявлении претензий инвесторами и требований возврата имущества совершенному хищению придается видимость временной задержки выполнения гражданско-правовых обязательств. Достижение корыстной цели завладения чужим имуществом в конечном итоге маскируется якобы наступившими форс-мажорными обстоятельствами [6, с. 8–13].

Мошенничества, совершаемые в сфере исполнения финансовых обязательств государственными органами.

К этой группе мошенничеств относятся преступления, посягающие на бюджетные средства. При этом указанные мошенничества могут резко отличаться масштабами и размером причиняемого ущерба.

Так, к этой группе следует отнести мошенничества, связанные с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость или экспортных пошлин. С другой стороны, к данной категории принадлежат мошенничества, связанные с фальсификацией документов, подтверждающих трудовой стаж, и позволяющие получать завышенные пенсии.

Делая вывод, можно предложить отечественному законодателю пойти по тому же пути, который избрало союзное государство. Нормы, введенные в Российской Федерации с ноября 2012 г., действуют и в настоящее время, лишь один состав был признан не конституционным ст. 159-4 УК Российской Федерации, постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

Выделив определенные квалифицирующие признаки отдельных видов мошенничества, необходимо создать специальные нормы, разделяющие не только виды, но и дифференцирующие ответственность. Общая норма – ст. 209 УК Республики Беларусь, в настоящее время не затруднительна в применении, что подтверждает статистика. В 2013 г. в Беларуси зарегистрировано 571 преступление, 2014 г. – 839, 2015 г. – 925, 2016 г. – свыше 1 000. Таким образом, усматривается тенденция к росту преступлений по данному составу. Создав специальные нормы, можно реализовать такой принцип уголовного права, как справедливость наказания за совершенное общественно опасное деяние, закрепленного в ст. 3 УК Республики Беларусь.

1. Яни, П.С. Специальные виды мошенничества / П.С. Яни // Законность. – 2015. – № 6. – С. 19–23.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон, 29 нояб. 2012 г., № 207-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

3. Босых, А.И. Расследование мошенничества, связанного с получением потребительского кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Босых. – Краснодар, 2007. – 26 с.

4. Мерзоготова, Ю.А. Ответственность за мошенничество в сфере финансово-кредитных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.А. Мерзоготова. – М., 1998. – 24 с.

5. Алгазин, А.И. Способы совершения мошенничества в сфере личного и медицинского страхования / А.И. Алгазин, А.В. Кравченко // Рос. следователь. – 2008. – № 3. – С. 2–4.

6. Ильин, И.В. Классификация экономического мошенничества в зависимости от сферы деятельности в которой оно совершается / И.В. Ильин // Следователь. – 2010. – № 6. – С. 8–13.

УДК 342.7

О.А. Дементей, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.И. Бородич*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЭВТАНАЗИЮ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Рассматривается право человека на эвтаназию в контексте теории соматических прав. Анализируется законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран, регламентирующее вопросы эвтаназии, а также причины разных законодательных подходов к реализации указанного права.

С развитием теории прав человека появляются определенные научные достижения, требующие правового закрепления. Одним из них является создание принципиально новой для любой правовой системы категории соматических прав. Одним из новаторов введения понятия «личностные (соматические) права» является российский ученый В.И. Кресс, который определяет эти права как «... группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом...» [1, с. 43].

По мнению многих ученых, соматические права также включаются в общую классификацию прав человека по поколениям: первое – гражданские и политические права, второе – социально-экономические и культурные, третье – поколение «прав солидарности», четвертое – информационные права, или так называемые «права человечества», и пятое – соматические права человека.

Но легализация соматических прав – довольно дискуссионная, порой, даже противоречивая относительно некоторых общественных ценностей, тема. Однако «появление каждого нового поколения прав человека обусловлено определенными коренными изменениями в обществе, сменой мировоззренческих установок» [2, с. 69]. Вдобавок к этому ввиду научно-технического прогресса некоторые ученые, в частности А.А. Абашидзе и А.М. Солнцев, считают, что «у человека появилась реальная возможность не только улучшать мир вокруг, но изменить самого себя, весь человеческий род» [2, с. 69]. И, несмотря на то что в качестве

целостной категории «соматические права» человека практически не фигурируют в современных правовых системах, некоторые положения из этой концепции находят свое отражение в законодательстве отдельных стран. Одним из ключевых элементов соматических прав является право на эвтаназию.

В первую очередь необходимо дать определение понятию «эвтаназия». Существует множество формулировок. Но каждая из них в той или иной степени освещает одни и те же признаки эвтаназии. Например, О.Э. Старовойтова в своих трудах придерживается формулировки с позиции права: «эвтаназия есть форма реализации права на достойную смерть, представляющая собой, с одной стороны, волевой акт неизлечимо больного пациента по распоряжению собственной жизнью, а с другой – действие или бездействие медицинского работника, направленное на выполнение воли информированного пациента, совершенное способом, не причиняющим страдание (осуществленное безболезненно)» [3, с. 56].

Также выделяют две формы эвтаназии: «активная» и «пассивная». «Активная» форма эвтаназии, осуществляемая путем ввода инъекции, приводящей к летальному исходу, в ряде стран разрешена, однако обязательным является выражение воли лица, которое намерено подвергнуться данной процедуре.

Что касается «пассивной» формы эвтаназии, то следует отметить, что в области международных отношений существуют Венецианская (1983 г.) и Мадридская (1987 г.) декларации Всемирной медицинской ассамблеи, которые допускают «пассивную» форму эвтаназии, осуществляемую путем отключения аппаратуры, поддерживающей жизнедеятельность пациента [4, с. 123].

Однако необходимо отметить, что отношение к эвтаназии в мировом сообществе достаточно негативное, что подтверждается Резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1859 от 25 января 2012 г.: «Эвтаназия как преднамеренное убийство путем действия или бездействия находящегося в зависимом положении человека якобы для его блага всегда должна быть запрещена» [5].

Тем не менее в законодательстве отдельных стран имеют место положения, закрепляющие легализацию эвтаназии. Так, в законодательстве Нидерландов устанавливаются обязательные для выполнения врачами критерии, при которых существует возможность осуществления эвтаназии. Врач обязан: убедиться, что просьба пациента является его добровольным и обдуманым решением; удостовериться, что страдания пациента невыносимы и нет никакой вероятности улучшения состояния его здоровья; проинформировать пациента о состоянии его здоровья на данный момент и сообщить дальнейший прогноз; прийти вместе с паци-

ентом к выводу, что нет другой альтернативы эвтаназии; дополнительно проконсультироваться как минимум с одним независимым специалистом, который должен осмотреть пациента и дать письменное заключение; предоставить надлежащее медицинское обслуживание и уход при осуществлении эвтаназии. Информированное решение пациента, основанное на владении полной информацией о состоянии своего здоровья, по законодательству Нидерландов может быть выражено устно или письменно [6].

Как отмечает ученый А.А. Трушкевич, «Бельгия стала второй страной в Европе, которая легализовала эвтаназию». Вышеуказанный автор пишет, что помимо положений, указанных в нидерландском законе, бельгийский закон включает в обязанности врача также следующее положение: «Удостовериться в юридической правоспособности пациента, выразившего желание пройти процедуру эвтаназии (совершеннолетие или эмансипированный), а также в том, осознает ли он характер своих слов и действий, выраженных в просьбе об эвтаназии» [6].

Помимо вышеуказанных европейских стран существует ряд других государств, которые также имеют достаточный опыт реализации «права на смерть». Например, в 1997 г. Конституционным Судом Колумбии было постановлено, что врач не несет ответственности перед судом, выполняя желание безнадежно больного пациента о добровольной смерти. В 2004 г. пассивная эвтаназия была разрешена в Израиле и Франции. Также эвтаназия уже действует в Великобритании, несмотря на отсутствие закона [7, с. 95].

В Швеции и Финляндии пассивная эвтаназия, осуществляемая путем прекращения бесполезного поддержания жизни, также не считается противозаконной. Однако основой для принятия врачом решения о прекращении лечения является свободное и осознанное волеизъявление самого пациента. Тем не менее считаются юридически недействительными аналогичные просьбы от ближайших родственников больного, находящегося в бессознательном состоянии [7, с. 96].

В странах, где эвтаназия запрещена и преследуется уголовным законом, дается различная юридическая оценка деяниям, связанным с ней. Так, в уголовных кодексах ряда государств существует особый привилегированный состав, в рамках которого уголовная ответственность за лишение жизни при наличии настойчивого требования потерпевшего существенно снижена по сравнению с убийством (например, в Австрии, Германии, Японии) [8].

Что касается нашего законодательства, то в ч. 1 ст. 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении»

эвтаназия определяется как удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием. Также в ч. 3 данной статьи Закона закреплено следующее: «Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [9]. Таким образом, реализация человеком права на эвтаназию в Беларуси запрещена как и в близких нам восточнославянских государствах: «Украинское законодательство не признает правомерность эвтаназии и квалифицирует ее как преступление, равно как и законодательство Российской Федерации» [6].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что каждое государство по-разному относится к регулированию общественных отношений, возникающих по поводу осуществления права человека на эвтаназию. Одни считают, что либо данная концепция не соответствует их менталитету и является в полной мере неприемлемой, либо декларируют неготовность сознания людей к подобным новациям. Другие государства приравнивают это право к естественным и считают эвтаназию гуманным проявлением сострадания к неизлечимому больному.

Тем не менее вопрос эвтаназии давно является предметом оживленных дискуссий. Многие ученые до сих пор не могут определить, какую сторону этого вопроса отстаивать. Отдельные авторы считают, что «активная» форма эвтаназии может восприниматься сознанием людей как убийство, поэтому на данный момент пока не может найти своего закрепления в законодательстве. Но некоторые ученые, в частности К.С. Захилько, отрицают аналогию эвтаназии и убийства, так как «убийце не характерны особые мотивы сострадания, и, кроме того, ему безразлична воля жертвы» [8].

Однако позиция «противников» эвтаназии имеет массу других аргументированных утверждений, которыми, отчасти, объясняется проблема ее легализации. Статьей 24 Конституции Республики Беларусь определено: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» [10]. Также необходимо учитывать существующие противоречия между религией и осуществлением эвтаназии. В частности христианская мораль, по мнению О.Г. Дробницкого, отрицает возможность осуществления субъективного желания ухода из жизни [11, с. 94]. По нашему мнению, этот вопрос является наиболее противоречивым и сложным для дискуссии.

М.И. Ковалев в качестве аргументов против легализации эвтаназии приводит следующее: «Огромное количество медицинских диагнозов ошибочно. Это достоверно устанавливается последующим судебно-медицинским вскрытием тела умершего. По некоторым данным, такая ревизия устанавливает ошибки в диагнозе в 30 % случаях.

Терминальная и предтерминальная стадии – понятия весьма относительные. Они часто связаны с особым состоянием человеческого организма, которое до сих пор остается загадкой для медицины. Организм может мобилизоваться в борьбе за сохранение жизни до такой степени, что может выйти победителем в казавшейся безнадежной схватке со смертью.

Прогресс медицины и фармакологии развивается столь стремительно, что болезни еще вчера абсолютно и относительно смертельные сегодня подвергаются окончательному излечению.

Врач – помощник человека в сохранении жизни. Он призван служить здоровью, а не потворствовать болезни и смерти. Было бы нелогичным и даже опасным объединить в одном лице того, кто призван бороться со смертью во имя жизни, с потенциальным палачом, хоть и добрым» [12, с. 222].

Также ученые, отстаивающие точку зрения о недопустимости легализации эвтаназии, указывают на возможный произвол из корыстной или иной заинтересованности со стороны медицинского персонала при осуществлении эвтаназии. Кроме того, они отмечают, что может иметь место добровольный уход из жизни без необходимых на то медицинских оснований, например, вследствие суицидальных наклонностей пациента или иных психических заболеваний. Тем не менее существенное значение представляют и мнения ученых, являющихся «приверженцами» легализации эвтаназии или ученых, допускающих ее осуществление.

Так, по мнению ученого М.Н. Малениной, опасения, связанные с произволом медицинского персонала или субъективным желанием ухода из жизни, не являются существенными [13, с. 75]. Также считается возможным разрешить эти проблемы путем формализации и усложнения порядка организации акта эвтаназии.

Помимо этого высказываются другие мнения по поводу аргумента, связанного с закрепленным в ст. 24 Конституции Республики Беларусь правом на жизнь. Так, по мнению О.В. Прудниковой, данная норма фактически не допускает осуществление человеком права на эвтаназию, но в то же время без установленного в Основном Законе права умереть достойно, по сути, устанавливает фактическую обязанность жить [14, с. 56].

Отдельные авторы отмечают, что в медицинской практике встречаются парадоксы, которые не позволяют дать точное заключение: жив

или мертв пациент. Это связано со случаями смерти головного мозга при нормальной работе остальных органов. Такое состояние пациента врачи называют «коматозным». «Зона неопределенности», в которую попадает умерший, но еще дышащий человек, оказывается, по мнению ученого И.В. Силуановой, в буквальном смысле слова вне пространства библейских заповедей. «Шестая заповедь «не убий» в этой зоне не работает» [15, с. 135–134]. Также в своей работе «Современная медицина и православие» данный ученый описывает страдания неизлечимых больных [15, с. 135–136].

Что касается законодательства Республики Беларусь, то некоторые белорусские ученые, в частности К.В. Акименко, придерживаются положительной точки зрения по поводу пассивной эвтаназии (отключение аппаратуры, поддерживающей жизнедеятельность) и видят реальную возможность разрешения права на пассивную эвтаназию путем внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении»: «Эвтаназия – добровольная, согласованная с врачом, смерть неизлечимого больного человека с помощью специальных обезболивающих средств либо путем отключения от аппарата «сердце-легкие».

Эвтаназия неизлечимого больного путем отключения от аппарата «сердце-легкие» допускается с предварительного письменного согласия больного, удостоверенного в установленном порядке, и заключения консилиума специалистов о характере болезни, несовместимой с возможностью дальнейшего выживания. О проведении эвтаназии путем отключения от аппарата «сердце-легкие» руководитель медицинского учреждения в течение суток обязан сообщить прокурору, приложив письменное согласие больного, удостоверенное в установленном порядке, и заключение консилиума специалистов, подписанное или скрепленное печатью медицинского учреждения [12, с. 223–224]. Таким образом, ученый допускает закрепление данной формы эвтаназии, позволяющей человеку избежать излишних страданий при неизлечимой болезни, на законодательном уровне с четким изложением оснований, условий и порядка ее осуществления.

Итак, проанализировав все «за» и «против» по поводу легализации права на эвтаназию, можно сделать определенные выводы. Проблема легализации эвтаназии требует всестороннего изучения. Правовое регулирование вопросов, связанных с эвтаназией, в зарубежных странах осуществляется в соответствии с особенностями менталитета населения, а также значением религиозных норм в жизни людей. Поскольку

эвтаназия затрагивает основное право человека – право на жизнь, ее легализация должна осуществляться с учетом мнения народа и его готовности к изменению законодательства в данной сфере.

1. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

2. Абашидзе, А.А. Новое поколение прав человека: соматические права / А.А. Абашидзе, А.М. Солнцев // Моск. журн. междунар. права. – 2009. – № 1. – С. 69–82.

3. Старовойтова, О.Э. Некоторые аспекты теории и практики эвтаназии в отношении несовершеннолетних (на примере Голландии и США) / О.Э. Старовойтова, К.В. Ильченко // Ленингр. юрид. журн. – 2015. – № 4. – С. 56–61.

4. Дрозд, А.Н. Эвтаназия: правовые и моральные аспекты / А.Н. Дрозд // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2005 г. / под общ. ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – С. 123–124.

5. Парламентская Ассамблея. Совет Европы. Принятие во внимание заблаговременно высказанных пожеланий пациентов как средство защиты прав и достоинства человека [Электронный ресурс] : резолюция от 25 янв. 2012 г., № 1859. – Режим доступа: http://www.coe.int/T/R/Parliamentary_assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2012%5D/%5BJan2012%5D/Res1859_rus.asp/. – Дата доступа: 19.09.2017.

6. Трушкевич, А.А. Проблема эвтаназии в международном праве [Электронный ресурс] : Universum : Экономика и юриспруденция. – 2016. – № 9. – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/3579/>. – Дата доступа: 19.09.2017.

7. Вавилкина, Т.В. К вопросу об эвтаназии в законодательстве зарубежных стран / Т.В. Вавилкина // Наука. Общество. Государство. – 2014. – №4. – С. 90–97.

8. Захилько, К.С. К вопросу об уголовной ответственности за эвтаназию [Электронный ресурс] : ст. по сост. на 31 янв. 2017 г. / К.С. Захилько // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

11. Дробницкий, О.Г. Проблемы нравственности / О.Г. Дробницкий. – М., 1977. – 336 с.

12. Акименко, К.В. К вопросу регламентации права на жизнь / К.В. Акименко // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2003. – Вып. 3. – С. 222–228.

13. Маленина, М.Н. Человек и медицина в современном праве : учеб. и практ. пособие / М.Н. Маленина. – М. : БЕК, 1995. – 260 с.

14. Прудникова, О.В. Эвтаназия как право человека на смерть / О.В. Прудникова // Конституционный статус человека и гражданина в Республике Беларусь : сб. материалов IV респ. науч.-практ. конф. – Брест, 2003. – С. 55–57.

15. Силуянова, И.В. Современная медицина и православие / И.В. Силуянова. – М., 1998. – 204 с.

УДК 342.9

А.С. Жмайлик, О.А. Дементей, курсанты факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
И.В. Козелецкий

Рецензент – кандидат юридических наук *С.С. Касьянчик*

ПРАВОВЫЕ АКТЫ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются теоретико-правовые аспекты регламентации и действия актов управления системы МВД Республики Беларусь. На основе анализа законодательства Республики Беларусь вносятся предложения по систематизации актов управления системы МВД и совершенствованию административно-правовых механизмов их регулирования.

Динамичность современных общественных отношений в сфере государственного управления обуславливает необходимость своевременного реагирования на их изменение, адекватного правового регулирования. Однако система законодательства ввиду сложности законодательного процесса не может оперативно реагировать на каждое видоизменение общественных отношений. Определяющую роль в этом направлении играет механизм административно-правового регулирования, составными элементами которого являются содержащиеся в правовых актах управления административно-правовые нормы. Важное значение в регулировании и охране таких общественных отношений имеют правовые акты управления системы органов внутренних дел (далее – ОВД).

Ведя речь о правовых актах управления в деятельности ОВД, следует учитывать, что они являются составной частью системы правовых

актов управления органов исполнительной власти, а потому обладают рядом их общих признаков. К таким признакам относятся: подзаконность; установленный порядок издания; специфичность компетенции и правового статуса в целом субъекта исполнительной власти; юридическая властность волеизъявления субъекта исполнительной власти; иерархичность (соответствие актам вышестоящих звеньев системы исполнительной власти); относимость к служебным документам; установленный порядок опротестования и обжалования; правовой характер (направленность на достижение юридических последствий); творческий характер создания, обеспечивающий оптимальное разрешение возникающих вопросов в сфере управления; императивный характер предписаний; отнесение правового акта управления к формам управленческих решений [1, с. 252–254].

В соответствии с вышеуказанными признаками имеет значение дать определение понятию «правовой акт управления»: в специальной литературе это понятие определяется как «подзаконный, творческий, обязательный для адресатов юридический акт, принимаемый в установленном порядке полномочными субъектами исполнительной власти, порождающий правовые последствия и направленный на оптимизацию регламентации сферы государственного управления или разрешение индивидуальных управленческих вопросов» [2, с. 25].

Ученые выделяют множество различных классификаций актов управления (по наименованию, по территории действия, в зависимости от цели и характера и др.), однако считаем необходимым остановиться на классификации актов управления *по юридическим свойствам*, так как именно этот критерий дает возможность определить связь рассматриваемых актов с нормами права и вести речь об их месте в механизме административно-правового регулирования. В соответствии с этим критерием акты управления подразделяются на нормативные, индивидуальные, смешанного характера и некоторые другие. Данная классификация применима и к актам управления ОВД.

Нормативный акт управления МВД Республики Беларусь определяется в качестве письменного официального документа, принятого (изданного) в определенной форме должностным лицом указанного министерства в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, рассчитанных на многократное применение и относительно неопределенный круг лиц [2, с. 26].

Что касается порядка издания нормативных правовых актов системы МВД Республики Беларусь, следует сказать, что последний организуется в соответствии с установленным Указом Президента Республики

Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» общим порядком издания актов органов исполнительной власти. Издание подобных правовых актов осуществляется в рамках таких этапов, как этап подготовки проекта нормативного правового акта, его обсуждения, экспертизы, утверждения и т. д.

Различают нормативные акты *внешнего* (последние являются обязательными для исполнения различными субъектами независимо от их ведомственной принадлежности) и *внутреннего воздействия* (распространяются только на организационно-подчиненных субъектов управления) [3, с. 84].

Согласно ч. 2 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления принимаются в форме постановлений и приказов. Это положение распространяется и на нормативные правовые акты системы МВД Республики Беларусь.

Под *постановлениями* понимаются нормативные правовые акты, принимаемые коллегиально на основе и во исполнение нормативных правовых актов большей юридической силы в пределах компетенции соответствующего государственного органа и регулирующие общественные отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности.

В свою очередь *приказ* определен как нормативный правовой акт функционально-отраслевого характера, издаваемый руководителем республиканского органа государственного управления в пределах компетенции возглавляемого им органа в соответствующей сфере государственного управления.

Из приведенных определений постановления и приказа ясно, что постановления принимаются коллегиально, а приказы – единолично. В таком случае закономерно возникает вопрос о соотношении юридической силы этих двух форм нормативных правовых актов по силе действия.

В Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нет правовых положений, раскрывающих соотношение юридической силы приказов и постановлений. Вместе с тем в ч. 5 ст. 18 вышеназванного закона указывается, что принимаемые (издаваемые) министерствами, иными республиканскими органами государственного управления, Национальным банком Республики Беларусь, иные нормативные правовые акты (инструкции, положения, уставы, правила) утверждаются постановлениями или приказами. Исходя из вышеизложенного, в зависимости от юридической силы нормативные правовые акты органов исполнительной власти, как и

ОВД, можно разделить на основные (приказы, постановления) и утверждаемые ими (инструкции, правила, положения, уставы). Однако в законе нет точного разграничения того, какие из нормативных правовых актов утверждаются постановлениями, а какие приказами.

По нашему мнению, решение этого вопроса поможет убрать наблюдаемую «путаницу» в деятельности ОВД, как и органов исполнительной власти в целом.

Между тем использование *индивидуальных актов управления* в сфере исполнительной власти (в том числе в сфере внутренних дел) позволяет конкретизировать предписания норм права. Это дает возможность выбирать оптимальные варианты реализации нормативных предписаний в конкретных жизненных ситуациях. Они также направлены на возникновение, изменение и прекращение административных правоотношений, однако, в отличие от нормативных актов управления, как правило, рассчитываются на определенный круг лиц, а также на разовое оперативное применение.

В рассматриваемом аспекте издание индивидуальных актов управления направлено на регулирование комплекса общественных отношений, входящих в сферу внутренних дел. Например, приказ о передаче оборудования, назначении на должность и освобождении от должности; акт, регламентирующий определенные регистрационные действия. Такие индивидуальные акты управления принято называть оперативно-исполнительными, сущностью которых является осуществление повседневной деятельности по вопросам своей компетенции.

Вместе с тем издание индивидуальных актов управления, помимо функций по регулированию общественных отношений, направлено также и на обеспечение их охраны от противоправных посягательств (например, составление протоколов об административных правонарушениях). Такие акты в доктрине административного права получили название правоохранительных.

В правовой науке принято выделять в качестве отдельной правовой категории также *акты управления смешанного характера*. К ним принято относить такие акты управления, в которых переплетаются нормы и индивидуальные установления (распоряжения, поручения, устанавливающие необходимость соблюдения каких-то особых правил, предписания для органов управления или их определенных должностных лиц и т. д.). Примером служат акты, устанавливающие статус какого-либо государственного органа и при этом одновременно назначающие руководителя этого органа или регламентирующие комплекс его полномочий и обязанностей. Примером также могут служить некоторые постановле-

ния Совета Министров Республики Беларусь, назначающие определенное должностное лицо полномочным представителем и наделяющие его в связи с этим рядом полномочий [4].

Тем не менее некоторые ученые, в частности Т.Н. Данькова, предлагают исключить случаи издания актов управления смешанной формы, так как в практической деятельности ОВД это снижает эффективность исполнения норм таких актов [5, с. 63].

Также, по нашему мнению, можно считать смешанными акты управления, сочетающие в себе признаки как нормативных, так и индивидуальных актов управления. Например, правительственное постановление о перенесении выходного либо рабочего дня с одной даты на другую. Этот акт адресован всем или почти всем работникам (неограниченный круг лиц – признак нормативного акта управления), но однодневного, разового действия (признак индивидуального акта управления). Следовательно, правовой категории актов управления смешанного характера, ввиду существенного отличия их от остальных форм актов управления, должно быть уделено должное внимание, вплоть до разработки точного определения и однозначного упоминания о нем в законодательстве с целью конкретизации субъектов, уполномоченных издавать данный тип актов управления, и ряда других вопросов.

Этот вопрос является значимым для деятельности органов исполнительной власти (в том числе для системы ОВД), так как и в их правоприменительной практике существуют моменты, когда без нормативного содержания невозможно выполнить ту или иную задачу разового характера. В качестве примера следует отметить временные ограничения и запреты на посещения лесов, устанавливаемые органами местной исполнительной власти в связи с наступлением высокого уровня пожарной опасности в лесных массивах [6].

Подобного рода запреты, по нашему мнению, свойственны и для ОВД, и, соответственно, они должны быть выражены в форме актов управления смешанного характера (например, запрет на нахождение в местах прохождения несанкционированных митингов, шествий и т. д.).

Помимо вышеуказанных видов в правовой науке выделяются акты управления, имеющие ряд особенностей, которые исключают возможность их соответствия указанным выше общетеоретическим признакам. В частности, речь идет о таком виде актов управления, как *административный договор*, который является формой проявления воли обеих сторон относительно единой цели.

Важнейшим и достаточно принципиальным отличием административного договора от других актов управления является присущее ему

преобладание диспозитивности над организационно-управленческим характером, в соответствии с которой презумируется формальное равенство сторон. Данное положение противоречит одному из основных признаков актов управления органов исполнительной власти – односторонности. Однако некоторые ученые, в частности А.А. Абдурахманов, считают, что административный договор тесно связан с односторонним актом управления, или, другими словами, административным актом. По его мнению, односторонний акт управления может служить основанием для заключения административного договора, и наоборот, последний может являться предпосылкой для издания административного акта [7, с. 45].

В юридической доктрине существует множество дефиниций понятия «административный договор», которые по совокупности общих особенностей определяют его как основанное на нормах административного права соглашение, понимаемое как взаимное и согласованное проявление воли сторон относительно единой цели, между двумя или более формально равными субъектами, имеющее своим предметом совершение управленческих либо организационных действий, в котором хотя бы одна из сторон является органом исполнительной власти либо его законным представителем [7, с. 46].

В национальном законодательстве не существует определения понятия «административный договор», так как его содержание часто связывают только с соглашениями между равноправными министерствами, главными управлениями, управлениями внутренних дел субъектов стран с федеративной формой государственного устройства и органами центрального аппарата (например, Российская Федерация).

Однако существует ряд точек зрения, согласно которым административный договор в сфере правоохранительной деятельности не следует отождествлять по вышеуказанному примеру. В частности, некоторые ученые выделяют несколько разновидностей административных соглашений, отдельные из которых могут иметь место в правовой действительности. В качестве таковых А.А. Абдурахманов выделяет следующие виды: между ОВД и другими государственными организациями; между ОВД и негосударственными организациями; между ОВД и гражданами [7, с. 51].

Административные договоры между ОВД и вышеуказанными субъектами административно-правовых отношений могут заключаться с целью улучшения взаимодействия, организации регулярного обмена информацией, что позволило бы правоохранителям оперативнее выполнять свои полномочия. Так, контракты на негласное сотрудничество между ОВД и гражданами, по своей сути, носят административно-пра-

вовой характер. Такие контракты в полной мере можно считать примерами административного договора.

Административные договоры, участниками которых являются ОВД, объективируются в форме совместных приказов вместе с другими органами исполнительной власти. Помимо этого административные договоры в форме соглашений о взаимодействии заключаются и с компетентными ведомствами иностранных государств [8; 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодня договоры управленческого характера не имеют должного рассмотрения в деятельности ОВД, однако они всячески объективируются в форме различного рода совместных приказов, соглашений. По нашему мнению, данному вопросу следует уделить более значимое внимание, а разработка этой проблемы будет способствовать повышению качества и оперативности осуществления ОВД своих полномочий.

Проанализировав все вышеизложенное, целесообразно сделать вывод, что урегулированность общественных отношений в административно-правовой сфере не является совершенной. Проблемы, обозначенные в настоящей статье, во многом возникают вследствие неточностей в законодательстве и нуждаются в разрешении.

1. Административное право : учеб. пособие / под общ. ред. И.В. Козелецко-го, А.И. Сухарковой ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – 439 с.

2. Данькова, Т.Н. К вопросу об актах управления в деятельности органов внутренних дел / Т.Н. Данькова // Материалы науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 25 марта 2008 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – С. 25–26.

3. Пашкеев, М.А. Теоретические основы правового регулирования деятельности милиции Республики Беларусь : монография / М.А. Пашкеев. – Минск : Право и экономика, 2006. – 148 с.

4. О назначении В.В. Амарина полномочным представителем Правительства Республики Беларусь в Совете Евразийского банка развития и предоставлении полномочий на голосование в этом Совете [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 дек. 2014 г., № 1140 // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Данькова, Т.Н. Нормативные правовые акты управления в системе МВД Республики Беларусь / Т.Н. Данькова // Сб. ст. победителей конкурса науч. работ, выполн. курсантами, слушателями и студентами Акад. МВД Респ. Беларусь в 2008 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – С. 59–63.

6. Четыре области Беларуси под полным запретом на посещение лесов, кардинальных изменений к лучшему в Минлесхозе не отмечают [Электрон-

ный ресурс] : Информ. агентство «БЕЛТА» : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.belta.by/regions/view/chetyre-oblasti-belarusi-pod-polnym-zapretom-na-poseshchenie-lesov-kardinalnyh-izmenenij-k-luchshemu-v-4889-2015/>. – Дата доступа: 31.10.2017.

7. Абдурахманов, А.А. Правовые акты управления в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / А.А. Абдурахманов. – М. : ВНИИ МВД России, 2005. – 64 с.

8. Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Федеральной миграционной службой (Российская Федерация) о сотрудничестве в области миграции [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минске 05.12.2008 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Казахстан о сотрудничестве [Электронный ресурс] : [заключено в г. Астане 24.05.2011 г.] // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.985

А.М. Зуй, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С ДРАГОЦЕННЫМИ МЕТАЛЛАМИ И КАМНЯМИ

Анализируются актуальные вопросы и проблемы предупреждения и выявления преступлений, связанных с незаконными сделками с драгоценными металлами и камнями, на основе содержания правовых норм, а также теоретических знаний ученых Республики Беларусь и практической деятельности сотрудников оперативно-розыскных подразделений.

При решении задачи построения в Республике Беларусь правового государства одним из важнейших направлений государственной деятельности является укрепление законности и правопорядка. Вместе с тем методы, применяемые при выявлении и раскрытии экономических преступлений, в том числе совершаемых в сфере незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями, остаются без изменений, что не лучшим образом влияет на практику.

Законодательство Республики Беларусь в сфере драгоценных металлов и камней показывает ее развитие как в экономическом, так и в политическом плане. В процессе развития указанных общественных отношений сложилось так, что драгоценные металлы и драгоценные камни служили уникальным товаром, имеющим особый вещный статус – всеобщего эквивалента стоимости. Ввиду имеющихся обстоятельств, способствующих развитию рынка драгоценных металлов и камней в государстве и на международном рынке в целом, необходим особый контроль правоотношений, возникающих из сделок, предметом которой они являются. Законодательством было установлено, что «государственная валютная монополия представляет собой исключительное право государства в лице уполномоченных им органов на совершение всех операций с валютными ценностями (иностранной валютой), ценными бумагами, выраженными в иностранной валюте, драгоценными металлами и камнями и т. д., а также на управление валютными фондами внутри страны и за ее границей».

В современной юридической литературе существует несколько точек зрения по поводу того, с какого именно времени появилось юридическое закрепление государственной монополии на добычу и сделки с драгоценными металлами и природными драгоценными камнями [1, с. 23]. Следует отметить, что с момента возникновения СССР правительством постоянно принимались нормативные акты, в той или иной мере регулирующие правовое положение драгоценных металлов и драгоценных камней и изменения уголовной политики в данной области. В период перестройки в связи с либерализацией политического и экономического курса развития страны государство постепенно стало отказываться от абсолютной монополии в области оборота драгоценных металлов и природных драгоценных камней. Была разрешена их добыча частным компаниям, упразднены объединения золотодобывающих предприятий. Как отмечал в своих работах И.П. Серебряков, оборот драгоценных металлов и природных драгоценных камней в странах бывшего СССР «...сохраняя решительный характер, развивается крайне медленно» [2, с. 233]. В данной ситуации можно согласиться с мнением С.К. Осипова, который писал «...процесс либерализации валютной деятельности в странах бывшего СССР, объективно обусловленной истощением потенциала основанных на государственной валютной монополии административно-командных методов управления валютными отношениями и изменением устройства мировой валютной системы, развивается в значительной степени хаотически и не синхронизирован с реальным реформированием национальной экономики» [3, с. 48].

И.В. Симоненко в этой связи считал, что изучение значительного массива разнообразных нормативно-правовых актов (от времени нахождения белорусских земель в составе Российской империи до настоящего времени) позволяет сделать вывод о существовании как в истории общего правового регулирования этого сектора экономики, так и в истории уголовно-правовых запретов незаконной деятельности в данной сфере трех основных периодов в истории оборота драгоценных металлов и камней.

Первый период – домонопольный (соответствует времени нахождения белорусских земель в составе Российской империи вплоть до 1917 г.) – его можно охарактеризовать как полное отсутствие контроля со стороны государства отношений, связанных с драгоценными металлами и камнями. В этот период не существовало правовых норм, указывающих на преступность действий с данными предметами правоотношений.

Второй период – монопольный (охватывает время существования СССР и завершается в начале 1990-х гг.). Он характеризуется монопольным положением на любые отношения, связанные с драгоценными металлами и камнями. Исключительное право на любые операции, связанные с данными предметами правоотношений, принадлежало Советскому государству. Уголовное законодательство в этот период было сосредоточено на полный контроль государством данных отношений.

Третий период (начинается с 1991 г. и продолжается по настоящее время) – постемонопольный. Он характеризуется прекращением монополистической деятельности государства на отношения, связанные с драгоценными металлами и камнями, и передачей их в частные руки, однако сохранены и развиваются некоторые меры государственного контроля и надзора за операциями. На сегодня этот период еще не завершен и остается множество неразрешенных вопросов [4, с. 24].

Ценность отношений, связанных с драгоценными металлами и камнями на внутреннем и внешнем рынках, дает повод к созданию и совершенствованию единой нормативно-правовой базы. Немаловажное значение для экономики государства является успешное регулирование борьбы с нарушениями в данном виде отношений.

В Республике Беларусь наравне с гражданским (официальным) оборотом ценностей справедливо отметить, что существует их неправомерное (преступное) обращение. При этом в минувшие годы прослеживается стабильная направленность к усложнению оперативной обстановки в данной сфере, что подтверждается постоянно растущим числом выявленных преступлений.

Основными факторами, влияющими на рост количества совершенных преступлений, связанных с незаконными сделками с драгоценными

металлами и камнями, являются существование значительной разницы стоимости драгоценных металлов и камней во внутреннем и внешнем рынках, низкая организация контроля на таможенных постах, снижение социально-экономического уровня жизни населения, неразвитая правовая база, регулирующая правоотношения в данной сфере.

Равно как особый процесс познания – выявление преступлений, совершаемых в сфере незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями, особенная разновидность умственной деятельности. Более непростыми ее компонентами считаются исследование и анализ оперативных ситуаций, которые предшествуют совершению практически всех процессуальных действий. Все это сопровождается трудоемкой, преимущественно технической работой следователя, оперативных сотрудников органов внутренних дел, специалистов, экспертов.

Выявление преступлений, совершаемых в сфере незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями, требует усиленного внимания экспертов, так как от этого в существенной степени зависит результат борьбы с преступными проявлениями в данной области белорусской экономики. Между тем сотрудникам правоохранительных органов при производстве по соответствующим уголовным делам приходится сталкиваться с многочисленными проблемами, которые в существенной степени обусловлены особенностью выявления и расследования подобных преступлений.

Оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые ими в ходе выявления этих преступлений, можно производить с различными целями, однако для эффективного взаимодействия следователя и оперативника, последний должен добиться получения информации, с помощью которой возможно определение предмета незаконных сделок с драгоценными металлами, места его хранения, а также способов совершения данного преступления.

Оперативнику следует акцентировать внимание на оперативную информацию, оказывающую определенное воздействие на процессы собирания, проверки, оценки и использования источников доказательств, так как часто непосредственно она содействует решению проблем доказывания. Согласно уголовным делам о преступлениях в сфере незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями подобные сведения, как правило, представляют собой ориентирующую, дополнительную роль. Данный существенный факт и определяет значимость последующего научного осмысления путей и форм применения теоретических положений оперативно-розыскной деятельности.

Теоретическими аспектами борьбы с указанными преступлениями занимались такие ученые, как В.А. Жбанков, О.А. Зайцев, Г.А. Зорин, Г.Г. Зуйков, Е.П. Ищенко, И.И. Карпец, Ю.А. Красиков, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецов, Н.Г. Шурухнов, С.П. Щерб, А.А. Эйсмана, Н.П. Яблоков, С.А. Ялышев, О.Я. Баев, Р.С. Белкин, А.А. Беляков, Б.Б. Булатов, А.И. Винберг, И.А. Возгрин, А.Ф. Волынский и др.

Основным нормативным актом, регламентирующим порядок обращения драгоценных металлов и камней, является Закон Республики Беларусь от 21 июня 2002 г. «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (в ред. Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г.). Этим законом регулируются все правоотношения по поводу указанных предметов, кроме порядка совершения сделок, заключаемых между физическими лицами с продукцией (изделиями) из драгоценных металлов и драгоценных камней, если такие сделки не связаны в соответствии с законодательством Республики Беларусь с предпринимательской деятельностью. Также следует учитывать такие нормативно-правовые акты, как постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 июня 2014 г. № 548 «Об утверждении Положения о государственном пробирном надзоре в Республике Беларусь» (в ред. постановления Совета Министров от 17 августа 2016 г. № 640), постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 15 марта 2004 г. № 34 «Об утверждении Инструкции о порядке использования, учета и хранения драгоценных металлов и драгоценных камней» (в ред. постановлений Минфина от 23 января 2015 г. № 3) и др.

Анализ работы подразделений БЭП Республики Беларусь свидетельствует о сложной криминогенной ситуации в сфере обращения драгоценных металлов и камней. В связи с тем, что ювелирные изделия имеют малый вес и объем, а их незаконная реализация приносит высокий доход, указанная сфера деятельности является притягательной для отдельных физических лиц.

Продолжают сохраняться негативные тенденции, связанные с функционированием каналов нелегального ввоза драгоценных металлов и драгоценных камней из стран Западной Европы (в основном Польши) и России, ростом выявляемых преступлений.

Государственное регулирование и контроль в данной сфере осуществляются посредством:

лицензирования отдельных видов деятельности, связанной с драгоценными металлами и камнями;

недопущением совершения сделок с необработанными драгоценными металлами и камнями, классификационные характеристики которых не определены;

недопущением осуществления операций по покупке у граждан и продаже гражданам самородков драгоценных металлов, государственных наград Республики Беларусь, СССР, БССР из драгоценных металлов и драгоценных камней, необработанных драгоценных камней в сыром (естественном) виде, драгоценных металлов и драгоценных камней в сырье, промышленной продукции, деталях и полуфабрикатах, а также по продаже гражданам лома и отходов драгоценных металлов, отходов драгоценных камней.

По общему правилу заключение сделок с драгоценными металлами и драгоценными камнями между гражданами, находящимися на территории Республики Беларусь, если такие сделки не связаны в соответствии с законодательством Республики Беларусь с предпринимательской деятельностью, не допускается.

Практика показывает, что выявление преступлений данной группы невозможно без изучения соответствующих нормативных актов, так как возникают трудности в определении предмета сделки, его характеристик, форм.

Таким образом, анализ конкретных особенностей совершения преступлений, связанных с незаконными сделками с драгоценными металлами и камнями, позволяет оперативным сотрудникам правильно организовать деятельность подразделений ОВД по выявлению данных преступлений, способствует придерживаться определенного алгоритма действий как при типичных ситуациях, так и при специфических.

Нужно отметить, что выявление данных преступлений невозможно без правильного взаимодействия с другими органами (например, с Государственным таможенным комитетом), а также с другими лицами, участвующими в выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконными сделками с драгоценными металлами и камнями (следователь, эксперт-криминалист, специалист и др.).

1. Федоров, Б.Г. Валютная политика СССР: взгляд в будущее / Б.Г. Федоров. – М., 1990. – 180 с.

2. Серебряков, И.П. Актуальные проблемы гражданского права. Исследовательский центр частного права / И.П. Серебряков – М., 1999. – 396 с.

3. Осипов, С.К. Государственно-правовые основы валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.37.01 / С.К. Осипов. – М., 2000. – 182 с.

4. Рыбалкин, С.В. Некоторые вопросы применения законодательства в сфере регулирования оборота природных алмазов / С.В. Рыбалкин // Юрид. мир. – 2010. – № 5. – С. 24–25.

М.С. Канаиш, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.И. Бородич

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Вежновец*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Рассматриваются международные правовые акты, регулирующие сотрудничество в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, оказании правовой помощи по уголовным делам; некоторые аспекты международного сотрудничества Республики Беларусь в оказании правовой помощи по уголовным делам; направления и формы международного сотрудничества ОВД в раскрытии преступлений.

В современных условиях социальной функцией любого государства является противодействие преступности, поэтому ими прилагаются усилия для предотвращения и пресечения преступных деяний, раскрытия совершенных преступлений и наказания виновных лиц. С устранением препятствий в передвижении общественно опасных лиц появляется необходимость объединения усилий государств, которое было закреплено в Уставе ООН как сотрудничество в разрешении международных проблем в социальной области (п. 3 ст. 1, п. В ст. 55).

Практика деятельности правоохранительных органов свидетельствует, что криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, оказание правовой помощи по уголовным делам невозможно без международного сотрудничества. Международное сотрудничество, осуществляемое путем направления и исполнения запросов о правовой помощи, является одной из основных сфер деятельности государств по противодействию преступности. Такое взаимодействие способствует объединению усилий государств по оказанию друг другу содействия в расследовании и раскрытии преступлений, избличении лиц, их совершивших, и вынесении в отношении их справедливого приговора, а также возмещении ущерба потерпевшим, независимо от территориальных границ, различий национального законодательства и правоприменительной практики государств.

Общим юридическим основанием сотрудничества в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, оказании

правовой помощи по уголовным делам является, как правило, международный договор, а в случае отсутствия соответствующего международного договора Республики Беларусь сотрудничество в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, оказании правовой помощи по уголовным делам оказывается на основе принципа взаимности в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) (Раздел XV Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности). Об этом свидетельствует и ч. 5 ст. 1 УПК: «Если международным договором Республики Беларусь не определен порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам, то при оказании такой помощи применяется порядок, установленный настоящим Кодексом» [1].

Следовательно, основания и условия сотрудничества Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) в криминалистическом обеспечении раскрытия преступлений, оказании правовой помощи по уголовным делам содержатся в международных договорах, УПК, Законе Республики Беларусь от 18 мая 2004 г. № 284-З (ред. от 4 января 2008 г.) «О международной правовой помощи по уголовным делам» и других актах [2].

Правовые отношения МВД регулируются многосторонними и двусторонними договорами, участницей которых является Республика Беларусь. В рамках многосторонних выделяют договоры, регулирующие вопросы оказания международной правовой помощи:

1. Основными договорами в рамках СНГ являются:

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.) (ред. от 28 марта 1997 г.) (далее – Минская конвенция 1993 г.) [3]. Конвенция применяется в отношениях Республики Беларусь с Республикой Молдова, Российской Федерацией, Республикой Туркменистан, Республикой Узбекистан, Украиной и Грузией.

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) (далее – Кишиневская конвенция 2002 г.) и др. Нормы данной Конвенции применяются в отношениях с Азербайджанской Республикой, Республикой Казахстан, Республикой Армения, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан.

2. Договоры, регулирующие вопросы борьбы с определенными видами преступлений и предусматривающие возможность оказания международной правовой помощи по уголовным делам:

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.);

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.);

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Палермо 15 ноября 2000 г.);

Конвенция ООН против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г.) и др.

3. Двухсторонние договоры. В качестве примеров двусторонних договоров, заключенных Республикой Беларусь, можно привести:

Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Вильнюсе 20 октября 1992 г.);

Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Пекине 11 января 1993 г.) и др.

Принято считать, что «двусторонние договоры обладают наибольшей детальностью и наилучшим образом отражают интересы сторон. Однако это не умаляет значимость для развития международного сотрудничества многосторонних конвенций и соглашений, которые, по сути, содержат quintessence необходимых правовых инструментов для регулирования процесса оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам на основе общепризнанных международных стандартов в области прав человека и принципа суверенитета» [4].

4. В самостоятельную группу международных документов по вопросам сотрудничества можно выделить межведомственные и межправительственные соглашения. Такие соглашения заключаются отдельными ведомствами, правоохранительными органами, в том числе Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, МВД, другими структурами. Практика заключения подобных соглашений в настоящее время в определенной степени развита в рамках СНГ.

Особого внимания заслуживает сотрудничество МВД по линии СНГ по противодействию отдельным преступлениям. В этих целях подписан ряд соглашений, например,:

Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом (подписано 8 сентября 2000 г., Чолпон-Ата);

Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел (полиции) государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере правового обеспечения (подписано 4 июня 2009 г., Ялта);

Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел (полиции) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми (подписано 17 сентября 2010 г., Санкт-Петербург) и др.

Наряду с этими соглашениями можно обозначить также двухсторонние договоры:

Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Российской Федерации о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов (подписано 30 сентября 1997 г., Москва);

Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Узбекистан (подписано 4 июня 1998 г., Ташкент);

Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Азербайджанской Республики (подписано 5 июня 1999 г., Астана) и др.

Реализация органами внутренних дел международных договоров в раскрытии преступлений, осуществляется путем:

принятия согласованных мер по установлению на международном правовом уровне преступности и наказуемости определенных общественно-опасных деяний и унификации на этой основе национального уголовного законодательства;

разработки и заключения международных договоров и иных документов, регламентирующих организацию и основы деятельности международных правоохранительных организаций и других органов, а также сотрудничества государств в раскрытии преступлений;

учреждения и формирования на договорной и иной международной правовой основе международных правоохранительных организаций и органов;

пресечения готовящихся или совершенных преступлений, в том числе и путем проведения в необходимых случаях оперативно-розыскных мероприятий;

оказания правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства; постпенитенциарного воздействия;

выработки стандартов предупреждения преступности и обращения с правонарушителями, координации деятельности по борьбе с преступностью на международном уровне;

оказания материальной, профессионально-технической и иной помощи в борьбе с преступностью, в раскрытии преступлений.

В целях реализации вышеизложенных положений сотрудничество осуществляется в следующих формах:

обмен представляющей интерес информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицах;

исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

обмен информацией о новых видах наркотических средств и психотропных веществ, появившихся в незаконном обороте, о технологиях их изготовления и используемых при этом веществах, а также о новых методах исследования и идентификации наркотических средств и психотропных веществ;

обмен опытом работы, в том числе проведение стажировок, консультаций, семинаров и учебных курсов;

обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами; проведение совместных научных исследований;

обмен на взаимовыгодной основе научно-технической литературой и информацией по вопросам деятельности Сторон.

В то же время необходимо отметить, что, как правило, двусторонние соглашения затрагивают вопросы выдачи лиц, совершивших преступления, и оказания правовой помощи по уголовным делам.

В заключительных положениях международных договоров обычно устанавливается, что государства-подписанты сносятся друг с другом через специально уполномоченные органы. Специальными уполномоченными органами Республики Беларусь по сотрудничеству в сфере уголовного правосудия являются Генеральная прокуратура, Верховный Суд и Следственный комитет [5, с. 186–188, 198–199].

Источники, регулирующие международное сотрудничество, выполняют основные функции, такие как установление процедуры регулирования сотрудничества государств; сотрудничества правоохранительных органов в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, оказании правовой помощи по уголовным делам; выдача иностранному государству или международному суду лиц для привлечения их к уголовной ответственности или для исполнения приговора; совместное изучение проблем противодействия преступности, определение составов преступлений.

Кроме международных договоров в разделе XV УПК закреплены основные положения о международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности [1].

Международное правовое сотрудничество в оказании правовой помощи по уголовным делам – это межотраслевой правовой институт, нормы которого закреплены прежде всего в национальном законодательстве – Конституции Республики Беларусь, УК и УПК. Однако нормы национального законодательства не дают и не должны давать ответы на все конкретные вопросы. Международные стандарты и международная практика всегда шире национальных. Вследствие этого нельзя не согласиться с А.С. Цветковой, которая справедливо отмечает, что «эффектив-

ность осуществления международного сотрудничества во многом зависит от степени развитости национального законодательства» [6, с. 17].

Исходя из изложенного, в общем смысле под международным сотрудничеством понимается сотрудничество различных государств по противодействию преступным деяниям, общественная опасность которых требует объединения усилий нескольких государств.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-3 (в ред. от 8 января 2014 г.) «О международных договорах Республики Беларусь» нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутригосударственного нормативного правового акта [7].

В современных условиях развития межгосударственного обмена для Республики Беларусь важнейшее значение приобретает участие в СНГ – региональной международной организации, призванной регулировать отношения сотрудничества между государствами, ранее входившими в состав СССР. В рамках такого сотрудничества в правовой сфере огромная роль принадлежит международной правовой помощи. Она может оказываться относительно гражданских, хозяйственных (основанных на хозяйственных спорах), административных (дел об административных правонарушениях) и уголовных дел [8].

Оказание правовой помощи по уголовным делам осуществляется на основании поручения, в котором должны быть указаны:

- а) наименование учреждения юстиции запрашиваемой Договаривающейся Стороны;
- б) наименование учреждения юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны;
- в) наименование и номер дела, по которому запрашивается правовая помощь;
- г) данные о физическом лице: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, местожительство, гражданство, род деятельности; о юридическом лице: наименование, юридический адрес или местонахождение, банковские реквизиты и фискальные коды;
- д) при наличии представителей лиц, указанных в подпункте «г», их фамилии, имена, отчества и адреса;
- е) необходимость обеспечения конфиденциальности поступления поручения и сведений, полученных в ходе его исполнения;
- ж) содержание поручения, а также другие сведения, необходимые для его исполнения.

Следует отметить, что поручение (просьба) об оказании правовой помощи (далее – поручение) направляется по возбужденному уголовному делу в соответствии с положениями соответствующих статей межгосударственных договоров о правовой помощи, заключенных Республикой Беларусь с зарубежными государствами.

Запрос об оказании содействия (далее – запрос) направляется до возбуждения уголовного дела: по делам оперативного учета, по которым требуется проводить оперативно-розыскные мероприятия, обмениваться оперативной информацией, а также по материалам проверок.

Поручения и запросы следует оформлять с соблюдением требований государственного стандарта, предъявляемых к подготовке документов и уважительной формы обращения, без грамматических и стилистических ошибок, на качественной бумаге и на исправной технике (Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 6.38-2004 «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» (утвержден постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 21 декабря 2004 г. № 69 с датой введения 1 июля 2005 г.).

Недопустимо использование неуважительной, приказной формы («следует допросить», «необходимо исполнить», «срочно выслать» и т. п.).

Поручения и запросы следует адресовать тому органу, который будет его исполнять. При оформлении поручений необходимо правильно употреблять название данного документа: «Поручение об оказании правовой помощи».

На основании изложенного мы полагаем, что сотрудничающие в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам государства выступают как равноправные, суверенные, независимые субъекты международных отношений, сотрудничество которых осуществляется на добровольной основе, т. е. вытекающие из договоров права и обязанности взаимны. Это правило содержится во всех международных договорах.

Объем сотрудничества предусматривает взаимное исполнение, но в то же время не безоговорочное и безусловное принятие представленных запрашивающей Стороной процессуальных решений по уголовным делам, поскольку полномочия принимать такие решения зависят от юрисдикции договаривающихся стран и определяются их внутренним законодательством. Нарушение этого правила может рассматриваться как вмешательство во внутренние дела иностранного государства, что недопустимо, поскольку противоречит общим принципам межгосударственных отношений.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : в ред. от 05.01.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

2. О международной правовой помощи по уголовным делам [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 мая 2004 г., № 284-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2008 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

3. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

4. Феоктистова, Е.Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты [Электронный ресурс] : монография / Е.Е. Феоктистова. – М. : Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 2010. – 100 с. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

5. Бородич, А.И. Международное публичное право : учеб. пособие / А.И. Бородич, В.Н. Вежновец ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 442 с.

6. Цветкова, А.С. Международное сотрудничество по уголовным делам о преступлениях, совершенных транснациональными преступными сообществами : пособие / А.С. Цветкова. – М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – 96 с.

7. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

8. Самарин, В.И. Понятие международной правовой помощи по уголовным делам, ее участники и виды [Электронный ресурс] / В.И. Самарин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.

УДК 341.231

М.В. Ковальчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
К.Д. Сазон

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Середа*

О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ЗАЩИТЫ БЕЖЕНЦЕВ

Раскрывается содержание основополагающих международно-правовых актов в области защиты беженцев. Обосновывается вывод о целостности системы нормативного правового регулирования вынужденной миграции, отражающей специфику миграционных потоков в различных регионах мира.

В настоящее время многие страны мира столкнулись с процессами миграции населения. Это явление рассматривается как одно из следствий глобализации, представляя собой мировой процесс, и, несомненно, требующее международно-правового регулирования. Регулирование миграционных процессов создает необходимость учета позитивных факторов миграции, выражающихся в возможности улучшения социально-экономического и демографического развития государства, и негативных факторов, определяемых нелегальными потоками иммигрантов в страну, являющихся предпосылками нарушений прав человека в этой сфере, социальной напряженности в обществе, и т. д. Возросшая сложность и многогранность современных миграционных потоков, специфика их нормативного правового регулирования на международном уровне, потребность в анализе состояния и тенденций миграции в контексте глобального развития и вместе с тем правового положения мигрантов обуславливают необходимость и востребованность новых исследований в данной сфере.

Актуальность этой темы обусловлена также состоянием миграционной обстановки в мире, характеризующейся несбалансированностью миграционных потоков на отдельных его территориях, высокой динамикой нелегальной иммиграции в страны, массовыми нарушениями прав человека в данной сфере отношений, определяемых несовершенством миграционного законодательства [1, с. 4].

Вынужденная миграция является одной из характерных черт современности: в настоящее время во всем мире насчитывается около 18 млн беженцев. Масштабность и острота проблемы вынужденной миграции предопределила превращение ее из национальной в интернациональную. Соответственно, участие в решении данной проблемы принимают не только национальные правительства, но и все мировое сообщество в лице международных и межправительственных, а также неправительственных организаций.

Вынужденная миграция представляет собой перемещение людей, происходящее по независящим от них причинам. При вынужденной миграции серьезно нарушается социальная интеграция человека, из одной среды он перемещается в другую, болезненно разрывая социальные связи и искусственно создавая их на новом месте. Как отмечает М.И. Петровская, на сегодня можно констатировать, что система управления вынужденной миграцией не вполне сформировалась [2, с. 190].

Основной нормативной базой получения статуса беженца являются следующие правовые документы: Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. [3] (Конвенция), Протокол, касающийся статуса беженцев 1967 г. [4], Устав Управления Верховного комиссара ООН по делам бежен-

цев [5] (УВКБ ООН), раскрывающие международно-правовое содержание понятия «беженец» и детализирующие условия предоставления ходатайствующим лицам соответствующего статуса.

Появлению Конвенции предшествовал длительный процесс формирования права беженцев. В период с 1921 по 1939 гг. в рамках деятельности Лиги Наций был принят ряд соглашений и конвенций, которые послужили основой для действующей Конвенции. Необходимо назвать Соглашение 1926 г., впервые сформулировавшее определение понятия «беженец», Конвенцию 1933 г. о международном статусе беженцев, которая во многом стала моделью будущих международных документов, включая Конвенцию, Конвенцию 1938 г. о статусе беженцев из Германии, в которой были изложены основные правила обращения с беженцами, а также основные права беженцев в стране убежища [6].

Основные универсальные соглашения, регулирующие положение беженцев, «получили широкое, если не всеобщее признание, хотя на практике они распространяются не на все категории беженцев, и во многих случаях дают лишь самые основные гарантии» [7, с. 349].

Конвенция является фундаментальным документом действующего международного права беженцев. В этом универсальном соглашении сформулированы основные нормы, устанавливающие порядок обращения с беженцами.

Конвенция содержит общее определение термина «беженец», определяет условия, при которых беженец теряет свой статус, а также категории лиц, на которых действие Конвенции не распространяется.

Особые разногласия в ходе работы Конференции по принятию Конвенции вызвало определение понятия «беженец». Государства, принимавшие участие в разработке Конвенции, стремились ограничить это определение теми категориями беженцев, в отношении которых они были готовы взять на себя правовые обязательства. Некоторые державы выступали за узкое определение термина, стремясь избежать правовых обязательств, которые возникли бы в случае принятия более широкого определения. В то же время большая группа государств отстаивала необходимость принятия более широкого определения.

В итоге была принята компромиссная формулировка. Государства согласились ввести общее, универсально применимое определение термина «беженец», базирующееся на понятии «вполне обоснованные опасения стать жертвой преследования». Принятие такого определения термина «беженец» ознаменовало важный сдвиг в политике, поскольку это означало, что теперь статус беженца будет устанавливаться не только на групповой основе, как было в предыдущие годы, но и индиви-

дуально, в каждом конкретном случае. Кроме того, определение стало носить общий характер, а не относиться к отдельным группам [7].

По мнению некоторых ученых, достоинство Конвенции заключается в подробном регулировании статуса беженца, закреплении обязанностей принимающего государства предоставлять беженцам постоянное место жительства, обеспечить право на трудоустройство, защиту здоровья. Важным аспектом Конвенции, по мнению отдельных авторов, является также регламентация принципа невысылки, гарантирующего безопасность беженца от произвола властей страны принятия [8, с. 50–53]. Так, Конвенция запрещает высылку или принудительное возвращение лиц, имеющих статус беженцев. В ст. 33 Конвенции предусматривается, что «договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений».

Тем не менее следует отметить, что обязанности по невысылке, возложенные на государства Конвенцией (ст. 33), не ограничивают их в праве самостоятельно принимать решение о допуске беженцев на свою территорию. Это свидетельствует о том, что страны, разработавшие Конвенцию, не были готовы закрепить в ней безусловное право на убежище. Таким образом, «право на убежище» в Конвенции не рассматривается.

Конвенция устанавливает минимально необходимые нормы обращения с беженцами, в том числе основные права и обязанности беженцев по отношению к странам, предоставившим им убежище. В частности, необходимо выделить положения Конвенции, в соответствии с которыми государства не налагают наказания за незаконное проникновение без соблюдения установленного порядка на территорию государств в отношении беженцев, которые прибыли непосредственно с территории, на которой их жизни и свободе угрожала опасность. Кроме того, государства обязуются не высылать беженцев, законно проживающих на их территории.

В Конвенции также устанавливается правовой статус беженцев и содержатся положения об их праве на занятия, приносящие доход, и социальное попечение. В Конвенции закрепляются и такие права беженцев, как право обращения в суд, право на образование, социальное обеспечение, жилье и свободу передвижения. Затрагиваются также вопросы натурализации и ассимиляции беженцев.

Конвенция регулирует не только личный статус беженцев как специальной (особой) категории иностранцев. Это соглашение наделяет беженцев определенными правами – недискриминация и свобода пере-

движения. Эти права были в дальнейшем закреплены и развиты в региональных и универсальных документах о защите прав и свобод человека.

В Конвенции также предложены пять стандартов в отношении прав беженцев. Первый заключается в том, что беженцы имеют право на такое обращение, как и другие иностранцы, за исключением тех случаев, когда Конвенцией предусмотрено более льготное положение. Второй включает ряд прав, которые договаривающиеся Стороны предоставляют беженцам на своей территории на тех же условиях, что и собственным гражданам. Третий состоит в праве на, по крайней мере, такие же благоприятные условия, как и для граждан в отношении религии. Четвертый относится к условиям не худшим, чем для любых иностранцев. Пятый связан с правами, которыми страны-участницы наделяют беженцев, обеспечивая максимально благоприятные условия, ни в коем случае не худшие, чем те, которыми пользуются иностранцы в аналогичных ситуациях.

Кроме того, в Конвенции содержатся положения об удостоверениях личности и проездных документах беженцев, о применимости налогов и праве беженцев на вывоз своего имущества в другую страну, право въезда для поселения в которой им предоставлено.

Конвенция обязывает государства сотрудничать с УВКБ ООН в осуществлении его функций и содействовать выполнению задачи по наблюдению за применением Конвенции.

Общий анализ положений рассматриваемого международного договора позволяет сделать вывод о том, что в Конвенции содержатся три типа положений: 1) положения, дающие основополагающее определение тех лиц, кто является (и кто не является) беженцем, и тех, кто был беженцем, но перестал быть таковым; 2) положения, определяющие правовой статус беженца, и их права и обязанности в стране убежища; 3) другие положения, связанные с имплементацией Конвенции.

Продолжая рассматривать основные положения Конвенции, необходимо отметить, что в 1950 г. в рамках ООН было образовано УВКБ ООН, и в соответствии с резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г. принят его Устав. Устав УВКБ ООН предшествовал принятию Конвенции и также содержал определение понятия «беженец», которое в последующем было заложено в основу конвенционного определения.

Необходимо обратить внимание на наличие в Уставе УВКБ ООН положений, которые распространяют статус беженцев на всех лиц независимо от региона и времени события, если они соответствуют критериям предоставления статуса беженца (п. 6 В), в то время как Конвенция вводит территориальные ограничения (раздел А ст. 1).

Возникшее противоречие в определении категорий лиц, которым должна быть предоставлена международная защита, привело к тому, что Генеральная Ассамблея ООН, в резолюции 1167 (XII) от 26 ноября 1957 г. впервые уполномочила УВКБ ООН на оказание помощи беженцам, которые не соответствовали полностью определению Устава, но их положение вызывало озабоченность международного сообщества. Это привело к появлению так называемых «мандатных» беженцев. К числу последних стали относить различные категории вынужденных мигрантов, включая жертв всех форм бедствий, как техногенных, так и природных [8, с. 28].

Сложившуюся ситуацию должен был изменить принятый в 1967 г. Протокол, касающийся статуса беженцев (Протокол) [4]. Однако на практике Протокол лишь устранил временные и географические ограничения действия Конвенции, придав ей универсальный характер, не пересмотрев определение категорий лиц, которым предоставляется статус беженца. Подобное положение вещей оставило исключенными из режима защиты Конвенции тех беженцев, чье бегство было вызвано стихийными бедствиями, войной или более широкомасштабными политическими или экономическими беспорядками и не было спровоцировано преследованием ввиду их гражданского или политического статуса.

В указанных обстоятельствах, обусловленных кроме того нежеланием развитых государств принимать все возрастающие потоки беженцев из различных регионов мира, особое значение приобретают конкретные меры отдельных государств, предпринятые на разных этапах формирования национальной системы убежища и предоставления защиты различным категориям лиц.

К таким мерам, на наш взгляд, следует отнести расширение конвенционного определения «беженец» как на региональном, так и национальном уровнях. Например, конвенции и соглашения, принятые в рамках Организации американских государств (ОАГ), Содружества Независимых Государств (СНГ) по вопросам защиты прав беженцев, по-своему дополнили конвенционное определение необходимыми критериями, будь то расширение его по субъекту защиты или основаниям преследования лица.

Подводя итог, стоит отметить, что действующие универсальные и международные правовые акты в сфере защиты лиц, ищущих убежища, образуют целостную взаимодополняющую систему, которая позволяет сегодня осуществлять правовое регулирование отношений в сфере вынужденной миграции, учитывая при этом не только специфику миграционных потоков, но и особенности национальной правовой системы. Это, на наш взгляд, возможно только посредством проведения взвешенной государственной миграционной политики с учетом практики применения международного и национального законодательства.

1. Галияхметова, К.Д. Конституционно-правовое регулирование положения мигрантов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / К.Д. Галияхметова. – М., 2006. – 28 с.

2. Петровская, М.И. Направление совершенствования правового регулирования государственного управления в сфере вынужденной миграции / М.И. Петровская // Закон и право. – 2015. – № 10. – С. 190–194.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о статусе беженцев [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 28.07.1951 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Протокол Организации Объединенных Наций, касающийся статуса беженцев [Электронный ресурс] : [подписан в г. Нью-Йорке 31.01.1967 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев : принят 14 дек. 1950 г. Резолюцией 428 (V) Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. Т. 1. – М., 1996. – С. 278–283.

6. Сарашевский, Ю. Конвенция 1951 г. о статусе беженцев [Электронный ресурс] / Ю. Сарашевский // Белорус. журн. междунар. права. – 2001. – № 2. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/418/52/>. – Дата доступа: 21.03.2017.

7. Гудвин-Гилл, Г.С. Статус беженца в международном праве / Г.С. Гудвин-Гилл ; пер. с англ. под ред. М.И. Левиной. – М. : ЮНИТИ, 1997. – 647 с.

8. Павлова, Л.В. Международно-правовой статус беженца : пособие для студентов вузов / Л.В. Павлова, А.В. Селиванов. – Минск : Тесей, 2006. – 192 с.

УДК 343.985

М.В. Колупанович, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.Н. Тукало

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

О ПЛАНИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются некоторые проблемы планирования в деятельности сотрудника оперативного подразделения ОВД. Определяются роль планирования, задачи, которые решаются с помощью планирования, этапы планирования, рассматриваются общие требования по составлению планов деятельности. Предлагаются рекомендации к ежедневному планированию дел оперативным сотрудником органов внутренних дел.

Эффективность работы сотрудника оперативного подразделения ОВД зависит от того, как он распоряжается своим самым ценным ресурсом – временем. Нередко важные и срочные дела откладываются из-за низкой самодисциплины, неумения расставить приоритеты, «замусоренного» рабочего пространства, телефонных звонков и незапланированных посетителей, на которых приходится отвлекаться. Сотрудники часто задаются вопросом: как правильно организовать работу в течение рабочего дня? Ответом на него является грамотное планирование предстоящих дел.

Планирование, прежде всего, означает умение проанализировать сложившуюся обстановку и умение думать с опережением и предполагает определенную системность в деятельности. Оно позволяет определить перспективу развития и будущее состояние определенного объекта, обстановки. Планирование является активным управленческим процессом оказания воздействия на системность деятельности, оно усиливает темпы развития организации, способствует изысканию дополнительных резервов, материальных и иных средств.

И.И. Кузьмин считает: «Знание психологических закономерностей, применение в процессе деятельности определенных психологических методов понятийного аппарата эффективного менеджмента облегчает работу человека, помогает регулировать и строить взаимоотношения с другими людьми, глубже понимать мотивы их поступков, познавать действительность, правильно оценивать ее и использовать результат познания на практике управления любой организацией. Практически нет сферы деятельности человека, где использование науки о менеджменте не привело бы к ее упорядочению. Без знания закономерностей менеджмента невозможно управлять людьми. Научный менеджмент раскрывает закономерности, знания которых необходимы каждому, кто призван влиять на людей, направлять их усилия, воспитывать их. Знания из области менеджмента дают возможность контролировать особые познавательные волевые, эмоциональные процессы, проверять, направлять эти процессы на других лиц, правильно принимать решения в условиях выживания организации» [1, с. 7].

Т.В. Алесинская, Л.Н. Дейнека, А.Н. Проклин, Л.В. Фомина, А.В. Татарева отмечают, что «для того, чтобы снизить риск принятия неправильного решения из-за ошибочной или недостоверной информации, руководство принимает обоснованные и систематизированные перспективные плановые решения. Планирование на ближнюю перспективу помогает создать единство общей цели внутри организации» [2, с. 44]. С ними солидарна Н.Ю. Круглова: «с помощью планирования организация приспособливает свои ресурсы к изменениям внутренних и внеш-

них условий и ведет борьбу с неопределенностью будущего, которая постоянно усиливается вследствие осложнения социально-экономической жизни общества» [3, с. 27].

Проанализировав мнения указанных авторов, считаем, что научно обоснованное планирование деятельности правоохранительного ведомства, его подразделений и служб помогает успешно решать следующие задачи: наиболее эффективное применение методов и средств, находящихся в распоряжении служб; взаимодействие и комплексное использование возможностей всех служб ОВД; обеспечение целеустремленности и наступательности в работе; недопущение отвлечения сил и средств на решение второстепенных задач; исключение дублирования в деятельности служб и сотрудников; организация четкого контроля за своевременным исполнением и надлежащим качеством исполнения намеченных мероприятий.

В целом, ряд авторов сходится во мнении, что планирование, являясь активным управленческим процессом оказания воздействия на систему, усиливает темпы развития организации, способствует вскрытию дополнительных резервов, материальных источников, требует применения передовых методов и форм воздействия на всю систему ОВД [4, с. 107; 5, с. 174; 6, с. 138].

Также планирование на ближнюю перспективу помогает создать единство общей цели внутри системы.

Мы солидарны с мнением В.Э. Маркиной и Ю.Н. Сосновской, что «уровень и качество планирования определяются следующими важнейшими условиями: компетентностью руководства органов внутренних дел на всех уровнях управления; квалификацией сотрудников, работающих в функциональных подразделениях; наличием информационной базы и обеспеченностью компьютерной и оргтехникой» [5, с. 174].

Также авторы отмечают, что эффективная роль планирования заключается в следующем: планирование любой деятельности придает целенаправленный характер; определяет и конкретизирует отдельные задачи на предстоящий период; дает возможность сосредоточить основное внимание и усилия на наиболее важные текущие и перспективные проблемы, решение которых позволит обеспечить достижение поставленных задач; способствует своевременности разрешения наиболее актуальных проблем, поскольку в планах четко определяется последовательность выполнения намеченных мероприятий и сроки их выполнения; помогает определить пути и средства выполнения решений вышестоящих органов управления, т. е. учитывает все направления, по которым будут реализовываться эти решения; создает условия для более полного и в то же время оптимального использования сил и средств,

а также для своевременного маневрирования ими; обеспечивает достижение наилучших результатов деятельности; позволяет снизить затраты труда и материальных ресурсов; обеспечивает четкое взаимодействие различных служб и подразделений ОВД и возможность координации их усилий; облегчает изучение и внедрение положительного опыта работы ОВД; способствует рациональному использованию рабочего времени; создает напряженную рабочую обстановку для творческого решения сотрудниками стоящих перед ними задач; способствует эффективной организации профилактической, оперативно-розыскной, следственной и иных направлений работы; учитывает необходимость постоянного совершенствования условий труда в службах и подразделениях, а также на отдельных рабочих местах [5, с. 177].

Изучение трудов ученых позволило определить нам следующие этапы планирования:

1-й этап. Оценка политических и экономических обстоятельств, в которых действует организация. Для этого проводятся необходимые исследования. Выясняются возможности организации на сегодня и в будущем, т. е. определяется и роль, которую она может играть в будущем.

2-й этап. Постановка конкретных задач, которые выходят из конечной цели деятельности. На данном этапе выделяются их приоритеты и конкретизируются ожидаемые результаты, сроки. На основе задач определяют конкретные направления развития организации.

3-й этап. Рассмотрение ожидаемой ситуации, в которой будет выполняться план. Эти ситуации (предложения) можно разделить на внешние и внутренние. Внешние – политические и социальные условия: прогнозируемый уровень развития техники, технологии и науки. Внутренние – будущая структура организации, ее стратегия: политика в сфере капиталовложений; деловой климат. На этом этапе вырабатывается оценка уровня риска и выясняются возможные последствия для организации в случае возникновения рискованных ситуаций. Надежное представление будущего невозможно без прогнозирования. Чем больше организация, тем более весомую роль в ее жизни сыграет прогнозирование.

4-й этап. Выбор лучшего способа деятельности, исходя из имеющихся альтернатив, и скорректировав ее на момент неопределенности, организация берется за осуществление 5-го этапа.

5-й этап. Разработка общих планов, которые формируются на уровне высшего руководства в виде системы целей и задач. Далее они превращаются в частично детализированные планы функциональных направлений. Наиболее эффективно данная модель показала себя в планировании деятельности предприятия [7, с. 154–155].

В свою очередь В.В. Кардашевский, А.А. Морукова, Ю.Н. Сосновская отмечают: «Процедура планирования включает в себя ряд последовательно сменяющихся стадий, основными из которых являются: сбор и анализ исходной информации; сбор предложений от служб и подразделений ОВД; подготовка проекта плана и его согласование с соисполнителями; утверждение плана и доведение его до исполнителей» [8].

Отметим, что любое планирование, во-первых, имеет индивидуальный характер, т. е. организация планирует свою деятельность в соответствии со своими потребностями, а во-вторых, оно направлено на перспективу и представляет собой деятельность по определению, а также достижению и выполнению конкретных целей и задач, стоящих перед организацией, в определенные сроки. Поэтому согласимся с суждением А.Г. Ковалёва, который пишет, что «любое планирование должно быть ориентировано на будущее» [9, с. 189]. Но у каждой организации движение к этому будущему собственное. С точки зрения эффективного менеджмента, существуют три варианта такого отношения, которое можно охарактеризовать следующими принципами: «поживем-увидим», «предусмотрите-приготовимся», «сделаем сами». В соответствии с ними и реализуется планирование. Свое материальное воплощение процесс планирования находит в плане – документе, в котором фиксируются цели, направления деятельности организации в границах данного отрезка времени, согласованные действия отдельных подразделений в целом, а также варианты решения проблемы в непредвиденных ситуациях.

Как было отмечено, план – это материальное воплощение процесса планирования. Также добавим, что план – это документ, в котором отражаются конкретные цели, задачи и определенные действия, определенные организацией, которые необходимо достичь и выполнить в рамках определенных сроков.

При изучении требований при составлении планов в ОВД будем солидарны с точкой зрения М.А. Умарова, который выделяет:

1. *Объективный учет сформированных обстоятельств, сил и средств.*

Хорошо продуманные планы, которые базируются на глубоком анализе обстановки, трезвый учет всех «за» и «против» служат основой целенаправленной, согласованной, довольно напряженной, но спокойной и ритмичной работы. Также при планировании должны учитываться указания высших и местных органов.

2. *Конкретность.* В планах предполагаются четкие и конкретные мероприятия, сроки их выполнения и ответственные за это работники, которым разрешается осуществлять контроль за проведенной работой и ее эффективностью.

Отметим, что данное требование является одним из существенных, так как при определении конкретных мероприятий, исполнителей и сроков, исчезает неопределенность в деятельности ОВД, а также происходит четкое распределение дел между сотрудниками.

3. *Актуальность и реальность запланированных мероприятий.* В плане должны отражаться только основные мероприятия, направленные на решение главных, а не второстепенных задач. Нецелесообразно вносить в план такие пункты, которые отображают обычные служебные обязанности работников.

4. *Планируемые мероприятия должны быть всегда объективно выполняемыми.* Например, нереально планировать сокращение преступности на определенный процент, так как это зависит от целого ряда объективных условий, а не только от деятельности ОВД.

5. *Преемственность.* При планировании необходимо учитывать результаты работы за предыдущий период, на основе которых и складывается новый план.

6. *Стабильность планов, т. е. недопущение во время их выполнения необоснованных изменений.* Естественно, что в процессе служебной деятельности может изменяться характер задач, которые стоят перед коллективом, и это потребует внесения соответствующих дополнений в план. Но при нормальном обычном течении жизни план должен быть стабильным. Если же он будет перерабатываться без серьезных на то оснований, то это неизбежно подорвет у исполнителей уверенность, породит скептическое отношение к плану, ослабит активность работников относительно его выполнения [10, с. 264].

Таким образом, нами были рассмотрены общие теоретические положения относительно планирования деятельности оперативного сотрудника органа внутренних дел. Обратим внимание на некоторые практические рекомендации, которые помогут спланировать рабочий день (так называемый тайм-менеджмент) сотрудника. В этом поможет табличный редактор Microsoft Excel – общедоступная программа, которая по умолчанию включена в стандартный пакет Microsoft Office.

Для начала необходимо создать рабочую книгу «Ежедневный_план.xls» (или другое название), далее разбить ее на рабочие листы с закладками, соответствующими дням недели: «Понедельник», «Вторник», «Среда», «Четверг», «Пятница». Потом следует обдумать предстоящий день, используя такие универсальные рекомендации:

- 1) составить план на день;
- 2) рассортировать дела по важности;
- 3) зафиксировать важную информацию;
- 4) не заниматься одновременно несколькими делами сразу;

- 5) зарезервировать время про запас;
- 6) определить точные сроки исполнения.

Применяя эти принципы в работе (да и вообще в жизни), можно значительно улучшить организацию работы, а следовательно, повысить производительность труда. Поэтому разумно будет разбить таблицу ежедневных дел на такие колонки: вид выполняемых дел; признак дела; время планируемое (мин); время фактическое (мин); результат выполнения дела.

В столбце «Результат выполнения дела» ведется контроль с помощью примечания (выполнено/не выполнено). На практике форма записи текущих дел во многом определяет четкость планирования и возможность разумно сочетать дела и отдых. В соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка в ежедневнике установлены время начала (9 часов) и окончания работы (18 часов), перерыв для отдыха и обеда (с 13 до 14 часов). Также необходимо предусмотреть резервное время, которое сотрудник сможет использовать для решения непредвиденных задач (выезд на место происшествия, обращение заявителя, выполнение распоряжений, указаний руководства и т. д.). В течение рабочего дня резерв времени может составлять от 30 до 60 мин.

В столбце «Признак дела» рационально использовать различные условные обозначения, например:

/ | \ (срочно);

! (важно);

? (выяснить);

\ | / (перенос на более поздний срок);

X (невыполнимое или само собой разрешившееся дело).

В заключение отметим, что планирование – это целое искусство, мощная интеллектуальная и аналитическая деятельность со своими этапами и определенными требованиями, которая является важнейшей составляющей деятельности любой организации, в том числе и оперативного подразделения ОВД. Эффективное планирование позволяет рационально использовать рабочее время, а также результативно распределять людские ресурсы, средства и силы для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Отдельным аспектом указанной деятельности в настоящее время обучают курсантов на кафедре оперативно-розыскной деятельности Академии [11, с. 29–32].

1. Кузьмин, И.И. Психотехнология и эффективный менеджмент / И.И. Кузьмин. – М. : Техн. шк. бизнеса, 1994. – 190 с.
2. Менеджмент / Т.В. Алесинская [и др.] ; под общей ред. В.Е. Ланкина. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. – 304 с.
3. Круглова, Н.Ю. Основы менеджмента : учеб. пособие / Н.Ю. Круглова. – М. : Кнорус, 2009. – 635 с.

4. Михайлов, В.И. Основные принципы организации эффективного планирования в органах внутренних дел / В.И. Михайлов, В.А. Колесников // Право и образование. – 2016. – № 9. – С. 107–113.

5. Маркина, Э.В. Актуальные вопросы планирования в системе органов внутренних дел. Некоторые аспекты стратегического планирования в правоохранительных органах / Э.В. Маркина, Ю.Н. Сосновская // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2016. – № 2. – С. 174–178.

6. Балдин, И.В. Менеджмент : учеб. пособие / И.В. Балдин, Г.Е. Ясников. – Минск : БГЭУ, 2007. – 305 с.

7. Одицова, Л.А. Планирование на предприятии : учеб. пособие / Л.А. Одицова. – М. : Академия, 2012. – 272 с.

8. Основы управления и делопроизводство в органах внутренних дел : учеб. пособие / В.В. Кардашевский [и др.]. – М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. – 2013. – С. 90–92.

9. Ковалёв, А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства / А.Г. Ковалёв. – М. : Политиздат, 1978. – 279 с.

10. Умаров, М.А. Об эффективном планировании управленческой деятельности ОВД / М.А. Умаров, Л.Х. Гафуров, С.А. Нарзуллоев // Охрана, безопасность, связь : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж, 2014. – Ч. 2. – С. 262–265.

11. Тукало, А.Н. Использование инновационных технологий при проведении учебных занятий (на примере кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии МВД) / А.Н. Тукало // Выш. шк. – 2016. – № 5. – С. 29–32.

УДК 343.985.7

П.А. Кононов, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Р.В. Скачек

Рецензент – кандидат юридических наук *И.Г. Мухин*

СЛЕДОВАЯ КАРТИНА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Изучаются результаты анализа теоретических источников проведенной характеристики следовой картины преступлений против информационной безопасности как элемента криминалистической характеристики анализируемого вида общественно опасных деяний. Определяются специфика механизма слеодообразования при совершении исследуемых преступлений, объекты-носители следовой информации, порядок их обнаружения, фиксации и изъятия.

Совокупность следов, оставшихся на объекте преступного посягательства и от иных элементов злодеяния, образует определенную следовую картину, сведения о которой являются элементом криминалистической характеристики [1, с. 237].

К следовой картине, возникающей при совершении преступлений против информационной безопасности, целесообразно отнести:

изменения исходных данных на магнитных, оптических и иных носителях информации;

следы уничтожения или блокирования компьютерной информации;

следы опосредованного доступа к компьютерной информации, используя глобальную сеть Интернет или иные локальные компьютерные сети [1, с. 247].

Неосязаемый тип этих следов предопределил возникновение понятия «виртуальный след», под которым понимается «зафиксированный компьютерной системой на цифровом материальном носителе результат отражения реального физического процесса или действия иной компьютерной системы, связанный с преступлением, в виде цифрового образа формальной (числовой) модели этого процесса» [2, с. 59].

Основываясь на изучении следовой картины определенного преступления, обнаруживается связь между способом совершения преступления, свойствами субъекта посягательства и обстановкой, в которой совершено общественно опасное деяние.

Особое значение при изучении следовой картины преступлений против информационной безопасности имеют объекты-носители следов противоправной деятельности. Указанный элемент назван важнейшим, потому что в процессе его исследования устанавливается сущность происшедшего события – кто, каким способом, в каких условиях совершил криминальное деяние. Следовательно, правильная криминалистическая оценка объектов-носителей следов преступной деятельности позволяет уже на первоначальном этапе расследования по первичным следственным данным создать информационную основу для выяснения механизма преступного события и осуществления быстрого и полного расследования.

При изучении следов преступного деяния следует принять во внимание подход А.Ф. Лубинова, по мнению которого следовая информация включает в себя:

локализацию (место отображения следов);

форму отображения (вещественную, документальную, идеальную);

релевантность (относимость к событию преступления);

информативность (количественную и качественную характеристику следов) [3, с. 143].

Данный подход справедлив при исследовании различных отражений криминальной деятельности, в том числе и в исследуемой сфере. Основным моментом в изучении данного вопроса является формирование понятия «след». Р.С. Белкин предположил, что «следами преступления являются любые изменения среды, возникшие в результате совершения в этой среде преступления» [4, с. 57]. С определенной долей уверенности можно говорить, что данная точка зрения наиболее точно отражает сущность изучаемого явления, нежели имеющееся в юридической литературе мнение, отождествляющее категорию «след» с понятием «следа-отображения», определяемым как «отображение на одном объекте внешнего строения другого материального объекта» [5, с. 13]. В соответствии с классическим подходом, доминирующим в криминалистической литературе, все следы совершения любого преступления делятся на две основные группы: «материальные», т. е. зафиксированные в виде изменения внешней среды и объектов, ее образующих (следы-отображения, рассматриваемые трасологией, следы-вещества, следы-предметы); «идеальные», т. е. оставшиеся в памяти преступников, потерпевших и свидетелей.

Несколько иная ситуация складывается при расследовании преступлений в сфере информационной безопасности. Основными взаимодействующими объектами при совершении данного вида преступлений являются, с одной стороны, материальные объекты в виде средств компьютерной техники, с другой – информационные объекты в виде программ и набора команд. Считается, что это обстоятельство обуславливает необходимость выделения в отдельную группу последствий такого взаимодействия – информационных следов. Такой же точки зрения придерживаются ученые, проводившие исследования в данном направлении. Так, в работах В.А. Мещерякова, Ю.В. Гаврилина указывается на необходимость выделения еще одной особой группы следов совершения преступления в сфере информационной безопасности – виртуальных [6, с. 112] или информационных следов [7, с. 79], представляющих собой любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, зафиксированное в виде компьютерной информации в памяти технических устройств, на носителях машиночитаемой информации, в электромагнитном поле. На обоснованность выделения информационных следов справедливо указывается в специальной литературе. По мнению А.Г. Волеводза: «Это обстоятельство обусловлено самой природой компьютерной информации, которая может являться, с одной стороны, носителем информации, а с другой – следами совершенных преступлений» [8, с. 4]. Кроме того, как отметил В.А. Мещеряков:

«...виртуальные следы существуют на материальном носителе, но не доступны непосредственному восприятию. Они не имеют жесткой связи с устройством, осуществившим запись информации, являющейся «виртуальным следом». По своей природе весьма неустойчивы, так как могут быть легко уничтожены» [6, с. 74]. Очевидно, что особая характеристика информационных, виртуальных следов обуславливает необходимость тщательного их исследования. К числу таких следов могут быть отнесены отдельные файлы в автоматизированной информационной системе, а также информация, передаваемая в эфире посредством электромагнитной волны.

В соответствии с таким существенным дополнением, а также в целях систематизации сведений о следах преступной деятельности в сфере информационной безопасности они могут быть классифицированы следующим образом [9, л. 116–117]:

материальные следы: доступа к компьютерной информации (повреждения запорных устройств, следы ног и др.); пальцев рук на объекте, средствах компьютерной техники; микроследы; документы на бумажном носителе: рукописные, документы, выполненные с использованием средств автоматизации; иные материальные следы (характерные повреждения материальных объектов – царапины, сколы и т. п.); предметы, оставленные преступником на месте происшествия;

идеальные следы: показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых;

виртуальные (информационные) следы;

компьютерная информация (появление, исчезновение, модификация): в эфире (электромагнитное поле); на магнитном диске; на оптическом, магнитооптическом диске; на флэш-карте; на облачном хранилище данных; информация в кристалле (процессоре, микросхеме ПЗУ и т. п.);

изменения характеристик (режимов функционирования) информационных процессов в автоматизированных информационных системах: изменение привычного темпа (замедление или ускорение) выполнения типовых операций; отказ в выполнении типовых операций (отказ в доступе, запуске программы и т. п.); нестандартное выполнение типовых (стандартных) действий (выдача сообщений об ошибках, неадекватных сообщений и т. п.); изменение стандартной последовательности выполнения типовых технологических операций.

Изучение первых двух групп следов обычно не вызывает сложностей, поскольку они подробно рассматриваются в разделе криминалистической техники, поэтому, как представляется, нет необходимости на них останавливаться. В то же время третья группа следов в силу своей

новизны и относительно малой изученности требует более детального рассмотрения. Информационные следы могут быть выявлены в ходе исследования компьютерной техники, протоколов и журналов работы программного обеспечения (так называемых лог-файлов). Они образуются в результате воздействия (модификации, копирования, уничтожения, блокирования) на компьютерную информацию и представляют собой любые ее изменения, связанные с событием преступления [10, с. 79]. В качестве таких следов могут выступать изменения исходной информации на магнитных и оптических носителях, например, следы модификации информации (текстовых файлов, баз данных, программного кода). В ходе исследования магнитных и оптических носителей можно установить следы уничтожения или блокирования – размагничивание носителей информации, стирание или добавление отдельных файлов.

В процессе исследования компьютерной техники могут быть обнаружены следы удаленного доступа к ней с использованием глобальных или локальных компьютерных сетей, поскольку их возникновение обусловлено тем, что программное обеспечение компьютера, как правило, запрашивает у другого компьютера, пытающегося с ним соединиться, служебную информацию, характеризующую запрашивающий компьютер. В качестве такой информации выступает IP-адрес, с которого осуществлялось соединение, при наличии системы защиты – тип и язык операционной системы, установленной на компьютере правонарушителя, часовой пояс, качественные характеристики монитора и ряд других параметров компьютерной системы.

Мы считаем, что не будет ошибочным предположить, что всякое деяние, в том числе и преступление, влечет за собой определенные изменения в окружающей среде, которые, в свою очередь, порождают возникновение информации, отражающей механизм его совершения и поведение его участников. Не является исключением и совершение криминальных деяний против информационной безопасности как поведенческий акт, оставляющий определенную информацию. Установление вышеуказанной информации имеет важное значение при розыске правонарушителя и проведении следственных действий, направленных на установление его вины. Так, в странах СНГ большинство пользователей сети Интернет имеет динамический IP-адрес, предоставляемый провайдерами услуг. Поэтому в случае совершения преступления с использованием сети Интернет, как правило, обращаются с запросом к провайдеру услуг сети Интернет с целью установления следов противоправной деятельности. К таким следам относят номер телефона, с которого было установлено соединение, и время соединения, оставшиеся на машинных носителях провайдера сети Интернет в виде лог-файла соединений пользователей сети.

Между тем механизм слеодообразования при совершении преступлений в сфере информационной безопасности имеет свои особенности. Р.С. Белкин под механизмом слеодообразования понимал «специфическую конкретную форму протекания процесса, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения. Элементами этого механизма являются объекты слеодообразования – слеодообразующий, следовоспринимающий и вещество следа, следовой контакт как результат взаимодействия между ними вследствие приложения энергии к объектам слеодообразования» [4, с. 61]. Предложенный подход может служить информационной основой для рассмотрения следов криминальной деятельности в рассматриваемой сфере.

С учетом вышеизложенного представляется обоснованным рассмотрение особенностей механизма слеодообразования в этой сфере. Например, определяя предмет исследования, мы исходим из того, что в качестве такового целесообразно выделить преступную деятельность по получению несанкционированного доступа к компьютерной информации с помощью разработанной вредоносной программы, сочетающей функции вредоносных программ типа «Троян» (Trojan) и «Черный вход» (Backdoor), т. е. образуется следующая схема: слеодообразующий объект, а из него выделяем его характеристики; следовоспринимающий объект на нем выявляем проявленные следы. Подобная схема приведена в исследовании В.А. Мещерякова [9, л. 118]. Элементы приведенной схемы, как представляется, целесообразно изложить в следующем виде.

Слеодообразующие объекты и их характеристики:

на этапе создания вредоносной программы в качестве слеодообразующего объекта выступали программа-компилятор и отладчик, использованные преступником для написания текста программы и последующего преобразования его в машинный код вредоносной программы. При исследовании этих объектов особое внимание следует уделить версии, настройке и параметрам таких программ, которые в ряде компиляторов автоматически включаются в тело создаваемой с их помощью программы;

на этапе приготовления к заражению вредоносной программой чужого компьютера слеодообразующим объектом являлась сама вредоносная программа, созданная преступником и закамуфлированная под файл типа «JPEG», «DOC», «ZIP» или др. На этапе внедрения вредоносной программы «слеодообразующим объектом являлось сообщение электронной почты или ICQ-сообщение с прикрепленным исполняемым файлом в специальном формате, а на этапе активизации к нему добавился еще соответствующий исполняемый файл. Основными характеристиками слеодообразующих объектов, имеющими криминали-

стическое значение, являлись (могут являться в иных случаях) размер программы, а также сообщения электронной почты или ICQ-сообщения с прикрепленным исполняемым файлом; дата и время создания и (или) модификации файлов с вредоносной программой и сообщений; некоторые атрибуты файла; характерные записи (фрагменты) исполняемых программ или файлов конфигурации, которые позволили идентифицировать конкретный экземпляр вредоносной программы (электронный адрес ftp-сервера, куда следует отсылать чужие пароли, логины, номера телефонов провайдеров, IP-адрес компьютера и иную информацию с компьютера «жертвы»);

в качестве слеодообразующего объекта также могут выступать почтовые программы MS Outlook Express и др. Программы Интернет-мессенджеры ICQ и др. Они могут использоваться преступником для рассылки сообщений с прикрепленной вредоносной программой и индивидуальными настройками пользователя в виде его электронного адреса, с которого осуществлялась рассылка писем, и псевдонима пользователя, под которым происходило общение в сети Интернет;

к слеодообразующим объектам относятся текстовые редакторы (MS Word, Блокнот), с помощью которых был создан список рассылки писем с прикрепленной вредоносной программой, а также текст сообщения для таких писем;

стандартная программа MS Windows «Сетевые подключения» использовалась для осуществления удаленного доступа к сети Интернет, в настройках которой были сохранены чужие логины и пароли для доступа к сети Интернет, а также номера телефонов провайдеров.

Следовоспринимающий объект и проявление следов при совершении преступления. Например, непосредственными объектами воздействия программного обеспечения могут выступать два компьютера (преступника и потерпевшего), поэтому следовоспринимающих объектов также будет несколько. На компьютере преступника такими объектами могут быть следующие:

таблица размещения файлов (FAT 32, также могут быть FAT 16, NTFS или другая в зависимости от типа используемой операционной системы). В ней могут быть обнаружены следующие проявления: появление новых файлов (содержащих вредоносную программу и иных файлов, имеющих отношение к делу); преобразование форматов (смена форматов файлов); изменение времени и даты создания файлов; их атрибутов; размеров и др.;

системный реестр операционной системы Windows (98/XP/Vista/8/10), Apple и др. В соответствующих разделах системного реестра

могут быть созданы записи с помощью стандартной программы MS Windows «regedit», указывающие размещение и параметры установленных программ;

файлы, программы и конфиденциальная информация (включая чужие логины и пароли), скопированные с компьютера потерпевшего, лог-файлы нажатия клавиш потерпевшим (вирусная программа типа «Троян» может иметь функцию «клавиатурного шпиона»). В ходе исследования компьютерной системы могут быть обнаружены так называемые «скриншоты» (графические изображения экрана монитора) с компьютера потерпевшего, поскольку ряд вредоносных программ имеет такую функцию;

файлы и папки хранения исходящей электронной почты и прикрепленных исполняемых файлов, в которых хранились отсылаемые письма, а также папки, содержащие параметры конфигурации почтовой программы. При изучении этих папок могут быть обнаружены присланные с компьютера потерпевшего (при настройке вредоносной программы на отсылку сведений на электронный адрес) пароли и логины для доступа к сети Интернет, номера телефонов провайдеров и иная информация, несанкционированно копируемая вредоносной программой;

файлы конфигурации программ удаленного соединения компьютера сетью Интернет. В этих файлах могут быть обнаружены чужие логины и пароли, номера телефонов провайдеров.

На компьютере потерпевшего такими объектами могут быть следующие:

таблица размещения файлов (FAT 32, FAT 16, NTFS или другая в зависимости от типа используемой операционной системы). При изучении таблицы размещения файлов могут быть обнаружены следующие проявления: появление новых файлов (вредоносной программы), нового программного обеспечения; переименование файлов; изменение содержания файлов; их удаление и повреждение; изменение времени и даты создания файлов; их атрибутов и размеров; отсутствие доступа к информации, содержащейся в файлах (шифрование содержания, системных областей машинного носителя), и др.;

системный реестр операционной системы Windows (98/XP/Vista/8/10), Apple и др. В системном реестре указаны программы, которые прописаны в «автозагрузке». Как правило, именно туда прописывают себя вредоносные программы;

файлы и папки хранения входящей электронной почты и прикрепленных исполняемых файлов. В них могут храниться письма с прикрепленным файлом, содержащим вредоносную программу, что является одним из неопровержимых доказательств совершения обвиняемым преступления.

Основываясь на сказанном, мы можем утверждать, что приведенная схема изучения объектов-носителей следов преступной деятельности имеет существенное прикладное значение для обнаружения, фиксации и исследования информационных следов. Особо следует подчеркнуть следующее. Учитывая специфику совершения преступлений против информационной безопасности, необходимо акцентировать внимание на поисковой деятельности именно в отношении рассмотренной группы отражений криминальной деятельности. Поскольку, как свидетельствует практика расследования, ни одно уголовное дело, возбужденное по факту совершения криминального деяния в данной сфере, не может быть успешно завершено без тщательного изучения именно информационных следов противоправного деяния.

1. Криминалистика : учебник. – Ч. 3. Криминалистическая методика / под ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 295 с.

2. Ищенко, Е.П. Об актуальных проблемах технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений / Е.П. Ищенко // Актуальные проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию со дня образования кафедры криминалистики Акад. МВД Респ. Беларусь, Минск, 3 июня 2011 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Н.И. Порубов [и др.]. – Минск, 2011. – 267 с.

3. Литвинов, А.В. Правовые вопросы охраны компьютерной информации / А.В. Литвинов // Совет. государство и право. – 1987. – № 8. – С. 84–88.

4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. – Т. 3. – М. : Юристъ, 1997. – 478 с.

5. Шевченко, Б.И. Научные основы современной трасологии / Б.И. Шевченко. – М. : Тип. ТАСС, 1947. – 54 с.

6. Мещеряков, В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В.А. Мещеряков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 407 с.

7. Преступления в сфере информационной безопасности: квалификация и доказывание : учеб. пособие / под ред. Ю.В. Гаврилина. – М. : Юрид. ин-т МВД Рос. Федерации, 2003. – 245 с.

8. Волеводз, А.Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях / А.Г. Волеводз // Рос. следователь. – 2002. – № 1. – С. 4–12.

9. Мещеряков, В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации / В.А. Мещеряков : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. – Воронеж, 2001. – 387 л.

10. Гаврилин, Ю.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : учеб. пособие для вузов / под ред. Н.Г. Шурухнова. – М. : Кн. мир, 2001. – 88 с.

А.С. Коржов, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат медицинских наук, доцент
С.Н. Чигирь

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *Г.В. Мережко*

ПРОБЛЕМА ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ЛИЧНОСТИ

Раскрываются теоретические подходы к изучению феномена перфекционизма личности.

Личностный феномен «перфекционизм» является сложным психологическим конструктом, сочетающим избыточно высокие стандарты ожидаемых результатов деятельности и притязания, нарушение социальных когний (приписывание окружающим людям чрезмерно высоких ожиданий), персонализацию, связанную с постоянным сравнением себя с окружающими, поляризованное мышление по бинарному принципу оценки результатов деятельности и ее планированию («все или ничего»), отбор негативной информации о результатах своей деятельности. Мотивационной основой перфекционизма является интенсивный «конфликт достижения», при котором мотивы «стремление к успеху» и «избегание неудачи» выражены с одинаковой силой [10].

Перфекционизм – в психологии, убеждение, что наилучшего результата можно (или нужно) достичь. В патологической форме – убеждение, что несовершенный результат работы неприемлем. Он может быть как «нормальной» характеристикой личности, так и невротическим психическим отклонением от нормы обычного человека. Перфекционизм (от лат. perfectio – совершенство) является личностной чертой, которая предполагает чрезмерно высокие стандарты и невозможность испытывать удовлетворение от результатов деятельности. Пол, возраст и образование человека не оказывают влияния на проявление перфекционистских черт [1].

Несмотря на многочисленные дискуссии и попытки исследователей установить рамки и границы понятия «перфекционизм», он до сих пор остается сложным личностным конструктом без четко определенной структуры. Перфекционизм может иметь место в структуре разных типов личности. Но у депрессивных и тревожных людей проявления перфекционизма встречаются гораздо чаще. На протяжении многих эпох идея стремления к совершенству являлась одним из движущих мотивов

и регулятивных принципов в жизни человека и общества, представления об идеале формировали фундамент мировоззрения и самосознания человека, задавали его место и роль в социуме, историческом процессе, в природе и мироздании в целом, определяли вектор его развития. Перфекционисты – это люди, которые думают и делают в ущерб способности чувствовать, ощущать, мечтать, играть, интуитивно понимать и получать какие-либо удовольствия. Перфекционизму свойственна компульсивность: некое специфическое действие человек будет повторять в стереотипной форме снова и снова, настойчиво добиваясь лучшего результата. Отдельные руководители, которым, несомненно, также свойственны перфекционистские черты, иногда становятся тиранами для своих подчиненных, добиваясь от них идеальных результатов деятельности [3].

Психологический портрет современной культуры свидетельствует о том, что перфекционизм стал важной характеристикой человека нашего времени. Данное обстоятельство служит стимулом к интенсификации исследований этого феномена в психологии. В настоящее время многие психологи убеждены в деструктивности компульсивного стремления к совершенству. Наиболее признанной является модель перфекционизма, предложенная Н.Г. Гараян. Согласно этой модели перфекционизм включает в себя восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими), завышенные притязания и требования к себе, завышенные стандарты деятельности при ориентации на полюс «самых успешных», селектирование информации о собственных неудачах и ошибках, поляризованное мышление (все или ничего). На основе этой концепции создан и апробирован оригинальный опросник перфекционизма. Представленные модели и опросники ориентированы на изучение перфекционизма у взрослых [2]. В исследовании Н.Г. Гараян присутствует здоровый и патологический перфекционизм. А.Б. Холмогоровой и Н.Г. Гараян была введена типология патологического перфекционизма: нарцисстический и обсессивно-компульсивный [9]. Первый определяется как «доминирование мотивации достижения совершенства и получения одобрения и восхищения, в ущерб всем другим мотивам, превращение достижения и признания в главный смысл жизни». При обсессивно-компульсивном перфекционизме «идеализированный образ Я не вытесняет в такой степени все другие мотивы и содержательные интересы» наряду с потребностью в совершенстве сохраняется заинтересованность не только в результате, но и в самой деятельности. Изначально перфекционизм рассматривался как одномерный конструкт с единственным параметром в виде «чрезмерно высоких стандартов личности».

В настоящее время исследователи отстаивают многомерную структуру черты. В канадской концепции за основу взята объектная направ-

ленность, выделены черты «Я-адресованный», «адресованный другим», «адресованный миру» и «социально предписываемый» перфекционизм. В британской концепции выделены шесть компонентов (высокие личные стандарты, озабоченность ошибками, сомнения в действиях, высокие родительские ожидания и критика, стремление к порядку и организованности). В американской концепции выделены «высокие стандарты», «склонность к порядку», «тревога», «прокрастинация» и «проблемы в интерперсональных отношениях». Отмечены спорные аспекты этих концепций: уязвимость канадской концепции заключается в ее внутренней противоречивости [3].

Правомерно выдвигая тезис о многомерности перфекционизма, акцентируется единственный параметр «высокие стандарты» к собственной личности, миру, окружающим людям. Параметр «социально предписываемого перфекционизма» представляет те же высокие стандарты, только делегируемые индивиду значимыми другими (субъективное ощущение «принуждения к совершенству»). Эти представления не объясняют в полной мере то, как высокие требования к собственной личности трансформируются в саморазрушительную погоню за невозможным и становятся патогенными. Игнорируется ряд важных когнитивных параметров перфекционизма, в сочетании с которыми высокие стандарты становятся дезадаптивными. Нуждаются в уточнении интерперсональные параметры, в описание которых не вошли важные характеристики, например, склонность к ревнивому отслеживанию успехов других людей и сравнению себя с ними по принципу «чужие достижения – свидетельство моей несостоятельности». Представления о психологической структуре перфекционизма британской группы также уязвимы для критики. Они содержат разные основания классификации: наряду с индивидуальными характеристиками включают показатели родительского стиля, что не является личностной чертой. Наконец, американская модель описывает скорее разнообразные негативные последствия перфекционизма, чем его аспекты [4].

Структура перфекционизма нуждается в дальнейшем уточнении. На раннем этапе перфекционизм описывался психотерапевтами как однозначно негативное явление. В этом свете закономерно встал вопрос: как отличить патологическое стремление к совершенству от здорового желания добиться отличного результата, лежащего в основе многих достижений мировой цивилизации? Со временем перфекционизм стал пониматься как сложное явление, которое может принимать и здоровую, и патологическую формы. Были описаны «неадаптивная озабоченность оценением» и «позитивное стремление к достижениям», а также «здоровый» и «нездоровый», «адаптивный» и «неадаптивный», «позитив-

ный» и «негативный», «пассивный» и «активный» типы перфекционизма. Эти разработки также содержат ряд спорных моментов. Уязвимость для критики создает использование моделей и инструментов, разработанных с целью концептуализации и измерения патологического перфекционизма, для объяснения и диагностики его здоровых вариантов. Разработка дифференциальных критериев здорового и патологического перфекционизма по-прежнему остается актуальной задачей.

Перфекционизм непосредственным образом связан с детским опытом. Родители ребенка-перфекциониста были чрезмерно критичными, требовательными, редко проявляющими одобрение людьми. Как следствие, ребенок таких родителей стремится стать совершенным, чтобы избежать неодобрения других и принять самого себя через сверхчеловеческие усилия и грандиозные достижения. Любовь родителей чаще была условна и зависела от результатов деятельности и достижений ребенка, поэтому он постепенно приходил к убеждению, что только хорошее выполнение какой-либо работы делает его ценным. У ребенка не было права на ошибку, ему всегда приходилось удовлетворять родительские ожидания и избегать критики. Маленький перфекционист с детства был уверен в том, что если он постарается еще, то станет совершенным, и родители будут его любить. Они изначально задавали ребенку высокие поведенческие стандарты и требовали подчинения данным требованиям. Если при этом со стороны родителей присутствовала и любовь, такие дети получали эмоциональное преимущество и были способны впоследствии планомерно и легко добиваться своих целей. Когда в школе заставляют стремиться к высоким оценкам, дома родители за оценки ругают – этим уже сеются семена перфекционизма. Многие отличники как раз и есть будущие перфекционисты [5].

Так называемые люди-перфекционисты, являются обладателями противоположных состояний эго. Собственное «Я» они воспринимают полярно: либо хорошее, либо плохое. Такие типы личностей обычно склонны избегать чувств и действий, в которых они могут оказаться несостоятельными или впасть в зависимость от других людей. Они пытаются поддерживать позитивное ощущение собственной личности с помощью иллюзии отсутствия промахов и неудач. Они отрицают помощь, боятся признавать свою вину и стыдятся проявлений зависимости, поэтому от них редко можно услышать искренние извинения или слова сердечной благодарности. Перфекционисты либо избегают подобных человеческих проявлений, либо попросту к ним неспособны.

Перфекционизм описывался психотерапевтами как однозначно негативное явление. В этом свете закономерно встал вопрос: как отличить патологическое стремление к совершенству от здорового желания до-

биться отличного результата, лежащего в основе многих достижений мировой цивилизации? Со временем перфекционизм стал пониматься как сложное явление, которое может принимать и здоровую, и патологическую формы [6]. Можно сказать, что наличие перфекционистских черт – это две стороны одной медали. Люди редко пытаются избавиться от перфекционизма, если он работает в их пользу. Они приходят к такому выводу именно тогда, когда это качество начинает создавать им проблемы. Перфекционисты убеждены: все, что случается или случится с ними, – результат их собственной деятельности, а не случайных поворотов судьбы. Они уверены в том, что если все сделают правильно, то смогут контролировать неконтролируемое. Удивительно, но все положительные черты, демонстрируемые перфекционистами, такие как ответственность, привередливость, усердие и т. д., являются на самом деле реактивными образованиями и направлены против желания быть безответственными, недисциплинированными [7].

Понятие перфекционизма можно трактовать по-разному, так как данный термин может быть многовариантным. Патологический перфекционизм может быть очень разрушительным и иметь негативные последствия для нормальной жизни. Позитивный же перфекционизм, не переходящий в маниакальное самосовершенствование, может подпитывать нас энергией для великих дел и достижений. Недаром многие известные люди были перфекционистами. Перфекционизм как явление современной жизни может быть связан не только с дезадаптацией, но и с нормальным адаптивным существованием. Когда человек получает позитивный настрой от усердной работы и ее блестящих результатов, стремится к самосовершенствованию и в результате достигает заслуженного успеха [8].

Как же проверить, к какому типу перфекционистов вы принадлежите? Это просто. Если вы живете с убеждением, что наилучшего результата можно и нужно достичь, можете не беспокоиться и жить дальше. В случае же если вы уверены в том, что несовершенный результат работы никогда неприемлем, стоит задуматься о последствиях подобного убеждения. Поэтому важно уметь ставить перед собой реальные цели, жить разумом, а не фантазиями, радоваться своей способности самому исполнять свои желания, реализовывать мечты и помнить при этом, что грань между нормой и патологией весьма расплывчата, а личностная черта «перфекционизм» имеет сложную психологическую структуру. На сегодня не сформировалось однозначного понимания генезиса и детерминанта личностного перфекционизма среди психологических направлений.

1. Гарчева, И.И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.И. Гарчева. – М. : Ин-т психологии, 2006. – 24 с.
2. Гараян, Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств : автореф. дис. ... докт. психол. наук / Н.Г. Гараян. – М. : МГУ, 2010. – 42 с.
3. Гараян, Н.Г. Диагностика перфекционизма при расстройствах аффективного спектра : метод. пособие / Н.Г. Гараян, Т.Ю. Юдеева. – М. : МНИИ психиатрии, 2008. – 19 с.
4. Воликова, С.В. Современные исследования детского перфекционизма / С.В. Воликова // Социал. и клин. психиатрия. – 2012. – Т. 22. – № 2. – С. 94–99.
5. Ильин, Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 224 с.
6. Холмогорова, А.Б. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия / А.Б. Холмогорова // Моск. психотерапевт. журн. – 2004. – № 1. – С. 18–35.
7. Воликова, С.В. Родительский перфекционизм – фактор развития эмоциональных нарушений у детей, обучающихся по усложненным программам / С.В. Воликова, А.Б. Холмогорова, А.М. Галкина // Вопр. психологии. – 2006. – № 5. – С. 23–32.
8. Гараян, Н.Г. Психологические модели перфекционизма / Н.Г. Гараян // Вопр. психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
9. Гараян, Н.Г. Типологический подход к изучению перфекционизма / Н.Г. Гараян // Вопр. психологии. – 2009. – № 6. – С. 52–60.
10. Корчагин, В.М. Перфекционизм личности как научная проблема современной психологии: аналитический разбор / В.М. Корчагин // Вестн. Самар. юрид. ин-та. – 2011. – С. 75–78.

УДК 34 (09)

С.В. Король, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук *А.И. Мурашко*

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент *А.С. Жмуровский*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Рассматриваются методы оперативно-розыскной деятельности, применяемые в своей деятельности правоохранительными органами Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Выявляются те из них, которые стали истоками современных методов борьбы с преступностью.

Одним из эффективных методов оперативно-розыскной деятельности в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. было агентурное наблюдение, которое применялось в политическом, уголовном сыске и в деятельности контрразведывательных подразделений.

Среди правовых актов, регламентирующих деятельность секретных агентов, при осуществлении политического розыска необходимо выделить Инструкцию по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения (далее – Инструкция), принятую в 1907 г. В соответствии с Инструкцией внутренние агенты делились на секретных сотрудников и вспомогательных агентов, а по их использованию – на постоянно действующих и «штучников», при этом отмечается нежелательность использования последних [1, с. 42].

Из положений Инструкции следует, что к агентам, ведущим внутреннее наблюдение, предъявлялся определенный ряд требований при выборе их кандидатуры. Это, в первую очередь, говорило о том, что внутреннее наблюдение в политическом розыске занимало одно из важнейших средств по раскрытию преступлений и предотвращению их совершения.

Важно отметить, что агенты, которые занимались внутренним наблюдением, были «секретными», т. е. об их деятельности не мог знать никто из их окружения: все имена, фамилии и клички таких сотрудников были засекречены и тщательно скрывались. Секретные сотрудники ни в коем случае не должны были знать друг друга, так как это могло повлечь полный провал операции или даже смерть одного из них. Агенты внутреннего наблюдения не должны были вызывать никаких подозрений: это были обычные люди, внешне не отличающиеся от всех остальных.

Сотрудники, занимающиеся внутренним (агентурным) наблюдением, должны были быть членами одной из революционных организаций (сведения о которых они предоставляли) или тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых партий. В этом случае считалось, что сведения, полученные такими сотрудниками, будут достоверными и ценными. Это обосновывалось и тем фактом, что агент, состоящий в какой-либо партии может без труда завладеть нужной ему информацией, не вызывая при этом в отношении себя никаких подозрений.

В связи с этим в данной Инструкции указывалось, что «Для успешной работы в деле политического розыска у руководства внутренней агентуры лица, ведающие розыском, должны знать программы революционных партий, быть знакомы с историей революционного движения,

положением его, движения, в данный момент и следить за революционной литературой» [2, с. 96].

Сведения, полученные от агентов внутренней агентуры, тщательно проверялись, что подтверждалось в Инструкции по организации внутреннего наблюдения: «Сведения, полученные от секретных сотрудников, обязательно проверяются, если к этому представляется возможность, наружным наблюдением» [2, с. 101].

Одним из наиболее важных моментов в начале агентурной деятельности по внутреннему наблюдению являлась проверка нового агента. Достаточно часто агенты, которые еще не заслужили свою репутацию у сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, проверялись руководством по нескольку раз, информация, полученная от таких агентов, перепроверялась более опытными коллегами. Точность информации агента внутреннего наблюдения – один из основных факторов, влияющих на ход раскрытия преступления.

Основным плюсом внутреннего наблюдения была его малозатратность. Также можно отметить действенность данного способа оперативно-розыскной деятельности: достаточно большое количество агентов, владеющих внутренним наблюдением, приносили достоверную информацию, помогающую не только раскрыть преступление в более короткие сроки, но даже предотвратить его.

Использовались методы агентурной работы в деятельности органов уголовного сыска. Сыскные подразделения Российской империи начали формироваться с 1866 г. и действовали до 1917 г. Задачи уголовного сыска – раскрытие общеуголовных преступлений, проведение дознания по ним, розыск преступников и без вести пропавших.

В конце XIX – начале XX в. большинство преступлений совершались тайно, без посторонних очевидцев и свидетелей. Преступник всегда старался тщательно скрыть следы преступления, а также все то, что могло каким-то образом указать на его причастность к данному преступлению.

В задачи органов уголовного сыска в ходе раскрытия преступления входило, главным образом, получение достоверной информации о каждом преступлении: кто его совершил, каким методом, где находится похищенное имущество или сам преступник и т. д. Основная ответственность за донесение такой информации в уголовном сыске лежала на осведомителях – агентах, которые предоставляли такую информацию за определенное вознаграждение. В уголовном сыске часто использовались секретные агенты, эффективная деятельность которых активно на-

чала развиваться в конце XIX в. В то же время правовое регулирование агентурной работы в уголовном сыске касалось, главным образом, учета и соблюдения секретности ее результатов, методы руководства агентурой по сравнению с политическим розыском урегулированы были весьма слабо [1, с. 47].

Информацию по каждому преступлению агенты уголовного сыска предоставляли конфиденциально. Это означало, что о деятельности такого агента не было известно постороннему кругу лиц, информация передавалась исключительно секретно.

Обучение и воспитание руководителей сыскных подразделений, рядовых работников сыска осуществлялись как с помощью самообразования, так и централизованно, на организованных при Департаменте полиции курсах [1, с. 46]. Однако даже такой подход к обучению агентов уголовного сыска, их руководителей часто не давал положительных результатов. Успехов в агентурном наблюдении добивались далеко не все обученные сыщики.

Важную роль агентурное наблюдение играло и в деятельности военных контрразведывательных отделениях Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Агентурное наблюдение военной контрразведки было достаточно эффективным, но осложняло работу данных органов отсутствие правовой базы, регламентирующей их деятельность. По этому поводу в своей работе высказался С.Н. Жаров: «...до начала XX столетия в России органы военной контрразведки создавались только в военное время, а по окончании боевых действий упразднялись. Тем самым предавался забвению накопленный опыт борьбы со шпионами и диверсантами противника, а немногочисленные профессиональные контрразведчики оставались не востребованы правительством и вынуждены были искать службы в иных государственных органах» [1, с. 41].

В начале XX в. роль секретных агентов в военной контрразведке резко возрастает, государство осознает значимость и эффективность их деятельности.

Достаточно высокая заслуга военной контрразведки отмечалась в годы Первой мировой войны. С помощью применяемого в ней агентурного наблюдения были разоблачены более 150 лиц, более 80 австрийских и немецких шпионов [3].

Среди методов оперативно-розыскной деятельности, применяемых правоохранительными органами Российской империи, можно выделить филлерское наблюдение. Большое распространение на территории Рос-

сийской империи филлерское наблюдение обрело лишь в конце XIX – начале XX в., когда его значимость официально была признана сыскными органами. До этого момента оно являлось не основным, а вспомогательным средством розыска к внутреннему наблюдению.

Наружное (филлерское) наблюдение означало слежку за неблагонадежным лицом специально обученными агентами, которые действовали по особому заданию. Таких агентов называли филлерами, что в переводе с немецкого означало «следовать».

В 1894 г. при Московском охранном отделении был создан Летучий отряд филлеров. Управлял им лучший московский филлер Е.П. Медников, уроженец Ярославской губернии Рыбинского уезда, ставший позднее одним из самых знаменитых сыщиков империи по политическим делам [4, с. 171]. Данный отряд был создан с целью борьбы с «неблагонадежными элементами» и тайными организациями. В начале своего существования Летучий отряд насчитывал порядка 30 филлер-агентов.

К 1901 г. штат Летучего отряда значительно увеличился, приблизительно на 20 человек, в связи с возрастанием потребности общества в его услугах. В отличие от агентов внутреннего наблюдения, филлер-агенты имели очень большой опыт сыска, определенно знали свое дело. В 1902 г. Летучий отряд упразднили, однако филлерское наблюдение оставалось востребованным методом оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на все трудности, связанные с ведением и организацией наружного наблюдения, данный метод оперативно-розыскной деятельности активно развивается не только в отведенных для наружного наблюдения отрядах, но и в сыскных отделениях полиции.

В 1907 г. были изданы Инструкция по организации наружного (филлерского) наблюдения, а также Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения. Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения включала в себя параграфы, которые закрепляли назначение наружного наблюдения, и основные методы его ведения. Инструкция по организации наружного (филлерского) наблюдения 1907 г. более детально регламентировала порядок отбора филлеров. Например, параграф 2 данной Инструкции закреплял общие положения для отбора филлеров: «Филлер должен быть политически и нравственно благонадежен, твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правильный, откровенный, но не болтун, уживчивый, серьезно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям; крепкого здоровья,

в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью...» [2, с. 120–121].

Правила ведения филлерского наблюдения закреплялись в некоторых параграфах Инструкции по организации наружного (филлерского) наблюдения 1907 г. Например, § 23 устанавливал: «Филлеру, назначенному на пост, указывается место, откуда нужно взять наблюдаемое лицо, описываются приметы последнего, дается (если есть) фотографическая карточка; сообщается, если известно, время выхода или прихода; вообще дается вся сумма имеющихся данных, по которым можно узнать лицо, подлежащее наблюдению» [2, с. 125].

Анализируя данные параграфы Инструкции по организации наружного наблюдения, необходимо отметить, что критерии отбора филлеров, а также условия их работы были достаточно жесткими, которые под силу далеко не каждому человеку.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить важность агентурного и филлерского наблюдения для всех правоохранительных органов Российской империи. Благодаря данным методам раскрытие преступлений стало более быстрым и эффективным. Стоит отметить, что организационно-правовые методы оперативно-розыскной деятельности в Российской империи были заложены в основу оперативно-розыскной деятельности ОВД, органов государственной безопасности и других правоохранительных органов Советского государства и Республики Беларусь. Поэтому преуменьшать роль агентурной работы с начала ее становления в Российской империи никак нельзя. Об ее эффективности свидетельствует и исторически отмеченный факт: с началом применения агентурного и филлерского наблюдения в оперативно-розыскных органах Российской империи произошел резкий скачок раскрываемости и предотвращения совершения преступлений.

1. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров. – Екатеринбург, 2010. – 57 с.

2. Щербакова, Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов, 1880–1917 г. / Е.И. Щербакова ; под ред. Г.А. Бордюгова. – М. : АИРО – XXI ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 384 с.

3. Родин, И. Военная контрразведка Российской империи [Электронный ресурс] / И. Родин. – Режим доступа: <http://rovs2.narod.ru/oneone.html>. – Дата доступа: 11.04.2017.

4. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917) / З.И. Перегудова. – М. : РОССПНЗ, 2000. – 430 с.

УДК 343.91

В.В. Кравец, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.С. Яловик

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.А. Кашиевский*

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проанализирована эволюция ст. 172 и 173 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественное поведение, в контексте современных тенденций защиты прав несовершеннолетних.

Государство, как и международное сообщество, предоставляя человеку комплекс прав и свобод и гарантируя их охрану, под особую защиту ставит права и интересы несовершеннолетних.

Правовая защита детей и несовершеннолетних относится к любой сфере их жизни, в том числе и к тем случаям, когда они попадают в уголовно-правовую сферу, становясь либо жертвами преступлений, либо их субъектами.

Используя термин «несовершеннолетний» государство не просто устанавливает юридическую границу между несовершеннолетним и взрослым, но и создает тем самым отдельную социально-демографическую группу людей – носителей специфических прав и обязанностей. В первую очередь это связано с необходимостью особой специальной юридической защиты несовершеннолетних.

Государственная политика в сфере защиты интересов детей и несовершеннолетних направлена на достижение таких целей, как:

формирование правовых гарантий их прав, создание соответствующих органов по защите прав и законных интересов ребенка;

содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей и несовершеннолетних, воспитание у них патриотизма и гражданственности [2, 3].

Несовершеннолетние, как социальная группа, отличаются особой подверженностью негативному воздействию общества как в физическом,

так и в духовно-нравственном плане. Небольшой жизненный опыт, зависимость от родителей или законных представителей приводит к тому, что ребенок не может защитить свои права на том же уровне, что и взрослый. Отсюда следует, что необходима повышенная защита законных интересов несовершеннолетних по сравнению с другими субъектами права.

Закрепляя принцип защиты государством семейных ценностей, Конституция Республики Беларусь в ст. 32 «Брак, семья, материнство, отцовство и детство» установила запрет на действия, связанные с жестоким обращением с ребенком или его унижением, закрепила обязанность родителей или лиц, их заменяющих, воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении [1, с. 10].

Права ребенка находятся в центре внимания многих международных документов. Как отмечено в Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1959 г., ввиду их физической и умственной незрелости дети нуждаются в специальной охране и заботе, включая правовую защиту [4, с. 135].

Как показывает изучение вопроса, фактически во всех международных документах, посвященных охране ребенка, обращается внимание на то, что дети должны быть ограждены от любых противоправных действий в отношении их. В связи с этим должен осуществляться особый контроль и регулирование сфер деятельности, которые оказывают влияние на подрастающее поколение. Особый акцент делается на защите ребенка от незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ и от использования детей в противозаконном производстве таких веществ и торговле ими; эксплуатации, в том числе экономической, сексуальной и от других ее форм, наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребенка; использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах; от сексуального соращения; посягательств на его свободу, включая похищение, торговлю им, контрабанду в любых целях [4, с. 146].

Указанные положения отражены и в национальном законодательстве Республики Беларусь. В частности в ст. 9 Закона от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка» указано, что «государство обеспечивает неприкосновенность личности ребенка, осуществляет его защиту от всех видов эксплуатации, включая сексуальную, от физического и (или) психического насилия, жестокого, грубого или оскорбительного обращения, унижения, сексуальных домогательств, в том числе со стороны родителей (опекунов, попечителей) и родственников, от вовлечения в преступную деятельность, приобщения к спиртным напиткам, немедицинскому потреблению наркотических средств, токсических, психотропных и других сильнодействующих, одурманивающих веществ, принуждения к

занятию проституцией, попрошайничеством, азартными играми или совершению действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера...» [3].

Особое значение защита прав несовершеннолетнего приобретает в рамках уголовного закона, так как данная область правовой системы затрагивает отношения, связанные с наиболее значимыми правовыми ценностями, такими как жизнь, здоровье, свобода и неприкосновенность личности и т. д.

Уголовное право Беларуси основывается на гуманном подходе к несовершеннолетним, внедрении в законодательство и правоприменительную практику всемерной охраны их прав и интересов, в том числе и охраны от преступных посягательств со стороны взрослых преступников. Реализуя данный подход, законодатель предусмотрел в ст. 172 и ст. 173 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение [7].

Подростки, особенно нравственно неустойчивые, легко вовлекаются взрослыми лицами в преступную или иную антиобщественную деятельность. Статистические данные свидетельствуют о значительном количестве совершаемых таких преступлений: по ст. 172 УК в 2012 г. привлечено к уголовной ответственности 32 взрослых преступника, 2013 г. – 14, 2014 г. – 16, 2015 г. – 38, 2016 г. – 43; а по ст. 173 УК, соответственно: 4, 2, 5, 1, 5 человек.

Данные преступления против несовершеннолетних представляют повышенную опасность для современного общества не только потому что они расширяют круг несовершеннолетних преступников, но и потому что «вовлечение» оказывает развращающее воздействие на несовершеннолетних, нарушает нормальное духовно-нравственное развитие детей, оказывает негативное влияние на развитие общества и государства в целом.

На наш взгляд, система защиты прав несовершеннолетних еще не в полной мере отвечает потребностям современного правового демократического государства, что предполагает необходимость активизации законодательных и правоприменительных мер в указанном направлении.

Во-первых, многие составы преступлений, отличающиеся высокой степенью общественной опасности и распространенностью, не имеют квалифицирующих признаков, связанных с несовершеннолетним возрастом потерпевшего. Речь идет о посягательствах на личность, отношения собственности и общественный порядок, совершенных с применением или угрозой применения насилия (ст. 139, 147, 205–207, 339 УК и др.).

Во-вторых, преступность несовершеннолетних остается одной из проблем гражданского общества республики. Согласно данным На-

ционального статистического комитета несовершеннолетними и при их участии было совершено в 2010 г. – 3 946 преступлений, 2011 г. – 3 347, 2012 г. – 2 610, 2013 г. – 1 983, 2014 г. – 2 240 [5, с. 96].

Исходя из анализа статистики, видно, что в течение пяти лет количество преступлений, с незначительным отклонением в сторону увеличения в 2014 г., в целом уменьшается. Несмотря на снижение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, данный показатель все равно тревожит.

Несовершеннолетними совершаются преимущественно преступления против собственности, общественного порядка и здоровья населения.

Так, к примеру, в 2014 г. несовершеннолетними было совершено 9 убийств, 1 093 кражи, 129 грабежей и разбоев, 326 хулиганств, 96 угон транспортных средств, 371 преступление, связанное с наркотическими средствами, и т. д. [4, с. 97]. Отметим, что многие из этих преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений.

В-третьих, существует необходимость проведения системного анализа нормативно-правовой базы, регулирующей как вопросы уголовной ответственности, так и профилактику нарушений прав несовершеннолетних, в целях выявления пробелов, противоречий и их устранения путем совершенствования законодательства. Как отмечается некоторыми авторами, положения раздела пятого Уголовного кодекса об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних содержат значительные резервы для их дальнейшего совершенствования [6, с. 214].

Обратимся к анализу эволюции норм национального законодательства, предусмотренных ст. 172 и ст. 173 УК, которые устанавливают уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение. В новом Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. эти деяния рассматриваются как самостоятельные преступления. Указанными статьями УК открывается специальная глава 21 о преступлениях, посягающих на уклад семейных отношений и интересы несовершеннолетних.

Анализируя УК 1999 г. и УК БССР 1960 г., можно сказать, что в действующем УК ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение существенно дифференцирована, а нормы впервые стали обладать квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками (ч. 2, 3 ст. 172, ч. 2 ст. 173 УК).

Во-первых, предусмотрено вовлечение несовершеннолетнего не в преступную деятельность, а в совершение даже единичного преступления.

Во-вторых, впервые предусмотрены квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступления: совершение с применением насилия или с угрозой применения насилия, либо совершение этого преступления

родителем, педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 172 УК); действия, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в организованную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 3 ст. 172 УК).

За преступление с основным составом (без квалифицирующих признаков) наказание в виде лишения свободы сохранилось в тех же пределах: до пяти лет. И оно было единственным наказанием, предусмотренным в санкции ч. 1 ст. 172 УК. Однако в соответствии с внесенными Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3 изменениями эта санкция стала альтернативной, поскольку в нее было введено наказание в виде ограничения свободы на срок до пяти лет. При наличии квалифицирующих признаков наказание в виде лишения свободы может быть назначено на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без применения такого дополнительного наказания. Наличие особо квалифицирующих признаков еще более усиливает ответственность: в санкции ч. 3 ст. 172 УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет.

Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение в соответствии со ст. 173 УК предполагает вовлечение его в систематическое потребление спиртных напитков либо в систематическое немедицинское потребление сильнодействующих и других одурманивающих веществ, либо в бродяжничество и попрошайничество.

В первоначальной редакции данной статьи к вовлечению в антиобщественное поведение относилось и вовлечение несовершеннолетнего в проституцию, а также в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера.

В настоящее время такое вовлечение охватывается самостоятельными составами преступления Особенной части: ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо продолжению занятия проституцией», ст. 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера», ст. 343¹ «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

Поскольку вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение теперь выделено в самостоятельный состав, законодатель счел возможным дифференцировать ответственность за указанные деяния в сторону смягчения санкций по сравнению с санкциями за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. За указанное преступление без квалифицирующих признаков предусмотрены арест на срок до шести месяцев или лишение свободы на срок до трех лет.

Квалифицирующие признаки данного состава преступления совпадают с признаками, предусмотренными в ч. 2 ст. 172 УК (применение насилия, угроза применения насилия или совершение родителем, педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего). Но санкция за это преступление мягче, она предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без применения такого дополнительного наказания.

В целом, перечень преступлений, объектом которых являются интересы несовершеннолетних, в новом УК расширился – но они, по-прежнему, занимают в уголовном законе незначительное место, располагаются разрозненно, в различных разделах кодекса. В сравнении с УК 1960 г., сохранилась в УК 1999 г. ответственность (с незначительными изменениями норм) за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168 УК), развратные действия (ст. 169 УК), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественное поведение (ст. 172 и 173 УК), уклонение родителей от содержания детей (ст. 174 УК), подмену ребенка (ст. 180 УК).

Новеллами УК 1999 г. явились нормы, предусматривающие ответственность за преступления против несовершеннолетних: насильственные действия сексуального характера (ч. 2 и ч. 3 ст. 167 УК), вовлечение в занятие проституцией либо продолжению занятия проституцией (ст. 171¹ УК), незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей (ст. 177¹ УК), склонение к потреблению наркотических средств (ч. 2 ст. 219 УК), изготовление и распространение порнографических материалов (ч. 2 ст. 343 УК), изготовление и распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетнего (ст. 343¹ УК).

В целом, законодательство Республики Беларусь в должной мере обеспечивает охрану интересов несовершеннолетних посредством совершенствования и уточнения уголовно-правовых запретов на совершение противоправных действий в отношении несовершеннолетних граждан Республики Беларусь.

Действующий УК 1999 г. в большей мере отвечает как требованиям Конституции, так и международным стандартам в области правовой охраны несовершеннолетних. В нем уже просматривается систематизированный подход к уголовно-правовой охране ребенка в специальной гл. 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних».

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. О Модельном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14-9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2012 г. № 376-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Права человека : сб. междунар.-правовых док. / сост. В.В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – 1146 с.

5. Правонарушения в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И.В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 174 с.

6. Ялович, В.С. О совершенствовании уголовно-правовых мер предупреждения преступности несовершеннолетних во взаимосвязи с тенденциями ювенальной юстиции / В.С. Ялович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 апр. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск, 2013. – С. 213–214.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2016 г. № 407-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.9

Е.Ю. Куцко, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Р.М. Ропот*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Анищенко*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается история возникновения, развития и использования специальных средств. Акцентируется внимание на существующей проблеме право-

вого режима применения специальных средств, как правоохрательными органами, так и гражданами.

В техническом оснащении правоохрательных органов специальные средства занимают особое место. Они являются универсальным средством, обеспечивающим безопасность сотрудников органов внутренних дел и граждан за счет своего прямого назначения – оказание воздействия на правонарушителя. Однако прежде чем стать на вооружение правоохрательных органов, специальные средства прошли многовековую историю развития и становления: от дубинки до современной палки резиновой, от средств охоты и труда до средства борьбы с правонарушениями. Необходимо отметить, что прообразом практически всех современных специальных средств являются предметы, которые возникли еще в первобытном обществе и использовались человеком в качестве вооружения.

Так, еще в первобытнообщинном строе первым прототипом вооружения, которое можно относить к специальным средствам, являлась дубинка. Это древнейшее оружие человека, которое изготовлялось из обычной палки. Человек использовал дубинку в процессе охоты для добывания зверя, а также при обороне своего жилища от врагов.

Примерно 12 тыс. лет до н. э. появляются первые прототипы защитного оружия, которое прикрывало тело воина (щиты, латы, кольчуги, панцири). Около 1500 лет до н. э. в качестве бронезилета использовали свернутые листы бронзы. В это же время в армиях Древнего Востока, Китая, Индии появились щиты, которые обтягивали кожей и мехом, а затем начали изготавливать бронзовые, медные и железные щиты.

С повсеместным распространением железных предметов появляются первые прообразы современных наручников. Это были простые железные кольца, соединенные цепью. Называли такие изделия кандалами. Они не имели замков, их заклепывали, нагревая на огне штифт, вставляя его в проушины браслетов, и расплющивали концы молотком. Разумеется, ключей тоже не было, что и создавало определенные неудобства при их использовании.

В IV в. до н. э. в Китае впервые начали использовать ядовитые газы для борьбы с подкопами врага под стенами крепости. Они вызывали приступы удушья и даже смерть. Применяли их и в ходе боевых действий. Так, в античные времена, в период Пелопонесской войны (431–404 гг. н. э.) применяли токсичные дымы. Спартанцы помещали серу и смолу в бревна, которые подкладывали под городские стены, а потом поджигали. Также в Китае, но уже в Средние века, была создана бомба из картона, заполненная серой и известью. Она применялась во время

морских сражений. Падая в воду, бомба взрывалась с оглушительным грохотом, одновременно распространяя в воздухе ядовитый газ. Образовавшийся дым от контакта воды с серой и известью вызывал такие же последствия, как и современный слезоточивый газ [1, с. 144].

В Средние века продолжают совершенствоваться и дубинки. Так, в Японии они своим видом напоминали нынешнюю палку резиновую и носили различные названия: канабо, консайбо, нейбо и дзюттэ. Например, дзюттэ было похоже на короткий кусок арматуры с рукояткой и прямым крюком, что помогало быстро усмирять противника.

Совершенствуется и защитная одежда. Так, в Московской Руси появилась кольчуга, которая состояла из нескольких тысяч колец и весила до 17 кг. Были и более легкие образцы массой от 6 до 10 кг: панцирь и байдана. Доспехи, которые были собраны из колец, полуколец и пластин в различных сочетаниях, назывались бехтерец, юштан и колонтарь [1, с. 12].

Важнейшей частью защитного вооружения древнерусского ратника было металлическое оголовье – шлем. С X по XVII в. использовались металлические головные уборы вытянутой закругленно-заостренной, конусовидной и других форм. Их высота достигала 50 см. Для защиты лица, шеи, плеч и верха спины воина применяли бармицу – сетку, выполненную из мелких металлических колец, прикрепленную снизу к внутренней стороне шлема. Бармица скреплялась и под подбородком во время боя [1, с. 13].

Уже с XIV в. начали использовать устройство, которое прикрывало поверх кольчуги грудь, спину и бока ратника – зеркало. Его изготовляли из крупных металлических пластин и просуществовало оно на Руси вплоть до XVIII в.

В начале XVI в. начинают видоизменяться и наручники. Была произведена первая массовая партия стальных браслетов «Darby». Их можно было надеть как на руки, так и на ноги. Из этих браслетов выбраться было все-таки непросто, но тем не менее у них был один существенный недостаток – не регулировался размер. Так, например, человек с маленькими руками мог просто выскользнуть из «Darby». Поэтому производители вынуждены были наладить выпуск трех разных размеров: самые большие – для мужчин, средние – для женщин, самые маленькие – для малолетних преступников. Такая конструкция наручников сохранилась вплоть до начала XX в. [1, с. 128].

Во второй половине XIX в. начинает существенно видоизменяться дубинка. Меняется не только название – «палица», но и ее целевое назначение, а именно с 20 мая 1881 г., когда министр внутренних дел Российской империи направил доклад «О вооружении нижних чинов

Санкт-Петербургской городской полиции деревянными палицами»: «Всепопданнейшим долгом считаю испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения на вооружение нижних чинов Санкт-Петербургской городской полиции, взамен шашек драгунского образца, деревянными палицами согласно прилагаемому при сем описанию». Несмотря на отказ императора министру, уже изготовленные ранее полицейские деревянные палицы выдали некоторым должностным лицам. Об этом свидетельствует архивная расписка начальника Санкт-Петербургской исправительной тюрьмы от 26 мая 1881 г., выданная еще до получения ответа: «Деревянную палицу для вооружения чинов полиции в футляре получил» [2, с. 71].

Следует отметить, что именно с XIX в. значительная часть специальных средств начинает переходить из категории «армейского» снаряжения в вооружение правоохранительных органов, так как их применение, благодаря конструктивным и целевым свойствам, способствует выполнению задач, которые стоят перед данными органами.

До 1917 г. вопрос о необходимости палицы не снимался. При этом власти больше ориентировались на опыт союзников – Франции и Англии. В итоге, в конце XIX – начале XX в. в Российской империи для вооружения нижних чинов городской полиции предлагались сначала деревянные палицы, а затем и стеки, близкие по назначению и способам применения к известной в мировой полицейской практике дубинке [2, с. 71].

Стоит отметить, что кольчуги, щиты, стальные латы и т. д. использовались до огнестрельного оружия, а с его появлением эти средства защиты стали бесполезными. Сохранилась только каска. Потребность в защите от огнестрельного оружия поставила вопрос о разработке и изготовлении новых средств. Так появились сперва бронешиты, а затем и бронежилеты.

Интерес к индивидуальным средствам защиты возрос еще больше после русско-японской войны, когда японские солдаты атаковали русские позиции под Порт-Артуром, прикрываясь 20-килограммовыми бронешитами. Тем не менее до Первой мировой войны войска не имели на вооружении индивидуальных средств защиты. Но потребность в них выявилась достаточно скоро. Дело в том, что 60–80 % от общего числа ранений личного состава приходилось на осколочные. Поэтому и возникла мысль возродить индивидуальные средства защиты. Нагрудные металлические пластины весом до 9 кг начали применять в немецкой, итальянской и английской армиях. А в 1914 г. в России появился нагрудник с бронепластинами в матерчатом чехле. И уже к концу Первой мировой войны около 5 % личного состава армий западных государств

были обеспечены теми или иными средствами индивидуальной броне-защиты [2, с. 15].

Во время Первой мировой войны помимо средств индивидуальной защиты используются при атаках еще тонны ядовитых веществ и газов. Так, всеми воюющими государствами было применено 125 тыс. т отравляющих веществ, в том числе 47 тыс. т – Германией. От применения химического оружия пострадали около 1 млн человек [1, с. 144–145].

Примерно в это же время, в 1912 г., продолжают совершенствоваться и наручники. Инженеры компании «Peerless» поняли, что для того, чтобы прочно сковать человека, стальные браслеты «Darby» ненадежны по своим конструктивным особенностям, поэтому нужен индивидуальный подход. Исходя из этого, была разработана новая конструкция с дужкой, которая проворачивалась насквозь.

Благодаря этой особенности наручники можно было подгонять под размер кистей каждого конкретного человека. Кроме этого был применен храповый механизм. Его принцип действия был основан на том, что верхняя дужка наручников могла свободно вращаться только в одном направлении, а обратно, лишь только если трещотку удерживает ключ [1, с. 128]. В 1932 г. был окончательно доработан дизайн новых наручников компаниями «Peerless» и «Smith&Wesson». С этих пор их начинают использовать весь мир.

Продолжается совершенствование и доработка пуленепробиваемых жилетов. В 1942 г. в Красную Армию поступил стальной нагрудник СН-42. Его предшественниками были следующие образцы: СН-38, СН-39, СН-40, СН-40А. Нагрудник состоял из верхней и нижней стальных пластин, соединенных ремнями, мягкой подложки и ремня крепления на туловище. На правом плече был вырез для приклада оружия. Данный нагрудник мог использоваться в трех случаях: для защиты груди и живота, в качестве щитка, с амбразурой. Нагрудник СН-42 изготавливали из стали толщиной 2 мм, масса которого составляла 35 кг. Его не могла пробить 9-мм пуля со стальным сердечником немецкого пистолета-пулемета MP-40 с расстояния 125–150 м [1, с. 15].

В послевоенное время больших достижений в области создания и развития индивидуальных средств защиты достигли американские специалисты. Так, в период войны в Корее с 1950 по 1953 гг. они широко использовали нейлон в сочетании с алюминиевой броней, а позже – со слоистым стекловолокном. Солдат от осколков защищал американский нейлоновый жилет М-52 массой около 4,5 кг, благодаря которому уровень смертности снизился на 65 % [1, с. 17].

С 1962 г. на вооружение советской милиции поступили дубинки. Их применение было регламентировано закрытым приказом МВД РСФСР.

В целях усиления охраны государственных, общественных интересов и личных прав советских граждан от посягательств преступных элементов в соответствии с Приказом МВД РСФСР «О принятии на вооружение милиции резиновой палки и наручников» эти атрибуты вооружения стали использовать правоохранительные органы. Порядок применения дубинки и наручников определяли специальные инструкции. В приказе министра оговаривалась необходимость «последовательного ввода» резиновой палки в автономных республиках, краях и областях [2, с. 72].

Значительные изменения в производстве индивидуальных средств защиты произошли в начале 70-х гг. XX в., когда были созданы синтетический материал кевлар, разработанный фирмой «ДюПон», и специальная высокомолекулярная ткань (СВМ), разработанная отечественными производителями.

Также в 60–70-е гг. XX в. в СССР испытывались новые материалы из титановых и магниеволитиевых сплавов, стеклопластиков, синтетических тканей. В результате проведенных работ был создан и принят на вооружение противоосколочный бронежилет под индексом 6Б2. С 1972 по 1979 гг. в СССР было произведено около 30 тыс. таких комплектов средств защиты [1, с. 18].

Изменения коснулись и палки резиновой. К концу 70-х гг. XX в. приказом МООН РСФСР вводится новый порядок ношения и применения резиновой палки: «Разрешить ношение резиновой палки в обнаженном виде на руке, а также на ремне с левой стороны... Резиновые палки вводить только с разрешения МООН РСФСР по ходатайству министров ООП автономных республик, начальников управлений ООП крайоблсполкомов, согласованному с соответствующими обкомами, крайкомами партии». Вот одно из положений утвержденной тогда Инструкции о применении резиновой палки: рекомендовалось использовать ее для «пресечения буйства и бесчинства хулиганов и других преступников, а также в отношении нарушителей общественного порядка, отказывающихся выполнять законные требования работников милиции, отражения нападения на работников милиции или дружинников, должностных лиц государственных, общественных организаций и граждан» [2, с. 72].

С 1980 г. особое внимание начали уделять обеспечению подразделений МВД СССР специальными средствами. Немалую роль в этом сыграла подготовка к проведению Московской Олимпиады. В это же время было запущено в серийное производство изделие бронежилетов защитных титановых (БЗТ-75).

Боевые действия в Афганистане, которые проходили с 1979 по 1989 гг., показали, что защита солдат от пуль и осколков очень важна,

особенно от пуль автоматического стрелкового оружия с дальности менее 400–600 м. Уже в 1984 г. были созданы противопульные бронежилеты 6БЗТМ и 6Б4 [1, с. 18].

Постановлением Совета Министров СССР от 25 марта 1983 г. № 250-98 создан Научно-исследовательский институт специальной техники (НИИСТ) МВД, который определен головным разработчиком средств индивидуальной бронезащиты для МВД. В середине 80-х гг. издается ряд приказов МВД СССР, которые увеличивают нормы положенного количества средств индивидуальной защиты. С этих пор снаряжение производится, исходя из численности личного состава определенных подразделений. В итоге потребление изделий бронезащиты выросло в несколько раз. В 1985 г. на вооружение поступают бронежилеты Ж-85Т и Ж-85К. Их масса была снижена до 7 кг. В 1986 г. был создан унифицированный бронежилет Ж-86 и его девять модификаций. Впервые в отечественной практике был применен воротник, который предохранял от деформированных пуль и осколков материала бронеэлементов. К концу 1987 г. обеспеченность специальными средствами сотрудников МВД в целом по стране составляла около 80 % [1, с. 19–20].

В конце 80-х – начале 90-х гг. в СССР обостряется криминогенная обстановка. Это послужило поводом для создания в силовых структурах, в том числе и во внутренних войсках МВД СССР, оперативных подразделений специального назначения. Специфика их действий и работы потребовали оснащение личного состава ОВД средствами индивидуальной защиты как открытого, так и скрытого ношения, а также средствами активной обороны. В 1980 г. в России по государственному заказу средства индивидуальной защиты выпускались шестью предприятиями, а с 1990 г. – одиннадцатью. Более 100 тыс. специальных средств индивидуальной защиты и активной обороны было поставлено в подразделения МВД в 1989 г., а в 1990 г. – более 200 тыс. Однако оснащенность специальными средствами была недостаточной.

Одна из причин, которая сдерживала производство средств защиты, – отсутствие единой государственной классификации бронеодежды. С 1 июля 1995 г. вводится в действие ГОСТ Р 50744-95 «Бронеодежда. Классификация и общие технические требования», который был разработан основными производителями средств индивидуальной защиты и утвержден Госстандартом России. Этим же стандартом руководствуются и в Республике Беларусь. Классификация бронежилетов производится по конструктивному исполнению и стойкости к воздействию холодного и огнестрельного оружия. В стандарте регламентированы общие технические требования к бронеодежде, которые являются обязательными и подлежат проверке [3, с. 4].

В Республике Беларусь серийное производство средств индивидуальной защиты началось только в середине 90-х гг. Толчком для их массового производства послужила не только стабилизация экономической обстановки в стране, но и острая потребность правоохранительных органов, в том числе и внутренних войск, в средствах защиты. Сегодня производством средств защиты занимаются предприятия, находящиеся в Минске, Полоцке и Гомеле. Крупнейшие из них – научно-производственное республиканское унитарное предприятие «Техномаг» и СООО «АГВ ПолсПо». Эти организации занимаются разработкой и производством бронежилетов, противоударных щитов, комплектов защиты конечностей и др. Для стран СНГ производством бронезащиты в основном занимаются предприятия России, такие как «Сплав», «Форт-Технология», «Спецтехника», «Армоком», «Кираса», НПО «Спецматериалы» и др. [1, с. 22].

В настоящее время на вооружении правоохранительных органов состоит довольно большое количество различных видов специальных средств. Каждое из них характеризуется определенной конструкцией, современными материалами, обуславливающими различные тактико-технические характеристики и особенности их применения. При этом многие вопросы правового режима использования специальных средств на должном законодательном уровне не урегулированы.

Так, правоохранительные органы наделены правом хранения, ношения, применения и использования специальных средств [4]. Соответственно, каждый сотрудник должен знать тот перечень специальных средств, которые могут быть применены к лицам, нарушающим закон, и правовой режим их использования, а также четко понимать, что применяемые специальные средства могут являться оружием, способным нанести вред здоровью и даже причинить смерть. Однако дискуссии среди ученых при решении вопросов об отнесении отдельных специальных средств к той или иной категории (холодное или огнестрельное оружие) не прекращаются.

Наибольший интерес представляет специальное средство активной обороны – палка резиновая (ПР), которая обладает всем необходимым комплексом признаков холодного оружия соответствующего вида и в отношении криминалистической оценки которой нет единого мнения среди ученых, что не способствует повышению эффективности не только правоохранительной, но и судебной-экспертной деятельности.

Указанные проблемы, характеризующие современный этап развития специальных средств, требуют проведения дополнительных исследований и дальнейшей разработки, что может являться предметом новых научных изысканий.

Таким образом, в истории возникновения и развития специальных средств можно выделить следующие основные этапы:

- 1) использование специальных средств в качестве орудий самозащиты, труда и охоты;
- 2) применение специальных средств в военных конфликтах;
- 3) специальные средства – вооружение сотрудников правоохранительных органов.

Сегодня специальные средства являются неотъемлемым вооружением правоохранительных органов, которое служит для выполнения стоящих перед ними задач. Однако неоднозначная позиция при оценке признаков специальных средств, отсутствие должной законодательной регламентации их правового оборота не способствуют повышению эффективности правоприменительной деятельности и могут повлечь ошибки при квалификации противоправных деяний, что детерминирует особый режим их оборота и требует выработки однозначного подхода при выявлении и оценке соответствующих признаков.

1. Специальные средства и снаряжение внутренних войск МВД Республики Беларусь / А.М. Кузьмицкий [и др.]. – Минск : ВА Респ. Беларусь, 2013. – 249 с.
2. Специальные средства / сост. И.В. Горелов. – М. : ОРГ информ, 2006. – 90 с.
3. ГОСТ Р 50744-95 Бронеодежда. Классификация и общие технические требования. – Введ. 01.07.95. – М. : ИПК изд-во стандартов, 2003. – 6 с.
4. Об органах внутренних дел [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 336:34

И.О. Лозко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

М.А. Кравцова

Рецензент – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

О НАЛОГОВОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ И ЕГО ЮРИДИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Рассматриваются проблемы определения понятия, установления сущности и правовой регламентации налогового правонарушения. Приводятся факты, обуславливающие необходимость юридического закрепления вышеуказанного термина. Трактуются примерная дефиниция «налоговое правонарушение».

В современных условиях развития общества налоговые правоотношения становятся одними из основных отношений в области экономики, которые порождают комплекс проблемных моментов, требующих правового регулирования, а также поднимают вопрос о необходимости разработки механизмов, которые обеспечивают своевременность и полноту уплаты налогов.

Вопрос о юридической природе налоговых правонарушений является спорным. Чаще всего основной проблемой установления юридической природы налоговых правонарушений является соотношение правонарушений в налоговой сфере и административных правонарушений.

Понятие «налоговое правонарушение» в законодательстве Республики Беларусь не определено, поэтому и в правотворческой деятельности, и в правоприменительной практике употребляются различные термины, которые, в свою очередь, схожи: налоговые правонарушения; правонарушения в сфере налогообложения; нарушения налогового законодательства; правонарушения против порядка налогообложения; правонарушения в налоговой сфере. Проблема сущности налогового правонарушения исследовалась специалистами различных отраслей права.

Существует понятие «правонарушения против порядка налогообложения», которое закреплено в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь, используемое в юридической литературе чаще других. Это во многом объясняется тем, что именно административная ответственность занимает значимое место в регулировании налоговых правоотношений.

Учитывая вышесказанное, представляется целесообразным сделать вывод о том, что термин «правонарушение против порядка налогообложения» применим только к правонарушениям, установленным в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь. С другой стороны, если рассмотреть такие признаки, как противоправность, общественная опасность, вредность, можно говорить о том, что правонарушения против порядка налогообложения влекут применение определенных мер экономического характера в соответствии с Налоговым кодексом Республики Беларусь и даже наступление уголовной ответственности [3, с. 116].

Понятие «налоговое правонарушение», его признаки и состав юридически не закреплены ни в одном нормативном правовом акте. Поэтому, по нашему мнению, именно через понятие «административное правонарушение» следует раскрывать правовую природу вышеуказанного правонарушения.

Как представляется, правонарушение, а в нашем случае налоговое правонарушение, является фактическим основанием юридической ответственности. Правонарушением в административном законодательстве признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными КоАП, деяние, за которое установлена административная ответственность. Проанализировав данное определение, можно выделить следующие признаки налогового правонарушения, которые неизменно присущи и иным видам правонарушений: противоправность, виновность и наказуемость.

Так, например, сущность признака противоправности заключается в несоответствии деяния нормам права, охраняющим определенные общественные отношения. В свою очередь, виновность состоит в субъективной либо общественной характеристике, определяющей наличие ответственности за совершенные деяния. Признак наказуемости отражает возможность назначения наказания за совершение противоправных деяний.

На наш взгляд, важно отметить такое свойство-признак налогового правонарушения, как его общественный вред. Любое нарушение установленных правил поведения причиняет вред сложившимся общественным отношениям, охраняемым государством.

Однако законодатель не всегда закрепляет признак общественной вредности правонарушения в его легальной форме. Именно по этой причине постоянно ведутся споры о необходимости введения в юридическую науку такого признака правонарушения, как общественная вредность, определения его содержания и законодательного закрепления.

По нашему мнению, в отличие от административного правонарушения, налоговое, как подвид, обладает признаком общественной вредности, и вред, который может быть причинен таким деянием, несет достаточно серьезную опасность для общества. По этой причине представляется важным рассмотрение такого признака, как общественная вредность.

В связи с тем, что Налоговый кодекс не содержит легального определения «налоговое правонарушение», его понятие, а соответственно и признаки, необходимо рассматривать через призму административного правонарушения.

Только при наличии совокупности признаков налогового правонарушения (противоправность, виновность, наказуемость) можно говорить о наступлении юридической ответственности. Такая совокупность именуется составом правонарушения. В отечественном законодательстве отсутствует понятие «состав правонарушения», но его сущность вытекает из содержания и сущности налогово-правовых норм.

Так, по мнению А.Н. Крамника, состав административного правонарушения – это совокупность закрепленных нормативными правовыми актами признаков (элементов), наличие которых может повлечь административную ответственность [2, с. 45]. В свою очередь С.Г. Пепеляев выделяет только два элемента состава правонарушения – объект и объективная сторона и полагает, что под составом налогового правонарушения необходимо понимать установленные нормами налогового права признаки (элементы), совокупность которых позволяет считать противоправное деяние налоговым правонарушением [2, с. 49].

На наш взгляд, состав правонарушения как административного, так и налогового – это совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих правонарушение.

В налоговом правонарушении, как и в любом другом, следует выделять четыре элемента состава: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону правонарушения. Отсутствие какого-либо элемента состава правонарушения означает отсутствие состава в целом.

Общим объектом налогового правонарушения являются те общественные отношения, на которые оно направлено, то, на что посягает конкретное правонарушение. Родовым объектом административного налогового правонарушения следует считать общественные отношения, обеспечивающие оптимальное функционирование установленной системы налогообложения государства.

Непосредственным объектом состава налогового (административного) правонарушения являются те общественные отношения, которые охраняются конкретными статьями законодательных актов. Определение непосредственного объекта каждого налогового правонарушения является необходимым условием правильной квалификации совершенного деяния, определения имущественного ущерба.

Важным признаком состава правонарушения является объективная сторона, которая закрепляется как система предусмотренных нормами административного и налогового права признаков, характеризующих внешние проявления правонарушения в объективной действительности. Налоговые правонарушения могут совершаться как путем активных противоправных действий (например, сокрытие прибыли (дохода)), так и путем бездействий, т. е. неисполнения предписываемых актами налогового законодательства обязанностей (например, непредставление документов и иных сведений для осуществления налогового контроля либо представление недостоверных сведений).

Кроме того, в налоговом праве часто встречаются правонарушения, выраженные в форме бездействия (непредставление налогоплательщи-

ком в срок, определенный законодательством, налоговой декларации). Как правило, большинство составов налоговых правонарушений являются формальными, не предусматривающими наступления в результате их совершения каких-либо материальных вредных последствий (неуплата или неполная уплата суммы налога, сбора, таможенного платежа). В этой связи признак причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями не универсален для всех административных правонарушений в сфере налогообложения.

Обязательным элементом состава административного налогового правонарушения является субъект налогового правонарушения, т. е. совершившее правонарушение лицо, на которое в соответствии с действующим законодательством может быть возложена налоговая ответственность. Субъектом налогового правонарушения является физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. В отдельных составах закреплен специальный субъект: плательщик налогов, налоговый агент, иное обязанное лицо (ст. 13.4–13.8 КоАП), должностное лицо юридического лица (ст. 13.14). Плательщики налога указаны в ст. 13 Налогового кодекса Республики Беларусь [4].

Из вышеизложенного следует, что понятие «субъект правонарушения» – необходимый элемент правильной квалификации налогового правонарушения, при этом характеристики личности правонарушителя имеют немаловажное значение для определения смягчающих и отягчающих обстоятельств совершения правонарушения, и в конечном итоге влияют на размер взыскания.

Субъективная сторона налогового правонарушения характеризует внутреннюю сторону налогового правонарушения (в отличие от внешнего проявления, которое соответствует объективной стороне) и отражает внутренний мир лица, совершающего налоговое правонарушение, т. е. психические процессы, которые происходят в его сознании и воле. Поэтому субъективная сторона налогового правонарушения может быть определена как психическая деятельность лица в момент совершения правонарушения или его психическая деятельность, непосредственно связанная с налоговым правонарушением.

Важной составляющей субъективной стороны правонарушения является вина, которая может существовать в форме умысла и неосторожности. Понятие вины содержится в КоАП Республики Беларусь и различается в зависимости от субъекта правонарушения. У физического лица вина определяется как психическое отношение к совершенному им

противоправному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности [2, с. 47]. Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что им не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и данным лицом не были приняты все меры по их соблюдению [3, с. 118]. В современной юридической науке выделяют две формы вины: умысел (прямой или косвенный), т. е. осознание лицом противоправности своих действий и неосторожность (легкомыслие или небрежность), т. е. предвидение (непредвидение) лицом вредных последствий и их допущение [1].

В современных условиях в Республике Беларусь темпы распространения налоговых правонарушений и их масштабы превратились в серьезную проблему, реально угрожающую экономической безопасности страны. Сегодня ее решение основано преимущественно на применении норм административного и уголовного законодательства. В этой связи видится целесообразным выделить как самостоятельную правовую категорию понятие «налоговое правонарушение», установить его сущность, содержание, признаки, отдельные составы правонарушений и закрепить их в Налоговом кодексе или ином нормативном правовом акте Республики Беларусь.

Учитывая вышеизложенное, понятие «налоговое правонарушение» может истолковываться как виновное, противоправное деяние (действие или бездействие) физического лица, юридического лица и индивидуального предпринимателя, за которое законодательством предусмотрена юридическая ответственность.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-З : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Крамник, А.Н. Виды административных налоговых правонарушений: некоторые вопросы / А.Н. Крамник // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 7. – С. 45–49.

3. Ладутько, В.К. Административные правонарушения против порядка налогообложения: понятие и признаки / В.К. Ладутько // Право.by. – 2011. – № 1. – С. 115–121.

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-З : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

В.Г. Лукьян, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Обосновывается практическая необходимость и актуальность этой проблематики. Приводятся статистические данные о преступлениях коррупционной направленности.

Борьба с коррупцией – одно из важнейших приоритетов политики белорусского государства с момента провозглашения его независимости. Беларусь активно внедряет международный опыт, эффективность принимаемых республикой мер по противодействию коррупции признается международным сообществом. В ежегодном индексе восприятия коррупции, составляемом международной организацией «Transparency International», по итогам 2016 г. Республика Беларусь поднялась со 107 на 79 позицию. Однако по результатам доклада этой организации, в нашей стране высокий уровень коррупции в военно-промышленном комплексе, из-за чего Беларусь была отнесена авторами индекса к высокой группе риска [1]. Факторами, влияющими на борьбу с данным явлением, также являются настроение общества и его отношение к существующей политике государства. Согласно последним статистическим данным за январь – июнь 2015 г. число коррупционных преступлений увеличилось на треть к аналогичному периоду прошлого года. Так, на данный период было зарегистрировано 651 коррупционное преступление, что на 32,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (492). С 16 до 37 возросло количество уголовно наказуемых деяний, связанных с превышением власти, со 149 до 255 – число хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, со 184 до 203 – фактов взяточничества.

Невзирая на принимаемые в обществе меры по противодействию коррупции, это явление по-прежнему остается в числе наиболее важных и острых проблем, нуждающихся в постоянном внимании со стороны международного сообщества и национальных государств. Одновременно с этим проблема противодействия коррупции становится и

более притягательной для научных исследований специалистами различных направлений.

Изучение коррупционной преступности в настоящее время в Республике Беларусь весьма актуально в связи с тем, что данный вид преступности является очень распространенным не только в нашей стране, но и в других государствах. Согласно статистическим данным в Беларуси имеется устойчивая тенденция к снижению количества преступлений, связанных с коррупцией. Так, за первые пять месяцев текущего года в стране было зафиксировано 1 011 преступлений, связанных с коррупцией. Этот показатель на 26,1 % ниже, чем показатель аналогичного периода прошлого года. Динамика последних восьми лет показывает, что количество зафиксированных преступлений коррупционной направленности в течение всего этого времени значительно менялось, как в сторону резкого снижения, так и повышения. Поэтому здесь речь скорее идет не о коррупционной обстановке в Беларуси, а о результативности деятельности правоохранительных органов по раскрываемости таких преступлений [1].

Безусловно, следует отметить возросшую результативность деятельности органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением законодательства о борьбе с коррупцией.

Наиболее актуальной проблемой использования материалов ОРД при расследовании преступлений коррупционной направленности является законодательное определение процессуального статуса результатов ОРД. Непосредственно результаты ОРД законодатель определяет как сведения, полученные в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [2].

В случае определения перечня коррупционных преступлений существует необходимость руководствоваться Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», в ст. 1 которого предельно точно определяется понятие коррупции, а в итоге – содержание и характер коррупционных деяний [3].

Помимо этого в ст. 21 данного закона дается обобщенный перечень коррупционных правонарушений. При этом большинство из указанных правонарушений криминализованы на уровне УК и отвечают признакам преступлений. Некоторые из этих правонарушений соответствуют составам служебно-корыстных преступлений, относящихся к преступлениям, квалифицируемым по статье о преступлениях против интересов службы, другие – по иным статьям (главам) УК, предусматривающим ответственность за преступления против собственности (ст. 210 УК),

или преступления против порядка осуществления предпринимательской деятельности [ч. 2 ст. 235, 3], совершаемые должностными лицами со злоупотреблением служебных полномочий.

Совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 5 апреля 2007 г. был утвержден перечень коррупционных преступлений, который включал в себя четырнадцать составов преступлений. 31 января 2011 г. этот перечень совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь № 5/8/1/34/6 был уточнен. Из перечня коррупционных преступлений были исключены четыре состава:

- 1) контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 228 УК);
- 2) финансирование террористической деятельности, совершенное должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 ст. 290 УК);
- 3) служебный подлог (ст. 427 УК);
- 4) принятие незаконного вознаграждения (ст. 433 УК).

Таким образом, если с 2007 по 2011 гг. в перечень коррупционных преступлений входили четырнадцать составов преступлений, то с 2011 г. и по настоящее время – десять составов:

- 1) хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК);
- 2) легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 335 УК);
- 3) злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК);
- 4) бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК);
- 5) превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК);
- 6) незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК);
- 7) получение взятки (ст. 430 УК);
- 8) дача взятки (ст. 431 УК);
- 9) посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК);
- 10) злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 1 ст. 435 УК).

Исходя из ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», можно предельно четко обозначить критерии коррупционного преступления. К таким критериям следует отнести три позиции:

1) преступление должно быть совершено государственным должностным или приравненным к нему лицом;

2) преступление должно быть совершено с использованием служебных полномочий (или служебного положения);

3) преступление должно быть совершено из корыстной или иной личной заинтересованности.

При этом следует выделять, и это соответствует требованиям международных конвенций, два типа коррупционных преступлений.

Первый тип коррупционных преступлений – это коррупционные преступления, выражающиеся в умышленном использовании государственным должностным или приравненным к нему лицом своих служебных полномочий в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, иного преимущества для себя или для третьих лиц. Специфика этих коррупционных преступлений заключается в том, что преступное деяние совершается государственным должностным или приравненным к нему лицом не на основе коррупционного соглашения с другими лицами. В данном случае лицо лишь использует свои полномочия для того, чтобы получить имущественную или иную выгоду на основе злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Второй тип коррупционных преступлений – это классическая форма коррупции, или, собственно, коррупция, которая заключается в том, что речь идет о коррупционном соглашении государственного должностного или иного приравненного к нему лица с иными лицами.

При подведении итогов деятельности судебной власти в 2015 г. было установлено, что за совершение коррупционных преступлений осуждены 485 человек. Это на 63 % больше, чем в 2014 г. Большинство коррупционеров приговорены к различным срокам лишения свободы. Самое распространенное преступление в этой сфере – хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (204 осужденных), далее идет получение взятки (112), дача взятки (75), злоупотребление властью (48) и превышение власти (27) [4].

Для системного отслеживания коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования служебных полномочий, представляется необходимым унифицировать ответственность должностных лиц за совершение любых преступлений с использованием служебных полномочий в рамках преступлений против интересов службы. Результаты ОРД целесообразно выравнивать по своей

юридической силе с другими источниками доказательств, предусмотренными в ст. 88 УПК [5].

В условиях дефицита доказательств часто встает вопрос о необходимости использования результатов ОРД в процессе доказывания. Рассекречиванию и направлению следователю подлежат материалы следующих оперативных мероприятий: наблюдения с использованием технических средств (в виде электронных носителей аудио-, видео-, фотоинформации); контроль в сетях электросвязи (результаты этих мероприятий требуют легализации при расследовании коррупционных преступлений для фиксации факта незаконной передачи денежных средств). В связи с этим успеху противодействия экономической преступности может способствовать использование ОРД при возбуждении уголовного дела и производстве расследования как важнейшего элемента тесного взаимодействия органов дознания и следственных подразделений.

Использование оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) также остается актуальной проблемой при расследовании преступлений коррупционной направленности. Более того, практически ни одно уголовное дело о получении взяток должностными лицами не может обойтись без применения ОРМ, и в частности в виде проведения оперативного эксперимента. Вместе с тем реальное положение дел по борьбе с коррупцией не исчерпывает всего потенциала ОРД, что сказывается на выявлении и раскрываемости общей массы должностных преступлений. Так, по данным отечественных и зарубежных исследований, выявление коррупционных преступлений, и в первую очередь взяточничества, составляет всего 1–2 % от общего числа совершенных деяний. Причины высокой латентности таких преступлений общеизвестны. Это их взаимовыгодность для дающей и получающей взятку сторон, когда нет понятия причинения материального ущерба, а есть успешная комбинация обоих участников преступления. Другая причина – это достаточно высокий социальный статус взяточполучателя, что делает его, с одной стороны, часто неуловимым для закона (яркий пример – правовой иммунитет судей), а с другой – заставляет опасаться неблагоприятных последствий в последующем.

Сегодня необходимы новые подходы к оперативной и следственной работе в борьбе с коррупцией, отвечающие уровню их опасности, методам сокрытия и противодействия, техническим способам совершения преступлений, а также уровню должностного положения виновных лиц. Конкретно вопрос стоит о перспективных методах применения ОРМ и их использования в уголовном судопроизводстве при борьбе с коррупцией, и в первую очередь со взяточничеством. Прежде всего речь идет об оперативном внедрении вместе с дальнейшим проведением опера-

тивного эксперимента и другими мероприятиями в целях разоблачения взяточничества и других видов служебных преступлений. Вопрос этот, как понимают специалисты, очень непростой. В данном случае вместо заявителя должен выступать оперативный работник под видом обычного гражданина. Тем самым имеет место оперативное внедрение в роль взяткодателя, после чего на момент получения взятки преступником проводится оперативный эксперимент с целью задержания преступника с поличным. Разумеется, проводятся и другие сопутствующие мероприятия – оперативный опрос, наблюдение и т. д.

Эффективность использования результатов ОРД по делам о коррупционных преступлениях в интересах уголовного судопроизводства во многом обуславливается строгим соблюдением процедуры получения, документирования и представления таких результатов в органы расследования.

Именно методы ОРД – реальный способ успешного выявления коррупционных преступлений, прежде всего взяточничества, а также преодоления трудностей его расследования. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам о взятках является объективной необходимостью в силу того, что ОРД, как показывает практика, дает избыточную информацию в объеме, который в несколько раз превышает сведения, полученные лишь следственным путем. Значение результатов ОРД в уголовном процессе возрастает. Но вопрос о том, как и в каких формах это должно быть реализовано на практике, в полной мере не урегулирован и теоретически не проработан. Оптимизация процесса осуществления ОРД, выработка и практическое применение эффективных способов и методов борьбы со взяточничеством с учетом специфики проведения ОРД при расследовании данных преступлений являются важнейшими звеньями в решении проблем придания доказательственного значения данным, полученным посредством осуществления ОРД.

Таким образом, исходя из вышеприведенных данных, можно сделать следующие выводы:

1. Во-первых, как показывают официальные данные, в Беларуси за последние годы не сформировалась тенденция ни к повышению, ни к понижению числа зарегистрированных коррупционных преступлений. Такая ситуация свидетельствует об отсутствии стабильной и целенаправленной антикоррупционной политики.

2. Во-вторых, несмотря на несогласие белорусских властей с местом страны в рейтинге «Transparency International», по мнению Генпрокуратуры, самой коррупционной в Беларуси является система Министерства промышленности. А согласно данным Комитета госконтроля коррупция является самой острой проблемой в сфере строительства [3].

3. Третьим фактором, показывающим наличие проблем в этой сфере, является невысокое доверие общества к проводимой властями антикоррупционной политике. Несмотря на то что в отдельные периоды рост коррупционной преступности составлял 30 %, отношение правоохранительных органов к этой цифре весьма спокойное.

Полагаем, что только выработка механизма согласования действий и комплексного применения оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных средств по делам о коррупционных преступлениях позволит устранить имеющиеся проблемы.

1. Панкратов, В.В. Сочетание уголовно-правовых и политико-экономических мер в борьбе с коррупцией / В.В. Панкратов // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог : сб. ст. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1997.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З. – Режим доступа: <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks>. – Дата доступа: 17.03.2017.

3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15.07.2015, № 305-З. – Режим доступа: <http://vstu.by/ftpgetfile.php?id=1527&module=files>. – Дата доступа: 17.03.2017.

4. Белорусские исследования в области коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2016/02/25/koorruptsiya-v-belarusi-rastet-za-god-kolichestvo-osuzhdennyh-po-etoj-state-uvlechilos-na-63.html>. – Дата доступа: 17.03.2017.

5. Волгушев, А.В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам экономических преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Волгушев. – Новгород, 2007.

УДК 343.237

А.А. Михеенко, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

Рецензент – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

О ПОНЯТИИ ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривается проблема определения понятия исполнителя преступления. Приводятся различные точки зрения по данному вопросу. Анализируются виды исполнителей преступления по УК Республики Беларусь, зарубежное уголовное законодательство. Обосновывается, что УК Республики Беларусь наиболее полно закрепляет признаки понятия данного соучастника преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 16 УК Республики Беларусь (далее – УК), исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, либо совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности. Для того чтобы отследить развитие данного определения в истории и теоретических трудах, предлагаем обратиться к пониманию такового дореволюционными юристами.

А. Жиряев в своих трудах писал об исполнителе: «Под главным виновником или виновником вообще разумеется лицо, которое, со знанием и свободно решась на преступление, содевает его собственными или чужими, физическими или интеллектуальными силами» [1, с. 44].

Интересен подход А.Ф. Бернера. Исходя из его понимания соучастников: «Все соучастники суть или главные виновники, или пособники» [2, с. 184], можно сделать вывод, что те соучастники действия, которые не соответствуют действиям пособника должны считаться исполнителями. Таким образом, ученый противопоставляет исполнителя пособнику.

Позже С.В. Познышев в своих исследованиях характеризовал исполнителя как «лицо, которое своим внешним поведением совершает само нападение на намеченный объект» [3, с. 89].

Представляется, что из приведенных дефиниций, С.В. Познышев при определении исполнителя предложил наиболее конкретизированное определение, благодаря чему роль исполнителя становилась ясной и понятной, что, в свою очередь, позволяло отличить исполнителя от других соучастников.

Следует отметить, что в советском уголовном праве исполнителем признавалось лицо, непосредственно совершившее преступление. Однако во времена перестройки, когда началась переработка всего законодательства, в том числе и уголовного, стало ясно, что единство мнений среди советских ученых по поводу определения понятия кто такой исполнитель отсутствовало. В результате научных изысканий и неоднократных попыток законодательного регулирования точка зрения на сущность исполнителя существенно изменилась. В итоге исполнителем было решено признавать не только лицо, непосредственно совершившее преступление, но и лицо, непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, а также опосредованного исполнителя. Данная точка зрения нашла свое отражение и в новом УК, принятом в 1999 г.

Рассмотрим указанные в УК виды исполнителей преступления.

Традиционно исполнитель определен как лицо, полностью либо частично выполнившее объективную сторону преступления [4, с. 73–74]. Если споры по поводу полного выполнения объективной стороны исполнителем отсутствуют, то по поводу частичного ее выполнения в науке имеют место дискуссии. Однако, как верно высказываются П.И. Гришаев и Г.А. Кригер, критика подобного понимания исполнения как узкого и формального явно не оправдана в условиях стремления общества к построению правового государства, господству закона, которое может быть достигнуто только при максимально реализованной однозначности юридической терминологии [5, с. 140].

В юридической литературе, между тем, отмечается неточность и расплывчатость формулировки о том, что непосредственно совершившее преступление лицо является исполнителем. Обосновывалось это тем, что организатор тоже совершает преступление, именно поэтому он и подлежит уголовной ответственности, подстрекатель и пособник также совершают преступление, однако их действия не относятся к исполнению [5, с. 136].

Таким образом, приходит к выводу А.П. Козлов, анализируемая часть понятия исполнителя несовершенна, поскольку не конкретизирует поведение исполнителя. Более того, иные соучастники также своими действиями непосредственно совершают преступление, за которые согласно уголовному закону следует наказание [6, с. 85].

Все это указывает на поиски надлежащей терминологии, в полной мере отражающей сущность исполнения. Исполнение заключается в том, что лицо своим деянием причиняет вред общественным отношениям. Из-за действий исполнителя возникает преступный результат либо он становится реально возможным. Поэтому действия исполнителя отражаются в нормах Особенной части УК.

Таким образом, понятием исполнителя должны охватываться предусмотренные Особенной частью уголовного закона деяния, и не только деяния, но и последствия, предусмотренные уголовным законом. В этой связи представляется более точной следующая формулировка исполнителя, указанная в исследованиях П.И. Гришаева: «исполнителем признается лицо, выполнившее объективную сторону преступления, предусмотренного нормой Особенной части уголовного закона» [5, с. 137].

В уголовном праве к исполнителям довольно часто относят пособников и других соучастников. Так, М.И. Ковалев пишет, что «исполнителем умышленного убийства должен считаться и тот, кто держал потерпевшего, когда другие соучастники наносили ему смертельные удары» [7, с. 36]. С.В. Бородин полагает, что исполнителем может назы-

ваться всякое лицо, непосредственно участвовавшее в выполнении тех или иных действий или бездействий, которыми осуществляется состав данного преступления. В качестве примера он указывает, что при убийстве исполнителем является также и тот, кто непосредственно убивает, и тот, кто лишь держит руки жертвы, в то время как другой причиняет ей смертельное ранение, и тот, кто только распоряжается во время преступления действиями других [5, с. 138–141].

Н.А. Бабий считает, что пособник при убийстве, предоставивший орудие совершения преступления, содействует исполнителю в том, чтобы тот самостоятельно и один совершил убийство. Пособник, оказывающий содействие в процессе убийства, принимает участие в убийстве. В этом случае исполнитель уже действует не самостоятельно, не один, он действует совместно с другим лицом, что и означает совместное совершение убийства или его соисполнительство [8, с. 182].

Теория уголовного права знает и противоположную позицию согласно которой лицо, применяющее при убийстве нож, является исполнителем, а удерживающее за руки – пособником [9, с. 18].

Возможно, именно эти рассуждения подтолкнули законодателя включить второй вид исполнителя: «лиц, непосредственно участвовавших в совершении преступления совместно с другими лицами» [10].

В.В. Питецкий предлагает выделять две его разновидности. Первую он предлагает назвать классическим соисполнительством, а его субъектов – классическими соисполнителями. Его суть заключается в том, что два или более лица полностью или частично выполняют объективную сторону преступления. Например, два человека проникли в чужую квартиру и похитили из нее вещи. Оба эти лица лишь частично выполняют объективную сторону преступления. Другая разновидность соисполнительства – специальная, которая проявляется при совершении преступлений организованной группой и преступной организацией [11, с. 20]. В основе данной разновидности исполнения лежит совершение преступления соучастниками, когда на месте совершения преступления вместе с исполнителем находятся и остальные соучастники данного преступления.

Важно отметить, что обоснованность выделения специального вида соисполнительства вызывает сомнения у некоторых ученых. В частности А.П. Козлов указывает: во-первых, «исполнители первого вида могут совместно друг с другом совершать преступления, поскольку они – соучастники», во-вторых, «закон начинает смешивать понятия соисполнительство и тогда, когда имеет место лишь один исполнитель» [5, с. 92]. Поэтому, как отмечает автор, возникающая при этом необходи-

мость в их разграничении не может быть реализована, особенно в случаях совершения преступления организованной группой и преступной организацией. Именно здесь возникает проблема ответственности организатора преступления, поскольку согласно данной позиции он будет отнесен к исполнителям и будет отвечать как исполнитель, но должен отвечать как организатор, т. е. их опасность заведомо снижается.

В качестве третьей разновидности исполнителя УК выделяет «лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности» [10]. Это так называемое опосредованное исполнение.

Еще Г.О. Колоколов, выделяя посредственное исполнение, относил к таковому склонение к совершению преступления невменяемых, при психическом принуждении, при безусловно обязательном приказе, при извинительных обстоятельствах, например, крайней нужде подстреканного, невиновного лица [12, с. 120–124]. Во всех указанных случаях отсутствие подстрекательства и отнесение их рассмотрения к способам совершения преступных деяний, ученый поясняет наличием только одного субъекта.

П.Ф. Тельнов выделяет посредственное исполнение, в процессе которого «используются: а) малолетний; б) невменяемый; в) лицо, действующее под влиянием физического насилия, угроз либо приказа, если воля принуждаемого полностью подавляется и он в связи с этим освобождается от уголовной ответственности; г) лицо, действующее в условиях ошибки, исключаящей его ответственность либо допускающей наказуемость лишь за неосторожное преступление» [4, с. 75].

В современной юридической литературе о посредственном причинении пишет А.В. Шеслер, который анализирует позиции различных авторов, поддерживает мнение об исключении из такового использования неосторожно действующих лиц и лиц, самостоятельно отвечающих при физическом либо психическом принуждении, при исполнении приказа или распоряжения и предлагает к посредственному совершению преступления «отнести все случаи использования виновными других лиц, действовавших при всех видах обстоятельств, исключаящих преступность деяния» [13, с. 60–62].

Нам импонирует точка зрения А.П. Козлова, который полагает, что термин «посредственное» в этой ситуации малопригоден, поскольку носит двоякий смысл, так как в нем заключено и использование каких-либо средств, и оценка качества какого-либо явления. Для того чтобы избежать подобного, ученый предлагает пользоваться термином «опосредованное», которое прямо свидетельствует о связи со средствами [6, с. 96].

В противовес мнению многих ученых, предлагающих неосторожно действующих лиц признавать опосредованным исполнением, А.П. Козлов исключает их из круга средств совершения преступления [6, с. 96]. Подобное неоправданно по сути своей, считает он. Исходя из того, что при неосторожном причинении вреда под влиянием другого лица есть непосредственный исполнитель – неосторожно действующее лицо, и второго исполнителя при одном действии и одном последствии, связанных причинно, быть не может, если даже другое лицо действовало умышленно. Также именно этот исполнитель и отвечает за содеянное как лицо, являющееся автором преступления. Такую позицию поддерживает и законодатель, указав в УК на использование лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Также стоит отметить, что здесь не исключено неосторожное соучастие, где уже соответствующим образом распределяются роли. Вышесказанное, по мнению А.П. Козлова, не позволяет относить виновных, использовавших для совершения преступления неосторожно действующих лиц, к исполнителям преступления [6, с. 97].

М.И. Ковалев предлагает считать посредственным причинением смерти доведение до самоубийства невменяемого или несовершеннолетнего [7, с. 21]. С подобным мнением в определенных моментах трудно согласиться, потому что речь идет о причинении человеком вреда себе в условиях, когда один самоубийца адекватно осознает социальную значимость результата (взрослый, вменяемый), другой осознает, но не в полном объеме (несовершеннолетний), третий не осознает (невменяемый). Их всех объединяет провоцирующая на результат деятельность другого лица. Исходя из этого, выделение только двух категорий является весьма сомнительным.

Что же касается предложения считать посредственным причинением использование ошибки другого лица, высказанное М.И. Ковалевым [7, с. 22], то в этой связи А.П. Козлов предлагает четко разделить все ошибки на виновные и невиновные [6, с. 98]. В ходе использования виновных ошибок опосредованного причинения не возникает, потому что сам ошибающийся привлекается к уголовной ответственности. А уже при использовании невиновной ошибки возникает общее правило опосредованного причинения – использование невиновно действующего лица.

Следует отметить, что опосредованное исполнение все же вызывает серьезные сомнения, которые были высказаны еще в начале XX в. Так, И.Я. Хейфец считал, что нет посредственного виновничества и нет особенностей такого рода вообще, так как для подстрекателя безразлично, какое лицо, вменяемое или невменяемое, малолетнее или совершеннолетнее, виновное или невиновное, под принуждением или без, подстре-

кается им к совершению преступления, в любом случае он остается подстрекателем [14, с. 31].

Исполнителя как одну из фигур соучастия знает и зарубежное уголовное право. Уголовный кодекс Франции признает исполнителем преступного деяния лицо, которое: совершает деяния, предусмотренные уголовным законом или регламентом; пытается совершить преступление или в случаях, предусмотренных законом, проступок» (ст. 121⁴), при этом выделены иные соучастники, наказываемые как исполнители (ст. 121⁶) [6, с. 108]. Как видим, законодатель ограничивает действия исполнителя только выполнением объективной стороны преступления или проступка и не включает сюда поведение иных соучастников. Другие соучастники несут ответственность как исполнители, не будучи ими, т. е. очень четко проставлены сравнительные акценты, а не идентификационные. При этом Уголовный кодекс Франции не выделяет опосредованного исполнения. Поскольку в законе разделены исполнители и соучастники, исходя из этого можно сделать вывод, что исполнитель существует и как индивидуально действующее лицо, и как соучастник.

В УК ФРГ исполнителем признается не только лицо, выполняющее объективную сторону преступления самостоятельно, но и посредством другого лица [6, с. 108].

В ст. 28 Уголовного кодекса Испании установлено, что помимо тех, кто совершает преступление сам или посредством использования другого лица как орудия, исполнителями также считаются: а) тот, кто заставляет других совершить определенное деяние; б) тот, кто своим действием присоединяется к совершению деяния, без чего последнее не было бы совершено [6, с. 108].

В Уголовном кодексе Латвийской Республики исполнитель понимается как «лицо, непосредственно совершившее преступное деяние или использовавшее для его совершения другое лицо, которое в соответствии с положениями настоящего закона не привлекается к уголовной ответственности» (ст. 17 УК) [15].

В УК Российской Федерации понятие исполнителя в целом схоже с соответствующим определением его в УК Республики Беларусь [16]. Единственное отличие заключается в том, что отечественный законодатель, ведя речь о посредственном исполнении, делает указание и на лиц, совершивших преступление по неосторожности.

Вместе с тем уголовные кодексы некоторых зарубежных стран либо вообще не упоминают анализируемую разновидность соучастников (Дания, Швейцария, Голландия, Китайская Народная Республика), либо упоминают, но не определяют его (Швеция).

Естественно, по приведенным законодательным актам узкого круга стран нельзя делать выводы о развитии понятия исполнителя во всех государствах. Тем не менее приведенный анализ уголовного законодательства отражает наличие определенных проблем при формулировке понятия исполнителя, которые характерны для всех стран.

По нашему мнению, не следует при делении соучастников на виды перенимать зарубежный опыт, поскольку современное законодательное понимание исполнителя преступления уходит в раннее действовавшее уголовное законодательство, и в этом смысле оно соответствует исторически сложившейся правовой традиции. Также отметим, что понятие исполнителя, данное в УК Республики Беларусь, является наиболее полным по сравнению с другими странами, и каких-либо изменений и дополнений на этот момент, на наш взгляд, не требует.

1. Жиряев, А.О. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А.О. Жиряев. – Дерпт : Тип. Г. Лаакманна, 1850. – 128 с.
2. Бернер, А.Ф. Учебник уголовного права. Часть Общая / А.Ф. Бернер. – Т. 1. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. – 942 с.
3. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права / С.В. Познышев. – М. : А.А. Карцев, 1912. – 668 с.
4. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
5. Гришаев, П.И. Соучастие по уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М. : Госюриздат, 1959. – 255 с.
6. Козлов, А.П. Соучастие. Традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
7. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Екатеринбург : Изд. УрГЮА, 1999. – 204 с.
8. Бабий, Н.А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность : монография / Н.А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 744 с.
9. Ушаков, А.В. Групповое преступление и смежные с ним формы преступной деятельности / А.В. Ушаков. – Калинин : Калинин. ун-т, 1978. – 130 с.
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
11. Питецкий, В.В. Виды исполнителя преступления / В.В. Питецкий // Рос. юстиция. – 2009. – № 5. – С. 19–22.
12. Колоколов, Г.О. Соучастие в преступлении / Г.О. Колоколов. – М. : Унив. тип. (М. Катков), 1881. – 200 с.
13. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью / А.В. Шеслер. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 1999. – 358 с.

14. Хейфец, И.Я. Подстрекательства к преступлению / И.Я. Хейфец. – М. : Правоведение, 1914. – 128 с.

15. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой ; пер. с латыш. А.И. Лукашова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

УДК 336.2:34

А.С. Никитенков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Вежновец*

О ГАРМОНИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ СИСТЕМ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Рассматриваются проблемы гармонизации налогового законодательства стран Европейского союза (далее – ЕС), их влияние на развитие внутреннего рынка и выполнение обязательств по учредительным договорам.

В настоящее время наиболее развитым интеграционным объединением является международная организация – Европейский союз. Задача, стоящая сегодня в ЕС на повестке дня, – формирование и укрепление экономического, валютного и политического союза стран-участниц. Интеграция в рамках ЕС затрагивает практически все стороны взаимоотношений государств – членов Евросоюза – политику, экономику, социальную и культурную сферы.

Экономическая интеграция включает также гармонизацию налоговых систем. Для обозначения именно данного процесса в ЕС используется термин «налоговая гармонизация». В то же время само сближение налоговых систем государств, участвующих в интеграционном объединении, сталкивается с противоречиями, которые приводят к трудностям гармонизации.

Экономическая сущность налогов характеризуется денежными отношениями, складывающимися у государства с юридическими и физическими лицами, которые имеют специфическое назначение – мобилизацию средств в распоряжение государства.

Налоги объективно необходимы как основной источник наполнения бюджетов всех уровней. Средства, полученные от сбора налогов, участвуют в финансировании государственных программ, предусмотренных законами о бюджете на соответствующий год.

С помощью налогов осуществляется распределение и перераспределение ВВП, в том числе на социальную защиту и обеспечение населения.

Налоговая политика государства, являясь отражением проводимой экономической политики, имеет относительно самостоятельное значение и должна опираться на научную теорию налогов. Без этого она становится схоластичной, развивается стихийно, методом проб и ошибок. От результатов проводимой налоговой политики в значительной степени зависит и то, какие коррективы вынуждено вносить государство в свою экономическую политику, как строить налоговую систему.

В зависимости от состояния экономики, целей, которые на данном этапе развития экономики государство считает приоритетными, используются различные формы осуществления налоговой политики.

Как отмечается в литературе, в мировой практике сложились три основные формы налоговой политики:

- 1) политика максимальных налогов;
- 2) политика экономического развития;
- 3) политика разумных налогов.

Политика максимальных налогов характеризуется установлением максимального числа налогов, с высокими налоговыми ставками.

Второй формой проявления налоговой политики является политика экономического развития. В этом случае государство ослабляет налоговый пресс для предпринимателей, одновременно вынуждено сокращать свои расходы на социальные программы.

Политика разумных налогов характеризуется относительным балансом интересов государства и налогоплательщиков, что позволяет развивать экономику и поддерживать необходимый уровень социальных расходов. На практике такую политику сложно осуществлять в связи с сохранением тенденций у налогоплательщиков к уклонению от реальных налогов, к их минимизации любым способом, включая и незаконные схемы.

Рассмотрев основные формы налоговой политики, можно сделать вывод о том, что налоговая политика в странах ЕС является политикой разумных налогов.

Особенность европейской налоговой политики, как известно, заключается в необходимости соблюдения требований внутреннего рынка, установленных европейскими договорами. Поэтому необходимо рас-

смотреть требования внутреннего рынка, которые должны приниматься во внимание государствами – членами ЕС при определении их собственных целей в сфере налогообложения и выборе собственных инструментов налоговой политики.

Выделим несколько важных моментов, являющихся отправными точками европейской интеграции в сфере налогового права: налоговую гармонизацию в сфере прямых налогов, запрет дискриминации и ограничения конференции, а также ведущую роль основных свобод в деле европейской интеграции. В качестве примеров из судебной практики будут приведены известнейшие решения Суда ЕС, ставшие хрестоматийными в европейском налоговом праве. Полномочия по установлению налогов как часть финансовых полномочий государства представляют собой ядро государственного суверенитета. Это подчеркивал Федеральный Конституционный Суд ФРГ, указав, что полномочия по установлению налогов являются такими же основами интеграции, как гражданство или государственно-властные полномочия [1].

Налоговые полномочия государств-членов не ставятся как таковые под вопрос европейским правом: за ними по-прежнему остается компетенция по законодательству и взиманию доходов. Хотя полномочия по установлению налогов по-прежнему остаются у государств-членов, они все-таки существенно ограничиваются договорами ЕС. Так, Маастрихтский договор провозглашает одной из целей европейского общего рынка образование пространства без границ для свободного перемещения товаров, людей, услуг и капитала [2].

Целью этих положений является, между тем, не полная унификация европейского налогового права [3]. Должен соблюдаться нейтралитет с точки зрения конкуренции, что возможно только при соблюдении всеми государствами-членами всех требований Союза. Но одно лишь существование различных налоговых систем нарушает свободу перемещений на общем рынке тем, что ведет к отклонениям или ошибкам в управлении обменными процессами. Также нельзя пренебрегать правовым многообразием расходов по операциям при трансграничных перемещениях [4].

Европейские договоры, в первую очередь Договор о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС), двояко говорят о существовании налоговых границ на общем рынке: с одной стороны, они разрешают Союзу в ограниченном объеме гармонизацию национальных налоговых предписаний посредством законодательного освобождения от ряда дальнейших процедур. В этом смысле часто говорят о позитивной интеграции [5]. С другой стороны, европейские договоры запрещают ограничения свободного перемещения товаров и продукции посред-

ством налогов. Эти запреты дискриминации и ограничений известны как негативная интеграция. Оба вида интеграции применяются в сфере как прямых, так и косвенных налогов.

Понятие прямых налогов как обозначение налогов, для которых налогоплательщик и лицо, на которое ложится фактическое бремя налога, совпадают, невозможно найти в европейских договорах [6]. Это, однако, не означает, что область прямых налогов является пробелом в законодательстве. Несколько завуалированно раскрывает ст. 112 ДФЕС регулирование всех налогов, которые не являются косвенными, так что в контексте запрета дискриминации эти предписания как раз можно отнести к прямым налогам. Явное уполномочивание Союза по гармонизации в сфере прямых налогов (также и согласно Лиссабонскому договору) отсутствует. Однако Союз до сих пор осторожно пользовался указанными нормами.

Гораздо важнее здесь налоговая конкуренция как политическое основание. Хотя путь гармонизации прямых налогов на сегодня видится трудным, Суд ЕС, в известной мере взявший на себя роль «мотора интеграции», предпринимает, по крайней мере, попытки продвижения принципа негативной интеграции. Вообще государства-члены ввиду отсутствия особенных достижений в гармонизации прямых налогов вправе выстраивать свои налоговые системы в собственных интересах. Однако национальные меры не полностью свободны от влияния европейского права. Гораздо больше обязанностей несут государства-члены при исполнении своих полномочий и договорных обязательств по европейским договорам, которым не в последнюю очередь принадлежит обеспечение исполнения основных свобод.

Основные свободы уполномочивают участников рынка осуществлять экономическую активность в каждом государстве-члене или в том государстве, где им это выгоднее с налоговой точки зрения. Особенно свобода выбора места ведения деятельности (ст. 49 ДФЕС) и свобода перемещения капитала (ч. 1 ст. 63 ДФЕС) гарантируют как субъективные права начало самостоятельной деятельности в другом государстве-члене или предоставление свободного перемещения капитала через национальные границы. Работодатели также обеспечивают аналогичную свободу на общем рынке согласно ст. 45 ДФЕС. Вместе с тем обеспечение этих свобод относится к налоговым поступлениям государств-членов не нейтрально [7].

Если участники рынка захотят фактически воспользоваться указанными свободами, то государства-члены могут попытаться ограничить такое использование или сделать его менее привлекательным именно посредством дискриминирующих предписаний. Чтобы не жертвовать

протекционистской политикой в пользу общего рынка, нужно установить свободу регулирования границ. Здесь действует вопрос средств и способов применения основных свобод в сфере прямых налогов. Соответствующая практика Суда ЕС выступает за баланс национального налогового суверенитета и эффективности основных свобод [8, л. 78].

Судом ЕС была рассмотрена серия дел, затрагивающих права налогоплательщиков, которые сочли, что национальные налоговые системы нарушили их права, закрепленные в европейских договорах. Проверка этого факта включает в себя три стадии.

1. Нарушает ли дискриминация или ограничение в отношении государства-члена, по крайней мере, одну из основных свобод, предоставленных налогоплательщикам согласно Договору о ЕС (далее – ДЕС).

2. Может ли государство-член предоставить приемлемые оправдывающие обстоятельства: национальная мера, ограничивающая права налогоплательщиков по ДЕС, допустима, только если она преследует законную цель, совместимую с ДЕС, и обоснованна необходимыми причинами в публичных интересах.

3. Соблюден ли принцип пропорциональности: национальные меры не должны превышать того, что нужно для поддержания законности.

Основания, выдвигаемые государствами-членами в случае ограничения одной или нескольких основных свобод, обычно следующие:

1. Ситуация нерезидента несравнима с таковой в государстве его происхождения, и вследствие этого целесообразно применение иного налогового режима.

2. Режим необходим для сбалансированных границ между заинтересованным государством-членом и государством, в котором налогоплательщик является резидентом.

3. Режим нужен для предотвращения уклонения от уплаты налогов.

4. Фискальное единство: например, если государство разрешает налоговые вычеты в отношении определенных видов расходов, оно должно, в свою очередь, установить налог для корреспондирующих доходов.

Другой пример: если государство не облагает налогами прибыль нерезидентов, оно не обязано разрешать убытки, оттого что нерезидент привык уменьшать налогооблагаемую прибыль резидентов этого государства. Данный метод применяется довольно редко. Основные свободы согласно практике Суда ЕС налагают запрет в том числе и на все скрытые формы дискриминации, например, вытекающие из государственной принадлежности [9].

Основополагающий принцип налогового права состоит в том, чтобы требования об уплате налогов выдвигались, не исходя из гражданства, а исходя из того, является данное лицо резидентом или нерезидентом [10].

Для резидентов названное требование действует, как правило, на доходы налогоплательщика от деятельности по всему миру (так называемый принцип универсальности). Здесь в основу заложен тезис о том, что резидент конкретного государства регулярно создает основную часть своего дохода в этом государстве. От этого получает выгоду экономическая, социальная, культурная инфраструктура. Это лицо должно также вносить вклад в связанные с этим государственные расходы соразмерно своим возможностям. При этом должны учитываться все индивидуальные обстоятельства, в том числе личного и семейного характера. Лучше всего для государства, взимающего налоги, подходит государство проживания лица, поскольку здесь находится центр его жизненных интересов, подчеркнул Суд ЕС в своем известном решении по делу Шумакера [11].

Для нерезидентов налоговая обязанность согласно территориальному принципу часто ограничивается следующим образом. Государство, в котором создан доход, удерживает соразмерную часть независимо от того, где и в каком объеме представлен к налогообложению общемировой доход [12].

Отличительной чертой резидентства, однако, угрожает опасность: регулирование может повредить в первую очередь налогообязанным из других государств-членов. Поэтому различие по месту жительства физического лица или месту нахождения юридического, определенное Судом ЕС, не является безусловным [13].

Государства-члены регулярно обращаются к аргументу, что национальные меры в области налогового права, которые различаются по месту жительства или по месту инвестиций, не должны вступать в конфликт с основными свободами, так как это не соотносимые категории. Этому воспротивился Суд ЕС в упомянутом решении по делу Шумакера.

С одной стороны, Суд подчеркнул, что по отношению к прямым налогам обстоятельства, в которых находятся резиденты и нерезиденты, обычно несравнимы. С другой – для резидентов и нерезидентов возникает сравнимая ситуация, когда нерезидент извлекает в соответствующем государстве весь свой доход. Особенно остро вопрос встает, когда работник проживает в одном государстве, а работает в другом. Еще сильнее аргумент сравнимости резидентов и нерезидентов при так называемом минимальном необлагаемом доходе или издержках, связанных с получением дохода. Здесь резиденты и нерезиденты регулярно оказываются в сравнимой ситуации, поскольку налоговые льготы связаны с доходами, которые, в отличие от личных и семейных обстоятельств, для обеих групп объективно являются одинаковыми [14].

Аналогичным образом складывается ситуация с хозяйственными обществами. Здесь решающим фактором является местонахождение или принадлежность к правопорядку конкретного государства. Общества, имеющие место регистрации в ЕС или орган управления которых находится в государстве – члене ЕС, согласно ст. 49 ДФЕС вправе осуществлять свою деятельность в других государствах через филиалы, представительства или дочерние общества. Налогообложение дочернего общества происходит согласно законодательству государства, в котором оно является резидентом [15].

Для налогового права имеют значение в первую очередь неписанные обстоятельства, исключаяющие ответственность, которые развивались наряду с основными свободами в ходе диалога Суда ЕС и национальных судов. Их можно понимать как обратную сторону расширения запретов дискриминации на скрытые ограничения. Это нужно для того, чтобы предотвратить расширительное толкование основных свобод государствами-членами.

Основанием для освобождения может выступить эффективное изъятие налога, в частности органами налогового контроля. Для свободы движения капитала это урегулировано ч. 1 ст. 65 ДФЕС. Государства-члены обязаны принимать меры по обеспечению ясного и однозначного определения размеров доходов и убытков, а также директив, которые необходимо применять в конкретном случае [16]. Так, в 2005 г. в известном деле Marks&Spencer Суд признал уравновешенное разделение налоговых полномочий между государствами-членами и предотвращение двойного учета убытков [17].

В этом и других решениях отчетливо берется за основу идея предоставления большего пространства для налогового суверенитета государств-членов. Также в свете когерентности налогового права линия судебной практики будет применяться для меньших ограничений [18].

Европейский Суд указал, что освобождение убытков от налогообложения внутри группы является налоговым преимуществом для компаний и ограничение данного преимущества в отношении убытков подконтрольной компании, учрежденной в другом государстве ЕС и не осуществляющей торговой деятельности в государстве основной компании, является ограничением свободы учреждения, поскольку ставит в неравное положение дочернюю компанию-резидента и нерезидентную дочернюю компанию. Такое ограничение допустимо только в рамках защиты публичного интереса или достижения целей Договора о Европейском союзе. Государства – члены ЕС должны препятствовать двойному

использованию убытков. Суд пояснил, что трансграничное освобождение внутри группы допустимо при наличии двух условий:

1) нерезидентная дочерняя компания использовала все возможные в стране ее регистрации способы учета убытков, в том числе посредством передачи убытков третьей стороне или зачета убытков и прибыли, полученной за предыдущие периоды;

2) убытки зарубежной дочерней компании не могут быть учтены в стране ее регистрации за будущие периоды ни самой этой компанией, ни третьей стороной [19].

Суд не ставит под сомнение полномочия государств-членов на заключение международных договоров об избежании двойного налогообложения. Им дозволяется при недостатке мер по гармонизации или при разделении налоговых полномочий устанавливать узловые точки разделения налоговых полномочий [20].

В соответствии с правом ЕС государства-члены вправе формировать системы прямого налогообложения, исходя из собственных целей и задач налоговой политики.

Таким образом, ключевыми принципами для координации налогового администрирования государств-членов в ЕС являются:

1) устранение дискриминации и двойного налогообложения;
2) предотвращение злоупотреблений налоговыми правами;
3) снижение издержек, связанных с налогообложением доходов в разных налоговых юрисдикциях.

1. Case C-152/03 Ritter (2006) ECR I-1711.

2. BVerfG, Urt. v. 30.06.2009, 2 BvE 2/08, 2 BvR 1010/08, 2 BvR 1022/08, 2 BvR 1259/08, 2 BvR 182/09, BVerfGE 123, 267, Rn. 249, 252.

3. Vertrag über die Europäische Union (EUV) und Vertrag über die Arbeitsweise der Europäischen Union (AEUV), Abl. – 2008. – C Nr. 326. – S. 1.

4. Nettesheim // Oppermann/Classen/Nettesheim, Europarecht. – 5. Aufl. – 2011. – § 35. – Rn. 5.

5. Hindelang S., Köhler H. Europarechtliche Determinanten nationalen Steuerrechts // WHIPaper. – 06/2013. – URL: <http://www.whiberlin.eu/whi-papers-2016.html>.

6. Adamczyk L. The Sources of EU Law Relevant for Direct Taxation // Lang u. a. (Hrsg.) Introduction to European Tax Law: Direct Taxation. – 2. Aufl. – 2010. – S. 25.

7. Nettesheim // Oppermann/Classen/Nettesheim, Europarecht. – 6. Aufl. – 2014. – § 35. – Rn. 8. – 55 ff.

8. Толстопятенко, Г.П. Европейское налоговое право (проблемы, теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Г.П. Толстопятенко. – М., 2001. – 318 л.

9. Hindelang S. The Free Movement of Capital and Foreign Direct Investment. – The Scope of Protection in EU Law, 2009. – 145 ff.

10. Case C-388/01 Commission of the European Communities v Italian Republic, judgement of 16 January 2003.

11. Thömmes, Verbote der Diskriminierung von Steuerausländern und Steuerinländern // Lehne (Hrsg.) Steuerrecht in europäischen Binnenmarkt. – 1996. – S. 81.

12. Case C-279/93 Finanzamt Köln-Altstadt v Roland Schumacker, judgment of 14 February 1995.

13. Terra/Wattel, European Tax Law. – 6th ed. – 2012. – P. 45.

14. Case C-279/93 Finanzamt Köln-Altstadt v Roland Schumacker, judgment of 14 February 1995; Case C-80/94 G.H.E.J. Wielockx v Inspecteur der Directe Belastingen, judgement of 11 August 1995.

15. Terra/Wattel, European Tax Law. – P. 48. 16. Case C-446/03 Marks & Spencer Pic v David Halsey (HM Inspector of Taxes), ECJ, 13 December 2005.

16. Höfstätter M., Hohenwarter-Mayr D. The Merger Directive // Lang u. a. (Hrsg.) Introduction to European Tax Law: Direct Taxation. – 2. Aufl. – 2010. – S. 149 f.

17. Case C-446/03 Marks & Spencer Pic v David Halsey (HM Inspector of Taxes), ECJ, 13 December 2005.

18. Cordewener A. Europäische Grundfreiheiten und nationales Steuerrecht. – 2002. – S. 958 ff.

19. Hey J. Der EuGH als Initiator nationaler Steuerreformen: Institut «Finanzen und Steuern». – Nr. 428. – Bonn, 2005. – S. 48.

20. Lang u. a. (Hrsg.) Introduction to European Tax Law: Direct Taxation. – 2. Aufl. – 2010. – S. 75.

УДК 341

А.А. Озеров, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

А.И. Бородич

Рецензент – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

МЕСТО И РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Рассматриваются место и роль Республики Беларусь в международных организациях (СНГ, ОДКБ) в целях противодействия вызовам и угрозам в сфере безопасности. Акцентируется внимание на сотрудничестве МВД Республики Беларусь с международными организациями по противодействию преступности.

Для современных международных отношений в силу объективных причин характерно расширение международного сотрудничества в различных сферах, правовой основой которого является Устав Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

После провозглашения независимости Республика Беларусь существенно расширила свое участие в деятельности ООН и учреждений

системы ООН, оформила свое участие в ряде универсальных и региональных международных организаций. Такая форма осуществления международного сотрудничества, как международные организации, активно используется нашей страной в процессе реализации своей внешней политики, а также для решения актуальных задач социально-экономического развития государства. Разноплановое сотрудничество с международными организациями позволяет отразить весь спектр основных направлений и национальных приоритетов в области внешнего сотрудничества.

Координацию деятельности республиканских органов государственного управления по обеспечению единой политики Республики Беларусь в отношениях с международными организациями, а также по формированию и совершенствованию договорно-правовой базы отношений белорусского государства с международными организациями осуществляет Министерство иностранных дел (далее – МИД).

Вопросы сотрудничества с международными организациями регламентированы постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2002 г. № 1504. Данным постановлением утвержден перечень международных организаций, с которыми осуществляется сотрудничество, а также республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству, определенных на национальном уровне головными по вопросам сотрудничества Республики Беларусь с каждой из указанных международных организаций [1].

С учетом компетенции за Министерством внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) закреплены Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников (БКБОП) Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Международная организация уголовной полиции – Интерпол, Международная организация по миграции (далее – МОМ) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН).

Являясь головным республиканским органом государственного управления по вопросам сотрудничества Республики Беларусь с указанными международными организациями, МВД обеспечивает действенное участие в их работе и принимает необходимые меры по защите национальных интересов. Технические и организационные возможности международных организаций, как правило, используются для:

решения актуальных задач социально-экономического развития государства, затрагивающих сферу деятельности ОВД;

привлечения в Республику Беларусь международной технической помощи для оказания поддержки в социальных и экономических преобразованиях и в соответствии с приоритетными направлениями международного технического сотрудничества, а также целевыми потребностями государства в целом и ОВД в частности;

обеспечения эффективной реализации государственной внешней и внутренней политики в сфере борьбы с преступностью, вынужденной миграцией, образования, науки, информации и демографической безопасности;

обеспечения надлежащего выполнения международных обязательств Республики Беларусь, вытекающих из международных договоров и членства Беларуси в международных организациях;

укрепления кадрового и технического потенциала ОВД в целях повышения эффективности их служебной деятельности и надлежащего выполнения возложенных на них задач [2].

Вместе с тем достаточно эффективно МВД сотрудничает и с иными международными межправительственными организациями, мандат которых включает вопросы, прямо или косвенно относящиеся к компетенции ОВД (Управление ООН по наркотикам и преступности, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Программа развития ООН, Европейская экономическая комиссия ООН, Фонд ООН в области народонаселения, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Всемирная организация здравоохранения, Европейский союз, Совет Европы, Совет государств Балтийского моря и другие) [2].

Деятельность в данном направлении осуществляется МВД в рамках действующего правового поля при соблюдении национального законодательства, норм и принципов международного права, международных стандартов в области защиты прав и основных свобод человека, положений универсальных и региональных международных договоров, участницей которых является Республика Беларусь. В настоящее время заключено свыше 30 межгосударственных, 45 межправительственных, более 60 межведомственных международных договоров, позволяющих сотрудничать на уровне различных государственных структур, в том числе и по широкому спектру вопросов, относящихся к сфере деятельности МВД. Этот перечень постоянно расширяется [2].

При осуществлении сотрудничества с международными организациями приоритетное внимание традиционно уделяется максимальному продвижению национальных интересов и белорусских внешнеполити-

ческих инициатив, выполнению международных обязательств Республики Беларусь, поддержанию и совершенствованию текущего уровня взаимодействия, привлечению международной технической помощи.

Основными формами совместной деятельности на протяжении многих лет были и остаются: скоординированная организация и проведение обучающих и иных мероприятий международного и регионального характера по правоохранительной тематике; разработка и реализация совместных проектов и программ международной технической помощи по представляющим взаимный интерес направлениям; обеспечение белорусского представительства на форумах и конференциях, проводимых в рамках или под эгидой международных организаций [2].

О степени результативности и эффективности деятельности МВД по развитию сотрудничества с международными организациями за период с 2005 по 2015 гг. свидетельствуют следующие количественные показатели и данные. Реализованы 13 проектов международной технической и 1 проект иностранной безвозмездной помощи, в рамках которых Республике Беларусь международными организациями предоставлена техническая поддержка в размере более 13,4 млн долл. США. Финансирование под реализацию этих проектов предоставлено Евросоюзом (8 проектов), Программой развития ООН (5 проектов), Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (4 проекта), Международной организацией по миграции (3 проекта), ОБСЕ (1 проект), Фондом ООН в области народонаселения (1 проект), Трастовым фондом ООН «Остановить насилие в отношении женщин» (1 проект), Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (1 проект) [2].

С участием МВД в Республике Беларусь реализованы 12 проектов международной технической и 1 проект иностранной безвозмездной помощи [2].

Для решения общих задач, стоящих перед государствами – участниками СНГ, в рамках Содружества создана и успешно функционирует комплексная правовая и организационная система, направленная на обеспечение безопасности его участников [3].

Важным составляющим элементом системы является создание в СНГ базовых организаций (учреждений), имеющих достаточно высокий уровень педагогических кадров и специалистов, более совершенную техническую базу и другие преимущества, позволяющие решать круг задач в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, а также разработки инновационных педагогических технологий и методик обучения кадров; проведения совместных фунда-

ментальных и прикладных научных исследований и разработки научных рекомендаций по различным направлениям сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и другим [4]. Их деятельность регламентируется решениями Совета глав государств, Совета глав правительств СНГ, органов отраслевого сотрудничества СНГ, межгосударственными и межправительственными соглашениями и договорами в области военно-научного сотрудничества, подготовки кадров и других направлений, принятых в рамках Содружества, а также положениями о базовых организациях (учреждениях) [4].

Решением Совета глав правительств СНГ от 23 мая 2008 г. Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – Академия МВД) придан статус базовой организации государств – участников СНГ по подготовке, повышению квалификации и переподготовке кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми. Деятельность Академии МВД в качестве базовой организации осуществляется на базе Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми (далее – Центр), который был открыт 19 июля 2007 г. [5]. Обучающиеся в ходе официальных докладов и презентаций информируют своих коллег о ситуации, складывающейся в сфере борьбы с торговлей людьми в своих государствах. Это способствует росту компетентности представителей различных структур, деятельность которых связана с борьбой с торговлей людьми, из различных государств, а также установлению и укреплению прямых контактов между ними [5].

В соответствии с международными стандартами предусмотрены разнообразные виды занятий, в том числе практические выездные занятия, деловые и ролевые игры, тренинги, проектирование, моделирование и решение ситуационных задач, рассмотрение и обсуждение конкретных ситуаций, семинары по обмену опытом и другие. К учебной работе привлекаются сотрудники МВД, работники Верховного Суда (Прокуратуры, Государственного пограничного комитета) Республики Беларусь, а также международные эксперты, зарубежные специалисты, представители международных и неправительственных организаций.

Особая роль уделяется военному сотрудничеству стран СНГ. Основным документом, регулирующим военное сотрудничество стран СНГ, является Концепция военного сотрудничества государств – участников СНГ (далее – Концепция). Данный документ принимается на пять лет и определяет общие взгляды государств – участников СНГ на принципы, основные направления, формы и систему обеспечения развития во-

енного сотрудничества на многосторонней основе через министерства обороны, органы военного управления государств Содружества, а также органы координации и взаимодействия военного сотрудничества при Совете министров обороны, а также цели и задачи, достижение которых является необходимым за срок действия Концепции. Документ разрабатывается совместно с рабочими органами Совета министров обороны государств – участников СНГ и министерствами обороны государств Содружества [6].

В настоящее время можно говорить об итогах реализации Концепции на 2010–2015 гг., которая завершила свое действие, а результаты, достигнутые при ее реализации, заложены в документ на 2016–2020 гг. За период с 2011 по 2015 гг. Секретариатом Совета министров обороны (далее – СМО) СНГ и другими рабочими органами СМО СНГ во взаимодействии с Министерством обороны Республики Беларусь были подготовлены, согласованы и внесены на рассмотрение Совета министров обороны более 200 документов по актуальным проблемам развития многостороннего военного сотрудничества. При этом более 20 проектов документов были внесены на рассмотрение высших органов Содружества для принятия по ним окончательного решения.

Необходимость эффективного противостояния современным вызовам и угрозам военного характера обусловила активность Комитета начальников штабов (далее – КНШ) и других рабочих органов СМО СНГ по координации усилий государств Содружества в области антитеррористической деятельности как важнейшего элемента укрепления не только региональной, но и глобальной безопасности. В Министерстве обороны Республики Беларусь данному вопросу придается большое значение в связи с нестабильной обстановкой в мире, а также высокой опасностью террористической угрозы [4]. Основные усилия КНШ СНГ и других рабочих органов СМО СНГ были сосредоточены на совершенствовании подготовки военнослужащих и подразделений Вооруженных Сил в рамках проведения практических мероприятий, с отработкой задач по противодействию терроризму. Среди них мероприятия, в которых принимали участие представители Министерства обороны Республики Беларусь:

1. Совместные учения с боевой стрельбой войск (сил) объединенной системы противовоздушной обороны государств – участников СНГ «Боевое Содружество», «Чистое небо»;

2. Тренировки по действиям дежурных сил по ПВО государств – участников СНГ при получении информации о захвате (угоне) воздушного судна террористами;

3. Тренировки по обмену информацией о радиационно-химической безопасной обстановке между оперативно-координационным центром (Единой системы выявления и оценки масштабов и последствий применения оружия массового поражения, аварий (разрушений) на опасных объектах) и пунктами управления Объединенной системы контроля и оценки радиационно-химической обстановки министерств обороны государств – участников СНГ;

4. Учебно-методические сборы руководящего состава и специалистов видов, родов и служб вооруженных сил государств – участников СНГ и другие мероприятия [4].

Республика Беларусь также является активным членом Организации договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ). Для достижения целей Организации государства-члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету и реализацию права на коллективную оборону, включая создание коалиционных (коллективных) сил Организации, региональных (объединенных) группировок войск (сил), миротворческих сил, объединенных систем и органов управления ими, военной инфраструктуры. Государства – члены ОДКБ также взаимодействуют в сферах военно-технического (военно-экономического) сотрудничества, обеспечения вооруженных сил, правоохранительных органов и специальных служб необходимыми вооружением, военной, специальной техникой и специальными средствами, подготовки военных кадров и специалистов для национальных вооруженных сил, специальных служб и правоохранительных органов.

Ничто не мешает совместно планировать, а при необходимости и проводить коллективные операции и действия организаций СНГ и ОДКБ. Тем более что в Антитеррористическом центре СНГ (далее – АТЦ) представлены все участники ОДКБ для реализации общих задач и целей.

Безусловно, многие могут возразить против этого, ссылаясь на разные международные форматы организаций (ОДКБ и СНГ), большее число государств – участников СНГ и т. п. Однако необходимо реально смотреть на ситуацию. А она такова, что уникальные наработки и потенциал органов СНГ (БКБОП, АТЦ) в ряде случаев не могут быть применены из-за отсутствия единых взглядов на проблемы безопасности всех сторон СНГ. А в рамках ОДКБ это возможно, на это имеются политическая воля глав государств и решения соответствующих орга-

нов Организации. А главное, есть реально подготовленные коллективные силы. Речь идет о совершенствовании взаимодействия и выходе на более глубокий уровень сотрудничества, а не подмене друг друга, что позволяет решать задачи в интересах сторон ОДКБ, не прибегая к дополнительным затратам. Уровень безопасности стран ОДКБ не может быть уменьшен за счет нежелания других сторон это делать.

При этом существует позиция, что ОДКБ как международная организация и ее постоянно действующий орган – Секретариат – не должны заниматься непосредственно сферой оперативно-розыскной деятельности (это задача правоохранительных органов и спецслужб наших государств), а должны решать вопросы обеспечения взаимодействия данных органов, создания условий и площадок для этого, организации всестороннего обучения персонала, создания условий и правил всестороннего обеспечения заинтересованных подразделений, а также выработки нормативной базы и подготовки применения коллективных сил.

Таким образом, принимая во внимание все вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что в настоящее время существует развитая структура органов и международных организаций, использующих достаточно эффективные формы и способы, необходимые для противодействия транснациональной организованной преступности, а также международной помощи странам в этой сфере.

1. О сотрудничестве Республики Беларусь с международными организациями [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 окт. 2002 г., № 1504 : в ред. от 26.06.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mia.gov.by/>. – Дата доступа: 03.11.2017.

3. Материалы науч.-практ. конф. по вопр. дальнейшего развития СНГ, Минск, 5–6 окт. 2006 г. / редкол.: М.В. Мясникович [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2006.

4. Официальный сайт Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/>. – Дата доступа: 03.11.2017.

5. Сайт Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academy.mia.by/>. – Дата доступа: 03.11.2017.

6. Концепция военного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств до 2020 года : решение Совета глав государств СНГ, 16 окт. 2015, № 05227 [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/>.

УДК 351.746

Д.Н. Подомцкий, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Д.П. Семенюк

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Крюков*

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЯХ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Анализируются международные конвенции, устанавливается участие Республики Беларусь в противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Анализируются ратифицированные международные договоры, исследуется их имплементация в систему национального законодательства.

Наркотрафик представляет угрозу для всех стран мира, в том числе и для Республики Беларусь. Незаконное перемещение наркотических средств и психотропных веществ носит трансграничный характер, и поэтому данная проблема не может быть решена только на государственном уровне. Каждая страна мирового сообщества вносит свои предложения по противодействию наркотрафику, принимает к сведению инновационные предложения других государств, проводит всесторонний анализ рассмотренных предложений. На основе этого принимаются единые конвенции по противодействию возникающим угрозам, связанным с наркотрафиком.

По данным МВД Республики Беларусь, на протяжении последних четырех лет динамика увеличения количества больных наркоманией в Беларуси составляет около 540 человек в год. По состоянию на 1 января 2017 г. на диспансерном и профилактическом учете состоят около 11 тыс. больных наркоманией и почти 2 тыс. – токсикоманией [1].

По мнению В.М. Сантаровича, с первой половины XIX в., когда английские торговые компании стали завозить в Китай опиумный мак, и начинается история контрабанды наркотиков [2].

Борьба с преступностью, относящаяся к внутренней компетенции каждого государства и осуществляемая внутригосударственными мерами правового характера, со временем проявляет тенденции перерастания национальных рамок и перестает быть внутренним делом государств. Речь идет о преступлениях транснационального типа, затраги-

вающих не только национальный, но и международный правопорядок. К ним необходимо отнести преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Для успешной борьбы с данной категорией преступлений требуется объединение усилий многих, а в перспективе – всех государств мира [2].

Одновременно с систематизацией национальных законодательств по борьбе с наркотиками, правительства ряда стран стали прибегать и к мерам международного характера. Первым шагом в принятии согласованных мер по предотвращению наркомании явился созыв так называемой Шанхайской опиумной комиссии, заседание которой проходило в Шанхае с 5 по 26 февраля 1909 г. с участием представителей тринадцати государств, в том числе и Российской империи, в территорию которой в это время входила и территория современной Беларуси. В качестве одной из основных целей созыва Шанхайской опиумной комиссии была разработка мер, которые препятствовали бы нелегальному ввозу наркотиков из стран Азии в США и Европейские государства. Комиссия не выработала каких-либо обязательных норм в отношении распространения наркотиков, тем не менее она положила начало международному сотрудничеству и предопределила направления международно-правовой помощи в этой сфере.

Первым международно-правовым документом в данной области стала Международная конвенция по опиуму, проходившая в Гааге в 1911–1912 гг. Несмотря на ее открытость и отсутствие ограничений для всех государств для ее подписания, к окончанию Первой мировой войны названную Гаагскую конвенцию подписало только 31 государство, а ратифицировало всего 16. Хотя Конвенция и предусматривала ряд действенных мер, желаемого результата не удалось достичь.

Свой вклад в борьбу с незаконным оборотом наркотических средств внесла Женевская конференция по опиуму 19 февраля 1925 г.

Для достижения поставленных целей и закрепления Гаагской конвенции 1912 г., Женевская конвенция 1925 г. установила, что реализация наркотиков может происходить только для законных целей государства и внесла в список запрещенных веществ кокаиновый лист, индийскую коноплю, и позволила вносить в список запрещенных веществ любые вещества, которые своим воздействием на организм схожи с веществами, включенными в Конвенцию.

Одним из наиболее существенных нововведений Женевской конвенции 1925 г. явилась регистрация и лицензирование внешнеторговых сделок с наркотиками. Государства обязывались представлять подробные статистические данные по таким операциям. Контроль за соблюдением взятых государством обязательств возлагался на вновь созданный орган международного контроля «Постоянный центральный комитет по опиу-

му», позже переименованный в «Постоянный центральный комитет по наркотическим средствам» [2].

В период экономического кризиса в 30-х гг. XIX в. распространение наркотических средств стало проблемой глобального масштаба. В этих условиях X Ассамблея Лиги Наций (1929 г.) приняла решение разработать новый международный договор, строго ограничивающий изготовление наркотических средств медицинскими и научными нуждами [3]. Подписанная в Женеве 13 июля 1931 г. и вступившая в силу в 1933 г., Международная конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств явилась основополагающим звеном в международной контрольной системе того периода.

Женевская конвенция 1931 г. хотя прямо и не касалась пресечения незаконного оборота наркотических средств, но привела к выводу о недостаточности возможностей для уголовного преследования нарушителей закона о наркотиках, в особенности в международных масштабах, создав тем самым предпосылки для следующих шагов в усилении сотрудничества. После в Женеве в 1936 г. была принята Конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств.

По мнению Т.А. Ажакиной, эта Конвенция вносила новый элемент в международно-правовую практику. Нарушение законов о наркотиках влекло за собой при некоторых условиях выдачу преступника иностранному государству. Уголовные наказания, к которым по Конвенции 1936 г. должны были осуждаться преступники по делам о наркотиках в местных национальных судах, были значительно более суровыми, чем наказания, предусмотренные предыдущими конвенциями [3].

В Конвенции 1936 г. осуществлялась попытка обязать подписывающие ее стороны установить в своем национальном законодательстве уголовную ответственность за преступления в сфере оборота наркотических средств в отношении лиц, оказывающих помощь в распространении наркотиков.

Таким образом, к концу 30-х гг. сложилась первоначальная система международного контроля за незаконным оборотом наркотиков.

Однако сложившаяся на то время система международного контроля была далека от совершенства. Основным ее недостатком являлось то, что международные конвенции того периода регулировали лишь готовые наркотические средства и не включали в списки запрещенных веществ, на основе которых они могли быть произведены.

Указанные ранее недостатки международной системы контроля способствовали постановке проблемы об усовершенствовании действующего международного законодательства. В связи с необходимостью

решения существующих пробелов в международном законодательстве на Лигу Наций был возложен контроль за соглашениями по незаконному обороту наркотическими средствами. За период существования Лиги Наций было принято несколько международно-правовых актов, касающихся борьбы с наркоманией и контроля над наркотическими средствами.

Основными из них были:

1. Женевское соглашение от 11 февраля 1925 г. о запрещении производства, внутренней торговли и использовании очищенного опиума [4].
2. Международная конвенция по опиуму, подписанная в Женеве 19 февраля 1925 г. [5].
3. Соглашение о воспрещении курения опиума от 27 ноября 1931 г. [6].
4. Конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств, подписанная в Женеве 13 июля 1931 г. [7].

Полагаем, что за рассмотренный период времени образовалась глобальная система конвенций, договоров, протоколов, которая из-за своего многообразия, а также сложности исполнения оказалась малоэффективной.

После образования ООН важной задачей стало создание Единой конвенции, регулирующей незаконный оборот наркотических средств. Данная задача была реализована, в 1961 г. была создана Единая конвенция о наркотических средствах.

Согласно тексту Единой конвенции она определяет:

1. Вещества, подлежащие контролю;
2. Общие обязательства сторон по ее выполнению;
3. Порядок предоставления информации о легальном обороте наркотиков;
4. Порядок производства, транспортировки, хранения и их торговли;
5. Меры надзора за выполнением обязательств [8].

Главным элементом указанной Конвенции является система контроля над экспортом и импортом наркотических средств. В 1972 г. списки запрещенных веществ были дополнены Протоколом о поправках Единой конвенции.

После принятия Единой конвенции можно отметить ряд существенных изменений в сфере организации международного контроля над наркотическими средствами, одним из них стало образование таких контрольных органов, как Комиссии по наркотическим средствам Экономического и Социального Совета ООН и Международный комитет по контролю над наркотиками.

Большое значение имеет то, что нормы данной Конвенции касаются всего ныне известного наркотического сырья. Если страна производит сы-

рье для наркотиков, она обязана сделать все необходимое, чтобы предотвратить утечку наркотических средств, сырья по нелегальным каналам.

Следует отметить, что работа мирового сообщества в данном направлении не закончилась принятием и подписанием Единой конвенции. Окончательный вариант многостороннего договора об установлении контроля над психотропными веществами был принят на Венской конференции 1971 г.

Венская конвенция 1971 г. содержит ряд схожих положений, регулирующих незаконный оборот психотропных веществ. Как отмечает Т.А. Ажакина, в Конвенции установлены положения, согласно которым рецепты должны выдаваться в строгом соответствии с медицинской практикой, этикетки препаратов снабжаться указаниями об их потреблении и необходимыми предостережениями. Конвенция предусматривает меры против злоупотребления и указывает на необходимость лечения, реабилитации и социальной реинтеграции наркоманов [3]. Предусмотрено также, что в качестве альтернативы наказанию или дополнительному к нему лицу, злоупотребляющие психотропными веществами, могут быть подвергнуты принудительному лечению.

Следующим шагом в международно-правовом регулировании отношений в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств стала разработка Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., которая была принята специальной конференцией ООН и вступила в силу в ноябре 1990 г. Указанная Конвенция определяет следующее:

1. Криминализирует производство, распространение, торговлю, транспортировку и прочие действия с наркотическими средствами и психотропными веществами, подлежащими международному контролю;
2. Определяет юрисдикцию сторон в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;
3. Налагает обязательства принимать меры по конфискации изъятых из незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, доходов, полученных от незаконной торговли ими;
4. Налагает обязательства по оказанию взаимной правовой помощи;
5. Определяет формы сотрудничества и подготовки кадров.

Основным побудительным мотивом ее принятия явилась необходимость укрепления и дополнения мер, предусмотренных двумя предыдущими Конвенциями ООН. При этом основной упор сделан на укрепление эффективности юридических средств международного сотрудничества [9].

Конвенция 1988 г. учитывает различные аспекты проблемы и, в частности, те из них, которые не предусмотрены или недостаточно полно отражены предыдущими документами.

Одним из наиболее важных положений данной Конвенции является установление контроля за веществами, часто используемыми при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ. Большое значение в данной Конвенции отводится налаживанию межгосударственных связей в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

Стороны, подписавшие Конвенцию 1988 г., должны предоставлять друг другу самую широкую юридическую помощь. Это, в первую очередь, касается расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства уголовных правонарушений. Положения данной Конвенции не влияют на обязательства, вытекающие из любых других двусторонних или многосторонних договоров, которые регулируют предоставление взаимной юридической помощи по уголовным делам.

Согласно Конвенции стороны устанавливают друг с другом различные деловые связи, сотрудничают в расследовании правонарушений, подготовке кадров, обмениваются информацией о транзите, осуществляют меры по контролируемым поставкам, создают систему мониторинга международной торговли наркотическими средствами.

В соответствии с Конвенцией 1988 г. государства соглашаются изменить свои национальные законы, чтобы облегчить конфискацию доходов от незаконного оборота наркотиков. Например, предусматривается:

разрешить судам раскрывать тайну банковских вкладов в ходе расследования дел, связанных с наркотическими средствами;

облегчать выдачу и судебное преследование обвиняемых торговцев наркотиками;

содействовать использованию метода «контролируемых поставок», прослеживания и перехвата партий запрещенных наркотических средств;

предотвращать незаконные пересылки по почте;

устанавливать систему наблюдения за международной торговлей прекурсорами.

Само собой разумеется, что действия по вышеуказанным направлениям немислимы без широкого использования соответствующими органами специфических форм и методов оперативно-розыскной работы.

Таким образом, Конвенция 1988 г. санкционирует на международном уровне любые меры, если они допускаются национальным законодательством [3]. В борьбе с незаконным оборотом наркотиков Международные конвенции устанавливают систему контроля над наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами.

В Беларуси тенденции, связанные с распространением наркотиков и наркопреступности, находятся под пристальным вниманием государственных органов. Это обусловлено уже известными сведениями о

многосторонней картине преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и порождаемыми ими социальными проблемами. Предотвращением незаконного оборота наркотиков занимаются министерства и органы государственного управления, а также предпринимаются меры по объединению усилий и координации этой деятельности [10, с. 6].

На сегодня Республика Беларусь является участницей трех Международных конвенций ООН:

1. Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (вступила в силу в Республике Беларусь 13 декабря 1964 г.) с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом о поправках от 25 марта 1972 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 13 октября 2001 г.) [8];

2. Конвенции о психотропных веществах 1971 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 15 марта 1979 г.) [11];

3. Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 11 ноября 1990 г.) [9].

В Конвенциях в качестве приложений содержатся определенные перечни (списки, таблицы) находящихся под международным контролем наркотических средств, психотропных веществ и веществ, используемых при их незаконном изготовлении [10, с. 6].

Необходимо отметить, что ранее названные списки периодически корректируются и дополняются. Это обусловлено тем, что появляются новые препараты и вещества, а также вносятся модификации в уже имеющиеся структурные формулы. Это помогает быстро реагировать на вновь возникшую угрозу и не дает возможности наркоторговцам легализовать свой наркобизнес.

Республика Беларусь имплементировала международные конвенции в Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Основными направлениями государственной политики в сфере оборота и противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, а также профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов являются:

1. Ведение Республиканского перечня и перечня заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ;

2. Лицензирование деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров;

3. Государственный контроль (надзор) за оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов;

4. Выявление правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов;

5. Применение мер противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов;

6. Профилактика потребления наркотических средств, психотропных веществ и аналогов, в том числе среди детей и молодежи;

7. Развитие сети организаций для оказания медицинской помощи лицам, больным наркоманией, а также их социальной реабилитации;

8. Государственная поддержка научных исследований в области разработки программ, методов и методик профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ и аналогов, оказания медицинской помощи лицам, больным наркоманией, и их социальной реабилитации;

9. Развитие международного сотрудничества [12].

Таким образом, Республика Беларусь проделала большую работу в сфере разработки, развития и ратификации международно-правовых актов, регулирующих противодействие незаконному обороту наркотических средств. Проведена систематизация и актуализация международного и национального законодательства, учтены основные аспекты мирового наркопотребления, составлены списки наркотических средств, находящихся под международным контролем и учреждены органы, контролирующие исполнение данного законодательства.

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 14.05.2017.

2. Сантарович, В.М. Основные этапы международного контроля незаконного оборота наркотиков [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / Т.А. Ажакина [и др.] – М. : Щит-М, 2001. – С. 151–168.

4. Женевское соглашение о запрещении производства, внутренней торговли и использовании очищенного опиума [Электронный ресурс] : [подписано в Женеве 11.02.1925 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Международная конвенция по опиуму [Электронный ресурс] : [заключена в Женеве 19.02.1925 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Соглашение о воспрещении курения опиума [Электронный ресурс] : [заключено в Женеве 27.11.1931 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств [Электронный ресурс] : [заключена в Женеве 13.07.1931 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Единая конвенция Организации Объединенных Наций о наркотических средствах 1961 года [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вене 20.12.1988 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Современное состояние наркологической ситуации в Республике Беларусь / В.В. Лелевич [и др.]. – Минск : [б. и.], 2012. – 49 с.

11. Конвенция Организации Объединенных Наций о психотропных веществах [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вене 21.02.1971 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

12. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 351.74:343.85

А.В. Подсосонный, выпускник факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Серёда*

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ ГРАЖДАН В РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются проблемы реализации мер профилактического воздействия в отношении физических и юридических лиц. Предлагаются пути совершенствования законодательства в данной сфере общественных отношений.

Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Необходимость правового регулирования присутствует всегда, но особенно она ощущима в условиях, когда меняются реалии жизни, появляются новые обла-

сти отношений, требующие упорядоченности, либо ускоряется динамика общественных процессов.

Эффективность функционирования общества не может быть вне государственно-правового воздействия. Исследователи, изучающие данную проблематику, отмечают, что нормы права устанавливаются (санкционируются) государством в качестве общеобязательных требований ко всем гражданам, при этом сам факт их общеобязательности является важнейшим мотивом соблюдения закона.

Право выполняет специфические функции – регулятивную и правоохранительную, из которых первая направлена на обеспечение позитивного правового воздействия, т. е. на упорядоченность общественных отношений, а вторая – на их охрану.

Статья 2 Конституции Республики Беларусь говорит о том, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией» [1].

Из указанной статьи следует, что государство регулирует общественные отношения, охраняет права и свободы граждан, а также создает условия для развития личности. Гражданин же обязан соблюдать действующее законодательство, основой которого является Конституция. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что государство, в том числе, способствует формированию правовой культуры общества, его развитию в правовом ключе. Однако, к сожалению, у отдельных слоев нашего общества она находится на низком уровне и выражается в правовом нигилизме.

О феномене правового нигилизма говорят и пишут. Действительно, в настоящее время нигилистическое отношение к праву стало показательной и неотъемлемой чертой сложившейся во многих современных государствах ситуации культурно-правового кризиса. И тем не менее правовой нигилизм и нигилизм вообще – явление достаточно длительно существующее и распространенное в мире.

Под правовым нигилизмом отдельные авторы понимают сформировавшееся в общественном и индивидуальном сознании пренебрежительное или иное негативное отношение к праву, законности, наличие у должностных лиц и граждан установок на достижение социально значимых результатов неправовыми средствами; исполнение правовых предписаний преимущественно под угрозой применения мер юридиче-

ской ответственности. Правовой нигилизм существует в двух формах – активный и пассивный [2, с. 198].

Когда население перестает воспринимать право как социально ценный институт, оно теряет к нему всякий интерес. Происходит то, что называется отчуждением общества от права. Объяснить это можно разными причинами – мобилизационным характером модернизации, устойчивостью элементов традиционного жизненного уклада, отсутствием подлинного просвещения и т. д.

Правовой нигилизм способствует формированию терпимости к преступлениям и другим видам противозаконного поведения, их моральному оправданию, привыканию к ним нравственно неустойчивых слоев населения [3, с. 5].

Правовой нигилизм характеризуется массовостью, оппозиционной направленностью, часто имеет регионально-национальную окраску. Иногда он носит явно демонстративный, агрессивный, неконтролируемый характер и проявляется в самых разных формах. Он может быть как криминальным, так и легитимным, проявляться как «наверху», так и «внизу» общества, как в профессиональных слоях, так и на бытовом уровне.

Одним из главных путей преодоления правового нигилизма должно стать всемерное стремление к повышению общей, и правовой в частности, культуры граждан. Естественно, должна проводиться регулярная работа по профилактике правонарушений, осуществляться массовое просвещение и правовое воспитание населения и особенно молодежи.

На государственном уровне осуществляется особая деятельность по распространению воззрений о праве и правопорядке, для чего используются имеющиеся в распоряжении средства: литература, искусство, школа, церковь, печать, радио, телевидение, специальные юридические учебные заведения.

В то же время в XXI в. проблема правового нигилизма личности в Беларуси присутствует, несмотря на провозглашенный принцип правового государства. В первую очередь это связано с тем, что граждане поступают по схеме «как сделал сосед, так поступлю и я». Суть проблемы правового нигилизма состоит в недооценке значения и роли права и законности, а порой, и в игнорировании требований законов.

Развитие правовой культуры гражданина, общества способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью. Внесение научно обоснованных, взвешенных правовых представлений, взглядов в сознание граждан, борьба с преступностью являются предпосылками укрепления законности и правопорядка. Формирование правового

государства связано с глубокими процессами утверждения правовых ценностей в психологии личности, причем правомерное поведение является базовой основой данного процесса.

Активное участие людей в политико-правовых процессах помогает развивать всесторонне развитую личность, так как это выделяет и социальное, и индивидуальное начало в полном объеме. Государству и обществу небезразлично, какими мотивами руководствуется личность в своих поступках. Сегодня совершенно очевидно, что в формировании белорусской государственности, успешного хода преобразований в обществе решающим условием становится социально активное поведение граждан. Отсутствие собственных позиций, стойкие привычки ухода от решения проблем, не только не умеющих, но и часто не желающих мыслить и действовать самостоятельно, являются тормозом в процессе прогрессивных преобразований.

От отношения к праву граждан во многом зависит количество совершаемых правонарушений, профилактику которых осуществляют субъекты профилактики, в число которых входят и органы внутренних дел (далее – ОВД). В повседневной оперативно-служебной деятельности сотрудники органов внутренних дел ежедневно сталкиваются с правовым нигилизмом граждан, что затрудняет проведение профилактических мероприятий. В целом, профилактика правонарушений включает в себя следующее – вовремя донести до человека информацию, предусмотренную статьями закона, которые устанавливают ответственность за совершение противоправных деяний, выявить причины и условия, способствующие их совершению, и др.

Профилактику правонарушений можно рассматривать как комплекс мер, предпринимаемый сотрудниками органов внутренних дел в ходе повседневной профессиональной деятельности. Это может быть и проведение профилактической беседы, а когда требуется и вынесение официального предупреждения, постановка на профилактический учет, вынесение защитного предписания и иные меры, предусмотренные законодательными актами (ст. 23 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 (ред. от 18 июля 2016 г.) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»). Как показывает практика, в настоящее время большинство этих мер в ряде случаев не имеют на объект профилактики должного воздействия.

Так, при составлении участковым инспектором милиции (далее – УИМ) протокола о профилактической беседе объект профилактики делал для себя соответствующие выводы о том, что в случае несоблюдения законных и обоснованных требований сотрудника органа внутренних

дел его ожидают неблагоприятные последствия. Если же помимо профилактической беседы УИМ принимал решение о вынесении официального предупреждения, то это свидетельствовало о том, что действия объекта профилактики оказались граничащими с нормой законодательства, а выводы из этого для лица следовали такие, что в случае повторения таковых действий он будет привлечен к ответственности.

Однако на сегодня мы можем увидеть совсем иную картину. При решении аналогичных задач УИМ сталкивается с безразличием к проводимым им профилактическим мероприятиям со стороны объекта профилактики. Такое поведение объекта профилактики связано прежде всего с тем, что за нарушение мер профилактического воздействия отсутствует какая-либо существенная мера ответственности, так как нарушение одной меры профилактического воздействия влечет только наложение другой меры профилактического воздействия. По сути, это создает ситуацию «составление одного документа ради другого».

На деле же получается так. После вынесения протокола профилактической беседы, в котором четко обозначена тема – «недопустимость противоправного поведения, создания конфликтных ситуаций в быту, злоупотребления спиртными напитками», лицо ознакомляется с протоколом и учиняет свою подпись, профилактическое мероприятие считается законченным. Однако в случае повторения подобных действий какая-либо ответственность за нарушение проведенной меры профилактического воздействия в виде вынесения протокола профилактической беседы отсутствует. Следовательно, возникает вопрос: «Зачем нужна такая мера, которая является безрезультативной, и проводится «на бумаге»?»

Такая мера профилактического воздействия, как вынесение официального предупреждения, в большей степени применяется к правонарушителям, допустившим два и более административных правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, допустившим правонарушения в быту (в отношении членов семьи). Краткая суть меры воздействия состоит в том, что в отношении данной категории лиц выносятся официальные предупреждения, после чего они ставятся на профилактический учет. Данная мера для значительной части граждан не является содержательной и скорее носит информативный характер, в очередной раз «предупреждая» их о «серьезных» последствиях.

Постановка на профилактический учет предполагает заведение профилактического дела, в которое вносится ряд данных об объекте профилактики, в дело помещаются рапорта о проведении УИМ профилактических бесед и иная информация. Вопрос о том, состоит ли лицо на профилактическом учете в ОВД или не состоит, возникает, как правило, при

затребовании справки-характеристики следователем в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении объекта профилактики ОВД. Из профилактического дела видно, как часто его посещал УИМ и какие профилактические мероприятия в отношении лица он проводил. Однако очевидно, что эти мероприятия не всегда приносят должный результат, и объект профилактики все-таки совершил преступление.

Говоря о такой мере профилактического воздействия на объект профилактики (торговые объекты, организации), как вынесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, можно тоже отметить ряд проблемных вопросов. В теории при получении такого представления объект профилактики, несмотря ни на какие трудности, обязан предпринять действия по их устранению. Поскольку, если на объекте торговли или организации, оказывающей услуги населению, имеются указанные условия, он, по сути, не может функционировать, так как при нахождении на таком объекте, граждане не по своей воле могут стать жертвой противоправных деяний. Однако на практике часто встречается, что организации, получив такое представление, порой, не только оставляют его без рассмотрения и не дают ответ в установленный законом месячный срок в субъект профилактики его вынесший, но и не принимают мер по устранению причин и условий, указанных в постановлении. За указанные нарушения предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь. Но все же после того как должностное лицо, допустившее нарушение, будет привлечено к ответственности, условия, способствующие совершению правонарушений, по-прежнему могут быть не устранены, а следовательно, у правонарушителей будут иметься дополнительные возможности для противоправной деятельности.

Не единичны случаи, когда в крупных торговых магазинах неустановленными лицами совершались хищения выручки и товарно-материальных ценностей на очень большие суммы, а каких-либо следов преступников выявить не удалось. Первопричиной нераскрытия преступления в данном случае будет являться халатное отношение организации к технической укрепленности своего объекта (установка надежных дверей с надежными запорными устройствами, установка решеток на окнах или роллетов, установка внутреннего и внешнего видеонаблюдения, кнопки тревожной сигнализации и т. д.). А ведь именно став жертвой совершения противоправных деяний, представители организаций и торговых объектов обращаются в ОВД за помощью с соответствующими заявлениями. Таким образом, практика показывает, что

на основании ч. 3 ст. 21 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 (ред. от 18 июля 2016 г.) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» мы обязываем торговый объект или организацию устранить выявленные нарушения. Однако они продолжают функционировать с нарушениями, понеся административное наказание в виде штрафа. Отсюда вновь возникает насущный вопрос об эффективности применения данной меры профилактического воздействия.

В соответствии с вышеизложенным назрела необходимость заполнить некоторые правовые пробелы путем внесения изменений в КоАП Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В качестве совершенствования законодательства можно предложить за повторное нарушение после проведения профилактической беседы с составлением протокола применять к объекту профилактики административный арест на несколько суток. В настоящее время он является самой результативной мерой административного воздействия, поскольку подразумевает изоляцию от общества. Рассматривая такую меру административного воздействия, как штраф, следует отметить, что проблема на сегодня заключается в их взыскиваемости. Отсутствие возможности или нежелание объектов профилактики трудоустроиваться, отсутствие имущества, на которое возможно наложение ареста, неблагоприятное имущественное положение объектов профилактики и асоциальные условия проживания свидетельствуют о том, что штраф не будет являться действенной мерой административного воздействия за нарушение мер профилактического воздействия.

Если же говорить об объекте профилактики в виде торговых объектов и организаций, оказывающих услуги населению, которые нарушают предпринятые в отношении их меры профилактического воздействия, результативным средством профилактики может являться приостановление деятельности профилактируемого объекта до устранения им выявленных недостатков. Отсутствие возможности получения выручки является наиболее мотивирующим фактором для устранения указанных причин и условий. При этом при приостановлении деятельности у объекта не возникнет желания «затянуть с ответом».

На основании изложенного следует отметить, что при осуществлении мер профилактического воздействия имеется ряд проблем, которые отражаются на результативности проводимых мероприятий. Основные из них – правовой нигилизм граждан, а также в некоторой степени лояльность законодательства в отношении объектов профилактики. Их ре-

шение позволит повысить эффективность правоохранительной деятельности субъектов профилактики правонарушений.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 8-е изд., – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 64 с.

2. Борщева, Е.В. Теоретические аспекты правового нигилизма / Е.В. Борщева // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 июня 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск, 2010. – С. 198–199.

3. Герасимов, С.И. Преодоление правового нигилизма – важное условие успешной модернизации страны / С.И. Герасимов // Вестн. Рос. правовой акад. – 2011. – № 4. – С. 3–12.

УДК 351.74 (09)

Ю.В. Полковниченко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.А. Кашевский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Козелецкая*

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются причины введения ответственности за преступления против информационной безопасности. Проводится правовой анализ данных преступлений в Республике Беларусь.

Ввиду распространенности технологий в современном мире защита приватной информации, находящейся в интернете, является первоочередной задачей. Это определяет цель научного рассмотрения данной проблемы. Актуальность этой темы обусловлена широким использованием информационного пространства современным обществом.

Информационное пространство представляет собой совокупность объектов, вступающих друг с другом в информационное взаимодействие, а также технологии, обеспечивающие это взаимодействие. По сути, информационное пространство неразрывно связано с интернетом. Интернет – всемирная система объединенных компьютерных сетей для хране-

ния и передачи информации. Благодаря ему человек имеет возможность передать любое количество информации в максимально короткие сроки в любую точку мира, получить мгновенный доступ к интересующей его информации, пообщаться с друзьями, почитать новости и др.

В настоящее время невозможно представить деятельность современного человека, юридического лица или государственного органа без передачи информации в сети Интернет. Однако стоит задуматься о том, насколько же надежен данный способ коммуникации. Мгновенная скорость, огромный объем информации, относительно небольшая стоимость обслуживания – все это положительные моменты использования интернета, но один из существенных недостатков – безопасность.

Сообщения об информационных преступлениях отрывочны. Сегодня никто в мире не имеет полной информации об информационной преступности. Причина не только в том, что это совершенно новый вид преступности, но и в том, что государственные, банковские и коммерческие структуры не очень склонны афишировать последствия, причиненные информационными нападениями, и «эффективность» своих систем защиты. Этим обусловлена высокая латентность преступности в области информационных отношений.

Причиной криминализации как в российском, так и в белорусском уголовном законодательстве противоправных действий в области электронной техники и информационных технологий является их высокая общественная опасность. Как отмечает В.С. Комиссаров, эта опасность выражается в том, что такие действия «могут повлечь за собой нарушение деятельности автоматизированных систем управления и контроля различных, включая и жизнеобеспечивающие, объектов, серьезное нарушение работы ЭВМ и их систем, несанкционированные действия по уничтожению, модификации, копированию информации и информационных ресурсов, иные формы незаконного вмешательства в информационные системы, которые способны вызвать тяжкие и необратимые последствия, связанные не только с имущественным ущербом, но и с физическим вредом людям» [1, с. 9].

Несанкционированный доступ нашел закрепление в уголовном законодательстве многих зарубежных государств, однако унифицированный подход к описанию признаков состава данного преступления отсутствует, что препятствует масштабному противодействию данному преступлению. В этой связи необходимо выработать на международном уровне единые критерии криминализации несанкционированного доступа с целью их дальнейшей имплементации в национальное уголовное законодательство [2].

Правовое регулирование в области информационных отношений в нашей Республике осуществляется, в первую очередь, Законом Республики Беларусь от 6 сентября 1995 г. «Об информатизации» [3]. В нем законодатель раскрыл понятие информационных правоотношений как отношений, возникающих в процессе формирования и использования документированной информации и информационных ресурсов, создания информационных технологий, автоматизированных или автоматических информационных систем или сетей. Этот закон устанавливает порядок защиты информационного ресурса, права и обязанности субъектов, принимающих участие в процессах информатизации, а также, что важно, дает законодательное определение основных понятий информационных отношений. В тексте Закона Республики Беларусь «Об информатизации» указано, что он не распространяется на отношения, возникающие при создании и функционировании печати и иных средств массовой информации, и отношения, возникающие при обработке недokumentированной информации.

Рассмотрим основные положения Закона Республики Беларусь «Об информатизации».

Статья 1 этого закона дает законодательные разъяснения, что понимать под основными терминами в области информационных правоотношений. Уяснение их содержания необходимо для последующего рассмотрения понятийного аппарата, использованного законодателем при конструировании составов преступлений против информационной безопасности в новом Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Итак, ст. 1 Закона «Об информатизации» определяет, что:

Информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах;

Документированная информация (документ) – это зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими их идентифицировать;

Материальный носитель информации – материал с определенными физическими свойствами, который может быть использован для записи и хранения информации; информационные процессы – процессы сбора, обработки, накопления, хранения, актуализации и предоставления документированной информации пользователю;

Информационный ресурс – организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных и знаний, другие массивы информации в информационных системах;

Информационная технология – совокупность методов, способов, приемов и средств обработки документированной информации, вклю-

чая прикладные программные средства, и регламентированного порядка их применения;

Автоматизированная или автоматическая информационная система – совокупность информационных ресурсов, информационных технологий и комплекса программно-технических средств, осуществляющих информационные процессы в человеко-машинном или автоматическом режиме;

Комплекс программно-технических средств – совокупность общесистемных программных и технических средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов;

Информационная сеть – комплекс программно-технических средств для передачи и обработки данных по каналам связи;

Информационная продукция – материализованный результат информационных процессов, предназначенный для обеспечения информационных потребностей органов государственной власти, юридических и физических лиц;

Информационные услуги – информационная деятельность по доведению до пользователя информационной продукции, проводимая в определенной форме;

Данные – документированная информация, циркулирующая в процессе ее обработки на электронно-вычислительных машинах;

База данных – совокупность взаимосвязанных данных, организованная по определенным правилам на машинных носителях;

Банк данных – организационно-техническая система, включающая одну или несколько баз данных и систему управления ими;

База знаний – совокупность формализованных знаний об определенной предметной области, представленных в виде фактов и правил;

Собственник информационных ресурсов, информационных систем, технологий, средств их обеспечения – субъект, в полном объеме реализующий полномочия владения, пользования, распоряжения указанными объектами;

Владелец информационных ресурсов, информационных систем, технологий, средств их обеспечения – субъект, осуществляющий владение и пользование указанными объектами и реализующий полномочия распоряжения в пределах, установленных законом;

Пользователь (потребитель) информации – субъект, обращающийся к информационной системе или посреднику за получением необходимой документированной информации.

Их собственниками могут быть государство, юридические и физические лица. Право собственности возникает при создании объектов информатизации за свой счет, а также при заключении договора на их создание или приобретение либо договора, предусматривающего условия перехода

права собственности другому субъекту. Кроме того, право собственности физических лиц на объекты информатизации возникает при получении их в наследство на законных основаниях. Право авторства и право собственности могут принадлежать разным лицам. Субъектами правоотношений в сфере информатизации выступают государство в лице органов государственной власти, юридические и физические лица, а также зарубежные государства, международные организации, иностранные физические и юридические лица (ст. 6 Закона). Субъекты правоотношений при создании и эксплуатации объектов информатизации могут выступать в качестве разработчиков, собственников, владельцев, пользователей или обработчиков документированной информации в информационных системах или сетях. Формы отношений этих субъектов регулируются договорами в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Учитывая вышеперечисленное, стоит отметить, что потребность уголовно-правового регулирования в области информационных общественных отношений способствовала появлению в новом Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. гл. 31 «Преступления против информационной безопасности», составляющей одноименный разд. XII УК и объединяющей ст. 349–355.

В.С. Комиссаров отмечает, что установление уголовной ответственности за правонарушения в этой сфере преследует цель «путем угрозы уголовным наказанием максимально снизить негативные издержки неправомерного или недобросовестного обращения с ЭВМ и компьютерной информацией» [1, с.10].

Так, преступления, предусмотренные в гл. 31 нового УК Республики Беларусь «Преступления против информационной безопасности», можно называть компьютерными. Вместе с тем понятие «компьютерные преступления» более широкое и многоаспектное, чем понятие «преступления против информационной безопасности». Так, с криминалистической точки зрения, с использованием компьютера как орудия или средства совершения преступления можно осуществить и шпионаж, и мошенничество, и подлог документов, и фальшивомонетничество, и злоупотребление служебными полномочиями, и многие другие преступления самыми различными способами. Компьютер может быть и предметом преступления, но ошибочным было бы называть похищение аппаратной структуры компьютера «компьютерным преступлением», поскольку, хотя в этом случае посягательство и направлено на компьютер как на предмет, оно нарушает отношения собственности, а не информационную безопасность, и должно квалифицироваться как преступление против собственности – кража, грабеж и т. д. в зависимости от способа хищения. Поэтому

рассматриваемые преступления против информационной безопасности необходимо называть именно так и не иначе.

В названии гл. 31 нового УК Республики Беларусь четко определен родовый объект рассматриваемых преступлений – информационная безопасность. Тем самым, предусмотренные ст. 349–355 УК, преступления отграничены от преступлений против человека, против собственности, против государства и других, которые посягают на основной защищаемый объект путем воздействия на информационную безопасность.

Информационную безопасность в качестве объекта рассматриваемых преступлений можно определить, на взгляд автора, как совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты информационных ресурсов и охраны прав субъектов информатизации, а также обеспечения безопасности пользователей и пользования компьютерными системами и сетями. Следует отметить, что причинение ущерба только самому себе – умышленно или по неосторожности – не влечет ответственности, если при этом не причиняется ущерб третьим лицам.

Вместе с тем теория уголовного права объектом преступления признает охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягают преступные деяния. Предметом же преступления являются материальные предметы, воздействуя на которые лицо посягает на те или иные общественные отношения [4, с.70, 74].

Поэтому разграничение понятий «объект преступления» и «предмет преступления» применительно к преступлениям против информационной безопасности следует провести следующим образом: противоправное воздействие на компьютерную информацию как предмет преступления посягает на объект преступления – информационную безопасность, т. е. общественные отношения в этой специфической сфере.

Объективная и субъективная стороны этих преступлений, а также описанные в диспозициях отдельных статей специальные признаки субъекта будут подробно рассмотрены ниже, при анализе видов преступлений против информационной безопасности.

Характеризуя в целом преступления против информационной безопасности, необходимо отметить следующее. В соответствии со ст. 12 УК Республики Беларусь преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 349, ст. 352 и 353, ч. 1 ст. 351 и ч. 1 ст. 355 УК, относятся к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности; предусмотренные ч. 3 ст. 349, ч. 1 и 2 ст. 350, ч. 1 ст. 351, ч. 2 и 3 ст. 355 УК, относятся к менее тяжким преступлениям; предусмотренные ч. 2 ст. 351 (компьютерный саботаж, сопряженный с несанкционированным доступом к компьютерной системе или сети либо повлекший тяжкие последствия) и ч. 2

ст. 354 (разработка, использование либо распространение вредоносных программ, повлекшее тяжкие последствия) – к тяжким преступлениям.

Характеризуя объективную сторону рассматриваемых составов, заметим, в первую очередь, что даже большинство из них конструктивно сформулированы как материальные, поэтому предполагают не только совершение общественно опасного деяния, но и наступление общественно опасных последствий, а также установление причинной связи между этими двумя признаками. Изготовление либо сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети (ст. 353), а также разработка, использование либо распространение вредоносных программ (ч. 1 ст. 354) являются преступлениями с формальным составом.

Для всех преступлений данного вида необходимо наличие вины в форме умысла, три состава предусматривают две ее формы: умысел по отношению к деянию и неосторожность в отношении наступивших общественно опасных последствий. Факультативные признаки субъективной стороны так же как и в вопросе о стороне объективной не будут иметь значения для квалификации преступления.

Субъектом преступлений против информационной безопасности может стать, в принципе, любой человек, особенно если учесть возрастающую компьютерную грамотность населения. Ответственность за преступления против компьютерной безопасности наступает с шестнадцати лет (ст. 27 УК РБ). В ч. 2 ст. 349 и ст. 355 предусмотрен специальный субъект – лицо, имеющее доступ к компьютерной системе или сети.

Диспозиции статей гл. 31 УК описательные, часто – бланкетные или отсылочные. Для их применения необходимо обратиться к нормативно-правовым актам, правилам эксплуатации ЭВМ и т. п. [5].

Санкции альтернативные, за исключением двух квалифицированных составов (ч. 2 ст. 351 и ч. 2 ст. 354), где они, в силу тяжести последствий преступления, «урезаны» до относительно определенных. Разнообразен перечень наказаний, применяемых за совершение преступлений против информационной безопасности. Уголовный кодекс предлагает семь видов наказаний, среди которых общественные работы, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы.

1. Комиссаров, В.С. Преступления в сфере компьютерной информации: понятие и ответственность / В.С. Комиссаров // Юрид. мир. – 1998. – № 2. – С. 9–19.

2. Швед, Н.А. О необходимости совершенствования уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации /

Н.А. Швед // Актуальные проблемы юридической науки : сб. тез. Междунар. науч. конф. «Съезд юристов Беларуси», Хмельницкий, 28–29 листоп. 2008 г. : у 4 ч. / Хмельниц. ун-т упр. та права. – Хмельницкий, 2008. – Ч. 4 : Криминальное право. Криминология. Криминально-виконавче право. Криминальный процес. Криминалистика. Судова експертиза. – С. 144–147.

3. Об информатизации : Закон Респ. Беларусь, 6 сент. 1995 г., № 3850-ХП // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. – 1995. – № 33. – С. 179.

4. Мороз, В.В. Уголовное право Республики Беларусь (Общая часть) / В.В. Мороз, О.А. Безлюдов : учебник. – Минск : БелНИУФЭ, 1997.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июля 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. – Минск, 2017.

УДК 342.9

А.В. Радецкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.С. Касьянчик*

Рецензент – кандидат юридических наук *О.В. Гиммельрейх*

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСАХ ИНТЕРНЕТА

Рассматриваются система и проблемы реализации гарантий правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов в сети Интернет. Обосновывается необходимость принятия комплекса правовых и организационных мер, направленных на совершенствование созданной системы гарантий правовой защиты указанной категории лиц.

Защита прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств представляет собой сложный государственно-правовой механизм, эффективность которого в конечном счете зависит от созданных условий и средств его обеспечения. Важнейшим объектом государственно-правовой защиты являются честь и достоинство лица.

Честь и достоинство представляют собой близкие, но все же различные категории. При этом их содержание во многом зависит от того, с позиций каких сфер жизнедеятельности человека они рассматриваются: как чувства и как понятия (в нравственной сфере сознания); как категория морали (в этике) и как защищаемые законом социальные блага (в праве).

В последнем случае честь традиционно определяется как общественная оценка личности, мера социальных, духовных качеств гражданина, объективное общественное свойство [1, с. 12], а достоинство – как самооценка личностью собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения.

В отличие от приведенных понятий, единство мнений ученых и практиков в определении содержания понятия «деловая репутация» отсутствует. Легального определения понятия «деловая репутация» (должностного лица государственного органа, самого государственного органа в целом) в законодательных актах как Республики Беларусь, так и соседних государств не приводится. В этой связи З.Р. Мингазова справедливо отмечает, что «...данное понятие не прошло пока этап институционализации, что в свою очередь негативно влияет на развитие института государственного аппарата и на эффективность государственной власти в целом» [2, с. 13].

Изучение имеющейся литературы, освещающей содержание понятия «деловая репутация» с учетом действующей в Республике Беларусь правовой доктрины позволяет говорить о том, что наиболее обоснованной из числа представленных в ней мнений является позиция, базирующаяся на рассмотрении деловой репутации в качестве общественного мнения о профессиональных достоинствах и недостатках лица (гражданина или организации) [3, с. 733].

Статья 21 Конституции Республики Беларусь гласит, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. В соответствии со ст. 25 Конституции государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности, а согласно ст. 28 – защиту от посягательства на честь и достоинство. Полагаем, что несколько обобщенно в своей системе приведенные положения возможно трактовать как обязательство государства перед гражданином в содействии защите чести и достоинства личности.

Реализация данного обязательства обеспечивается посредством специфических правовых средств, в теории права получивших название гарантий. По справедливому замечанию Е.Н. Хазова, «...гарантии призваны обеспечивать такую благоприятную обстановку, при которой зафиксированные в Конституции и других законах положения о юридическом статусе личности, ее правах и свободах стали бы фактическим положением для каждого человека» [4, с. 33].

Под гарантиями следует понимать установленную государством систему норм, а также совокупность законных условий и средств, с помощью которых обеспечивается реализация и охрана прав и свобод граждан.

В научной литературе понятие «гарантии» традиционно рассматривается через такие категории, как «условия» и «средства».

В зависимости от содержания выделяется несколько групп гарантий:

1) правовые гарантии – определяются наличием соответствующего законодательства, закрепляющего права и свободы граждан в сфере административного права, а также существованием соответствующего правового механизма (системы подзаконных норм) и правовой практики;

2) политико-правовые гарантии – связаны с конституционно-политическим режимом государства;

3) организационные гарантии – подразумевают наличие соответствующей системы судебных и несудебных органов, обеспечивающих защиту конституционных прав граждан, в том числе и административно-правовых (суды, прокуратура, ОВД, профсоюзы);

4) экономические гарантии – зависят от состояния материально-финансовой системы государства и производственных сил и средств;

5) образовательные гарантии – определяются состоянием правового обучения и воспитания граждан [5, с. 220].

Вместе с тем полагаем, что, придерживаясь мнения о возможности раскрытия понятия «гарантии» через такие категории, как «условия» и «средства», приведенный перечень гарантий целесообразно подразделить на общие и специальные гарантии. К первым следует относить политико-правовые, экономические и образовательные гарантии, ко вторым – правовые и организационные. При этом возможность реализации вторых зависит от качественного состава и механизма реализации первых. В то же время если не реализуются вторые нельзя говорить и о том, что система созданных гарантий представляет собой реально функционирующий механизм.

В специальной литературе уделено незначительное внимание гарантиям защиты прав граждан на честь, достоинство и деловую репутацию. Недостаточной, по нашему мнению, является и созданная система правовых норм (фактически – правовых гарантий), обеспечивающих защиту таких прав. В то же время вполне закономерным видится вывод о том, что недооценка правовых и организационных гарантий обеспечения прав и свобод граждан переводит их в фиктивный статус, что в нынешних условиях является недопустимым [6, с. 122]. Реальную социальную и юридическую ценность права и свободы человека и гражданина имеют только в том случае, если они действительно обеспечиваются и работают, а гражданине не только владеют ими, но и в должной степени имеют возможность удовлетворять посредством их реализации свои потребности.

Анализ специальной литературы и административной практики позволяет утверждать, что наибольшей степенью виктимности от право-

нарушений, посягающих на честь и достоинство личности, обладают должностные лица государственных органов: реализация функций государства, возложенных на многие категории должностных лиц государственных органов, часто связана с применением мер административного принуждения, что ввиду необходимости претерпевать негативные последствия для лица, в отношении которого направлены такие меры, вызывает у последнего недовольство и критику в отношении государственных органов и их должностных лиц. Положительный эффект такая критика имеет лишь в случае, если она конструктивна и выявляет недостатки в организации деятельности государственных органов. Но что делать, если вместе с высказанным недовольством лицо оглашает заранее несоответствующую действительности информацию, порочащую честь и достоинство должностного лица, а также деловую репутацию государственного органа? Объективна ли необходимость реагирования со стороны государственных органов на такие информационные вызовы, как и на сопутствующие высказываниям о деятельности должностных лиц государственных органов оскорбительные высказывания в их адрес.

Еще более обширные масштабы проблема защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов (как и самих государственных органов в целом) приобретает в связи с распространением оскорбительных и порочащих их сведений в интернете, значительно активизировавшимся вместе с процессами глобальной информатизации.

Изучение вопроса о созданной системе правовых средств защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица государственного органа в Республике Беларусь приводит к выводу о том, что такая защита в современных условиях организуется и обеспечивается преимущественно посредством норм гражданского права. Как результат – феномен деловой репутации должностного лица государственного органа (как и любой иной категории граждан) в качестве объекта правовой защиты и самостоятельной правовой категории признан в гражданском праве [6, с. 60]; в иных отраслевых науках данный феномен практически не исследовался.

Вместе с тем полагаем, поскольку реализация функций государства, возлагаемая на государственные органы и входит в сферу публично-правовых отношений, постольку честь, достоинство и деловая репутация должностного лица, а равно деловая репутация соответствующего государственного органа, подлежат защите при вышеобозначенных обстоятельствах не в частном, а в публичном порядке (в частности – посредством применения мер административной или уголовной ответственности).

Статья 23.5 «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) является одной из правовых гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц. В соответствии со ст. 23.5 КоАП «Оскорбление должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе, влечет наложение штрафа в размере от двадцати до пятидесяти базовых величин».

Если при отсутствии квалифицирующих признаков оскорбление должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий влечет административную ответственность, то такое же действие, совершенное публично, квалифицируется по ст. 369 «Оскорбление представителя власти» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Совершение аналогичных действий в ходе публичного выступления либо путем размещения в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в СМИ влечет уголовную ответственность по ст. 189 «Оскорбление» УК.

Изучение информационных ресурсов сети Интернет и специальной литературы свидетельствует, что факты оскорбления должностных лиц государственных органов в информационных ресурсах сети Интернет в своем большинстве квалифицируются как административные правонарушения. Вместе с тем такая квалификация с точки зрения буквы закона может быть признана дискуссионной.

Так, в случае если обстоятельства оскорбления на ресурсах сети Интернет не позволяют отнести такое деяние к уголовно наказуемому, то как следует его квалифицировать: в соответствии со ст. 9.3 или ст. 23.5 КоАП? С одной стороны, оскорбление имеет место в связи с исполнением должностным лицом своих обязанностей, а значит, такое деяние может подпадать под санкцию ст. 23.5 КоАП. Однако объективная сторона данного состава правонарушения предполагает, что деяние совершено «при исполнении служебных обязанностей». Но распространение такой информации часто имеет место впоследствии, в нерабочее для должностного лица время. При этом полагаем, что связь оскорбительных высказываний в адрес должностного лица в связи с исполнением им служебных полномочий должна являться условием, отягчающим ответственность правонарушителя и предусматривать более высокие санкции. Также полагаем, что целесообразно было бы дополнить название и текст указанной статьи после слов «при исполнении» словами «или в связи с исполнением». Понятие «при исполнении» подразумевает непосредственные действия того или иного должностного лица по реализации своих служебных полномочий в конкретный момент времени. Однако

комментарии, оставляемые под видео, статьями и другими источниками, в большинстве случаев не могут квалифицироваться по данной статье, ведь они появляются на ресурсах сети Интернет со значительным разрывом во времени.

Полагаем, что требует пристального внимания науки и практики также вопрос о том, должны ли нести ответственность владельцы информационных ресурсов сети Интернет, которые не препятствуют распространению на этих ресурсах их посетителями информации, нарушающей действующее законодательство Республики Беларусь: считаем, что непринятие мер по удалению таких сообщений также несет в себе значительную опасность (вредность) для существующих общественных отношений. При ответе на данный вопрос, полагаем, следует учитывать, что именно владельцы (администраторы) должны препятствовать распространению такой информации посредством их информационных ресурсов. Анализ ряда информационных ресурсов сети Интернет позволяет говорить о том, что такие меры нередко либо обеспечиваются несвоевременно, либо вообще не применяются, что способствует распространению такой информации. Полагаем, что подобное поведение владельцев и администраторов информационных ресурсов следует связывать с отсутствием должной ответственности за бездействие в данном направлении.

Вместе с тем решение проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов лежит не только в плоскости нормативного правового регулирования, но и в плоскости организационного обеспечения реализации правовых гарантий.

Из вышеприведенных аспектов следует, что совокупность организационных мер, направленных на обеспечение юридических гарантий, в правовой науке принято определять понятием «организационные гарантии». Применительно к теме исследования организационные гарантии защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица необходимо рассматривать как в части организации применения гражданско-правовых средств такой защиты, так и с позиций административно-правовых средств реализации таких гарантий.

В первом случае речь идет об оказании должностным лицам, пострадавшим от таких деяний, правовой помощи в рамках подготовки к процессу защиты чести, достоинства и деловой репутации в порядке гражданско-правовых отношений. Во втором случае следует говорить об организации комплекса практических мероприятий по мониторингу информационных ресурсов сети Интернет на предмет выявления негативных фактов и принятия организационно-правовых мер по изобличе-

нию лиц, распространяющих заведомо ложные или оскорбительные высказывания о деятельности государственных органов и их должностных лиц к административной ответственности, а при наличии признаков уголовно наказуемого деяния – к уголовной ответственности. В рамках совершенствования организационной составляющей системы гарантий правовой защиты должностных лиц государственных органов, полагаем, что целесообразно внести в перечень обязанностей руководителей и (или) сотрудников юридических отделов государственных органов обязанности по мониторингу информационных ресурсов сети Интернет на наличие оскорбительных высказываний в отношении должностных лиц соответствующих государственных органов. Требуется проработки и вопрос о целесообразности подготовки и издания методических рекомендаций по действиям таких сотрудников при выявлении в ресурсах сети Интернет информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию таких категорий должностных лиц.

Предлагаемые меры позволят совершенствовать созданную систему гарантий правовой защиты должностных лиц государственных органов с учетом получивших распространение вместе с постоянно развивающимися процессами глобальной информатизации фактов оскорблений должностных лиц в ресурсах сети Интернет.

1. Сахапов, Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности ее гражданско-правовой защиты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю.З. Сахапов. – Казань, 2007. – 24 с.

2. Мингазова, З.Р. Деловая репутация государственного аппарата как института власти: политологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / З.Р. Мингазова. – Казань, 2012. – 21 с.

3. Гражданское право : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : БЕК, 2000. – Т. 1. – 816 с.

4. Хазов, Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е.Н. Хазов. – М., 2011. – 35 с.

5. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 438 с. – Ч. 1 : Административно-регулятивное право.

6. Грищенко, А.Н. Административно-правовые гарантии и функции полиции по охране и защите прав и свобод граждан / А.Н. Грищенко // Закон и право. – 2017. – № 7. – С. 121–123.

7. Осмоловский, С.Е. Деловая репутация как объект правовой защиты и правовая категория / С.Е. Осмоловский // Сац.-эканам. Ёправавыя даслед. – 2012. – № 1. – С. 57–65.

А.Д. Резников, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Р.В. Скачек

Рецензент – кандидат юридических наук *И.Г. Мухин*

РОЛЬ МАТЕРИАЛОВ СПЕЦИАЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

Анализируются теоретические источники и нормативные правовые акты, определяются основные черты специального расследования, проводимого по фактам нарушений правил охраны труда, роль последнего при производстве по материалам и уголовным делам о преступлениях рассматриваемого вида. Акцентируется внимание на трудностях, возникающих при использовании материалов специального расследования на стадии досудебного производства.

Порядок специального расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний для всех предприятий, учреждений, организаций, а также лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, установлен Правилами расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (далее – Правила), утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2004 г. № 30 в редакции постановления от 31 июля 2015 г. № 654.

Согласно вышеуказанным Правилам специальному расследованию подлежат:

- групповые несчастные случаи, происшедшие одновременно с двумя и более работниками, независимо от тяжести полученных травм;
- несчастные случаи со смертельным исходом;
- несчастные случаи с тяжелым исходом.

Тяжесть производственных травм определяется организациями здравоохранения в соответствии с Правилами определения тяжести производственных травм, утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 января 2015 г. № 9.

Согласно Правилам о групповом несчастном случае, несчастном случае со смертельным исходом наниматель немедленно сообщает:

- прокуратуре по месту, где произошел несчастный случай;
- территориальному структурному подразделению Департамента государственной инспекции труда;

- профсоюзу (иному представительному органу работников);
- вышестоящей организации, а при ее отсутствии – местному исполнительному и распорядительному органу, где зарегистрирован наниматель; организации, направившей работника к нанимателю;
- территориальному органу государственного специализированного надзора, если несчастный случай произошел в организации (на объекте), подконтрольной этому органу.

О несчастных случаях с тяжелым исходом наниматель информирует указанные органы после получения заключения организации здравоохранения о степени тяжести травмы пострадавшего.

О несчастном случае, при котором погибли два или более работника, главный государственный инспектор труда Республики Беларусь сообщает Правительству Республики Беларусь. Если такой случай произошел в организации (на объекте), подконтрольной органу государственного специализированного надзора, то об этом Правительству Республики Беларусь сообщает также руководитель указанного органа.

Территориальное структурное подразделение Департамента государственной инспекции труда, орган государственного специализированного надзора после получения сообщения о несчастном случае, подлежащем специальному расследованию, направляют своих представителей на место происшествия для проведения проверки по факту причинения производственной травмы.

Специальное расследование несчастного случая проводит государственный инспектор труда соответствующего территориального подразделения с участием уполномоченного должностного лица нанимателя, представителя профсоюза (иного представительного органа работников), вышестоящей организации (местного исполнительного и распорядительного органа).

Проверку по факту группового несчастного случая, при котором погибли два – четыре человека, проводит, главным образом, государственный инспектор труда области (г. Минска) с участием лиц, указанных выше.

Специальное расследование несчастного случая, при котором погибли пять и более человек (если по этому поводу не было специального решения Правительства), проводится главным государственным инспектором труда Республики Беларусь.

Проверка по факту несчастного случая проводится (включая оформление и рассылку документов) в течение 15 рабочих дней со дня получения сообщения о несчастном случае на производстве. В указанный срок не включается время, необходимое для проведения экспертиз, технических расчетов, лабораторных исследований испытаний, получения за-

ключений правоохранительных органов, организаций здравоохранения и других органов и организаций.

Однако главным государственным инспектором труда области и г. Минска (лицом, исполняющим его обязанности) срок проведения специального расследования может быть однократно продлен не более чем на 15 рабочих дней.

По результатам специального расследования государственным инспектором труда составляется и подписывается заключение о несчастном случае. Лица, участвующие в специальном расследовании, удостоверяют свое участие в расследовании подписями на заключении. При несогласии с содержанием заключения указанные лица излагают свое особое мнение по данному вопросу, которое прилагается к документам расследования. В соответствии с заключением наниматель в течение суток составляет акты формы Н-1 или формы НП на каждого потерпевшего и утверждает их.

Документы специального расследования включают:

заключение государственного инспектора труда о несчастном случае;

акт формы Н-1 или акт формы НП на каждого потерпевшего;

протокол осмотра места происшествия несчастного случая; планы, схемы, эскизы, фотоснимки места происшествия и др.;

протоколы опросов, объяснения потерпевшего (потерпевших), свидетелей, работников, должностных и иных лиц; копии документов (выписки из них) о прохождении потерпевшим обучения, инструктажа и проверки знаний по вопросам охраны труда, медицинских осмотров, получении средств индивидуальной защиты и др.;

медицинские заключения о характере и тяжести травмы, причинах смерти потерпевшего, а также о нахождении потерпевшего в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения;

заключение (протокол, постановление) правоохранительных органов о противоправных деяниях потерпевшего (другого лица), умышленном причинении потерпевшим вреда своему здоровью;

протокол об определении степени вины потерпевшего от несчастного случая, профессионального заболевания;

заключения экспертиз, результаты лабораторных исследований, экспериментов, анализов;

копии нормативных правовых актов, технических нормативных правовых актов, локальных нормативных правовых актов (извлечения, выписки из них);

копии материалов о привлечении должностных лиц организации к административной ответственности;

особые мнения лиц, участвовавших в расследовании (при их наличии); другие материалы.

Государственный инспектор труда в течение одного дня по окончании специального расследования направляет материалы специального расследования в районный (межрайонный), городской, районный в городе отдел Следственного комитета Республики Беларусь по месту происшествия несчастного случая, соответствующие вышестоящие структурные подразделения Департамента государственной инспекции труда Министерства по труду и социальной защите Республики Беларусь, нанимателю, страхователю, страховщику, в профсоюз (иной представительный орган работников), и копии заключения – в республиканский орган государственного управления, иную государственную организацию, подчиненную Правительству Республики Беларусь, местный исполнительный и распорядительный орган, а также в организации, представители которых принимали участие в специальном расследовании, а по несчастным случаям со смертельным исходом – в областные (Минское городское) объединения профсоюзов Федерации профсоюзов Беларуси.

При изучении материалов специального расследования следователь должен выяснить обстоятельства происшествия; изучить правила, регламентирующие деятельность, с которой связано происшествие, сопоставить нормативный регламент и фактическую деятельность, установить по документам (отраслевые правила, инструкции, приказы, распоряжения) лиц, ответственных за обеспечение соблюдения соответствующих правил, их правовое положение.

Выводы государственного инспектора труда о лицах, допустивших нарушение правил охраны труда, следует оценивать критически, поскольку в ходе специального расследования инспектором не устанавливается причинная связь между данными нарушениями и наступившими последствиями, а просто констатируются допущенные нарушения правил охраны труда, выявленные при специальном расследовании. Нередко действия (бездействие) лиц, выразившиеся в нарушении правил охраны труда, установленные в ходе специального расследования, не состоят в причинной связи с наступившими последствиями. По этой причине оценивать материалы специального расследования в совокупности с иными собранными материалами, а фактические данные, содержащиеся в них, проверять путем проведения следственных и иных процессуальных действий.

Если грубая неосторожность потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, причиненного его здоровью, то при расследовании несчастного случая на производстве или профессиональ-

ного заболевания она определяется и указывается в акте о несчастном случае на производстве или в акте о профессиональном заболевании.

Степень вины потерпевшего определяется в процентах на основании протокола об определении степени вины потерпевшего от несчастного случая на производстве, профессионального заболевания, подписанного уполномоченным должностным лицом организации, нанимателя, страхователя и уполномоченным представителем профсоюза (иного представительного органа работников).

Таким образом, чаще всего возбуждение уголовного дела по преступлениям, связанным с нарушением правил охраны труда в большинстве случаев, осуществляется после и на основании материалов специального расследования, проведенного инспектором труда.

Особенностью возбуждения дел данной категории считается также и специфика взаимодействия инспектора труда со следователем. Их действия часто осуществляются одновременно и параллельно при проведении специальной проверки и первоначального этапа предварительного расследования [2, с. 42].

В правоприменительной практике выделяют следующие направления взаимодействия следователя с государственным инспектором труда, проводящим специальное расследование:

получение от государственного инспектора труда максимально подробной информации о расследуемом происшествии и информирование его относительно фактических данных, имеющихся в распоряжении следователя;

уведомление следователя о планах дальнейшей работы государственного инспектора труда;

регулярный обмен информацией о вновь установленных обстоятельствах расследуемого происшествия между государственным инспектором труда и следователем;

согласование со следователем планируемых действий по специальному расследованию, сопряженных с воздействием на обстановку места происшествия и объекты, могущие иметь криминалистическое значение;

получение следователем консультационной помощи от лиц, участвующих в проведении специального расследования;

привлечение последних к производству следственных действий и иных процессуальных действий в качестве специалистов;

участие следователя в проводимых государственным инспектором труда опросах различных лиц;

совместное ознакомление следователя и лиц, участвующих в специальном расследовании с соответствующими документами;

предоставление государственному инспектору труда изъятых следователем оригиналов документов (под расписку) или их копий.

Направления взаимодействия следователя с государственным инспектором труда, практикуемые после завершения работы по специальному расследованию:

получение следователем от государственного инспектора труда документов, содержащих дополнительное обоснование заключения по результатам специального расследования;

допросы в качестве свидетелей лиц, участвовавших в проведении специального расследования, относительно обстоятельств происшествия, не получивших надлежащего отражения в материалах специального расследования.

Однако, на наш взгляд, учитывая все вышеперечисленные аспекты возможного взаимодействия, необходимо иметь в виду, что для устранения дублирования и экономии государственных средств инспектору труда в случае очевидной судебной перспективы следует принимать решение о немедленной передаче материалов специальной проверки с обоснованным заключением в органы уголовного преследования, после чего он должен действовать по поручению следователя.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Особенностью производства по материалам о преступных нарушениях правил охраны труда является существующий в правоприменительной практике подход, заключающийся в том, что наряду со следователем проверку по факту имевшего место нарушения правил охраны труда осуществляет специальный субъект, представитель (государственный инспектор) Департамента государственной инспекции труда. Результаты такой проверки концентрируются в материалах так называемого специального расследования.

2. По своему содержанию материалы специального расследования, по сути, дублируют материалы проверки, проводимой следователем. Однако в связи с тем, что специальное расследование осуществляет компетентный субъект, оно до настоящего времени существует на практике.

3. Выводы государственного инспектора труда, содержащиеся в материалах специального расследования, следует оценивать критически, поскольку в его ходе инспектором не устанавливается причинная связь между данными нарушениями и наступившими последствиями, а просто констатируются допущенные нарушения правил охраны труда, выявленные при специальном расследовании. Нередко действия (бездействие) лиц, выразившиеся в нарушении правил охраны труда, установленные в ходе специального расследования, не состоят в причинной

связи с наступившими последствиями. По этой причине оценивать материалы специального расследования в совокупности с иными собранными материалами, а фактические данные, содержащиеся в них, проверять путем проведения следственных и иных процессуальных действий.

1. Ермаков, И.Ю. Расследование преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.Ю. Ермаков. – М., 2008. – 22 с.

2. Наумова, В.В. Взаимодействие следователя и государственного инспектора труда при расследовании преступных нарушений правил безопасности на производстве / В.В. Наумова // Экономика. Упр. Право. – 2005. – № 1. – С. 41–44.

УДК 343.985

А.Г. Рыбаков, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ВЫЯВЛЕНИЕ ОБОРОТА ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В ИНТЕРНЕТЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Посвящается активно развивающейся в последнее время проблеме – обороту детской порнографии. Данное исследование позволит обратить внимание на совершенствование методики выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с оборотом детской порнографии в сети Интернет.

Проблема распространения детской порнографии в интернете в настоящее время приобрела масштабы международного уровня. Безграничные возможности единого мирового информационного пространства в области передачи, распространения информации создали предпосылки, облегчающие совершение данного противоправного деяния, позволив вовлечь детей в один из наиболее жестоких и циничных видов транснациональной организованной преступности [1, с. 30].

Анализ практики расследования преступлений, предусмотренных ст. 343¹ УК Республики Беларусь, свидетельствует о том, что большинство из них совершается с использованием сети Интернет (их удельный вес составляет 53,1 %). Это обуславливает необходимость глубокого научного осмысления правоприменительной практики, связанной с выявлением этих деяний и сбором доказательств, содержащих основания к возбуждению уголовного дела.

В связи с ростом числа таких преступлений повышается актуальность разработки методики их выявления, раскрытия и расследования. Здесь имеется множество сложных вопросов, связанных с выявлением ресурсов с детской порнографией, установлением их владельцев, сбором доказательственной базы и т. д. Необходимо признать, что на сегодня правоохранительными органами уже накоплен определенный опыт в данной области, который требует научного осмысления [2, с. 53].

Подходы к пониманию глобальных компьютерных сетей.

«Internet» – это глобальная компьютерная сеть, которая охватывает весь мир. В недалеком прошлом интернет использовался исключительно с целью передачи файлов и сообщений и связи на электронную почту. Сегодня с помощью интернета возможно решение более сложных задач, вплоть до распределенного доступа к ресурсам, сетевой поиск и доступ как к информационным ресурсам, так и к электронным архивам.

В настоящее время существуют два основных подхода к понятию «глобальные компьютерные сети» – *технологический подход*, который основывается на информатике, и *социальный подход*, который рассматривает компьютерные сети с позиции социологии.

Для развития оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), использование приемов, средств и методов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в сети Интернет важны оба подхода. От информационно-телекоммуникационной среды зависят способы совершения преступлений, а также специфика следов преступной деятельности. Следов специфических, виртуальных, оставленных в ходе совершения компьютерного преступления [3, с. 74–76]. В связи с этим необходим выбор определенных технических средств, сил, методов получения оперативной информации в информационных сетевых массивах. ««Виртуальный след» – это система команд ЭВМ, где виртуальный объект будет являться слеодообразующим» [4, с. 144]. Поэтому интернет имеет свою специфику совершения в его информационном пространстве преступлений и, естественно, накладывает отпечаток на стратегию и тактику проведения ОРМ в целях борьбы с криминальными проявлениями в сети Интернет.

Особенности получения оперативно-розыскной информации в сети Интернет.

«С учетом наличия в сетевом пространстве криминогенной среды проведение ряда ОРМ в сети Интернет можно ассоциировать с оперативным поиском» [5, с. 331].

Самый простой способ получения информации об обороте детской порнографии – применение системы «Поиск» в ресурсах Yandex, Google и иных поисковых систем, где можно обнаружить информацию по за-

данным реквизитам. В ходе проделанной работы выявляют сетевые ресурсы и сайты, на которых содержится запрещенная к распространению информация криминального характера. В результате установления ресурсов, содержащих информацию криминального характера, могут быть приняты два решения: в одном случае принимаются меры к их блокированию; в другом – установка личностей организаторов сайта и их дальнейшая разработка с заведением дел оперативного учета, с дальнейшей их (дел) реализацией и привлечения к уголовной ответственности установленных лиц. Получить установочные данные о разрабатываемых лицах можно в ряде случаев и на открытых социальных сайтах, также персональных блоках (ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук и др.). Более того «Повышение эффективности анализируемого направления оперативного поиска возможно также за счет проведения оперативных комбинаций, предполагающих создание в сетевом пространстве разного рода сайтов-«ловушек» для выявления лиц, причастных к изготовлению и распространению детской порнографии» [5, с. 334]. Когда данные лица обращаются на этот сайт, сотрудники оперативных подразделений пытаются установить с ними контакт для дальнейшей их разработки и проверки к иным преступлениям.

Другой не менее эффективный способ оперативного поиска – контент-анализ. Это анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Контент-анализ применяется также при изучении источников в целях выявления и измерения характеристик социальных явлений, получивших в них отражение. Объектами такого анализа являются социальные блоки, сайты-форумы криминальной направленности, на которых анализу подвергаются непосредственно информационные ресурсы и тексты. Смысл контент-анализа заключается в установлении, например, в массивах текстов ключевых слов, криминальной направленности либо представляющих оперативный интерес, частота их употребления и фиксация смысловых единиц содержания текста. На основе контент-анализа осуществляется, например, механизм включения записывающего (прослушивающего) устройства. Записывающее (прослушивающее) устройство включается при произношении разрабатываемым лицом определенных слов, сочетания слов [6, с. 251].

Привлечение граждан к конфиденциальному сотрудничеству при проведении ОРМ в сети Интернет.

Проведение оперативного поиска в сети Интернет способствует не только установлению сайтов с детской порнографией, лиц изготавливающих, распространяющих и пропагандирующих ее, но и появляется возможность подбора лиц для привлечения к конфиденциальному

сотрудничеству. Сама специфика глобального сетевого пространства создает предпосылки для конфиденциального сотрудничества в процессе общения на различных сайтах с гражданами с целью привлечения наиболее «полезных» из них для решения задач ОРД. В процессе общения с гражданами (например, на социальном сайте «Одноклассники») возможно проведение в отношении их такого ОРМ, как «оперативный опрос» [7]. Естественно, из соображений тактики ОРД опрос нужно проводить «легендированный», при определенных обстоятельствах с зашифровкой цели, т. е. скрывать отношение к оперативному органу и, при определенных обстоятельствах, маскировать истинную цель опроса. В ходе данного ОРМ возможно выявить лицо, которое желает добровольно оказывать содействие оперативным подразделениям. При выявлении того, что данное лицо имеет достаточную осведомленность о лицах, занимающихся криминальной деятельностью в сети Интернет, необходимо попытаться закрепить доверительные отношения с ним в процессе общения. При доверительном общении с гражданином появляется возможность как получать информацию о сайтах и лицах, причастных к обороту детской порнографии, так и о новых механизмах совершения данного вида преступлений в сети Интернет, о которых оперативный сотрудник может не знать. Одним из признаков мастерства оперативно-розыскной работы в плане привлечения граждан к конфиденциальному сотрудничеству в сети Интернет является привлечение к сотрудничеству хакера. Для работы в сложной информационно-коммуникационной глобальной сети Интернет порою необходимы знания специалиста в данной области. Например, при определенных обстоятельствах качественное проведение ОРМ в сети Интернет возможно только после проведения консультации с квалифицированным хакером, а также выполнение последним задания оперативного сотрудника с целью обеспечения выявления лиц в сети Интернет, ведущих криминальный образ жизни и совершающих сетевые компьютерные преступления. Для успешной вербовки хакера нужно знать его психологию, на чем можно рационально «играть». «...Декларируемая философия «хакеров» не поддерживает заинтересованность в деньгах. В идеологии «хакерской» субкультуры одним из основных положений является борьба с обществом потребления. При этом утверждается, что цены на такие услуги, как интернет и телефонная связь, сильно завышены, и поэтому бесплатное их использование одобряется. Пропагандируется хакерами и свобода доступа к информации. А ведь большинство противоправных деяний в сфере компьютерной информации – это незаконный доступ к информации. Таким образом, рассматривая личность преступника, нельзя не отметить влияния на него хакерской субкультуры. При этом желание приобщения

к этому субкультурному образованию является подчас одним из ключевых мотивов...» [8, с. 142].

Большое значение при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии, имеет идентификация личности детей, выступающих в роли «персонажей» в данной информационной продукции. Во-первых, она необходима для сбора доказательственной базы по расследуемому уголовному делу, включая получение свидетельских показаний и вещественных доказательств. Во-вторых, она является одним из важных факторов планирования процесса расследования, выдвижения и проверки следственных версий. В-третьих, она требуется для организации установления местонахождения ребенка, подвергающегося сексуальной эксплуатации, с целью ее скорейшего прекращения.

Установление личности детей-жертв сексуальной эксплуатации при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии, может осуществляться различными способами в зависимости от особенностей конкретного дела. Здесь могут успешно применяться традиционные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Однако в ряде случаев их может оказаться недостаточно для решения данной задачи, в связи с чем требуется задействование иных методов.

По мнению автора, одним из них может выступать обращение правоохранительных органов к общественности через СМИ и интернет-ресурсы с просьбой сообщить любые известные сведения о личности и местонахождении таких детей. Очевидно, что решение об этом может применяться при учете всех обстоятельств следственной ситуации и прогнозов ее развития, а демонстрация изображения таких детей в масс-медиа не должна включать интимные части тела. Представляется, что требует проработки вопрос об использовании в данных целях возможностей социальных сетей, которые доказали свою способность быть эффективным средством коммуникации власти с общественностью.

В случаях когда речь идет о расследовании фактов распространения детской порнографии в интернете, большое значение приобретает международное сотрудничество правоохранительных органов. В данном контексте представляет интерес проект создания Международной базы данных изображений сексуальной эксплуатации детей (International Child Sexual Exploitation Image Database). Он реализуется под эгидой Интерпола и направлен на повышение количества идентифицированных и спасенных жертв сексуального насилия. Проект предусматривает прямой доступ к базе данных в режиме реального времени любого авторизованного пользователя из государств-членов Интерпола. Полагаем, что успешная реализация данного проекта способна вывести международное сотрудничество

в расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии, на новый качественный уровень [2, с. 54].

Полагаем, что для противодействия изготовлению и распространению в интернете порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних необходимо обеспечить комплексный подход с привлечением многих заинтересованных министерств и ведомств. В структуре МВД Республики Беларусь назрела потребность создания специализированного подразделения, перед которым будут ставиться задачи предупреждения, выявления и пресечения противоправной информации в интернете.

Помимо существующего Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД Республики Беларусь, приоритетной деятельностью которого является борьба с преступлениями, предусмотренными ст. 212, 349–355 УК Республики Беларусь (преступления против информационной безопасности, преступления в сфере высоких технологий, IT-преступления, киберпреступления), такое подразделение должно быть наделено функциями субъекта оперативно-розыскной деятельности, позволяющими своевременно осуществлять противодействие детской порнографии. При этом для выявления и пресечения данных противоправных деяний следует использовать различные тактические способы получения первичной информации непосредственно в интернете: в целях выявления мест сетевого общения педофилов и поиска ими потенциальных жертв осуществлять целевой мониторинг сайтов, содержащих детскую порнографию, использовать различные оперативно-розыскные мероприятия. Безусловно, такие действия невозможны без высокой квалификации и профессионализма исполнителей [1, с. 33].

1. Боровик, П.Л. О проблеме противодействия детской порнографии в Интернете / П.Л. Боровик // Национальная безопасность: интересы личности, общества, государства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2011. – С. 30–33.

2. Смирнов, А.А. Об установлении личности детей при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии / А.А. Смирнов // Проблемы теории и практики предварительного расследования и использования специальных знаний в деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. 2012 г. – Минск, 2012. – С. 53–54.

3. Мещеряков, В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ / В.А. Мещеряков. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 176 с.

4. Козлов, В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью / В.Е. Козлов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2002. – 336 с.

5. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / О.А. Вагин [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синиова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2016. – 712 с.

6. Шахматов, А.В. Оперативно-розыскная информация как один из основных элементов оперативно-розыскной деятельности / А.В. Шахматов, П.Ф. Телепнев // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. ун-т МВД России ; сост. : А.В. Тарасов, П.Ф. Телепнев. – СПб., 2016. – С. 250–254.

7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Дремлюга, Р.И. Интернет-преступность / Р.И. Дремлюга. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 240 с.

УДК 343.985

Н.М. Самусев, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *В.Н. Лепешко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь, а также ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в свете последних изменений в законодательстве Республики Беларусь.

В современном мире накопилось большое количество трудноразрешимых и чрезвычайно сложных проблем. Наркомания в последнее столетие занимает, пожалуй, одно из заметных мест в перечне негативных социальных явлений, бросающих вызов всему мировому сообществу. Распространение наркомании представляет глобальную угрозу здоровью населения, экономике, правопорядку и безопасности любого государства.

В течение последних лет проблема немедицинского потребления наркотических средств, психотропных, токсических и других одурманивающих веществ стала актуальной для большинства стран мира, в том числе и для Республики Беларусь.

Новомодные наркотики – соль, спайсы, миксы, марки – появились совсем недавно и заполнили весь мир. Употребляют синтетические

наркотики преимущественно люди молодого возраста. Они прекрасно осведомлены об их вреде, так как эта информация широко освещается в средствах массовой информации, интернете. Учреждения образования, правоохранительные органы и другие службы широко используют профилактические мероприятия, предупреждающие употребление и распространение наркотических средств, психотропных веществ.

Республика Беларусь в числе стран, где проблема распространения наркотиков набирает темп и обретает угрожающий характер. Этому в немалой степени способствуют географическое расположение и транзитные возможности нашего государства. Они позволяют участникам международного наркотрафика использовать Республику Беларусь в качестве рынка сбыта психоактивных веществ, а также транзитного канала их контрабандного перемещения. Данному процессу способствует активная интеграция России, Беларуси и Казахстана в рамках Таможенного союза, «стирающая» между ними погранично-таможенные барьеры и, соответственно, упрощающая транзитное перемещение наркопродукции от северных границ Афганистана, Таджикистана и Китая до восточных границ Евросоюза [1, с. 2].

Организация противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров осуществляется в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов осуществляется путем проведения организационно-правовых, научно-технических, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов осуществляют Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Следственный комитет Республики Беларусь и иные государственные органы в пределах своей компетенции [2].

В 1996 г. в Республике Беларусь из уголовного розыска были выделены подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, которые стали самостоятельными структурными единицами в системе криминальной милиции.

Одной из особенностей оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков является тесное взаимодействие подразделений и служб ОВД, которое позволяет добиться лучших резуль-

татов, избежать дублирования, использовать возможности каждой службы в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Организационной платформой взаимодействия служат комплексные планы, в которых предусматриваются мероприятия, входящие в компетенцию всех служб ОВД.

В организации деятельности по предупреждению распространения наркотиков, выявлению преступных связей разрабатываемых лиц, источников, каналов и мест сбыта наркотических средств, подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми взаимодействуют с другими службами криминальной милиции: подразделениями по борьбе с организованной преступностью, уголовным розыском и подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями.

В Республике Беларусь проделан значительный объем работы по совершенствованию национального законодательства. Подписанный Президентом Республики Беларусь 28 декабря 2014 г. Декрет № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» направлен на обеспечение защиты жизни и здоровья белорусских граждан, создание условий для безопасного развития детей и молодежи, пресечение распространения наркомании как угрозы для демографической безопасности и здоровья нации [3]. Для достижения этих целей введен комплекс неотложных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, предусмотрена максимальная активизация усилий государственных органов, учреждений образования и здравоохранения, советов общественных пунктов охраны правопорядка, добровольных дружин, общественных объединений и иных организаций.

Правительство Республики Беларусь утвердило комплексный план мероприятий, содержащий эффективные меры по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления и социальной реабилитации лиц, больных наркоманией. Также комплексным планом предписана разработка и утверждение региональных планов.

Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. Декрет № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» вступил в силу с 1 января 2015 г.

В связи с этим существенной корректировке подвергнуто уголовное и административное законодательство в сфере незаконного оборота наркотиков. Ужесточена уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Так, увеличен максимальный срок лишения свободы за действия, связанные со сбытом наркотиков при наличии отягчающих признаков (например, совершенные группой лиц, либо в отношении особо опасных наркотиков, либо в крупном размере, либо на территории учреждения образования), – с 13 до 15 лет; сбыт наркотиков заведомо несовершеннолетнему – с 8 до 15 лет;

действия, связанные со сбытом наркотиков, совершенные организованной группой, – с 15 до 20 лет, а также за изготовление или переработку наркотиков в лабораторных условиях – с 8 до 20 лет.

Введена уголовная ответственность за действия, связанные со сбытом наркотиков, повлекшие по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотиков (влечет лишение свободы на срок от 12 до 25 лет); незаконное перемещение наркотиков через государственную границу Беларуси при отсутствии признаков контрабанды (влечет лишение свободы на срок до 12 лет); повторное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение потребление в общественном месте наркотиков либо появление в общественном месте в состоянии наркотического опьянения, либо нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии наркотического опьянения (влечет максимальное наказание в виде ограничения свободы сроком на 2 года) [4].

Надо отметить, что столь суровые санкции к производителям и распространителям наркотиков применяют в разных странах мира. К примеру, в Австрии, Франции и Швейцарии распространение и производство наркотиков грозит сроком лишения свободы до 20 лет, Дании и Германии – до 15, Швеции – до 10, Венгрии – до 8, Польши – до 7,5, Италии – от 2 до 20, Великобритании, Греции, Австралии (Новый Южный Уэльс) – до пожизненного заключения.

В странах Азии и Африки предусмотрены следующие сроки тюремного заключения: в Индии – до 20 лет, Шри-Ланке и Кении – до 10, Кот-д'Ивуар – от 3 месяцев до 5 лет, Японии, Таиланде, Египте, Нигерии – до пожизненного заключения. В Венесуэле за распространение наркотиков можно получить срок до 15 лет, Аргентине, Эквадоре и Коста-Рике – до 12. В некоторых странах за производство и распространение предусмотрена и смертная казнь [5].

Также Декретом Президента снижен возраст наступления уголовной ответственности за действия, связанные со сбытом наркотиков, с 16 до 14 лет.

Усилены меры административной ответственности за правонарушения, связанные с потреблением наркотиков. С 23 августа 2016 г. в ст. 17.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях введены ч. 4, 5 и 6, которыми предусмотрена административная ответственность за появление в общественном месте в состоянии, вызванном потреблением без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии, вызванном потреблением без назначения

врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а также за потребление без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ в общественном месте либо потребление их аналогов в общественном месте [6].

По совокупности Декретом Президента страны предоставлены большие полномочия государственным правоохранительным органам для ведения борьбы с наркоторговцами. Все это позволит выстраивать и проводить системную целенаправленную работу по профилактике наркомании и наркопреступности, направленную на создание условий невозможности свободных поставок и распространения психоактивных веществ в нашей республике.

Вместе с тем решение проблемы одними милицейскими мерами недостаточно. Пока существует спрос на наркотики, будет и предложение. Эффективное противодействие этому явлению может осуществляться только в рамках многоуровневой системы, в которую должны быть вовлечены все без исключения уровни власти, наука, правоохранительные органы, церковь, общественные структуры, бизнес и т. д. Необходим комплексный стратегический подход, предполагающий не только точечные меры, а целенаправленные и спланированные действия, ориентированные на противодействие этим явлениям, как с конечным продуктом, так и на борьбу с их причинами и предпосылками.

Проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Беларусь и в мире, являются многоаспектными и приобретают все большую актуальность. Распространение наркотических средств, их объемы и последствия создают существенную угрозу здоровью населения, подрывают экономический потенциал, негативно влияют на демографическую ситуацию в мире и правопорядок в государстве. Уже сейчас отмечается серьезное негативное влияние потребления наркотических средств на новые поколения, поскольку их основной удар приходится на молодежь (80 % их потребителей до 25 лет).

Наблюдается существенное снижение качества физического, психического и нравственного здоровья населения Республики Беларусь, его репродуктивных возможностей. Происходит самоизоляция потребителей наркотических средств от жизни общества, дезадаптация и деградация их личности и тем самым подрыв экономики, гражданской жизни, обороноспособности страны.

Потребление наркотических средств и их незаконный оборот обуславливают расширение зоны повышенного социального и криминального риска: распространение болезней, связанных с иммунодефицитом и ВИЧ-инфекциями, венерическими болезнями, суицидальными по-

пытками, увеличение контингента лиц с повышенной виктимностью. Иницируется также мотивация корыстной, корыстно-насильственной и иной, связанной с этими явлениями, преступности.

1. Национальная безопасность Республики Беларусь. Противодействие незаконному обороту наркотических средств : информ. материалы к единому дню информ. / Гл. упр. по наркоконтролю и противодействию торговле людьми КМ МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 38 с.

2. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 : в ред. от 28.12.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : в ред. от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Наркомания языком цифр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Narkoman/_01.php. – Дата доступа: 01.05.2017.

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : в ред. от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.43

В.В. Сидорук, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Н.И. Козелецкая

Рецензент – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ

Анализируется отечественное и российское законодательство, предусматривающее ответственность за торговлю людьми. Данное сравнительное исследование позволило выявить особенности конструкций составов рассматри-

ваемых преступлений и учесть достижения и ошибки в правовой регламентации ответственности за криминальную эксплуатацию человека.

В современных условиях торговля людьми приобрела огромный размах. В нее вовлечена большая часть государств, составляющих мировое сообщество.

Мировое сообщество, придя к пониманию многогранности и масштабности общественной опасности торговли людьми, предприняло ряд мер для противодействия различным формам современного рабства. Непосредственно вопросам противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми, были посвящены Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г., Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г., Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., (далее – Палермский Протокол) и другие документы. Государства, подписавшие и ратифицировавшие данные Конвенции, стремятся выстроить свою внешнюю и внутреннюю политику в русле достигнутых международных договоренностей в области противодействия торговле людьми.

В результате выполнения требований международно-правовых актов их нормы оказали существенное воздействие на внутригосударственное законодательство, предусматривающее ответственность за торговлю людьми. В связи с этим представляется полезным провести сравнительный анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации на современном этапе развития, выделив наиболее важные, достигнутые в период формирования системы правового регулирования результаты.

В соответствии с Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен ст. 127¹ «Торговля людьми», предусматривающей ответственность за куплю-продажу человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение.

До 2015 г. можно было с уверенностью утверждать, что основные составы преступлений, устанавливающие ответственность за торговлю людьми, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) и Российской Федерации схожи. Однако 5 января 2015 г. Законом Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполни-

тельный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» ст. 181 УК, предусматривающая ответственность за торговлю людьми, в очередной раз подверглась корректировке [1].

В частности, законодатель отказался от использования гражданско-правовой терминологии при описании признаков торговли людьми. Нынешняя редакция статьи предусматривает ответственность за совершение действий в виде вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека в целях эксплуатации. Насколько такое решение оправданно и целесообразно, покажет время. Однако уже сейчас можно сказать, что исключение из диспозиции ст. 181 УК указания на куплю-продажу и совершение иных сделок в отношении человека привело к декриминализации преступных деяний, связанных с торговлей младенцами.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 181 УК, позволяет привлекать к ответственности виновных за торговлю детьми только в том случае, если будет доказана цель дальнейшей эксплуатации. Речь идет о принуждении несовершеннолетнего к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера), изъятию у него органов или тканей, а также о фактах обращения ребенка в рабство или обычаи, сходные с рабством. Иные цели, которые преследует виновный, совершая торговлю детьми, не охватываются ст. 181 УК.

Несколько по иному данный вопрос регламентирован в Модельном законе «О противодействии торговле людьми» (далее – Модельный закон), принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 3 апреля 2008 г. № 30-11 и ряде зарубежных государств в частности, определение понятия торговли людьми, сформулированное в Модельном законе, содержит указание на куплю-продажу человека или совершение в отношении его иных незаконных сделок [2].

Такой формат понятия торговли людьми, на наш взгляд, как нельзя лучше позволяет охарактеризовать саму суть этого явления, где определяющим является распоряжение человеком как объектом собственности.

Исключение из диспозиции состава торговли людьми гражданско-правовой терминологии вновь приобретает актуальность вопрос об установлении ответственности за торговлю детьми в отдельной уголовно-правовой норме, несмотря на то, что в целом задача защиты личной свободы, прав и интересов несовершеннолетних решена в уголовном законодательстве Республики Беларусь. Ответственность за торговлю несовершеннолетними установлена в ч. 2 ст. 181 УК в качестве квалифицирующего признака. В то же время считаем необходимым выделить

торговлю детьми в самостоятельный состав преступления, учитывая множество особенностей, относящихся к криминальному поведению в отношении детей. Дифференциация ответственности за торговлю детьми и взрослыми предусмотрена международным законодательством. Палермский Протокол признал вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение ребенка в целях эксплуатации преступлением даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия. Это означает, что в случае если вышеуказанные действия совершены в отношении несовершеннолетнего, не требуется установления факта принуждения или обмана как способов совершения торговли людьми.

В 2003 г. из УК РФ была исключена ст. 152, предусматривающая ответственность за торговлю несовершеннолетними. По мнению ученых, такое решение было недостаточно продуманным, поскольку указанная статья наиболее полно защищала права и интересы несовершеннолетних, что соответствовало нормам международного права в сфере противодействия торговле несовершеннолетними, в частности ст. 35 Конвенции о правах ребенка и ст. 2 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка. Большинство ученых, занимающихся исследованием проблемы торговли детьми, указывают на то, что этими изменениями законодатель вывел за рамки уголовно-правового преследования значительную часть сделок в отношении несовершеннолетних (особенно новорожденных и малолетних), которые международное право признает преступными [3, с. 7; 4].

Признавая торговлю детьми одним из самых опасных видов торговли людьми, отдельные государства выделяют ее в качестве самостоятельного состава преступления, наряду с общей нормой, предусматривающей ответственность за торговлю людьми. Так, например, УК Республики Казахстан определил торговлю несовершеннолетними как «куплю-продажу или совершение иных сделок в отношении несовершеннолетнего, а равно его эксплуатация либо вербовка, перевозка, передача, укрывательство, а также совершение иных деяний в целях эксплуатации» (ст. 133) [5].

Уголовно-правовые запреты на совершение любых сделок в отношении детей содержатся также в УК Таджикистана, Молдовы, Чешской Республики, Индии, Испании, Франции и других государствах.

В отличие от УК РФ, в уголовном законодательстве Республики Беларусь способ совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны состава торговли людьми и имеет значение для квалификации. В 2015 г. диспозиция ст. 181 УК была дополнена такими способами, как обман, злоупотребление доверием, применение насилия,

не опасного для жизни или здоровья, или угроза применения такого насилия. Данное решение законодателя соответствует международно-правовым требованиям к определению понятия торговли людьми и позволяет более эффективно применять на практике основной состав рассматриваемого преступления.

Нет упоминания о способе совершения преступления также в конструкциях соответствующего состава в УК Республики Казахстан и Республики Узбекистан, в отличие от УК РФ.

В теории уголовного права существует устоявшееся мнение о том, что субъективная сторона преступления представляет собой внутреннюю сторону состава преступления, относящуюся к психике субъекта. Как важнейший элемент состава преступления, она включает совокупность таких признаков, как вина, мотив, цель и эмоциональное состояние.

В рассматриваемом составе преступления признаком субъективной стороны законодателем предусмотрена специальная цель совершения торговли – эксплуатация человека, которая обоснованно признана и в УК Республики Беларусь, и в УК РФ признаком, обязательным применительно к вербовке, перевозке, передаче, укрывательству или получению человека.

В теории уголовного права и среди российских исследователей долгое время велась оживленная дискуссия относительно месторасположения в конструкции состава торговли людьми указанного признака субъективной стороны преступления. Причина заключалась в том, что все действия, которые охватывались понятием торговли людьми, были связаны с целью эксплуатации, в том числе и купля-продажа человека. Это давало основание утверждать, что сам по себе факт купли-продажи несовершеннолетнего, в частности младенца, например для его усыновления или воспитания, не являлся основанием для привлечения лица к уголовной ответственности за торговлю людьми. Это порождало безнаказанность некоторых нерадивых родителей, желавших за счет продажи собственного ребенка, улучшить свое материальное положение. Такая ситуация стала поводом для внесения в 2008 г. корректив ст. 127.1 УК РФ. Цель эксплуатации была признана конструктивным признаком состава преступления применительно только к вербовке, перевозке, передаче, укрывательству или получению человека.

Основная цель торговли людьми сконструирована сейчас в российском законодательстве как «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние».

Из этого определения вытекает следующее: действия лица, получающего выгоду от использования иных лиц в области оказания сексуальных услуг, характеризуются как эксплуатация в сексуальной сфере не-

зависимо от акта насилия или иных форм принуждения и согласия лица на выполнение указанных услуг. Получается, что любая деятельность в секс-индустрии, признается торговлей людьми, а лицо, получающее доход от использования занятия проституцией, – виновным в совершении торговли людьми, несмотря на наличие или отсутствие других элементов эксплуатации.

В отличие от УК РФ, определяющими факторами в понятии эксплуатации, закрепленной в примечании к ст. 181 УК Республики Беларусь выступают: во-первых, принуждение человека к совершению определенной деятельности; во-вторых, нахождение его в условиях подневольного состояния, когда лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения определенных работ (услуг).

Такой подход в определении цели торговли людьми следует признать вполне обоснованным. Ведь сама по себе эксплуатация немыслима без принуждения. Применение насилия, использование обмана, долговое рабство, шантаж, лишение свободы передвижения – это те обстоятельства, в силу которых женщина не может отказаться от выполнения подобного рода услуг. Отсутствие таких элементов означает отсутствие эксплуатации, а значит отсутствие состава торговли людьми.

Основными формами эксплуатации человека после внесения соответствующих корректив в ст. 181 УК Республики Беларусь выступают, наряду с так называемой сексуальной или трудовой эксплуатацией, также принуждение к суррогатному материнству, принуждение к забору у человека органов или тканей, а также и рабство или обычаи, сходные с рабством.

Как и в российском законодательстве, так и в УК Республики Беларусь содержатся понятия, которые современный человек отказывается воспринимать. Рабство, обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние являются формами эксплуатации человека и представляют собой крайнюю степень зависимости, при которой человек лишается всех прав и становится собственностью другого лица. Его деятельность контролируется с помощью насилия или угрозы. Значительным шагом в области борьбы с работоторговлей стало установление в законодательстве обоих государств ответственности за использование рабского труда.

Обязательным условием наступления уголовной ответственности является возраст лица, совершившего преступление. Способность правильно оценивать свои действия, выбирать варианты поведения в той или иной конкретной ситуации может только лицо в определенном возрасте, когда развитие умственных способностей приобретает определенный уровень и лицо приобретает некоторые знания, навыки и умения.

Как и в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации ответственность за торговлю людьми установлена с шестнадцати лет. По мне-

нию законодателя, это обусловлено неспособностью лица в более раннем возрасте осознавать характер и социальное значение совершаемого деяния. Следует иметь в виду, что исследуемое преступление ставит под угрозу свободу, личную неприкосновенность, иногда даже здоровье и жизнь лица. Общественная опасность таких посягательств бесспорно велика и вполне очевидна для несовершеннолетнего с нормальным психосоциальным развитием, достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Для Республики Беларусь представляет интерес институт освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего торговлю людьми, который закреплен в законодательстве Российской Федерации.

В соответствии с примечанием к ст. 127¹ УК, лицо, впервые совершившее деяние, предусмотренное ч. 1 или п. «а» ч. 2 настоящей статьи, добровольно освободившее потерпевшего и способствовавшее раскрытию совершенного преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Вместе с тем, как отмечают российские исследователи, само примечание требует существенной корректировки. Так, по их мнению, неясна позиция законодателя относительно исключения из сферы действия примечания 1 к ст. 127¹ УК других квалифицирующих признаков: «в отношении заведомо несовершеннолетнего», «лицом с использованием своего служебного положения», «в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей» и др. [6, 7].

Эти квалифицирующие признаки, как считают многие авторы, усиливают общественную опасность преступления и лица, его совершившего. Поэтому чтобы не допустить совершения более тяжкого преступления (которое может следовать как из содержания основного состава, так и из квалифицирующих признаков, закрепленных в ч. 2 ст. 127¹ УК), необходимо предусмотреть распространение примечания и в отношении иных квалифицированных составов указанной статьи [8].

На наш взгляд, наличие в уголовном законе Республики Беларусь специального вида освобождения от уголовной ответственности будет стимулировать пресечение и раскрытие такого тяжкого преступления как торговля людьми и позволит обеспечить достижение целей уголовной ответственности без применения ее мер.

1. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21400137&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 11.04.2017.

2. Модельный закон «О противодействии торговле людьми» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 3 апр. 2008 г., № 30-11 // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Волков, К.А. Торговля несовершеннолетними: вопросы ответственности и совершенствования практики правоприменения / К.А. Волков // Рос. следователь. – 2007. – № 10. – С. 7–9.

4. Егорова, Л.Ю. Торговля несовершеннолетними: проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.Ю. Егорова // Науч. электрон. б-ка дис. и автореф. – Режим доступа: www.disscat.com. – Дата доступа: 12.04.2017.

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 24.11.2015 г. // Банк данных правовой информ. КОДЕКСЫ СТРАН СНГ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Антонов, А.Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности при торговле людьми / А.Г. Антонов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

7. Вельмезева-Марахтанова, Е. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления против свободы личности / Е. Вельмезева-Марахтанова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

8. Сердюкова, Е.В. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми / Е.В. Сердюкова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

УДК 340.63

В.А. Скурат, А.В. Матлахов, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат медицинских наук, доцент
С.Н. Чигирь

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *Г.В. Мережко*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИГОРНОГО БИЗНЕСА

Детально изучается механизм появления и дальнейшего развития зависимости от азартных игр. Рассматриваются способы и приемы, используемые игорными заведениями для привлечения и удержания игроков.

С каждым годом проблема психологической зависимости (далее – зависимость) становится все более значимой. В ходе многолетних исследо-

ваний выяснено, что наиболее предрасположенными к зависимости являются слабохарактерные люди. В трудные моменты жизни они стараются «спрятаться под одеяло» от своих проблем и убежать от действительности. И на «помощь» им приходят алкоголь, наркотики, азартные игры и др. Проанализировав труды Ф.Г. Щеглова, можно сделать вывод о том, что причинами развития зависимости является социальный фактор [1]:

- 1) человек находится в состоянии острой нехватки чего-либо;
- 2) существует сложный нерешенный конфликт внутри самого человека;
- 3) существуют психологические сложности в связи с окружающим миром.

Стоит определиться, что под зависимостью следует понимать болезненную привязанность к чему-либо. С «помощью» зависимости человек пытается удовлетворить свои игнорируемые потребности, а также потребности, которые не были удовлетворены в детстве. Взрослые люди пытаются забыть испытываемый внутренний конфликт между реальной объективной потребностью и неумением или нежеланием ее реализовать.

Проблема зависимости уходит в детство. В этот период человек не может реализовывать свои потребности самостоятельно. Ребенок полностью зависит от матери. Если она не в состоянии удовлетворить его потребности в любви, во внимании, самовыражении, эмоциональном общении и др., то в дальнейшем он будет чувствовать себя лишенным и обделенным чем-то очень важным в жизни. И эта обделенность в конце концов приведет к подневольности, т. е. такой ребенок предрасположен к появлению и развитию зависимости.

Существует огромная классификация видов психологической зависимости. С каждым годом она расширяется. Техническое развитие движется вперед. Невозможно предугадать, что же вызовет зависимость у населения. А если и появятся предпосылки для этого, то не всегда данные факторы будут решающими. Мы живем в век финансового господства. Создание условий для развития зависимости у людей – хороший бизнес. Примеров данного утверждения достаточно. Табачные империи, алкогольная индустрия, игорный бизнес – деньги, заработанные на зависимости. С точки зрения философии очевидна реализация принципа «Равновесия»: одни страдают от зависимости, а другие получают от нее блага.

Всю классификацию зависимости условно можно разделить на два раздела [2]:

- 1) химическая зависимость (зависимость от наркотических средств, зависимость от алкогольных напитков, зависимость от сигарет и др.);
- 2) нехимическая зависимость (зависимость от человека, зависимость от работы, зависимость от компьютера и др.).

С «помощью» химической зависимости люди изменяют свое состояние, пытаются достичь чувства «облегченности», на время отвлечься от своих проблем. Для тех, кто страдает химической зависимостью, сигарета или доза наркотического средства является, по их мнению, спасательным кругом. Но они забывают о том, что данный вид спасения с каждым потреблением убивает их.

Химическая зависимость имеет следующую классификацию [2]:

- 1) алкогольная;
- 2) наркотическая;
- 3) лекарственная;
- 4) табакокурение;
- 5) зависимость от переедания;
- 6) вдыхание летучих веществ.

Нехимическая зависимость включает в себя несколько больший список разновидностей зависимости, а именно [2]:

- 1) игромания;
- 2) интернет-зависимость;
- 3) зависимость от секса;
- 4) перфекционизм;
- 5) трудовголизм;
- 6) стяжательство (алчность);
- 7) шопоголизм;
- 8) религиозный фанатизм;
- 9) эмоциональная зависимость.

Возвращаясь к теме нашей работы, более подробно следует изучить ситуацию с игроманией, или, как ее называют некоторые специалисты, «чумой XXI века» [3].

Зависимость от азартных игр в последнее время стала одной из серьезных социальных и медицинских проблем в современном обществе [4, с. 29]. Игромания затрагивает все возрастные группы населения, начиная с детей, зависимых от компьютерных игр, и заканчивая взрослыми людьми, которые не могут избавиться от тяги к азартным играм. Тот факт, что игромания является болезнью, подтверждается внесением данного вида зависимости во всемирный перечень заболеваний, в системе кодирования болезней МКБ-10 имеет код F63.0 [5].

Следует выделить те категории населения, которые наиболее предрасположены к игровой зависимости [6]:

- 1) люди, чья жизнь характеризуется недостаточным количеством ярких моментов либо полным их отсутствием;
- 2) дети, подростки;

3) те люди, которые по той или иной причине не получают сексуального удовлетворения в реальной жизни;

4) неуверенные в себе люди, которые в игре чувствуют себя намного сильнее, умнее и влиятельнее, чем оно есть в реальной жизни.

Е.В. Змановская и В.Ю. Рыбников утверждают, что человек, страдающий игровой зависимостью, имеет некоторые общие признаки, которые выделяют его в обществе, а именно [6]:

- 1) нарастание частоты игры;
- 2) регулярность игры;
- 3) увеличение длительности одного сеанса непрерывной игры;
- 4) увеличение размера и частоты ставок для достижения переживаний;
- 5) большие проигрыши;
- 6) поиск денег для игры;
- 7) увеличение долгов;
- 8) утрата интереса к другим сторонам жизни;
- 9) продолжительный игровой стаж;
- 10) пренебрежение личной гигиеной.

Как мы видим, человек, страдающий игровой зависимостью, в той или иной мере схож с теми, кто страдает алкоголизмом или наркоманией. Им присуща безвольность перед постоянно растущим желанием заняться «любимым» делом.

Формирование игровой зависимости происходит поэтапно. Согласно трудам Ф.Г. Щеглова, который рассматривал динамику формирования игровой зависимости, можно выделить следующие этапы [1].

1. Инициальный этап. На данном этапе происходит знакомство и начало фиксации на игре. Возрастные и личностные особенности игрока, эмоциональные переживания (особенно при выигрыше), материальные условия обуславливают переход на следующую стадию.

2. Этап гиперкомпенсации. Человек решает проблемы, связанные с игрой, с помощью защиты в виде гиперкомпенсации. Вместо того чтобы прекратить азартную игру, игрок тратит материальные, эмоциональные и социальные ресурсы на компенсацию неудач. Каждый выигрыш ускоряет течение болезни. Отличительными признаками патологического игрока, характерными для данной стадии, являются посвящение личного времени игре, размышления о ней, а также фантазирование о выигрыше, представление об азартной игре, как о единственно доступном средстве обогащения, растущие денежные траты, наличие растущих долгов, проигрыши, подстегивающие к продолжению игры, увеличение ставок, отсутствие самокритики собственного азартного поведения, искажение

свойств личности, неспособность прогнозирования дальнейших событий, нарушение пищевого поведения.

3. Фаза декомпенсации (отчаяния). Характеризуется хроническим характером и волнообразным прогрессивным течением, истощением материальных, социальных и психологических ресурсов. Игромену присуще ощущение собственной несостоятельности и психического неблагополучия. Самопроизвольного прекращения патологической игры не происходит. В результате патологическая игровая деятельность обесценивает жизнь, ведет к правонарушениям, инициирует депрессивные переживания и мысли о самоубийстве. Для данной стадии характерна следующая симптоматика: трансовое состояние до и после сессии азартной игры; неспособность распоряжаться деньгами и планировать бюджет, отсутствие контроля над игрой; неспособность прекратить игру при наличии денежных средств; нарастающие социальные проблемы; разрушение личности [1].

«Казино никогда не проигрывает». Именно это нам пытаются внушить с детского сада, в школе, колледже, университете, на работе. Каждый сюжет фильма, в той или иной мере связанный с игорным бизнесом, показывает нам простую истину: «Если ты выиграл, то так захотело казино, а не ты великий игрок».

Влияют на развитие зависимости от азартных игр такие показатели, как стаж игры, общая сумма проигрышей и выигрышей. Ведомые мыслью о том, что у них получится сорвать куш и одной игрой выйти из минуса, люди играют чаще и чаще, тем самым погружая себя в игровую зависимость все больше и больше. Но не только жажда денег ведет к игровой зависимости. Также как наркомания и алкоголизм игромания помогает человеку забыться и уйти от проблем. Тот азарт и адреналин, которые переполняют во время игры, приносят удовольствие азартным игрокам.

Рано или поздно человек осознает, что ему не выиграть. Но механизм зависимости уже запущен и от нее очень сложно избавиться. Если сначала люди, попавшие в зависимость, являются умными, порядочными, то со временем игра уничтожает их личность. Они становятся лживыми, изворотливыми, ради игры ставят под удар семью, друзей, карьеру. Увлечение стоит денег, но у игроков на кону – цена собственной жизни. Даже осознавая это, зависимый от азартных игр продолжает гоняться за теми ощущениями, которые испытывал от игры.

Государство уделяет особое внимание решению этой проблемы и вводит ограничительные законодательные рамки в отношении игорного бизнеса. Данное утверждение подтверждает Закон Республики Беларусь от 3 января 2013 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые

законы Республики Беларусь по вопросам рекламы», который ограничивает рекламу игорных заведений и азартных игр. В частности, вводит запрет на размещение (распространение) рекламы игорных заведений и азартных игр (это не означает запрет рекламы лотерей, так как лотереи в силу действующего законодательства не относятся к азартным играм) на телевидении и радио с 7.00 до 22.00, а также в зданиях (помещениях, сооружениях) учреждений образования, организаций здравоохранения, культуры, физической культуры, спорта (за исключением расположенных на их территории помещений букмекерских контор и тотализаторов); в изданиях, средствах массовой информации, предназначенных для граждан в возрасте до восемнадцати лет либо специализирующихся на вопросах экологии, образования, охраны здоровья; на игрушках. Данный закон запрещает и организацию, и проведение конкурсов, лотерей, игр, иных игровых, рекламных мероприятий, пари в целях стимулирования реализации услуг игорных заведений и азартных игр. Таким образом, государство стремится обезопасить граждан от проблем, которые возникают при развитии игровой зависимости.

Также следует упомянуть, что в Республике Беларусь на основании ч. 4 п. 14 Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9, предусмотрен механизм, согласно которому каждый житель республики имеет возможность самостоятельно ограничить себя от посещения игорных заведений на территории Республики Беларусь на срок от полугода до трех лет. Для этого человек должен лично подать заявление в письменном виде любому организатору азартных игр в любое казино, которое находится в пределах государства. Данное заявление не подлежит возврату и будет рассматриваться как подача заявления каждому организатору азартных игр на территории республики. Копия принятого и зарегистрированного организатором азартных игр заявления не позднее дня, следующего за днем его принятия, представляется в Министерство по налогам и сборам. Последнее не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления копии, вносит сведения о физическом лице в перечень граждан, ограниченных в посещении игорных заведений. Ведение перечня и доведение его до сведения организаторов азартных игр осуществляется МНС посредством своего сайта [7]. Доведение до сведения и порядок ведения организаторов азартных игр списка физических лиц, которые ограничили себя в посещении игровых клубов, определен постановлением МНС от 30 ноября 2012 г. № 36. Этот список находится на

интернет-ресурсе МНС. Согласно постановлению № 36 доступ к списку предоставляется организаторам азартных игр через идентификацию и аутентификацию их уполномоченных сотрудников. Все пароли доступа к спискам направляются МНС на электронную почту организаторам азартных игр не позднее 5 рабочих дней с момента предоставления ими данных об уполномоченных сотрудниках – пользователях интернет-ресурса. Таким образом, у людей, которые осознали, что страдают игровой зависимостью, появляется возможность ограничить себя от посещения игорных заведений, что в большинстве случаев спасает их жизнь.

Проанализировав ситуацию, которая сложилась вокруг людей, страдающих зависимостью, стоит изучить непосредственно психологию казино, т. е. те уловки, которые реализуются для привлечения и удержания человека в игре, а именно:

1. Реальные деньги заменены фишками. В настоящее время уже не существуют казино, где используют наличные деньги. Казино вводит свою местную валюту – фишки. Когда у тебя из рук уходят настоящие деньги, желание играть пропадает. Но когда ты проигрываешь игровые фишки, это переносится не так болезненно, так как нет прямого отождествления с деньгами. Такая же ситуация возникает и с онлайн-казино.

2. Искажение времени. Казино заинтересовано в том, чтобы игрок находился и играл как можно большее количество времени, и именно для этого в помещении казино нет часов и окон.

3. Внутренний интерьер казино. Каждая деталь имеет свой смысл и свое предназначение. Пол в казино пестрит яркими красками, игровые столы монотонные, выполненные с использованием спокойных тонов (синий, зеленый), роскошное украшение зала и др. Яркие узоры тянут взгляд игрока вниз, но пьяные клиенты могут легко потерять координацию, если будут вглядываться в этот безумный калейдоскоп. Как итог – потеря равновесия. Они ищут что-то более спокойное и менее насыщенное. Их внимание неминуемо обращается на зеленую суконную поверхность игрового стола. Зеленый цвет успокаивает и расслабляет. Пытаясь убежать от разнообразия цветов и оттенков, клиент утыкается в игровой стол, и сам того не замечая, втягивается в игру.

4. Использование аромамаркетинга. Кислород улучшает самочувствие человека и влияет на его жизненный тонус. Для этого применяется система подачи кислорода в игровые залы. Есть утверждение, что в воздух дополнительно вбрасывают вещества, которые повышают азартность игроков и притупляют их чувство меры. Негативного воздействия на организм вещества не оказывают, но действуют как воздушный энергетик, добавляя сил и уверенности [8].

5. Бесплатный сервис. Большинство казино предоставляет своим посетителям бесплатные напитки, бесплатные закуски, устраивает бесплатные шоу. Все это для того, чтобы человек почувствовал заботу о себе и более уверенно играл.

6. Яркий свет и бодрящая музыка. Для того чтобы человек как можно дольше не чувствовал усталости, казино постоянно стимулирует его органы чувств, тем самым увеличивает время посещения.

7. В казино нет зеркал. Сделано это для того, чтобы игрок не задумывался о том, как он выглядит, а думал лишь об игре.

8. В уборных казино сушилка для рук заменена бумажными полотенцами для того, чтобы игрок как можно быстрее мог вернуться в игру.

9. Атмосфера казино. Атмосфера игорных заведений должна привлекать посетителей. Создавать у них такое настроение, чтобы они хотели остаться там, чтобы им было приятно проводить время. Работники казино всегда улыбаются гостям, сидения мягкие и удобные, пространство уютное. Счастливицам казино предоставляет бесплатный номер люкс, лимузин.

Это не полный перечень тех механизмов, которые используются в казино для привлечения и удержания игроков. Но даже исходя из вышеперечисленного материала, мы еще раз убеждаемся в том, что проблема игровой зависимости в обществе существует. Вместе с тем необходимо помнить простую общеизвестную истину: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Пока человек самостоятельно не осознает то, что он действительно болен и ему нужна помощь, то ни семья, ни друзья, ни государство не смогут ему помочь.

1. Щеглов, Ф.Г. Игровая зависимость: рецепты удачи для азартных игроков / Ф.Г. Щеглов. – СПб. : Речь, 2007.

2. Шепель, Ю.В. Игровая зависимость как социокультурное явление в современном обществе : автореф. ... канд. социол. наук. – СПб. : М., 2007.

3. Режим доступа: <http://people.megansk.ru/igromaniya-kak-chuma-21-veka>. – Дата доступа: 25.10.2016.

4. Зайцев, В.В. Особенности динамики депрессивного аффекта у пациентов с патологическим влечением к азартным играм / В.В. Зайцев, А.Ф. Шайдулина // 3-и Клинические Павловские чтения : сб. работ. – СПб., 2001.

5. Классификация психических и поведенческих расстройств // МКБ-10. – СПб., 1994.

6. Змановская, Е.В. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие / Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников. – СПб. : Питер, 2011.

7. Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/98706>. – Дата доступа: 25.10.2016.

8. Режим доступа: <http://market-music.com/news/igornye-zavedeniya-vnedryayut-sensornyj-marketing>. – Дата доступа: 25.10.2016.

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
С.М. Свило

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *С.В. Ананич*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Проводится ретроспективный анализ формирования теоретико-правовых основ необходимой обороны. Рассматриваются содержание и сущность условий правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны с первых памятников права до действующего уголовного законодательства, с учетом теории и практики. Указывается на незыблемость позиций необходимой обороны в уголовно-правовом регулировании прав каждого человека при защите жизни, здоровья, собственности, интересов общества и государства.

В настоящее время мировая практика регулирования межличностных отношений посредством закона свидетельствует о том, что необходимая оборона является одним из важнейших институтов уголовного права, который призван обеспечивать нормальное функционирование общества. Эта точка зрения не является случайной и обоснованна тем, что право обороны от посягательства, будучи естественным по своей сути, данным человеку природой, уходит вглубь истории.

Установлено, что со времен родового строя как внутри коллектива, так и вовне его, имели место деяния, представлявшие опасность, с которыми обществу приходилось бороться. Вместе с тем на ранних этапах исторического развития человек не знал ни уголовного права, ни понятия «преступление». Следовательно, в первобытном обществе общественные отношения строились на принципе «око за око, зуб за зуб»; это означало, что каждый мог использовать неограниченное право на защиту в отношении охраны и защиты своих прав. Все споры в это время решались не в правовом пространстве, а посредством физической силы, и если она превосходила у нападающего, то пострадавший молчал. Соответственно, сильный брал верх над слабым, и последний подчинялся его воле. Таким образом, полагаем, говорить о праве на необходимую оборону в первобытном обществе, в юридическом понимании, не представляется возможным.

Одно из первых упоминаний о защите от нападения содержится в законодательстве Древней Индии – Законах Ману (1200–200 гг. до н. э.),

управлявших жизнью древних индейцев. Они содержат нормы, устанавливающие, что тот, кто убивает, защищая себя, брахмана, женщину либо жертвенные дары, не совершает грех [1, с. 176]. Законодатель предусмотрел, что обороняющийся может убивать, не колеблясь, нападающего убийцу, ребенка, престарелого или брахмана. А причинение смерти убийцы – тайное или открытое – не является греховным, т. е. не является преступным. Проведя анализ сохранившихся текстов данных законов, установлено, что лишение жизни другого человека считалось правомерным лишь при соблюдении ряда условий: нападение преследовало преступную цель; был смертельный страх этого нападения; меры защиты применены только лишь в момент совершения этого нападения.

Таким образом, это свидетельствовало о наличии в Законах Ману правового явления, аналогичного институту необходимой обороны. Следует отметить, что данный памятник права допускал только защиту жизни, а о защите имущества упоминаний не содержится.

Египетские законы устанавливали, что оборона является не только правом, но и обязанностью третьих лиц. Они предписывали карать смертной казнью того, кто видел убийство и не защитил, имея такую возможность; если же он не мог помочь, то обязан был донести о преступлении властям, а при неисполнении этой обязанности виновный должен был быть подвергнут телесному наказанию и трехдневному лишению пищи [2, с. 17].

Изучая римское право, современные юристы в первую очередь отмечают его универсальность и гибкость, а также простоту изложения. Авторы XII таблиц (V в. до н. э.) детально предусмотрели институт необходимой обороны. А.Ф. Кони, отзываясь о Римских законах, отметил, что «Творец и носитель права – римский претор – сознавал, что защита против несправедливых нападений в случае необходимости есть одно из естественных прав человека. Это отражение неправа не есть неправое, если только оно заключается в границах, вытекающих из индивидуальной природы человека, подвергшегося нападению» [3, с. 57].

Из этого можно сделать вывод, что в законодательстве Древнего Рима необходимая оборона признавалась естественным правом, присущим человеку. Естественное право понималось юристами как и то, что соответствует естественному разуму, началом нравственности и справедливости, которое устанавливает общие черты в жизненном порядке всех народов. Исходя из концепции естественного права, все люди рождены свободными и равны в своих правах. Непосредственно из этого принципа следовало, что римские граждане равны перед законом, а принцип гуманности определял уважительное отношение к личности.

Кроме того, римское право устанавливало точные границы обороны, поскольку государство, а также частная жизнь в государстве строго разграничивались. Именно это и обусловило существование детальной регламентации пределов необходимой обороны, которые определяли объем дозволенного поведения обороняющегося лица.

В анализируемом документе также определялась интенсивность предела обороны, которая исходила из характера защищаемых благ. Дозволялось причинение любого вреда лицу, посягающему на жизнь или собственность. Целесообразно отметить: отдельные положения говорят (ред.) о том, что охраняемые блага являлись не единственным признаком определения интенсивности посягательства. Опасность посягательства, а также интенсивный предел обороны значительно изменялись временем совершения посягательства и наличием орудия, с помощью которого совершается посягательство. Так, можно было убить вора, совершающего кражу ночью, и запрещалось это делать в дневное время.

Римские юристы устанавливали, что деяние совершено в состоянии необходимой обороны при наличии двух квалифицирующих признаков: несправедливости (противоправности) и неизбежности опасности [2, с. 18]. Однако в данном случае следует выделить обособленное условие соблюдения временных и интенсивных пределов обороны, так как их несоблюдение исключало правомерность обороны и влекло наказание, как за обычное преступление.

Соответственно, в большинстве источников права Древнего мира существовало понятие о необходимой обороне.

В средневековом законодательстве выделяются самые разнообразные положения о необходимой обороне и праве на нее. Одни памятники права разрешали убийство при защите чести и имущества, ряд других – подвергали каре за убийство посягающего при защите своей жизни обороняющимся. Характерной особенностью феодального права явилось неравенство различных классов и сословий, что нашло свое отражение в нормах о необходимой обороне. Наиболее ярким примером указанного выступают памятники права Германии. Вместе с тем немецкое право не отождествляло понятие «необходимая оборона» с понятием «самозащита», в отличие от римского права. Под необходимой обороной понималось неумышленное, ненаказуемое убийство или любое нанесение ран. Такой подход к понятию «необходимая оборона» был присущ вплоть до Каролины.

Следует отметить, что в Каролине необходимая оборона была строго регламентирована и подвергнута ряду правовых условий. Такой подход обусловлен тем, что в первое время после возникновения ряда германских государств в них господствовали анархия и кровная месть. Что, в свою очередь, породило необходимость точного закрепления сути не-

обходимой обороны. Тем самым направило уголовное право на борьбу с самоуправством крестьян и феодалов. Хотя до X в. право обороны во многих памятниках права выступало как привилегия господствующего класса. Это мнение подтверждается нормами, которые предусматривают суровую ответственность для представителей низших сословий, если они пытались защищаться от преступного нападения со стороны лица высшего сословия.

Начиная с X в., на территории ряда славянских государств (Беларусь, Россия, Польша, Украина, Литва и др.) получает свое развитие институт необходимой обороны.

Впервые упоминание о праве на оборону встречается в Договоре Руси с Византией, который заключил в 911 г. князь Олег. Право необходимой обороны содержится в ст. 6 Договора как право на защиту личности и имущества. Однако сущность необходимой обороны была тесно переплетена с нормами, составляющими обычай кровной мести, что не позволяет нам в полной мере выделить в данном памятнике права необходимую оборону как самостоятельно существующий институт. Ввиду этого необходимо сделать вывод о том, что анализируемому периоду было присуще самоуправство, а возникшие конфликты решались физическим путем. При этом Договор Олега 911 г. рассматривал вред, причинявшийся преступнику бесосновательно, как преступление.

Самостоятельным институтом необходимая оборона в славянском законодательстве становится в первом кодексе русского феодального права – в Русской Правде. Отдельные нормы этого памятника права, с одной стороны, допускали убийство вора на месте преступления, даже не принимая во внимание его положение в обществе, а с другой – содержали оговорку: «... если вора держали до рассвета, то привести его на княжеский двор, на суд. Но если вора убьют, а люди видели его связанным, то надо платить за него» [4, с. 49, 62]. При этом Г.С. Фельдштейн отметил, что процесс обособления необходимой обороны как уголовно-правового института заканчивается в основном только ко времени Соборного Уложения 1649 г. [5, с. 67].

Ярд норм Русской Правды оказывал свое влияние вплоть до второй половины XVII в. Первоначально охранявшие исключительно отношения собственности, данные нормы в последующем в качестве объекта защиты стали оговаривать жизнь собственника имущества (ст. 200, 201 Соборного Уложения 1649 г.). К примеру, хозяин дома получил право на самооборону, следствием чего выступило убийство нападавшего, ввиду защиты хозяином своей жизни и имущества. Одновременно с этим оборона, вне зависимости от последствий, которые она повлекла, не влекла никаких правовых последствий для обороняющегося лица, если оно со-

блюдало одно требование: сразу заявило об этом в приказ либо окольным людям. При этом необходимая оборона не ставилась в рамки и не зависела от соразмерности и своевременности защиты от посягательства. Последнее обстоятельство дает основание полагать, что постепенно регламентация необходимой обороны фактически стала включать в себя элементы такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Указания на право необходимой обороны содержались в Судебнике Казимира 1468 г. и Статутах Великого Княжества Литовского. Например, Статут 1588 г. выделял положения, относящиеся к задержанию преступника, а также особенности доказывания своей правоты причинителем вреда (артикул 21 раздел XIV): лицо не подлежало ответственности за убийство преступника лишь при доказанном с его стороны преступлении; в то же время самочинная расправа наказывалась.

Определенное влияние на развитие института необходимой обороны оказал Воинский Артикул 1715 г., который значительно ограничил реализацию права на оборону и приблизил ее применение к современному пониманию. Артикул определял оборону как исключительное право «нужного оборонения живота своего», т. е. иными словами, жизни (артикул 156), а также право убийства ночного вора, поскольку он «не для единой кражи, но чтобы и умертвить в дом ночью врывается» (арт. 185). В нормах Артикула достаточно четко выделялось требование о соразмерности обороны посягательству: если нападающий не был вооружен, то обороняющийся имел право применить оружие только в том случае, если первый был сильнее его и «от него исходит смертельный страх» (артикул 157), или, как закреплено в Морском Уставе, «когда крепко станет нападать и смертно бить» [6, с. 8]. В артикуле 157 были определены такие условия правомерности обороны, как ее своевременность и также цель защиты, а не мести; также была предусмотрена пониженная ответственность за превышение пределов необходимой обороны: «Ежели сыщется, что преступитель правил нужного оборонителя преступил и не так прилежно смотрел, то он, понеже в начале достойные причины имел к нужному оборонению, не животом, но по рассуждению судейскому жестко, тюрьмою, штрафом денежным ли шпицрутеном имеет быть наказан...» [4, с. 356–357].

С течением времени появляется необходимость общей правовой регламентации действий, связанных с причинением вреда правоохраняемым объектам. При этом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не внесло существенных изменений в содержание необходимой обороны. Решениями высших судебных инстанций признавались ненаказуемыми различные случаи насильственных действий

в отношении правонарушителей, в том числе предпринявших бегство или сопротивление [4, с. 375–376].

В Уголовном уложении 1903 г. необходимая оборона рассматривалась как обстоятельство, исключающее не только наказуемость, но и саму преступность деяния. В ст. 46 Уложения были указаны блага, подлежащие защите (жизнь обороняющегося или иного лица, здоровье, свобода, целомудрие и т. д.), что позволяло применять данные нормы к необходимой обороне.

Однако советское законодательство отошло от данной формулировки дореволюционного закона, в частности ст. 15 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. допускала право на необходимую оборону лишь для защиты личности обороняющегося лица. При этом любые действия, направленные на реализацию необходимой обороны, признавались преступными, которые в строго определенных случаях не влекли наказания.

Первый Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1922 г. в ст. 19 разительно изменял понятие необходимой обороны, охватывая ею не только правомерную защиту от посягательства, направленного на личность, но и на права обороняющегося либо иных лиц. Одновременно с этим в Особой части УК РСФСР 1922 г. было определено правило, согласно которому «насилие над личностью, если оно вызвано равным или более тяжким насилием, приравнивается к необходимой обороне» (ст. 158).

Если сравнивать УК РСФСР 1922 г. и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., следует указать на объединение необходимой обороны и крайней необходимости в одну статью (9.2), а также расширение перечня объектов обороны путем указания «советской власти и революционного порядка».

При принятии в 1928 г. УК БССР сохранилась пониженная ответственность лишь за превышение пределов необходимой обороны (ст. 216, 222 УК).

Следующий этап развития институт необходимой обороны получил в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. Их существенным достижением стало и то, что ст. 13 устанавливала, что действия, совершенные при необходимой обороне, не являются преступлением. Этим Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. отличаются от аналогичного документа 1924 г., где было прямо указано, что действия в состоянии необходимой обороны являются преступными, однако исключается их наказуемость.

Достижением Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. явилось введение в законодательный оборот понятия превышения необходимой обороны, а также указание на общественные

интересы, защита которых была допустима при осуществлении гражданами права на необходимую оборону.

Данное определение необходимой обороны было воспринято без изменений уголовными законами всех союзных республик.

В советский период на территории Беларуси действовали правовые нормы общесоюзного характера, что явилось закономерной причиной отражения института необходимой обороны и в уголовно-правовых нормах нашего государства. Так, в ст. 13 УК БССР 1960 г. был регламентирован институт необходимой обороны, а ст. 103 устанавливала ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, ст. 109 – за причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. В дальнейшем понимание данного института базировалось в основном на разъяснении Пленума Верховного Суда СССР, в котором впервые дано определение «мнимой» обороны (п. 13).

УК Республики Беларусь 1999 г. впервые в истории отечественного законодательства определил не только принципиально новую, более многочисленную, систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, но и интегрировал их в единый институт. Современный законодатель в ст. 34 установил: «Не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» [7]. Данное положение в равной мере распространяется на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Таким образом, исторический экскурс позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, формирование правовых основ необходимой обороны происходило под воздействием объективно-субъективных факторов, которые, наряду с традициями и обычаями, противоречиво воздействовали на процесс законодательного закрепления норм, связанных с анализируемым институтом, что нашло отражение в различных памятниках и источниках права. Во-вторых, необходимая оборона всегда относилась к обстоятельствам, исключающим противоправность деяния; изменялись лишь рамки правомерности ее применения. В-третьих, законодательство о необходимой обороне носило ярко выраженный характер защиты власти и близких к ней лиц, что свидетельствовало о неоднозначной и противоречивой оценке поведения защищаемого лица со стороны законодателя, государства и общества. Анализ измене-

ний, внесенных в национальное законодательство, показал, что действующий УК Республики Беларусь, воплотив прогрессивные достижения и традиции, содержит качественно новые, более совершенные положения, регламентирующие институт необходимой обороны.

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. – М. : НОРМА, 2009. – Т. 1 : Древний мир и Средние века. – 816 с.

2. Современное уголовное право России и за рубежом. Некоторые проблемы ответственности : сб. ст. / под. ред. О.С. Капинус. – М. : Буквоед, 2008. – 320 с.

3. Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны / А.Ф. Кони. – М. : Острожье, 1996. – 112 с.

4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – 1984. – 432 с.

5. Фельдштейн, Г.С. О необходимой обороне и ее отношении к так называемому «правомерному самоуправству» / Г.С. Фельдштейн // Журн. М-ва юстиции. – 1899. – № 5. – С. 65–67.

6. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. – М. : ПРОСПЕКТ, 2002. – 472 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.459

И.В. Цыганович, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.И. Бородич

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Вежновец*

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ХРАНЕНИЯ

Рассматривается проблематика обязательств хранения, а именно некоторые аспекты истории договора хранения, возникновения и формирования понятия хранения, общих положений и деятельности ОВД по обязательствам хранения.

Отношения, возникающие в связи с передачей одним лицом вещей другому лицу для обеспечения их сохранности, были детально урегулированы еще римским правом как особое обязательство *depositum* (хранение, поклада). «Обязательство – излагается в институциях Юстиниана – представляет собой правовые основы, в силу которых мы принуждаемся что-нибудь исполнить согласно законам нашего государства» [1, с. 341]. Договором хранения или поклада (*depositum*) назывался реальный контракт, по которому лицо, получившее от другого лица индивидуально-определенную вещь (поклажеприниматель, депозитарий), обязалось безвозмездно хранить ее в течение установленного срока либо до востребования и по окончании хранения возвратить в целости и сохранности лицу, передавшему вещь на хранение (поклажедателю, депоненту). Интересно отметить, что в источниках римского права отсутствует определение договора. Римские юристы указывали на то, что в основе договора всегда лежит соглашение сторон – его участников. Договор имел место тогда, когда воля сторон, участвующих в нем, была направлена на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Следовательно, договор – это волевой акт, в котором выражена воля обеих сторон, и она может быть проявлением только обоюдного согласия [2, с. 96].

Так, общественные отношения по поводу хранения вещей хронологически являются одними из древнейших. В докапиталистический период они были преимущественно распространены на бытовом уровне как отношения лично-доверительного характера без какого-либо коммерческого содержания. В связи с этим безвозмездность хранения была характерным признаком обязательства. Однако с развитием рыночных отношений хранение как разновидность услуг становится все более необходимым и выгодным направлением предпринимательской деятельности. Это повлекло, во-первых, утрату в значительной мере традиционно сложившейся безвозмездности хранения на бытовом уровне и, во-вторых, возникновение и последующее юридическое закрепление практически во всех правовых системах специальных видов хранения, которые обусловлены деятельностью субъектов гражданского права особого рода. Вместе с тем безвозмездное хранение также продолжает иметь определенное значение [3, с. 3].

Важно добавить, что договор хранения является самостоятельным договором, однако обязательства по хранению часто встречаются в виде составных частей иных соглашений – договоров купли-продажи, перевозки, экспедиции и иных. В таких случаях взаимоотношения сторон по хранению регулируются нормами, относящимися к основному договору, поскольку хранение носит вспомогательный характер и призвано обеспечить исполнение основного обязательства.

Так, в ст. 776 (Договор хранения) Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) сказано, что договор хранения представляет собой гражданско-правовой договор, в силу которого одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную другой стороной (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности [4; 5, с. 16]. Следует сказать, что дефиниция «поклажедатель» берет свое начало еще со времен Древней Руси, в праве которой хранение именовалось поклажей. В качестве поклажедателя по смыслу ГК могут выступать любые лица, как юридические, так и физические. Более того, исходя из общих положений ГК о субъектах права, следует сделать вывод, что поклажедателем могут быть в принципе даже частично или ограниченно дееспособные граждане, если отношения по хранению, в которые они вступают, отвечают требованиям ст. 25 «Дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет», ст. 27 «Дееспособность несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет (малолетних)», ст. 30 «Ограничение дееспособности граждан» ГК. Такие сделки не должны признаваться ничтожными, если они совершены к безвозмездному получению указанными гражданами выгод. Гражданский кодекс Республики Беларусь не требует, чтобы поклажедателем выступал собственник имущества. На хранение могут передаваться вещи, находящиеся во владении или в пользовании поклажедателя [6]. Интересно отразить исторический аспект дефиниции хранения. Так, в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. понятие договора хранения аналогично дефиниции в нынешнем белорусском гражданском законодательстве, а также в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 886).

Следовательно, исходя из понятия договора хранения, можно сделать вывод о том, что обязательство хранения является гражданско-правовым отношением, а именно отношением, где одна сторона (хранитель) обязуется хранить определенное имущество, которое передается ей во временное владение другой стороной, и возвратить его в сохранности. На сегодня отношения по хранению имущества представляются весьма многочисленными. Необходимо сказать, что в ряде случаев обязанность по хранению имущества выступает непосредственно в роли самостоятельного гражданского правоотношения, когда оно составляет основную, главную цель [3, с. 5; 7, с. 69; 8, с. 316].

Основная цель хранения заключается в обеспечении сохранности вещи, переданной на хранение, ее сбережении и последующем возврате поклажедателю. Следует принять во внимание, что для достижения поставленной цели соглашение о хранении должно отвечать следующим основным признакам: 1) хранение возможно только в отношении тех вещей, которые могут быть переданы на хранение хранителю (в помещение, на территорию хранителя); 2) так как хранитель обязан возвра-

тить вещь в сохранности, то такая сохранность в отношении конкретной вещи должна быть реально (объективно) достижима в соответствии с условиями договора. Можно обеспечить сохранность партии продовольственных товаров как таковых, но по истечении определенного срока хранения (срока годности) они утратят свои свойства качественных продовольственных товаров; 3) по договору хранения вещь передается во владение хранителя, но не в пользование. Передача вещи во владение и пользование должна быть специально оговорена в договоре; 4) поскольку вещь, переданная на хранение, подлежит возврату, она должна быть индивидуализирована. Иное должно быть оговорено договором [6].

Таким образом, рассмотрев цель хранения, нам следует обратить внимание на тот факт, что договору хранения в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. была посвящена гл. 38, насчитывающая всего 11 статей. Указанному договору посвящена гл. 47, включающая в себя уже 41 статью. Такое положение объясняется не только расширением сферы применения договоров хранения, появлением новых видов хранения, но и усложнением правил их регулирования, необходимостью более четкого определения основных элементов данного договора, статуса сторон, их ответственности. Правомерность такого подхода особенно очевидна в связи с появлением профессионального хранения, осуществляемого хранителем, для которого хранение является видом предпринимательской деятельности [9].

Рассматривая аспекты обязательств хранения, такие как понятие, общие положения и ряд иных, а также проведя анализ литературных источников, мы подошли к видам договора хранения. Так, действующее законодательство подразделяет хранение на такие группы, как: обычное хранение, в котором речь идет об урегулировании взаимоотношений между поклажедателем и хранителем, исходя из общеустановленных требований или сложившихся правил (общие положения о хранении); специальное хранение подразумевает же целый ряд видов хранения (хранение в ломбарде, хранение ценностей в банке или небанковской кредитно-финансовой организации, хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе, хранение в камерах хранения транспортных организаций, хранение в гардеробах организаций, хранение в гостинице, хранение вещей, являющихся предметом спора (секвестр).

Следующая классификация выделяется исходя из субъекта, т. е., кто выступает в качестве хранителя: профессиональное хранение (при котором хранителем является коммерческая либо некоммерческая организация, которая осуществляет хранение в качестве одной из целей своей профессиональной деятельности); непрофессиональное хранение (хранитель – физическое лицо либо некоммерческая организация, для которых такое хранение не является основной целью деятельности).

Также из нормы закона можно выделить такие группы хранения, как: обычное (стороны имеют возможность предварительно оговорить условия, а затем и надлежащим образом их оформить); чрезвычайное (когда вещь передается на хранение при соответствующих обстоятельствах, например, в условиях стихийного бедствия, наводнения, пожара, внезапной болезни). Так как этот договор возникает при экстремальных ситуациях, то в законе имеется исключение из общих правил, которые касаются надлежащего оформления отношений сторон [10, с. 424].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что важное место в ряду обязательств по оказанию услуг занимают обязательства хранения имущества, поскольку они призваны обеспечить защиту имущественных прав собственников (одну из ведущих ролей в данном вопросе играют органы внутренних дел (далее – ОВД)).

В некоторых случаях имущество хранится и правоохранительными органами, в том числе ОВД (хранение находок, кладов, вещественных доказательств, иного имущества). Правоотношения, которые при этом возникают, представляют собой обязательства хранения в силу закона. Такого рода обязательства в деятельности ОВД широко применяются. Отразим некоторые исторические акты советского законодательства. Так, Указами Президента СССР от 21 марта 1990 г. «О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР» и от 15 июля 1990 г. «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения» предусматривается хранение сданного либо изъятого оружия ОВД. Право временно изымать у граждан огнестрельное и холодное оружие и боеприпасы, а у предприятий, учреждений и организаций – также и учебную военную технику, взрывчатые, радиоактивные вещества и материалы, сильнодействующие химические и ядовитые вещества представляет органам государственной власти и управления в условиях чрезвычайного положения и Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О правовом режиме чрезвычайного положения».

В научной работе «Обязательство хранения в силу закона по советскому гражданскому праву» под обязательствами хранения В.Н. Тихонов, с которым мы согласны, понимает гражданское правоотношение, возникающее на основании действий по передаче или принятию имущества на хранение (в совокупности с другими юридическими фактами) и при условии закрепления в норме права обязанности его хранить, по которому одна сторона (депозитарий) обязуется хранить принятое ей имущество другой стороны (депозитора) и возвратить его в сохранности, кроме случаев, предусмотренных законом.

В связи с этим важно отразить особенности обязательства хранения. Так, специфика рассматриваемого обязательства усматривается в том, что в некоторых обязательствах (при хранении находок и др.) имущество передается на хранение лицом, не являющимся собственником (законным владельцем) вещей. В отдельных обязательствах (при признании предметов вещественными доказательствами, при наложении ареста на имущество) воля собственника вещей может иметь направленность, противоположную той, которую выражает лицо при заключении договора хранения.

В настоящее время при осуществлении служебной деятельности ОВД руководствуются Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З (ред. от 4 января 2014 г.) «Об органах внутренних дел» (далее – Закон об ОВД). Данный закон регламентирует правовые и организационные основы деятельности ОВД [11, с. 15]. В ст. 22 Закона об ОВД указан ряд обязанностей, одними из которых являются обеспечивать сохранность найденных и сданных в ОВД документов, вещей, ценностей и другого имущества, принимать меры к их возврату законным владельцам. Следует обратить внимание на положения научно-практического комментария к Закону об ОВД. Так, обязанность обеспечения сохранности найденных и сданных в ОВД предметов предполагает их должное оформление по различным характеристикам (количество, качество, отличительные признаки и т. д.) с целью последующей возможности принятия мер по возврату их законным владельцам. Хранение документов, вещей, ценностей и другого имущества должно осуществляться, по возможности, в условиях, обеспечивающих целостность предметов, их признаков и свойств. При обнаружении на найденных предметах признаков, указывающих на их возможного владельца, ОВД обязаны принять меры к установлению факта принадлежности предмета тому или иному лицу и организации их возврата законным владельцам [12, с. 16; 13, с. 83]. Примечательно, что в соответствии с п. 22 ст. 12 «Обязанности полиции», Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» излагает следующие обязанности: осуществлять в установленном порядке прием, хранение и уничтожение изъятого, добровольно сданного и найденного огнестрельного, газового, холодного и иного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ, а также прием, хранение и уничтожение изъятых, добровольно сданных и найденных наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; обеспечивать сохранность найденных и сданных в полицию документов, вещей, кладов, ценностей и другого имущества, их возврат законным владельцам либо передачу в соответствующие государственные или муниципальные органы; а также ряд иных [14].

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в основе договора всегда лежит соглашение сторон – его участников. Договор имел место тогда, когда воля сторон, участвующих в нем, была направлена на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей (об этом говорили еще римские юристы). Из истории развития данного института мы выяснили, что в докапиталистический период рассматриваемые отношения были преимущественно распространены на бытовом уровне как отношения лично-доверительного характера без какого-либо коммерческого содержания, однако с развитием рыночных отношений хранение как разновидность услуг становится выгодным направлением экономической сферы.

Изучив и проанализировав договор хранения в его некоторых аспектах, мы пришли к выводу, что дефиниция договора хранения, вытекающая из ст. 776 «Договор хранения» ГК, имеет свои корни из советского гражданского законодательства и аналогичное содержание в ст. 886 Гражданского кодекса РФ. Вместе с тем нами было установлено и то, что история обязательств хранения с развитием рыночных отношений начала носить важную экономическую выгоду, стали появляться специальные виды хранения, а также ряд специально уполномоченных субъектов, осуществляющих деятельность по хранению.

Изучив некоторые аспекты деятельности ОВД по данной проблематике, а также акты законодательства, непосредственно регулирующие обязательства хранения при осуществлении служебной деятельности, мы полагаем, что важное место в ряду обязательств по оказанию услуг занимают обязательства хранения имущества, поскольку они призваны обеспечить защиту имущественных прав собственников. Также важно подчеркнуть, что исполнение рассматриваемых обязанностей ОВД находится в непосредственной связи с институтом права собственности, относящемуся к сфере гражданско-правового регулирования имущественных отношений.

1. Яковлев, В.Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право : учебник / В.Н. Яковлев ; предисл. : С.Д. Бунтов, Н.В. Кузнецова, А.А. Подопригора. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 960 с.

2. Лобатенко, Е.В. Римское гражданское право : курс лекций / Е.В. Лобатенко ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 119 с.

3. Богущ, К.С. Договор хранения с участием органов внутренних дел в гражданском праве России : монография / К.С. Богущ. – Тюмень : Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. – 100 с.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. – Кн. 2. – Разд. III. Общая часть обязательственного права. Разд. IV. Отдельные виды обязательств (гл. 30–50) / отв. ред. и рук. авт. кол. В.Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2005. – 1376 с.

6. Подгруша, В.В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь / В.В. Подгруша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Ивакин, В.Н. Гражданское право. Особенная часть : конспект лекций / В.Н. Ивакин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – 223 с.

8. Молчанов, А.А. Гражданское право в схемах. Общая и особенная части : учеб. пособие / А.А. Молчанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2009. – 544 с.

9. Подгруша, В.В. Договор хранения: общее и особенное / В.В. Подгруша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Колбасин, Д.А. Гражданское право. Особенная часть : учеб. пособие / Д.А. Колбасин. – Минск : Амалфея, 2011. – 832 с.

11. Тихонов, В.Н. Обязательство хранения в силу закона по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Тихонов. – М., 1990. – 21 с.

12. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.

13. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» / под общ. ред. И.И. Басецкого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 237 с.

14. О полиции : Федер. закон, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

УДК 343.985

М.Н. Чепелевич, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.Н. Толочко

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.Н. Лахтиков*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛЬНОМУ БАНКРОТСТВУ

Анализируются основные действия, направленные на противодействие криминальному банкротству. Раскрываются основные направления противо-

действия криминальному банкротству, предлагается практический алгоритм действий, направленный на защиту интересов кредиторов. Анализируются актуальные проблемы и предлагаются пути их решения.

Экономическая ситуация создает все предпосылки для того, чтобы количество криминальных банкротств росло в геометрической прогрессии. Многие организации являются несостоятельными, но это не установлено официально. Должники будут изыскивать способы и методы избавления от бремени долгов. И идея подвести организацию под банкротство посетит многих.

Понятие «криминальное банкротство» больше общеупотребительное. С правовой точки зрения речь идет о преступлениях в сфере банкротства (ст. 238 «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство)», ст. 239 «Соккрытие экономической несостоятельности (банкротства)», ст. 240 «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)» и ст. 241 «Препятствие возмещению убытков кредиторам») Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Статистика привлечения к уголовной ответственности по данным статьям не отражает реальную картину. Отметим, что в Беларуси уголовные дела по ст. 238–241, непосредственно по квалифицирующим признакам криминального банкротства, возбуждаются достаточно редко. На сленге следователей эти статьи являются «нерабочими». Поэтому часто уголовные дела возбуждаются по «рабочей» ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности». Видимо, потому что доказывание по ней простое и очевидное. Это вызвано сложностью доказывания банкротных составов, сопряженностью таких дел с иными отраслями права, а также необходимостью наличия познаний в управлении и финансах, знания специфики бизнеса банкрота.

Большое количество криминальных банкротств не находит отражения в статистике в виду недоказанности. Латентный (скрытый) характер преступлений и их длительность часто не позволяют отличить такие деяния от законных, совершаемых в ходе обычной хозяйственной деятельности. Институт несостоятельности является необходимым элементом экономики. Лица, утратившие возможность рассчитаться с кредиторами, вправе заявить об этом обстоятельстве и официально избавиться от долгового бремени [3, с. 86].

Это и порождает сложность в различении преступления и банкротства. Но как установить ту грань, где добросовестное банкротство, а где криминальное? Крайне сложно понять, где заканчиваются риски хозяйственной деятельности, неэффективный менеджмент, изменение конъюнктуры рынка, влияние экономического кризиса и других факторов.

Целью добросовестного банкротства является максимальное удовлетворение требований кредиторов. Предполагается, что должник выполняет требования законодательства, в том числе надлежащим образом ведет хозяйственную деятельность, бухгалтерский и налоговый учет, обеспечивает сохранность имущества и документации, своевременно подает заявление о признании его банкротом, предпринимает все меры в целях расчета с кредиторами.

Цели, преследуемые организаторами криминальных банкротств, могут быть очень разными.

Если организатор должник, то чаще всего это неисполнение обязательств перед кредиторами полностью или частично и признание факта погашения требований кредиторов, не удовлетворенных в ходе процедуры. Преступным такое банкротство становится тогда, когда кредитор располагает возможностью рассчитаться с долгами, но не делает этого. Если организатором является кредитор, то цели могут быть различными. Это и получение активов должника по заниженной стоимости, и вытеснение с рынка конкурента, и получение доступа к документации и информации должника, и вхождение в органы управления организации, и т. д., вплоть до личной мести.

Цели организаторов криминальных банкротств не всегда очевидны. Нередки случаи, когда истинные интересы становятся понятны, только если уже налицо результат процедуры. Но не всегда план и его реализация совпадают, план может быть не выполнен или скорректирован [1, с. 35].

Противодействие криминальным банкротствам – крайне затратный процесс. Редко достигается главная цель – возврат денежных средств или имущества. Уголовные дела могут длиться годами и не приводить к достижению этой цели. Борьба в ситуации, когда все вывезено и спрятано, неэффективно. Поэтому основная рекомендация – превентивные меры, направленные на исключение самой возможности такого развития событий [5, с. 239].

Далее рассмотрим пошаговый алгоритм действий кредитора, позволяющий минимизировать риски столкновения с банкротством должника.

Основная причина проблем с возвратом долга – попустительство кредиторов, которые создают предпосылки для такого развития событий. Противодействие криминальным банкротствам начинается с грамотной и планомерной работы с дебиторской задолженностью. И основная задача – не допустить для должника даже мизерной возможности не рассчитаться по своим долгам.

Попустительство кредиторов часто начинается уже со стадии выбора контрагента. Большинство из них редко собирает информацию о

потенциальном должнике до совершения сделки, хотя способов и сервисов для этого огромное количество.

Сегодня ни долгая история предприятия, ни награды и почетные грамоты, ни раскрученный сайт и часто «фейковые» отзывы на нем, ни «красивая» отчетность не являются гарантией платежеспособности организации. Поэтому единственный выход – грамотно и планомерно проверять своих контрагентов, тех, кому вы доверяете свое имущество или деньги, причем на стадии «до сделки». И параллельно формировать доказательственную базу на случай возможных судебных разбирательств, уголовного преследования или банкротства.

Другим элементом попустительства является неиспользование в практике мер, обеспечивающих исполнение обязательств. И если неустойка прочно вошла в любые договоры, то залог, удержание вещи, поручительство, независимая гарантия, задаток и обеспечительный платеж применяются отнюдь нечасто. Кредиторы редко обеспечивают действительно эффективный контроль за состоянием обеспечения. И если относительное спокойствие может вызывать недвижимое имущество в залоге, то залог товаров в обороте, оборудования и иного движимого имущества требует постоянно держать руку на пульсе, так же как и состояние поручителей, гарантов и страховщиков.

Применительно к залогоу, прежде всего, это периодический контроль с выездом на место нахождения залога, проверка его наличия и сохранности, подсчет количества, проведение иных мероприятий. В некоторых случаях целесообразно устанавливать видеонаблюдение, что позволит предотвратить несогласованный вывоз предмета залога, а также зафиксировать этот процесс в целях возбуждения уголовного дела.

Планируя заключение любой сделки, кредитор должен четко представлять, как он без потерь может из нее выйти на любом этапе и при любом развитии событий.

Можно предложить следующие практические алгоритмы действий:

1. Наличие разработанного и внедренного положения (регламента) о договорной работе. Фиксируются все стадии, ответственные лица и алгоритм действий при оформлении договоров, утвержденные шаблоны документов, порядок их изменения и согласования.

2. Наличие разработанного и внедренного положения (регламента) о работе с дебиторской задолженностью. Закрепляются все стадии, ответственные лица и четкий пошаговый план с момента заключения договора (а не с момента возникновения просрочки), упор делается на превентивные меры.

3. Проведение проверки потенциального должника и его руководителя, поручителей, гарантов, залогодателей и иных лиц. Алгоритм может содер-

жаться в положении (регламенте) о договорной работе. Проверку можно сделать самостоятельно в открытых источниках или с использованием различных сервисов по сбору информации о юридических лицах. Также осуществляется проверка документации, представленной должником (учредительные и правоустанавливающие документы, приказы и решения, подтверждающие полномочия руководителя, налоговая и бухгалтерская отчетность, данные управленческой отчетности, иная документация).

4. Разработка алгоритма сделки. Сценарий сделки позволяет описать все возможные варианты развития событий и действия кредитора в каждом случае.

Вот приблизительный перечень применительно к организациям: ухудшение финансового состояния должника; совершение должником действий, направленных на реорганизацию или ликвидацию, вывод активов, сокрытие документации и/или имущества, иных аналогичных действий; смена руководителя, участников (акционеров) компании должника, изменение адреса местонахождения, наименования; банкротство организации-должника; выявление проблем с обеспечением исполнения обязательства и невозможность предоставления дополнительного обеспечения; выявление факта несоответствия бухгалтерской и/или налоговой отчетности реальному положению вещей; существенное изменение показателей бухгалтерской и/или налоговой отчетности, в том числе переоценка активов и/или пассивов, замена активов, занижение/завышение балансовой стоимости имущества, оформление ликвидных активов как неликвидных с последующим списанием, списание активов и т. д.; отказ в предоставлении каких-либо документов; отказ в допуске к месту нахождения предмета залога; появление у должника новых кредиторов и/или дебиторов со значительным размером обязательств; выдача и/или покупка векселей на значительные суммы; осуществление непрофильной деятельности.

5. Организация визирования документов, исключая их подписание неуполномоченными лицами или факсимильной подписью.

6. Внедрение аккредитивных форм расчетов.

7. Страхование ответственности и имущества должника, переданного в залог.

8. Применение обеспечительных мер: неустойка, залог, удержание вещи, поручительство, независимая гарантия, задаток и т. д.

9. Осуществление мониторинга состояния должника, поручителей, гарантов, страховщиков и иных лиц на протяжении всего срока исполнения договора. Проводится по данным из открытых источников, в том числе путем оформления подписки на такие данные, а также путем получения бухгалтерской и налоговой отчетности, иной отчетности по форме, установленной кредитором.

10. Проведение мер по замене обеспечения. Предусматривает контроль состояния обеспечения и предъявление требования о замене обеспечения, а также применение последствий в случае прекращения/утраты обеспечения.

11. Проведение грамотной работы по контролю сохранности залога. Возможность в любое время проверить состояние залога, проведение плановых и внеплановых инвентаризаций, внедрение системы дополнительной идентификации имущества в случае отсутствия такой идентификации, установка системы видеонаблюдения в месте нахождения залога.

12. Жесткий контроль оформления, наличия и сохранности документации по сделке. Необходим в целях исключения влияния человеческого фактора (например, подкуп сотрудников в целях утраты оригиналов документов или замены документов).

13. Составление «жесткого» договора. Внесение расширенных условий о возможности расторжения по инициативе кредитора, положений о существенных санкциях в случае неисполнения обязательств, порядке погашения задолженности, обеспечении, иных условий.

14. Моментальное начало взыскания через суд в случае просрочки исполнения. Чем раньше кредитор обратится в суд, тем быстрее он сможет получить решение, вступившее в законную силу, чтобы инициировать исполнительное производство или процедуру банкротства.

15. Инициирование и активное участие в процедуре банкротства по заявлению кредитора. Выжидательная позиция не позволяет эффективно защищать интересы кредитора.

16. Инициирование возбуждения уголовных дел. Наличие документации и информации позволяет обеспечить доказательственную базу и добиться возбуждения уголовного дела.

17. Постоянная работа по совершенствованию договоров и иной документации организации, мониторинг действующего законодательства и правоприменительной практики.

18. Автоматизация работы с задолженностью. Становится насущной необходимостью наличие программного обеспечения, позволяющего отслеживать факт возникновения долга и все этапы работы по возврату, формирующего отчеты руководителю и иным лицам, структурирующего такую работу в целом. Позволяет минимизировать влияние человеческого фактора.

В кризисные времена основной задачей становится обеспечение сохранности активов.

Все описанные выше мероприятия требуют трудовых и финансовых вложений, однако такие вложения на порядок меньше возможных потерь при неисполнении обязательств.

Статистика удовлетворения требований кредиторов при банкротстве удручающая. Предпосылок для улучшения этой статистики практически нет. Ведь в ближайшие годы в суды и правоохранительные органы будут обращаться кредиторы, входившие в сделки с расчетом на русский авось. Экономика переполнена «токсичными» долгами, которые в ближайшие 3–5 лет будут похоронены. И многие кредиторы решат не бороться и не вкладывать деньги в проекты по маловероятному возврату активов. Уже давно стала насущной необходимостью планомерная и выверенная работа с дебиторской задолженностью. Намного выгоднее не создавать предпосылок для появления должников, чем потом ввязываться в «военные действия» по возврату своих активов в криминальном банкротстве.

Огромный опыт по работе с должниками накопили банки. Однако и они не учли многие факторы, результатом чего стала волна дефолтов по кредитам.

Прежде всего не был учтен человеческий фактор. Многие проблемные кредиты были выданы за взятки или по знакомству, подкупались лица, проверявшие состояние залога, делавшие анализ показателей должников, фальсифицировались документы, формально проводился контроль состояния должников. Допускались ошибки при оценке активов должников, что привело к фактическому отсутствию ликвидного обеспечения. Бизнес-планы должников рассчитывались оптимистами, там не было места кризисам, резкому падению спроса, выручки, цены активов, изменению курсов валют. Этот опыт необходимо изучить, систематизировать, сделать выводы и применить всем кредиторам.

Внедрение эффективной политики по работе с дебиторской задолженностью сегодня может стать самой эффективной инвестицией в бизнес. Кредитор, вступая в сделку, передавая контроль над своими активами должнику, вправе иметь четкие и очевидные гарантии сохранности денег и/или имущества. В противном случае любая сделка теряет всякий смысл.

1. Арутюнян, К.С. Криминальное банкротство: цели и особенности совершения [Электронный ресурс] / К.С. Арутюнян // Юрид. работа в кредит. орг. – 2010. – № 2.

2. Васильева, Я.Ю. Преступления против интересов кредиторов: уголовно-правовая характеристика (вопросы теории и практики) : учеб.-практ. пособие / Я.Ю. Васильева. – Иркутск : Изд-во Иркут. ин-та повышения квалификации прокурорских работников ГП РФ, 2006. – 86 с.

3. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности / Б.В. Волженкин. – СПб., 2007.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июня 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом

Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Юлова, Е.С. Методика преподавания дисциплины «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)» в магистратуре / Е.С. Юлова // Образование и право. – 2015. – № 9. – С. 229–237.

УДК 343.985

И.С. Чижевиков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *И.В. Пащута*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.П. Пацкевич*

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Рассматриваются особенности тактики неотложных следственных действий при расследовании преступлений по горячим следам. Определяются условия и факторы, детерминирующие эффективность расследования по горячим следам. Отмечается важность быстрого и качественного проведения осмотра места происшествия, обыска, допроса для расследования преступлений по горячим следам.

Используя понятие «неотложные следственные и иные процессуальные действия» (ст. 186 УПК Республики Беларусь) для установления и закрепления следов преступления, законодатель к ним относит осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз [1].

Цель и очередность проведения дальнейших следственных действий выбираются по признакам неотложности, надежности, необходимости и эффективности, позволяющим закрепить и расширить криминалистически значимые сведения, полученные в результате осмотра места происшествия.

На формирование ситуаций, позволяющих вести расследование по горячим следам, оказывают влияние определенные условия и факторы: внезапность возникновения ситуации, требующей немедленного реагирования правоохранительных органов и проведения расследования по горячим следам;

дефицит времени для принятия правоохранительным органом решения и его реализации;

высокая динамичность процесса расследования, быстрая смена следственных ситуаций;

недостаток необходимой для раскрытия и расследования преступления информации;

противодействие расследованию заинтересованными лицами.

Данные условия и факторы определяют принципиальные требования к организации и проведению расследования по горячим следам. К таковым относятся:

а) создание следственно-оперативной группы (далее – СОГ);

б) максимально быстрое прибытие СОГ на место происшествия, оперативное принятие решения о возбуждении уголовного дела и начале предварительного расследования;

в) безотлагательное включение в работу всех участников СОГ, при необходимости привлечение дополнительных сил и средств;

г) строгий отбор следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и соблюдение очередности их проведения;

д) высокая интенсивность, непрерывность проведения комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с использованием всех участников СОГ;

е) широкое использование соответствующих технических средств и специалистов для оперативного исследования следов преступления;

ж) оперативная передача необходимой информации взаимодействующим органам [3, с. 328].

Осмотр места происшествия дает возможность получить решающую во многих для раскрытия и расследования по горячим следам исходную информацию, способствующую розыскной и поисковой деятельности следователя и сотрудника уголовного розыска. Некачественное же проведение осмотра может повлечь невозможную утрату крайне важных сведений.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает следующие виды осмотра: места происшествия, местности, помещения, жилища или иного помещения, предметов и документов, трупа. Каждый из них может выступать в качестве самостоятельного следственного действия либо являться частью общего (также самостоятельного) действия, объединенного понятием «осмотр места происшествия» [3, с. 738].

Доказательства, полученные в результате исследований материальных объектов, обнаруженных на месте происшествия, становятся все более актуальными и значимыми в условиях распространения преступлений против жизни и здоровья; собственности; общественной безопасности и др.

По прибытии на место происшествия руководителем СОГ предпринимаются следующие действия: принимаются все меры к оказанию помощи пострадавшим; удаляются с места происшествия посторонние лица (с предварительной фиксацией данных, удостоверяющих личность); опрашиваются свидетели в целях ориентировки и уточнения произведенных изменений; распределяются обязанности между участниками осмотра, проводится их дополнительный инструктаж; определяются границы подлежащего осмотру пространства, исходная точка и способы осмотра.

На рабочем этапе указанного следственного действия используется тот способ осмотра, который наиболее подходит к сложившейся ситуации. Например, при дорожно-транспортном происшествии, когда известен путь следования преступника, применяется фронтальный способ осмотра, а если участок происшедшего события имеет округлую форму, то осмотр производится от периферии к центру или наоборот.

После изъятия и упаковки одорологических следов, обнаруженных на месте происшествия, важно по горячим следам проработать с помощью служебной собаки путь следования преступника и безотлагательно организовать выборку подозреваемого по запаху. Проработку пути движения преступника целесообразно вести не менее 30 м по обе стороны маршрута движения собаки. Это связано с отклонением «воздушного» следа от действительного маршрута человека под действием ветра. Проработка пути с помощью собаки позволяет найти предметы, которые преступник выбросил или потерял.

На месте происшествия фиксируются негативные обстоятельства и выясняется, какие объекты находятся на этом месте и какое они имеют отношение к делу.

Специалист-криминалист, используя средства экспресс-анализа, выявляет невидимые и слабовидимые следы и детали объектов, высказывает следователю свои суждения о механизме их образования, силе, профессиональных навыках виновного лица и т. п. По результатам опроса очевидцев и свидетелей он составляет субъективный портрет преступника и безотлагательно проверяется эта информация по криминалистическим учетам.

Массовое распространение вычислительной техники, появление ЭВМ на службе правоохранительных органов дали возможность программировать и автоматизировать процессы измерения, вычисления и сравнения в ходе экспертиз, что приводит к значительному ускорению этих процессов, позволяет обрабатывать исходные данные в короткое время [3, с. 377].

Одновременно с осмотром и параллельно с сотрудником уголовного розыска проводятся следующие оперативно-розыскные и иные мероприятия:

опрос свидетелей-очевидцев, других лиц о событии преступления, личностях потерпевшего и преступника;

сбор информации среди населения по поводу случившегося происшествия;

преследование скрывшегося преступника по горячим следам;

обследование прилегающей к месту происшествия территории, строительные и иные объекты для выяснения вопроса о том, какие следы могли остаться на одежде, обуви, теле и автомобиле преступника, а также в целях обнаружения виновного лица, его следов, брошенных или спрятанных им предметов (при обнаружении спрятанного преступником похищенного имущества в районе его обнаружения организуются негласное наблюдение и засада);

поквартирный обход;

проверка собранной информации по криминалистическим и оперативным учетам [3, с. 739].

О полученной криминалистически значимой информации оперативный работник незамедлительно сообщает следователю и в свою очередь своевременно получает от него необходимые сведения.

Все собранные криминалистически значимые данные о совершенном преступлении позволяют судить: что произошло, каким образом, когда и кто совершил, с какой целью, с чьей помощью, кому и какой ущерб причинен, кто может знать о происшедшем преступном событии. Эта информация позволяет следователю выдвинуть новые версии и проверить уже выдвинутые, выявить и закрепить важные следы и предметы, которые могут стать судебными доказательствами по уголовному делу, своевременно составить план неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Если на месте совершения преступления или в его районе находились технические средства пресечения преступлений, а именно охранная сигнализация, камеры видеонаблюдения, то осмотр места происшествия производится с учетом конкретных результатов их срабатывания.

В тех случаях, если преступник задержан, то при осмотре места происшествия особое внимание уделяется поиску следов его рук, тела и одежды, обуви, орудий взлома, использованных при совершении преступления. Если камера видеонаблюдения зафиксировала предполагаемого преступника, то немедленно размножается видеопортрет этого субъекта и через оперативно-дежурную службу передается оперативному составу для его установления.

Когда в ходе осмотра обнаружены следы (объекты), которые могут быть использованы для поиска преступника по горячим следам, следователь безотлагательно выносит постановления о назначении судебных экспертиз в отношении этих объектов, специалист-криминалист тотчас

доставляет их вместе с постановлением в экспертно-криминалистическое подразделение для срочного проведения экспертизы.

Производством судебных экспертиз возможно получить дополнительную информацию:

а) о механизме и характере преступного события;

б) о лице, оставившем обнаруженные следы (с использованием массивов оперативных и криминалистических учетов);

в) об использовании обнаруженного огнестрельного оружия (по пулегильзотеке) в ходе других, ранее совершенных преступлений, т. е. для раскрытия деяний, которые, возможно, совершены заподозренным лицом, и т. п.

Допрос потерпевшего начинается со свободного рассказа обо всех известных ему обстоятельствах дела. Ему дается возможность показать свою осведомленность в тех пределах, в которых он сочтет это целесообразным. После окончания свободного рассказа потерпевшему задаются вопросы, направленные на получение информации, которая необходима для установления характера преступного события, поиска преступника и его задержания по горячим следам [3, с. 741].

При оценке показаний потерпевшего следует учитывать его переживания, которые бывают довольно глубокими. Ввиду этого обстоятельства факты совершенного преступления им могут быть восприняты и переданы следователю с искажениями. Нередки случаи, когда из-за сильных эмоциональных переживаний потерпевший вообще не может рассказать об обстоятельствах случившегося или когда он находится в опасном для жизни состоянии. Тогда допрос целесообразно на некоторое время отложить, осуществив его по получении разрешения от лечащего врача. При допросе необходимо использовать аудио- или видеозаписывающую аппаратуру.

Допрос свидетеля также начинается со свободного рассказа обо всех известных ему обстоятельствах дела. При этом следователю необходимо обеспечить последовательность рассказа и детальное изложение обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к делу, а именно: где, когда, кем и как было совершено преступление; каковы черты внешности, особенности голоса, речи преступников, каким образом они обращались друг к другу, сколько их было; в чем заключалось преступление, на кого или на что оно было направлено; были ли у злоумышленников технические и транспортные средства, и если были, то какие именно, кто управлял транспортом, номерные знаки и особенности автомобиля; что похищено, внешний вид; кто из подозреваемых ранее бывал на месте содеянного; кто мог совершить преступление и почему; кто знал о распорядке жизни потерпевших и т. п.

Главное на этом этапе допроса – получить достоверные показания, имеющие значение для расследования дела и задержания преступников по горячим следам [3, с. 743].

Допрос подозреваемого, задержанного по горячим следам, необходимо провести незамедлительно, потому что именно он лучше, чем другие, знает все детали содеянного и обстоятельства, способствовавшие его совершению. При допросе подробно выясняется, где он находился в момент совершения преступления. Если подозреваемый ссылается на алиби, то следует уточнить, где, с кем и как он провел время, а затем быстро и детально проверить его утверждение о непричастности к содеянному.

Если он признает свою вину, при допросе необходимо выяснить: соучастников содеянного; как и когда возник умысел совершить преступление; какие технические средства и какой транспорт при этом использовались и где они находятся в данный момент; что конкретно отобрали, похищено, где, у кого оно находится и т. п.

Обыск по горячим следам проводится в любое время (в том числе и в ночное). Во всех без исключения случаях проводится личный обыск. Если он связан с обследованием тела человека, обыск проводится при участии врача. В случае необходимости производства «группового» обыска решается вопрос об одновременном оперативном и внезапном начале обысков во всех проверяемых местах, чтобы исключить утечку информации. Главная цель обыска по горячим следам – получить криминалистически важную информацию и вещественные доказательства, а именно: оружие и орудия преступления; предметы и документы, связанные с преступлением и добытые преступным путем. В ходе обыска участники СОГ должны обращать особое внимание на признаки, свидетельствующие о возможности нахождения в обыскиваемом месте замаскированного тайника.

При производстве расследования по горячим следам возможно отождествление различных объектов путем предъявления для опознания. Такая необходимость возникает, когда в распоряжение следователя попадает конкретный объект, но нет уверенности, что он тот самый, который должен проходить по уголовному делу. Могут проводиться и другие следственные действия, направленные на скорейшее изобличение виновного лица, установление всех необходимых обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что эффективность расследования преступлений по горячим следам во многом зависит от быстроты и качества проведения таких неотложных следственных действий, как осмотр, обыск, допрос, назначение и проведение судебных экспертиз, тактика производства которых также зависит от конкретной следственной ситуации.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 18 июля 2017 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 464 с.

2. Балашов, Д.Н. Криминалистика : учебник / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 503 с.

3. Ищенко, Е.П. Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. – 2-е изд., испр., доп. и перераб. – М. : Контракт : ИНФРА-М, 2010. – С. 738–744.

4. Волинский, А.Ф. Криминалистика : учеб. для вузов / А.Ф. Волинский. – М. : Закон и право : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 615 с.

УДК 342.9

А.В. Шейко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.С. Касьянчик*

Рецензент – кандидат юридических наук *О.В. Гиммельрейх*

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Рассматриваются теоретико-правовые и исторические аспекты определения понятия «должностное лицо». На основе исследования теоретических аспектов содержания и определения указанного понятия, а также анализа законодательства Республики Беларусь и бывших стран СССР в исторической ретроспективе обосновывается необходимость нормативного уточнения указанного понятия.

Анализ учебной и научной литературы последних лет свидетельствует об отсутствии единства мнений ученых и практиков относительно определения понятия «должностное лицо». Сложностью выработки единого подхода к определению и нормативному правовому закреплению указанного понятия во многом объясняется наличие существенных различий в его интерпретации отраслевым законодательством.

Так, в соответствии со ст. 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) под должностными лицами следует понимать:

1) представителей власти, т. е. депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатов местных Советов депутатов, а равно государственных служащих, имеющих право

в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представителей общественности, т. е. лиц, не находящихся на государственной службе, но в установленном порядке наделенных полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лиц, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающих в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лиц, уполномоченных в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностных лиц иностранных государств, членов иностранных публичных собраний, должностных лиц международных организаций, членов международных парламентских собраний, судей и должностных лиц международных судов.

С существенными различиями по отношению к приведенному определению указанное понятие в ст. 1.3 «Разъяснение отдельных терминов Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Здесь под должностным лицом понимается физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, либо лицо, уполномоченное в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, а также государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе.

Из анализа вышеприведенных законодательных интерпретаций указанного понятия следует, что оно не является универсальной дефиницией для законодательства Республики Беларусь. Поэтому когда речь идет о правонарушении, то при определении признаков должностного лица руководствуются нормами административного законодательства, а при определении признаков специального субъекта преступления – приведенными нормами УК.

Однако следует принимать во внимание, что во многих случаях вопросы квалификации тех или иных противоправных деяний часто находятся на грани квалификации деяний в качестве преступлений или ад-

министративных правонарушений. В этой связи, полагаем, дифференцированный подход с позиций различного отраслевого законодательства следует признать недопустимым, а выработку единого теоретического и законодательного определения «должностное лицо» – объективно необходимой мерой. Вместе с тем очевиден факт того, что правовая природа существенных различий в формулировках указанных понятий, содержащихся в приведенных актах отраслевого законодательства, преимущественно находится в плоскости исторически обусловленной динамики общественных отношений, субъектом которых на различных этапах существования государства выступали должностные лица.

Как и в законодательной практике, в науке также выделяются два противоположных подхода к толкованию понятия «должностное лицо» – широкий и узкий [1, с. 13]. Как и в приведенных актах отраслевого законодательства, свое выражение указанные подходы нашли в науках административного и уголовного права.

Длительное время исследования в уголовно-правовой науке преобладали в изучении данной проблематики. Преимущественно такая тенденция была связана с особенностью уголовной ответственности в сфере служебной деятельности. Уголовное право исходит из широкого понимания термина «должностное лицо» и в первую очередь рассматривает его как субъекта, противоправные действия которого носят повышенную общественную опасность.

В отличие от приведенного подхода, основное внимание представителей административно-правовой науки концентрировалось на особенностях правового статуса должностного лица как участника управленческих отношений [2, с. 11–12]. Исследование содержания понятия должностного лица в административном праве происходило в рамках разработки и исследования вопросов государственной службы. Результатом этого стало то, что должностными лицами стали признаваться лишь государственные служащие государственных органов, государственного аппарата в целом.

Отдельные вопросы государственной службы, правового положения должностных лиц, принцип субординации в служебных отношениях имели соответствующее правовое закрепление еще в начале XVIII в. Исследуя генезис и динамику развития подходов к понятию «должностное лицо», следует вспомнить о Конституции Пилипа Орлика (5 апреля 1710 г.), которая заложила некоторые принципы управления и деятельности органов государственной власти. Это способствовало решению вопросов, связанных с недопущением концентрации власти в руках одного человека, и предотвращало проявления злоупотреблений этой властью.

Данный принцип имеет важное значение при распределении управленческих функций между должностными лицами государственных органов.

Правовой основой формирования государственной службы XVIII в. стали акты Петра I, в частности «Табель о рангах» от 4 февраля 1722 г., который привел в систему и унифицировал все чины империи в трех основных сферах служебной деятельности: сухопутной, военно-морской и гражданской службе. Принятые акты устанавливали требования к порядку принятия и продвижения по службе, принципы взаимоотношений по службе, определяли круг обязанностей служащих каждого ранга [3, с. 434–474]. Эти акты распространяли действие и на территорию Беларуси, которая в указанный период времени входила в состав Российской империи. Некоторые положения Петровского табеля продолжали действовать в начале XX в. и были отменены после Октябрьской революции 1917 г., одновременно с уничтожением старого чиновничьего аппарата, а следовательно – и системы чиновничьей службы.

До 1917 г. уголовное законодательство признавало субъектом должностных преступлений всех служащих, которые в силу своей должности вступали в государственно-управленческие отношения [4, с. 74–82]. Согласно этой позиции единственным определяющим признаком должностного лица было замещение должности в государственном органе. Оно же выступало основанием возникновения государственно-управленческих отношений. Это не позволяло раскрыть содержание понятия «должностное лицо» и провести разграничение с другими служащими. Особенно возросла актуальность данной проблемы в советский период.

В юридической литературе выделяют три основных этапа исследования и законодательного закрепления статуса государственных служащих и должностных лиц: 1) 1917–1922 гг. – принятие первых уголовных кодексов, содержащих понятие должностного лица; 2) 1922 – начало 60-х гг. – исследование понятия должностного лица в административно-правовой плоскости и принятие новых уголовных кодексов; 3) 60-е – конец 80-х гг. – поиск общеправового понятия должностного лица в правовой науке и формирование основных концептуальных основ правового регулирования отношений советской государственной службы [5, с. 16; 6, с. 11]. С учетом множества современных работ, по-прежнему дискутирующих вопросы унификации понятия «должностное лицо» в отраслевых актах законодательства, полагаем, что третий период целесообразно распространить до настоящего времени.

Наиболее длительным и ярким в исследуемом направлении является второй этап – с 1922 до начала 60-х гг. Его характерным признаком является утверждение двух противоположных подходов толкования по-

нятия «должностное лицо» – широкого и узкого, что коренным образом сказалось как на исследовании административно-правового статуса должностного лица, так и на особенностях его определения различными отраслевыми науками.

Впервые среди ученых-административистов понятие должностного лица сформулировал И.И. Евтихийев [7, с. 49–50]. В качестве основного признака автор назвал занятие должности в государственном учреждении и предприятии. Отрицательным моментом такой позиции можно назвать отождествление должностного лица с другими государственными служащими. При этом следует сказать, что впервые идея выработки и закрепления унифицированного понятия должностного лица была высказана в конце 40-х гг. Ц.А. Ямпольской [8, с. 134]. Но эта мысль в то время не нашла должного одобрения и поддержки в научной среде.

Вместе с тем следует констатировать, что на втором этапе так и не было сформулировано единой дефиниции «должностного лица», как и не определены особенности административно-правового статуса должностного лица.

Положительным моментом третьего этапа является проведение комплексного исследования вопросов советской государственной службы и появление первых монографических исследований в этом направлении. В частности, значительный вклад был сделан И.М. Пахомовым и В.М. Манохиным. Несмотря на то что понятие должностного лица определялось ими через призму государственно-служебных отношений, в качестве положительного момента выступает выделение указанными учеными характерных признаков должностных лиц как специальной группы государственных служащих.

В середине 70-х гг. Ю.А. Петров, исследуя данную проблему, обосновал целесообразность и возможность единого общего понятия должностного лица [9, с. 9]. Вполне логичной и обоснованной является позиция автора о том, что с целью всестороннего исследования проблемы понятия должностного лица необходимо выйти за пределы государственно-служебных отношений. Такая позиция была поддержана другими учеными [5, с. 48], но, вместе с тем, не нашла окончательного решения и должного правового закрепления. Таким образом, в правовой науке в исследованиях понятия «должностное лицо» продолжил существовать отраслевой подход, который сохранен до настоящего времени.

Важно отметить, что характерным признаком третьего этапа является выявление специфики в правовом регулировании отношений государственной службы, определение концептуальных основ государственной службы и обоснование целесообразности их законодательного закреп-

пления. Впервые идея принятия административного законодательства о государственной службе была высказана И.М. Пахомовым [10, с. 10]. Позже она нашла развитие в научных трудах В.М. Манохина [11, с. 153] и получила широкое одобрение учеными-административистами. При этом А.В. Петришин настаивает на необходимости единой методологии исследования вопросов государственной службы и особенностей статуса государственных служащих и должностных лиц [12, с. 33], что в целом представляется правильным.

Изучение вопросов выработки межотраслевого определения понятия «должностное лицо» в исторической ретроспективе позволяет сделать вывод, что впервые идея выработки и закрепления унифицированного понятия должностного лица была высказана в конце 40-х гг. Ц.А. Ямпольской, но эта мысль в то время не нашла должного одобрения и поддержки. Идея выработки межотраслевого подхода к определению указанного понятия была возрождена в 60-х гг. и с этого времени тенденциозно проявлялась в рамках различных научных исследований. При этом общим правилом в определении категории лиц, подпадающих под определение понятия «должностное лицо», выступало наличие связи лица с институтом государственной службы и отношением его к государственным организациям.

Отсутствие единого подхода в определении понятия затрудняет практику реализации законодательства и по-прежнему вызывает острые дискуссии в правовой науке. Полагаем, что это обстоятельство указывает на то, что в современных условиях в целях устранения пробелов и коллизий в правовом регулировании данного вопроса назрела необходимость выйти за пределы отраслевых исследований и выработать единое, межотраслевое определение понятия «должностное лицо», закрепив его либо в законодательстве о борьбе с коррупцией, либо в законодательстве о государственной службе в Республике Беларусь. На основе этого можно определить перспективы правового регулирования служебных отношений в целом.

Учитывая приведенные выше исторически сложившиеся особенности правового положения должностного лица, полагаем, что отправными юридическими моментами наделения лица статусом должностного должны служить возложение на него обязанности реализации юридически значимых действий, придающих лицу статус должностного, непосредственно порождающих, изменяющих или прекращающих правоотношения публично-правового характера; реализацию данных действий; наделение лица статусом государственного служащего; осуществление функций в области государственного управления. С учетом приведен-

ных позиций, полагаем, что целесообразно из общей категории лиц, определяемых понятием «должностное лицо», выделять категорию, обладающую вышеуказанными признаками, которую важно определить и закрепить как «должностное лицо государственного органа».

1. Усольцев, А.Т. Должностное лицо в советском государственном управлении / А.Т. Усольцев // Правоведение. – 1987. – № 2. – С. 13–19.
2. Дубенко, С.Д. Государственная служба и государственные служащие в Украине : учеб.-метод. пособие / С.Д. Дубенко. – Киев, 1999. – 242 с.
3. Павленко, Н.И. Петр Великий / Н.И. Павленко. – М., 1994. – 591 с.
4. Волжанин, Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений / Б.В. Волжанин // Государство и право. – 1991. – № 11. – С. 74–82.
5. Петухов, Г.Е. Понятие должностного лица в советском законодательстве и правовой науке / Г.Е. Петухов, А.С. Васильев // Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 40–48.
6. Горшенев, В.М. Природа статуса должностного лица / В.М. Горшенев, О.В. Петришин // Проблемы социалистической законности : респ. межвед. науч. сб. / отв. ред. В.Я. Таций. – Харьков, 1988. – Вып. 22. – С. 9–16.
7. Евтихийев, И.И. Административное право СССР / И.И. Евтихийев, В.А. Влазов. – М., 1946. – 302 с.
8. Ямпольская, Ц.А. О должностном лице в советском государственном аппарате / Ц.А. Ямпольская // Вопросы административного права. – М. ; Л., 1949. – С. 134–153.
9. Петров, Ю.А. Гражданин и должностное лицо в советском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ю.А. Петров. – Л., 1975. – 21 с.
10. Пахомов, И.М. Административно-правовые вопросы государственной службы в СССР / И.М. Пахомов. – Киев, 1971. – 128 с.
11. Манохин, В.М. Конституционные основы советского административного права / В.М. Манохин. – Саратов, 1983. – 217 с.
12. Петришин, А.В. Государственная служба как проблема теории государства и права / А.В. Петришин // Вестн. Акад. правовых наук Украины. – 2000. – № 1. – С. 21–34.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Круглый стол «Вопросы реализации норм Конституции и конституционного права» (16 марта 2017 г.)

УДК 342.7

О.А. Дементей, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Кодавлович*

СОВРЕМЕННЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время существует множество различных классификаций прав и свобод человека. В частности, профессор Д.И. Луковская указывает, что чаще всего в качестве критериев классификации (которых насчитывается более десяти) используются такие как уровень юридического оформления прав, сфера реализации прав, субъекты осуществления прав, исторические этапы утверждения прав [1, с. 2].

Однако, несмотря на различие критериев, данные классификации тесно взаимосвязаны между собой и во многом дополняют друг друга. Классификация прав и свобод человека по историческим этапам их утверждения является одной из самых распространенных.

Сущностью классификации прав и свобод человека по историческим этапам является объединение некоторых прав из всей совокупности в отдельные группы, исходя из временных рамок их возникновения, а также в связи с формированием представлений об их содержании. Эти группы принято называть «поколениями» прав, каждое из которых имеет свои особенности в плане условий становления, а также признания в обществе и законодательстве.

Традицию выделения прав человека по поколениям заложил ученый К. Васак, который, соответственно, выделял три поколения прав человека, при этом увязывая их с тремя лозунгами Французской революции 1789 г. – свободой, равенством и братством [2, с. 22].

Первое поколение прав человека включает в себя провозглашенные ранними буржуазными революциями гражданские (личные) и поли-

тические права. Данные права носят абсолютный характер и выражаются независимостью личности в определенных действиях от власти государства, обозначающими пределы его невмешательства в область природно-суверенного самовыражения личности [3, с. 10].

К этому поколению прав относят, прежде всего, «право на жизнь и достоинство личности; право на свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни, жилища; свободу передвижения и выбора места жительства; свободу выбора национальности и языка общения; свободу совести и др.» [1, с. 2].

Второе поколение прав человека представляет собой совокупность социально-экономических и культурных прав. Данные права обеспечивают свободу человеческой деятельности в сфере производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг (право на труд, на собственность, на благоприятные условия труда, на предпринимательскую деятельность и другие); призваны обеспечивать свободу человека, поддерживая такой уровень его жизни, который необходим для достойного человеческого существования (право на социальное обеспечение, на защиту от безработицы, на достижимый уровень физического и психического здоровья, право на жилище и другие); призваны гарантировать доступ человека к благам культуры, свободу творчества, возможность усвоения, использования и развития достижений человечества в материальной и духовной сферах (право на образование, на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни, на свободу творчества и другие) [1, с. 2].

Третье поколение прав человека именуется также «поколением прав солидарности» или «поколением коллективных прав». Субъектами этих прав являются определенные естественно сложившиеся социальные общности (нации, народы, национальные меньшинства, местные территориальные сообщества), условные социальные группы (женщины, дети, молодежь, престарелые, инвалиды, беженцы и другие), ассоциации (общественные, религиозные и иные), а также все человечество в целом [4, с. 47].

Помимо первых трех поколений прав человека вследствие научно-технического прогресса в конце XX в. и необходимости регулирования возникающих общественных отношений как результатов научной деятельности назревает потребность выделения также четвертого и пятого поколений прав человека.

К четвертому поколению прав человека, которое начало формироваться в 90-х гг. XX в., ученый Я.А. Бороздина в своей работе «Клас-

сификация прав и свобод человека» относит следующие права: «право на защиту человека от угроз, связанных с экспериментами в сфере генетики человека, открытиями в области биологии; информационные права и технологии; и права человечества (право на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические и др.)». Также Я.А. Бороздина указывает на то, что в дальнейшем «правовая регламентация четвертого поколения прав – информационных прав – позволит разрешить такие дилеммы, как информационная свобода или свобода информации, информационная безопасность или безопасность информации, и др.» [3, с. 11].

Тем не менее теория формирования четвертого поколения прав является довольно сложным и дискуссионным вопросом. В частности, Д.И. Луковская не видит необходимости выделения этого поколения прав ввиду их фигурирования в числе прав третьего поколения в качестве новейшего этапа развития права на коммуникацию [1, с. 2].

Как отмечалось выше, в науке выделяется также и пятое поколение прав человека. К данной группе прав относят соматические права. Эти права человека выделились в обособленную группу из личных прав в результате научно-технического прогресса, в том числе благодаря достижениям медицины, общественной психологии и т. д.

Одним из новаторов введения понятия «соматические права» является российский ученый В.И. Крусс, который определяет эти права как «... группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами». По той причине, что указанные права имеют сугубо личностный характер, ученый определил их как соматические (от греч. слова soma – тело) [5, с. 43].

Также, по мнению В.И. Крусса, к соматическим правам следует отнести: право на смерть; право на изменение пола; право на гомосексуальные контакты; право на трансплантацию органов; право на употребление наркотических средств или психотропных веществ; право на искусственное репродуктивное; право на стерилизацию; право на аборт; право на клонирование. В дополнение к этому перечню ученый М.А. Лаврик относит также сексуальные права (возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, самостоятельно решать вопрос о добровольных сексуальных контактах, вступлении в

брак, выборе партнера и др.), в том числе право на занятие проституцией [6, с. 22].

Соматические права являются предметом оживленных дискуссий многих ученых. Причем помимо «сторонников» и «оппонентов» некоторыми учеными высказывается ряд двойственных либо вообще неопределенных точек зрения. Возникают определенные проблемы, связанные с духовно-моральным восприятием данных прав обществом. Однако ученый А.А. Абашидзе указывает, что «появление каждого нового поколения прав человека обусловлено определенными коренными изменениями в обществе, сменой мировоззренческих установок» [7, с. 69].

Концепция соматических прав на сегодня является не до конца разработанной и, по нашему мнению, учитывая объективные тенденции научно-технического прогресса, нуждается в своей регламентации. Многие спорные моменты, касающиеся соматических прав, могут быть разрешены путем совершенствования их правового регулирования, которое, в свою очередь, должно отвечать не только современным потребностям и бытующей морали общества, но и некоторым прогностическим реалиям, которые могут наступить в ближайшем будущем.

1. Луковская, Д.И. Классификация прав и свобод человека и гражданина / Д.И. Луковская // История государства и права. – 2007. – № 15. – С. 2–4.

2. Киричк, Е.В. Сущностная характеристика «поколений прав человека» в конституционно-правовой науке / Е.В. Киричк // История государства и права. – 2013. – № 10. – С. 21–24.

3. Бороздина, Я.А. Классификация прав и свобод человека / Я.А. Бороздина // Международный. публ. и частное право. – 2007. – № 6. – С. 10–12.

4. Варламова, Н.В. Третье поколение прав человека как форма юридикации отношений между социальными общностями / Н.В. Варламова // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 46–48.

5. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

6. Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека / М.А. Лаврик // Сиб. юрид. вестн. – 2005. – № 3. – С. 16–26.

7. Абашидзе, А.А. Новое поколение прав человека: соматические права / А.А. Абашидзе, А.М. Солнцев // Моск. журн. междунар. права. – 2009. – № 1. – С. 69–82.

М.В. Ковальчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

К.Д. Сазон

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В настоящее время миграционные процессы в странах Европейского союза формируются под влиянием многих факторов: социально-политическая ситуация в регионе, экономическая конъюнктура, особенности демографического развития отдельных стран, потребности обеспечения общественной безопасности и др. Принимая во внимание, что в миграционных потоках преобладает вынужденная миграция, представляется актуальным исследование конституционных основ предоставления убежища в странах ЕС с целью установления особенностей закрепления данного правового института.

В ст. 16а Основного Закона ФРГ 1949 г. предусматривается, что лица, преследуемые по политическим мотивам, пользуются правом убежища. Это положение заложено в основу внутрисударственного конституционного законодательства Германии об убежище. Оно исходит из того, что жертвой политического преследования считается лицо, которое по возвращении в страну своего постоянного места жительства может подвергнуться преследованию по политическим мотивам, сопровождаемому физическим насилием или ограничением индивидуальной свободы. Поправки, внесенные в Основной Закон ФРГ (п. 2 и 3 ст. 16а), вводят понятия «безопасная третья страна», «безопасная страна происхождения».

В Великобритании основные акты, закрепляющие порядок и процедуры предоставления политического убежища, имеют положение статутов, т. е. актов, принятых в установленном порядке парламентом. К таковым можно отнести: Закон об убежище и иммиграции 1999 г.; Закон об обжаловании решений о предоставлении убежища и иммиграции 1993 г. и 1996 г.; Закон о гражданстве Великобритании 2002 г.; Иммиграционные правила, утвержденные статутом 1994 г. Следует отметить, что официально в законодательной базе Великобритании не узаконены иммиграционные квоты. По отдельным случаям принимаются специальные правительственные решения.

Во Франции законодательный массив актов, упорядочивающих и регламентирующих вопросы предоставления убежища, представлен следующими актами: Указ № 45-2658 от 2 ноября 1945 г., касающийся условий въезда и пребывания иностранцев во Франции; дополнения к Указу согласно Декрету № 91-И-64 от 12 ноября 1991 г., касающиеся применения ст. 35 бис; изменения к Указу согласно Закону № 92-190 от 26 февраля 1992 г. (касающиеся выполнения Шенгенского соглашения, ратифицированного 30 июля 1991 г.); изменения к Указу согласно Закону № 92-625 от 6 июля 1992 г., касающиеся зон ожидания в морских портах и аэропортах; Закон № 52-Б93 от 25 июля 1952 г. об образовании Французского Управления по защите беженцев и лиц без гражданства (ФУЗБ); Декрет № 53-377 от 2 мая 1953 г., касающийся ФУЗБ, дополненный Декретом № 92-732 от 30 июля 1992 г. Как видно, основной нормативно-правовой массив документов, регламентирующих вопросы предоставления убежища во Франции, составляют подзаконные акты. Законом регламентируется только организация и деятельность центрального иммиграционного ведомства страны.

Конституции всех западноевропейских государств в той или иной форме закрепляют право человека искать убежище в этих странах и право государства на его предоставление. Однако стоит отметить, что законодательство западноевропейских стран по вопросам предоставления убежища и признания беженцем регулирует только общие принципы данных процедур. Процедуры, связанные с приемом, размещением беженцев, рассмотрением их ходатайств и др., находят отражение, как правило, в подзаконных актах [1, с. 21–23].

Вместе с тем существуют некоторые отличия в конституционном регулировании предоставления убежища. Анализ конституционных положений позволяет нам говорить о различии подходов в определении места правовых норм об убежище в системе норм Основного Закона. В большинстве конституций рассматриваемых государств нормы, касающиеся убежища, определения категорий лиц и оснований, по которым оно может быть предоставлено, располагаются в главах и разделах, посвященных правам, свободам и обязанностям человека и гражданина. Например, ст. 13 Конституции Королевства Испании, где говорится о предоставлении убежища, располагается в первом разделе «Об основных правах и обязанностях». В Конституции Республики Польша ст. 56, которая закрепляет за иностранцами право убежища, содержится в разделе II «Свободы, права и обязанности человека и гражданина». Аналогичным образом законодатель располагает нормы, касающиеся предо-

ставления убежища в Основных Законах Венгрии и Болгарии. Так, ст. 13 Конституции Венгрии находится во второй главе «Свобода и ответственность», а ст. 27 Конституции Болгарии во второй главе «Основные права и обязанности граждан». Данные примеры свидетельствуют о том, что возможность предоставления лицу права получить и пользоваться убежищем в стране, рассматриваются как элементы его правового статуса, наряду с правами, свободами и обязанностями.

Совсем иная позиция наблюдается при анализе конституционных положений Основных Законов Франции и Италии. Статья 53-1 Конституции Франции располагается в разделе VI «О международных договорах и соглашениях». Следовательно, можно сделать вывод, что размещение конституционных норм, регулирующих отношения в сфере предоставления убежища, в разделе, посвященном международным договорам и соглашениям, подчеркивает признание со стороны государства международного характера исследуемого правового явления.

В Конституции Италии нормы, закрепляющие возможность государства предоставлять убежище располагаются в разделе I «Основные принципы». Таким образом, отнесение конституционных норм, регулирующих отношения в сфере предоставления убежища к нормам-принципам, призвано отметить их особый характер и правовую охрану, а также подчеркнуть первоочередную роль государства в регулировании данных правовых отношений.

По-разному закрепляется право политического убежища в конституциях государств и с точки зрения степени особенностей раскрытия его содержания. Одни государства лишь декларируют в конституциях саму возможность предоставления политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства (в ч. 1 ст. 56 Конституции Польши отмечается, что «Иностранцы могут пользоваться в Республике Польша правом убежища...»), другие подчеркивают его международно-правовой характер (согласно ч. 2 ст. 18 Конституции Румынии «Право убежища предоставляется и отменяется согласно условиям, установленным законом, при соблюдении международных договоров и конвенций...»), третьи указывают на основания предоставления политического убежища и право невыдачи лиц, его получивших (ч. 2 ст. 33 Конституции Хорватии говорит о том, что «Иностранец, который на законных основаниях находится на территории Республики Хорватия, не может быть выслан из страны или выдан другому государству...»). Однако стоит отметить, что наиболее полную регламентацию право политического убежища получило в Конституции Федеративной Республики Германии (ст. 16а), где

подробно раскрываются не только условия предоставления политического убежища, но и отказа в нем, а также основания его прекращения.

Подводя итог, можно сказать, что в соответствии с принятыми на себя международными обязательствами, большинство государств ЕС закрепили суверенное право государства предоставлять убежище лицам, его ищущим. При этом в качестве оснований предоставления убежища лицу, как правило, выступает преследование за политические, религиозные убеждения, национальную принадлежность, а в некоторых случаях по причине нарушения прав человека.

На основе анализа конституционного законодательства стран Западной Европы по вопросам предоставления убежища под «безопасной страной происхождения» предлагается понимать государство, гражданином которого является лицо, подавшее ходатайство о предоставлении убежища. Если в данном государстве ранее не отмечались факты преследования по политическим и иным мотивам, не связанным с нарушением уголовного закона, и если лицо не в состоянии привести достаточные доказательства данным фактам, то лицу при таких обстоятельствах всегда отказывается в убежище. Под «безопасной третьей страной» в законодательстве стран Западной Европы понимается государство, откуда прибыло лицо, подавшее заявление о предоставлении убежища, независимо от того, гражданином какого государства оно является. Если в данном государстве у него не было причин опасаться за свою жизнь, но при этом просьба о политическом убежище не подавалась. Под «страной первого убежища» в законодательстве стран Западной Европы понимается государство, которое ранее предоставило лицу статус беженца, но данное лицо желает предоставления аналогичного статуса в другом государстве [1, с. 10].

Закрепление государствами-участниками Европейского союза на конституционном уровне правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере предоставления убежища, установило действительную возможность лица в случае необходимости искать и просить убежища в представленных государствах. На наш взгляд, это является одной из гарантий личной безопасности лица, ищущего убежище, и свидетельством приверженности стран Евросоюза идеалам правового государства.

1. Зливко, А.П. Конституционно-правовое регулирование предоставления убежища в странах Западной Европы (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.П. Зливко. – Волгоград, 2004. – 32 с.

С.В. Синявский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

К.Д. Сазон

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гражданство в юридической науке понимается в триединстве его смысловых значений: как политико-правовое явление, определяющее особый характер взаимоотношений человека и политико-социального образования – государства; как одно из основных субъективных прав человека (каждый человек имеет право на гражданство), т. е. предусмотренная законом возможность лица находиться в обозначенных выше взаимоотношениях с государством или прекратить их; и как конституционно-правовой институт [1, с. 26].

В институте гражданства представлены нормы национального и международного права. Сердцевину его составляют нормы Конституции Республики Беларусь [2] и Закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» [3] (далее – Закон), а также общепризнанные принципы международного права и международные договоры Республики Беларусь, регулирующие отношения гражданства. Сущность института гражданства проявляется в его принципах.

Исследование принципов гражданства может вестись по двум направлениям: выявления общих политико-правовых принципов, которые «пронижают все составные части права и служат отправными моментами в регулировании общественных связей и отношений» [4, с. 17], и особенных, специфических, свойственных только данному правовому институту, значение которых особенно велико в процессе их практического применения.

Общие (конституционные) принципы, по мнению О.И. Чуприс, включают в себя народовластие, подлинный суверенитет, равноправие, гуманизм, защиту и гарантии прав человека, незыблемость свободы личности, единство прав, свобод и обязанностей, сочетание интересов личности и государства, законность и другие [5, с. 55]. Они являются опорными для других специфических принципов, характеризуют само явление гражданственности и ориентируют на необходимость существования как гражданства отдельного человека, так и гражданства в целом суверенного государства.

Специальные принципы института гражданства нашли закрепление в Законе. В частности, ст. 3 Закона закрепляет следующие принципы гражданства Республики Беларусь: каждый имеет право на гражданство; гражданство Республики Беларусь является равным для всех граждан Республики Беларусь независимо от оснований его приобретения; гражданство Республики Беларусь не может быть предоставлено против воли лица; никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство; Республика Беларусь стремится к избежанию случаев безгражданства [3].

Принцип признания за каждым человеком права на гражданство закреплен в конституциях и законах о гражданстве многих государств. Следует согласиться с О.И. Чуприс в том, что этот принцип следует рассматривать как совокупность трех взаимосвязанных характеристик: признание гражданства как естественного состояния индивида, невозможности произвольного лишения гражданства или права его изменения и принятия государствами мер к сокращению случаев без гражданства [5, с. 55].

Гражданство Республики Беларусь является равным для всех граждан Республики Беларусь независимо от оснований его приобретения. Данный принцип означает, что в унитарном или федеративном государстве гражданство человека свидетельствует о его принадлежности к государству, обладании равным объемом прав, свобод и обязанностей независимо от оснований его приобретения. Конституция и действующее законодательство, за некоторыми изъятиями, не устанавливает каких-либо особенностей правового статуса лиц в зависимости от того, как они приобрели гражданство: по рождению, в порядке приема, в порядке регистрации и т. д. Практика свидетельствует о том, что для некоторых случаев Конституцией могут быть сделаны исключения. Например, для избрания Президентом Республики Беларусь надо не только проживать на территории Республики Беларусь не менее десяти лет непосредственно перед выборами, но и быть гражданином Республики Беларусь по рождению (ст. 80 Конституции Республики Беларусь).

Гражданство имеет свободный характер. Конституция Республики Беларусь (ст. 10) предусматривает, что никто не может быть лишен права изменить гражданство. В основе данного принципа лежит субъективное право лица на гражданство, выступающее в качестве предпосылки для свободной реализации каждым человеком своего естественного желания иметь гражданство и в силу этого пользоваться защитой со стороны государства. Принцип недопустимости лишения гражданина гражданства и права его, по мнению Н.М. Добрынина, выражает, с одной стороны, устойчивость и стабильность правовой связи индивида и го-

сударства, с другой – свободу его самоопределения в вопросах гражданства [6, с. 514–515]. В связи с этим государством устанавливаются такие правовые нормы в области свободного приобретения или утраты гражданства, которые в целом отвечают международным требованиям и зарубежной практике. Законом также предусмотрено, что гражданство не может быть предоставлено против воли лица.

Республика Беларусь стремится к избежанию случаев безгражданства. Принятие государствами мер к сокращению случаев без гражданства рассматривается в нескольких правовых аспектах: государствами должно поощряться приобретение гражданства лицами без гражданства; не должна допускаться дискриминация при приеме в гражданство; дети, рожденные на территории одного из данных государств, не должны становиться лицами без гражданства.

Обращение к Конституции Республики Беларусь и Закону позволяет к числу принципов гражданства относить правовую норму, закрепляющую, что государство гарантирует гражданам Республики Беларусь защиту и покровительство как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами (части 1 ст. 10 Конституции и ст. 4 Закона). Существо этого принципа, по мнению С.А. Акимовой, заключается в установлении обязательства государства оказывать всемерную защиту своим гражданам, находящимся за пределами его территории, покровительствовать им, поскольку данный принцип связан с суверенитетом государства и наличием взаимных обязанностей между государством и гражданином [7, с. 55]. Принцип предполагает, что в случае если в государстве пребывания граждан Республики Беларусь отсутствуют дипломатические представительства и консульские учреждения Республики Беларусь, защита прав и законных интересов граждан Республики Беларусь может осуществляться соответствующими органами других государств в соответствии с международными договорами Республики Беларусь.

Гражданин Республики Беларусь не может быть выдан иностранному государству, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь (части 3 ст. 10 Конституции, ст. 5 Закона). Данный принцип защищает граждан от уголовного преследования по законодательству другого государства. Выдача (экстрадиция) лица одним государством в другое производится по просьбе заинтересованного государства в связи с необходимостью проведения следствия в отношении данного лица, суда над ним или исполнением приговора. Выдача осуществляется на основании международного договора либо по усмотрению государства, к которому обращена просьба о выдаче. Тем не ме-

нее отказ выдавать гражданина не означает, что он будет освобожден от ответственности за совершение в иностранном государстве преступления, предусмотренного белорусским законодательством.

Сохранение гражданства Республики Беларусь: проживание гражданина Республики Беларусь на территории иностранного государства само по себе не ведет к утрате гражданства Республики Беларусь (ст. 6 Закона). Данный принцип вытекает из естественного права физического лица свободно выбирать место жительства, пересекать границу своей страны и беспрепятственно возвращаться, что закреплено в Конституции (ст. 30). Данный подход означает, что обладание гражданством не обязывает проживать в государстве, но при этом он может выйти из гражданства, не выезжая за его пределы. Принцип обусловлен правом гражданина свободно выезжать за пределы Республики Беларусь и беспрепятственно возвращаться обратно.

Непризнание за гражданином Республики Беларусь принадлежности к гражданству иностранного государства (ст. 11). За лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Граждане Республики Беларусь, имеющие также иное гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Республики Беларусь.

Таким образом, гражданство базируется на множестве принципов. Многие из них являются весьма сложными и интегративными по содержанию, состоящими из нескольких взаимосвязанных характеристик. Наличие единой совокупности принципов гражданства, образующих широкую многоступенчатую систему, свидетельствует о сложности и многогранности этого всеобъемлющего института, характеризует его сущность, различные стороны и проявления на современном этапе развития.

1. Бердникова, К.Л. Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти / К.Л. Бердникова // *Соврем. право.* – 2012. – № 2. – С. 26–30.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

3. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Полянский, В.В. Советское гражданство (политико-правовые проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Полянский. – М., 1979. – 24 с.

5. Чуприс, О.И. Принципы гражданства в государствах СНГ / О.И. Чуприс // Суд. весн. – 1998. – № 2. – С. 55–56.

6. Добрынин, Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства : учебник : в 2 т. / Н.М. Добрынин. – Новосибирск : Наука, 2015. – Т. 1. – 966 с.

7. Акимова, С.А. Особенности конституционного закрепления принципов регулирования отношений, связанных с гражданством / С.А. Акимова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2013. – № 6. – С. 53–55.

Научно-практическая конференция
«Совершенствование уголовного-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(27 апреля 2017 г.)

УДК 343.1

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Н.А. Борисенко*

МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ДРУГИХ ЛИЦ:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СОДЕРЖАНИЕ

Современные тенденции развития общества в отдельной мере влияют и на разнообразие форм преступности. Все чаще проявляют себя такие формы преступности, как торговля людьми, компьютерная преступность, трансплантация органов и тканей и т. д. Очень часто за этими преступлениями стоят организованные преступные группы и организации. В связи с этим актуальным становится вопрос не только собирания, но и сохранности доказательств. Наиболее уязвимыми остаются свидетельские показания. Воздействие преступного мира на свидетелей – явление нередкое. Истории известны массовые устранения свидетелей, например, в США в период борьбы с организованными преступными синдикатами, так называемой сицилийской «мафией».

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь гарантирует соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса и других лиц, поэтому обеспечению безопасности последних посвящена отдельная гл. 8 в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) [1], предусматривающая основания и порядок применения мер безопасности. К последним относятся меры процессуального и непроцессуального характера, применяемые органом, ведущим уголовный процесс по защите участников уголовного процесса, членов их семей и близких при наличии реальной угрозы осуществления противоправных действий в отношении их в связи с участием в процессе [2, с. 231].

Правовую основу применения мер безопасности составляют нормы УПК и Закона Республики Беларусь «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» от 13 декабря 1999 г. № 340-З [3]. Согласно ст. 66 УПК существуют процессуальные и иные меры безопасности [1]. К процессуальным мерам безопасности относятся неразглашение сведений о личности, освобождение от явки в судебное заседание, закрытое судебное заседание.

Неразглашение сведений о личности состоит в изменении фамилии, имени, отчества, других анкетных данных, а также сведений о месте жительства и работы (учебы) в заявлениях и сообщениях о преступлениях, материалах проверок, протоколах следственных и судебных действий, а также других документах органов, ведущих уголовный процесс, путем замены этих данных иными.

В целях неразглашения сведений о личности подлинные данные, образец подписи, который будет использоваться в документах защищаемого лица, и постановление о применении данной меры безопасности незамедлительно направляются органом предварительного расследования прокурору, который хранит их по правилам секретного делопроизводства [2, с. 236].

Допрос в судебном заседании может осуществляться вне визуальной видимости других лиц, в том числе находящихся в зале судебного заседания. Могут применяться также меры, обеспечивающие неузнаваемость защищаемого лица, в том числе и в ходе предварительного расследования.

Освобождение от явки в судебное заседание потерпевшего, гражданского истца, их представителей, свидетеля, эксперта, когда этого требуют интересы обеспечения их безопасности или безопасности членов их семей, близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими, а также имущества, если другими мерами обеспе-

чить безопасность не представляется возможным. В этом случае их показания, данные на предварительном расследовании, воспроизводятся с соблюдением мер, обеспечивающих их неузнаваемость. Причем допрос защищаемого лица может быть произведен при нахождении его вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств, обеспечивающих его неузнаваемость [2, с. 237].

Закрытое судебное заседание допускается лишь в интересах обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, а также по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, и в случае когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими [2, с. 238].

Процессуальными указанные меры являются потому что они принимаются органом, ведущим уголовный процесс, и им же выполняются.

К иным мерам безопасности относятся:

1) использование технических средств контроля;
2) прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров. Эти меры безопасности применяются лишь при наличии явной угрозы жизни, здоровью, имуществу защищаемого лица по его заявлению или с его письменного согласия в соответствии со ст. 214 УПК;

3) личная охрана, охрана жилища и имущества защищаемого лица. Осуществляется ОВД и государственной безопасности. Основанием для осуществления охраны этими органами является постановление (определение) органа, ведущего уголовный процесс;

4) изменение паспортных данных и замена документов. Осуществляются только с согласия защищаемого лица. Для этого орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление (определение). Эти меры осуществляют паспортные аппараты ОВД;

5) запрет на выдачу сведений и их разглашение возлагается на органы, ведущие уголовный процесс, и должностных лиц, обеспечивающих применение этих мер безопасности. Они сами не вправе разглашать сведения о личности защищаемого лица. Кроме того, названные органы, ведущие уголовный процесс, и должностные лица обязаны принять меры, чтобы из информационно-справочных фондов правоохранитель-

ных органов, а также учреждений, организаций и объединений не выдавались сведения о защищаемых лицах. С этой целью они направляют в указанные органы соответствующие постановления, которые являются обязательными для исполнения.

Решение о применении иных мер безопасности принимает орган, ведущий уголовный процесс, а выполняет решение специально уполномоченный государственный орган.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и их близких и сохранности их имущества органами, обеспечивающими безопасность, с учетом конкретных обстоятельств могут применяться следующие меры безопасности: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности (оружие может быть выдано только защищаемому лицу, т. е. судье и должностному лицу, ведущему досудебное производство); обеспечение конфиденциальности сведений; временное помещение в безопасное место; перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; переселение на другое место жительства; изменение данных документа, удостоверяющего личность, и замена документов; изменение внешности [3].

Таким образом, перечень применяемых органом, ведущим уголовный процесс, мер по обеспечению безопасности внутренителен. Вместе с тем в процессуальном механизме их применения существует ряд проблемных вопросов, в частности, в основаниях их применения. В ст. 65 УПК предусмотрено, что меры по обеспечению безопасности могут применяться лишь при наличии реальной угрозы осуществления противоправных действий в отношении участников уголовного процесса, членов их семей и близких, при этом законодатель оставил без внимания вероятную угрозу. Отсутствие вероятной угрозы в основаниях применения мер безопасности не способствует полной защите участников уголовного процесса. На наш взгляд, данный пробел необходимо устранить путем внесения изменений и дополнений в ст. 65 УПК.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.

3. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 340-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.1

И.И. Лецинский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Н.А. Борисенко*

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ВОЗБУЖДЕННЫМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь человек и его права провозглашаются высшей ценностью. Реализация этой обязанности осуществляется с помощью различных средств, в том числе и уголовно-процессуальных. Для обеспечения законности при осуществлении задач уголовного процесса в УПК Республики Беларусь закреплено единство процессуального порядка, однако в отношении несовершеннолетних участников уголовного процесса предусмотрены особые правила производства по материалам и уголовным делам. В силу того что подросток – это только формирующаяся, эмоционально неустойчивая личность, постепенно адаптирующаяся ко взрослой жизни в обществе, а также из-за возрастных, социально-психологических особенностей ему необходимы дополнительные права и гарантии.

Для обеспечения дополнительных прав в ряде государств бывших советских республик в уголовно-процессуальном законе предусмотрены отдельные главы по производству по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних: в России (гл. 50), в Украине (гл. 38). В Беларуси до последнего времени нормы, регулирующие производство по делам несовершеннолетних, были расположены в УПК применительно к отдельным статьям и институтам. И лишь в новом УПК появилась особая гл. 45, озаглавленная «Производство по уголовным делам о преступле-

ниях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет». Следует отметить, что данные главы в УПК соседних стран имеют много схожего с белорусским законодательством. Однако есть некоторые отличия, которые представляют большой интерес для отечественной науки с точки зрения сравнительно-правового анализа.

По общему правилу порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних определен соответствующим кодексом с учетом особенностей, предусмотренных в соответствующих главах, указанных выше. Необходимо сказать, что в ст. 422 УПК Российской Федерации, ст. 494 УПК Украины и ст. 431 УПК Республики Беларусь указывается на необходимость выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство при условии, что такое выделение не создаст препятствий для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Следует обратить внимание, что в производстве по материалам и уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, предмет доказывания является специальным.

Так, в УПК Республики Беларусь наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 89, подлежат доказыванию:

- 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- 2) условия жизни и воспитания;
- 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития;
- 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников.

В УПК Российской Федерации доказыванию подлежат:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

В УПК Украины:

1) полные и всесторонние сведения о личности несовершеннолетнего: его возраст (число, месяц, год рождения), состояние здоровья и уровень развития, другие социально-психологические черты личности, которые необходимо учитывать при индивидуализации ответственности или избрании мероприятия воспитательного характера. При наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с психической болезнью, должно быть также выяснено, мог ли он полностью осознавать значение своих действий и в какой мере мог руководить ими;

- 2) отношение несовершеннолетнего к совершаемому им деянию;
- 3) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего;

4) наличие взрослых подстрекателей и других соучастников уголовного правонарушения.

Таким образом, мы видим, что перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, фактически одинаков за некоторыми исключениями. Из содержания данных статей вытекает, что Уголовно-процессуальный кодекс придает важное значение доказыванию точного возраста несовершеннолетнего. Возраст несовершеннолетнего исчисляется с точностью до года, месяца и дня. С учетом требований, содержащихся в УПК Республики Беларусь, лицо должно считаться достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т. е. с нуля часов следующих суток. При отсутствии соответствующих документов, подтверждающих возраст, назначается судебная медицинская экспертиза. При установлении судебной медицинской экспертизой возраста подсудимого днем его рождения считается последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным числом лет суду следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица.

К общим для данных глав обстоятельствам, подлежащим установлению, также относятся условия жизни и воспитания. Выяснение условий, в которых формируется личность несовершеннолетнего, нередко помогает вскрыть непосредственные причины, которые привели подростка к преступлению, позволяет сделать правильный вывод о том, является ли преступление случайным эпизодом или обусловлено глубокими причинами. Однако необходимо обратить внимание на то, что в Уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь, Российской Федерации не указано, какие именно обстоятельства необходимо выяснить, в то время как в УПК Украины существует отдельная статья, регламентирующая порядок действий и подлежащие выяснению обстоятельства.

Так, в соответствии со ст. 487 УПК Украины в ходе досудебного расследования органу, ведущему уголовный процесс, необходимо выяснить состав семьи несовершеннолетнего, обстановку в ней, взаимоотношения между взрослыми членами семьи, взрослыми и детьми, отношение родителей к воспитанию несовершеннолетнего, формы контроля за его поведением, морально-бытовые условия семьи. А также обстановку в школе или другом учебном заведении или на производстве, где учится или работает несовершеннолетний, его отношение к учебе или работе, взаимоотношения с воспитателями, учителями, сверстниками, характер и эффективность воспитательных мероприятий, которые ранее при-

менялись к нему. Связи и поведение несовершеннолетнего вне дома, в учебном заведении и на работе. Можно сказать, что такая подробная регламентация сведений и обстоятельств, которые необходимо выяснить в ходе производства по уголовному делу, в значительной мере могла бы структурировать работу следователя, а также избежать возможных пробелов. На наш взгляд, существует необходимость введения подобной нормы и в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

При выяснении степени интеллектуального, волевого и психического развития несовершеннолетнего Уголовно-процессуальный закон обязывает следователя выявлять данные, свидетельствующие об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а также устанавливать, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Это необходимо, так как такое отставание связано не с болезненным состоянием психики и нарушением отражательной деятельности мозга, а только с задержкой умственного развития несовершеннолетнего (его познавательной, мыслительной деятельности, эмоционально-волевой сферы).

В целях выяснения способности несовершеннолетнего полностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в зависимости от обстоятельств дела следует назначить психолого-психиатрическую экспертизу. Однако необходимо учитывать, что проведение данной экспертизы чаще всего занимает достаточно длительный промежуток времени, что влечет за собой увеличение срока расследования, поэтому назначить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу целесообразно сразу, как только появился несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый.

Отношение несовершеннолетнего к совершенному им деянию является предметом доказывания в УПК Украины, в отличие от УПК России и Беларуси, где такое обстоятельство доказыванию не предусмотрено. Во время досудебного расследования и судебного разбирательства должны быть собраны данные об общем поведении несовершеннолетнего как до, так и во время и после совершения уголовного преступления.

Закон требует, чтобы во время досудебного расследования и судебного разбирательства обязательно выяснялся вопрос об отношении несовершеннолетнего к совершенному им деянию (п. 2 ст. 485 УПК). Это является важным аспектом при индивидуализации уголовной ответственности, назначении справедливого наказания или избрании вида принудительной меры воспитательного характера. Это может быть учтено судом при решении вопроса об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, в частности, в связи с деятельным раскаянием.

Информация о личности несовершеннолетнего преступника поступает к следователю и в процессе производства следственных действий, к которым в первую очередь относится допрос. Допрос является самым распространенным следственным действием, без которого не обходится расследование ни одного преступления. Учитывая значимость данного следственного действия, законодатель дополнительно устанавливает специальные правила.

В УПК Республики Беларусь, России и Украины одной из основных особенностей допроса несовершеннолетнего является его сокращенная продолжительность по сравнению с допросом совершеннолетних. В УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 215) и России (ч. 2, 3 ст. 187) допрос не может длиться непрерывно более четырех часов. Продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность допроса не должна превышать восьми часов. В УПК Украины в соответствии с ч. 2 ст. 224 допрос не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в целом – свыше восьми часов.

Однако в силу того что несовершеннолетний склонен гораздо быстрее утомляться, чем взрослый, а усталость может оказаться одним из источников ложных показаний [1, с. 179]. Следует обратить внимание, что применение общих правил по продолжительности допроса в отношении несовершеннолетних недопустимо, так как в силу стрессового состояния или безразличия к происходящему может привести к самоговору или замкнутости несовершеннолетнего, что недопустимо при проведении объективного расследования. Вероятно, именно из-за этих соображений продолжительность допроса несовершеннолетних была ограничена. Так, продолжительность допроса несовершеннолетних в России и Беларуси не может превышать без перерыва два часа, а в общей сложности четыре часа в день. Однако, исходя из мнения ученых, существует необходимость в дополнительном сокращении продолжительности допроса, так как психологи и юристы считают, что с учетом фактора быстрой утомляемости подростков, их допросы не должны длиться более одного часа [2, с. 349]. Именно такое правило действует по законодательству Украины. Так, согласно ч. 2 ст. 226 УПК Украины допрос малолетнего или несовершеннолетнего не может продолжаться без перерыва более одного часа, а в целом – более двух часов в день.

1. Васильев, А.Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. – М., 1970. – 288 с.

2. Еникеев, М.И. Общая и юридическая психология : в 2 ч. / М.И. Еникеев. – М., 1996. – Ч. 2. – 581 с.

УДК 343.9

А.В. Фурманов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Н.А. Борисенко*

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Судебная медицинская экспертиза является одной из самых распространенных экспертиз, назначаемых и проводимых при производстве по уголовным делам. Кроме того, универсальность и необходимость данной экспертизы обосновывает сам законодатель, который предусмотрел ее назначение и проведение на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 226 УПК Республики Беларусь до возбуждения уголовного дела допускается назначение судебной медицинской экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений [1].

На современном этапе развития уголовного процесса проведение судебных медицинских экспертиз обеспечивается новейшими технологиями и методиками их проведения, что позволяет обеспечить процесс доказывания по материалам и уголовным делам в необходимом объеме. Вместе с тем до своего нынешнего состояния судебная медицинская экспертиза прошла долгий путь. Истоки ее зарождения относятся к XVI в.

Сохранившиеся исторические документы свидетельствуют, что уже в начале XVI в. имели место случаи назначения и проведения судебной медицинской экспертизы. Так, в 1535 г. по поручению правительницы Елены врач Феофил произвел медицинское обследование удельного князя Андрея Старицкого по поводу подозрения его в «притворной» болезни. Осмотрев князя, Феофил письменно донес правительнице Елене информацию о том, что «у Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели» [2, с. 32].

Случаи проведения судебных медицинских экспертиз в XVI в. были явлениями единичными, однако, начиная с середины XVII в., подобные экспертизы обретают системность и целенаправленность. Предметом исследования стали не только болезни, но и определение характера и степени телесных повреждений [3, с. 5].

Одна из первых судебных медицинских экспертиз с судебной целью состоялась в 1649 г. «Лекарь Елизарий Лорант обратился к бояри-

ну Морозову с устной челобитной на замочного мастера Вилима Гамса. По словам Лоранта, он встретил Гамса на Покровке и тот «учалево, Елизаря, лаять матерны и всякою неподобною лаею и бил ево палкою неведомо за что». В связи с полученными побоями Лорант просил его осмотреть «и про то сыскать». Просьбу уважили. Заключение экспертов было немногословным: «А по осмотру бит по спине, на правом боку вспухло и синево знать» [3, с. 7]. Такого рода освидетельствований проводились не только в крупных городах, но и в провинциальных. В монастырях обязанность таких освидетельствований выполняли так называемые судебные старцы. Так, в 1678 г. архимандриту Тихвинского монастыря Варсонофию бил челом старец Манасей, просивший на нем «раны досмотреть». В челобитной говорилось, что «резал да его хлебной службы старец Игнатей неведомо за что». По указу архимандрита раны осматривал судебный старец Иов, указавший в своем заключении: «Резан он старец Манасей в голову повыше лба немного, а другая рана на грудех близко горла, а болши того на нем нигде резаных мест нет, а у старца Игнагия у правыя руки персты внутри обрезаны» [3, с. 8].

В XVII в. имеют место упоминания о проведении судебных медицинских экспертиз, связанных с обвинениями во врачебных ошибках. Таким примером может служить экспертиза, назначенная в 1682 г. Так, до властей дошло известие, что некий Федор Нелединский, приняв лекарство, скоропостижно умер. Узнав об этом, царь приказал допросить лечившего врача Захария Фандергунста: «Каким лекарством ево лечил и с какой причины ему скорая смерть учинилась?». Фандергунст объяснил, что болезнь у его пациента была «огневая прилипчивая с пятнами; и от той болезни давал он дохтур, ему Федору лекарства потовые. После принятия лекарства случилась апоплексия, а по-русски – ударная болезнь, и оттого Нелединский скорою и нечаемою смертью умре». С целью проверки этого объяснения приказано было на двор Федора ехать доктору Андрею Келлерману и осмотреть труп умершего для установления «язв неестественных – от лекарств на теле ево есть ли или нет». Осмотрев труп, Келлерман написал в заключении: «Примет никаких на теле ево, чтоб ему смерть учинилась от каких лекарств – не видал: а по иным приметам, – признает он, – что ево не стало от прилипчивой злой огневой болезни» [3, с. 8]. Необходимо отметить, что вначале врачебные осмотры мертвого тела ограничивались только внешним наблюдением и их вскрытия не проводились. Однако развитие медицины не стояло на месте и уже с XVIII в. стало возможным и медицинское исследование трупов в целях установления вероятной причины смерти.

Дальнейшее развитие судебной медицинской экспертизы как и всех экспертиз в целом связано с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, который определил процессуальный порядок назначения и проведения экспертиз.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография / В.Н. Махов. – М., 2000. – 296 с.

3. Крылов, И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе / И.Ф. Крылов. – СПб., 1963. – 213 с.

Круглый стол
«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(28 апреля 2017 г.)

УДК 343.21

А.А. Богданова, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Н.И. Козелецкая

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Одним из обязательных условий осуществления современной уголовной политики Республики Беларусь является неизбежность ее фундаментальных начал – принципов законности, равенства, гуманизма, и конечно, справедливости. На качество соблюдения этих принципов значительно влияет применение в уголовном законодательстве оценочных признаков. Так, исторически сложилось, что они представляют собой самостоятельный прием техники изложения уголовного-правового материала. Именно с реализацией данного приема связано огромное количество проблем, возникающих как на практике, так и в теории юридиче-

ской деятельности. Законодательное закрепление оценочных признаков не может быть описано однозначно: с одной стороны, оно обеспечивает гибкость уголовно-правового регулирования, позволяя применять соответствующие уголовно-правовые нормы с учетом конкретных обстоятельств, места и времени, с другой же – сопряжено с угрозой различного или, в большинстве своем, противоречивого толкования и применения «оценочных» уголовно-правовых предписаний. А последнее, в свою очередь, становится поводом для нескончаемых споров как в научной сфере, так и в практической, и в конечном итоге может привести к нарушению основополагающих начал уголовного права.

Корни возникновения и использования оценочных признаков в уголовном законодательстве, как и источники происхождения любого другого правового явления, объективированы. Реальная действительность такова, что происходящие в ней явления и процессы характеризуются дифференциацией, отмиранием старых и появлением новых форм, исключительностью каждого из них, а также постоянной изменчивостью, обусловленной, в свою очередь, различными социально-политическими, историческими, культурными факторами. Все это касается и тех явлений и процессов, которые подлежат уголовно-правовому урегулированию. Последнее неразрывно связано с такими направлениями уголовной политики, как криминализация и декриминализация. Именно они призваны учитывать изменчивые процессы, которые происходят в окружающей нас действительности с общественно опасными проявлениями человеческой деятельности.

Вполне естественно, что при условии изложения уголовно-правового материала исключительно казуистическим способом, предполагающим описание в диспозиции уголовно-правовой нормы, максимально возможного количества конкретных ситуаций, отреагировать на появление новых форм криминальной активности и отмирание прежних уголовная политика не сможет. Оценочные признаки в силу относительности своего содержания охватывают не ограниченное жесткими рамками количество уголовно-правовых характеристик, позволяют практически сразу же «отозваться» на соответствующие социально и юридически значимые изменения и являются, таким образом, одним из технических средств обеспечения динамичности уголовного закона. Поэтому основной объективной причиной использования в уголовном законе оценочных признаков служит многообразие социально опасных предметов, свойств и явлений, требующих их учета в качестве таковых и постоянного контроля за протекающими с ними процессами.

А.А. Малиновский к причинам законодательного существования «оценочных» предписаний относит:

1) невозможность при определении оценочных понятий четкого вычленения их признаков, что порождает употребление других оценочных понятий;

2) кажущуюся для законодателя очевидность содержания оценочного понятия [1, с. 271].

Однако даже если вторая причина говорит об учете предложений практических работников в свете формирования или совершенствования уголовного законодательства, трудно представить себе ситуацию, когда законодатель, конструируя уголовно-правовые нормы, стал бы всегда учитывать советы практиков.

Погрешности и ошибки законодателя, а также недостаточная степень развития законодательной техники могут быть субъективной причиной использования некоторых оценочных признаков, находя свое конкретное выражение в нарушении законодателем основополагающих требований к процессу формирования норм, их содержащих.

Исходя из всего вышеизложенного, представляется верной постановка вопроса о максимальной внимательности и осторожности как при выборе конкретных приемов законодательной техники, так и при соблюдении правил их практической реализации. Именно это будет способствовать оптимальному использованию оценочных признаков и устранил причину их необоснованного употребления или неупотребления при квалификации преступлений [2].

Закрепление в уголовном законодательстве оценочных признаков изначально сопряжено с угрозой определения линии уголовной политики лицами, применяющими соответствующие «оценочные» правовые предписания. И даже безусловное соблюдение принципа недопустимости интерпретационного влияния оценочных признаков на результат проведенной с их использованием криминализации, вероятнее всего, неспособно полностью исключить существование этой угрозы. Истолкование, по сути, любого оценочного понятия можно при, например, высоком профессионализме произвести более узко или более широко, чем этого требует дух закона, в результате чего, соответственно, сужается или расширяется круг общественно опасных деяний, признаваемых преступными и влекущими уголовную ответственность.

Ввиду вышеуказанного в настоящее время необходимым является издание, например, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, посвященного интерпретации всех оценочных признаков дей-

ствующего уголовного законодательства. Оно может стать достаточно эффективным средством решения проблемы применения содержащих их уголовно-правовых предписаний.

Существует настоятельная необходимость дополнения Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь статьей, объясняющей содержание оценочных признаков, имеющих одинаковое значение для всех закрепляющих их уголовно-правовых предписаний, и Особенной части – статьями, посвященными разъяснению тех оценочных признаков, которые используются в системе уголовного законодательства в различных значениях.

1. Малиновский, А.А. Оценочные понятия в законодательстве / А.А. Малиновский // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 267–271.

2. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : курс лекций по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – М., 2007. – 336 с.

УДК 343.37

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Н.И. Козелецкая

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА АКТА ТЕРРОРИЗМА

Анализ современных угроз национальной безопасности республики в различных сферах, влияющих как на обеспечение национальной безопасности, показывает, что в настоящее время они носят преимущественно внутренний характер, но имеют тенденцию к интегрированию и превращению в трансграничный (организованная преступность, терроризм, наркомания, торговля людьми и др.). Одной из угроз национальной безопасности сегодня является международный терроризм.

Международным сообществом принимаются значительные усилия по борьбе с терроризмом. Универсальные и региональные организации решают эту проблему, правительства различных стран мира осуществляют сотрудничество в этой области, включая сотрудничество на ведомственном уровне правоохранительных органов.

Существуют различные понятия термина «терроризм». С.В. Голованов, например, понимает терроризм как практику воздействия на общественное сознание путем устрашения насилем или угрозой его применения [1, с. 72]. С другой стороны, ряд ученых, в том числе А.В. Беляков и О.А. Матвейчев, считают, что под терроризмом следует понимать насильственные действия против гражданского населения, а не военных, с целью устрашения, подавления воли противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения [2, с. 130]. Терроризм в любом своем проявлении создает реальную угрозу национальной безопасности Республики Беларусь.

В целях обеспечения единства подходов к организации и осуществлению предупреждения, выявления, пресечения и минимизации последствий террористической деятельности, совершенствования правовых и организационных основ борьбы с терроризмом в Республике Беларусь принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 «Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь» [3].

В Республике Беларусь ответственность за совершение акта терроризма предусмотрена ст. 289 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [4]. В соответствии с диспозицией статьи, акт терроризма – это совершение взрыва, поджога, затопления, иных деяний общепризнанным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо устрашения населения, либо дестабилизации общественного порядка.

Как видим, акт терроризма – это общественно опасное деяние, которое включает в себя ряд составляющих. Поэтому для правильной квалификации необходимо четко ориентироваться в предложенной терминологии.

Терроризм – одна из наиболее опасных форм посягательства на основы общественной безопасности, выражающаяся в применении насилия или угроз насилия в целях дестабилизации общественного порядка, устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности.

Иные действия при терроризме представляют собой затопления, обвалы, аварии на объектах жизнеобеспечения населенных пунктов, производственных предприятий и другие подобные действия, создающие

реальную опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, причинения ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий.

Реальность опасности наступления указанных последствий оценивается с учетом предмета преступного посягательства, времени, места, обстановки, способа совершения взрыва, поджога или иных действий (например, предприятие, обеспечивающее теплом населенный пункт в зимний период; производство, связанное с использованием токсичных веществ, которые могут попасть в атмосферу, почву или воду; время скопления людей или транспортных средств; место концентрации материальных ценностей и т. п.).

Опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений имеет место, если наступление указанных последствий угрожало хотя бы одному человеку.

Преступление считается законченным с момента совершения любого из указанных в статье действий при условии, что они создавали реальную угрозу гибели людей, причинения им телесных повреждений, причинения ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий.

Терроризм – преступление, которое совершается только с прямым умыслом и альтернативными целями: устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствование политической или иной общественной деятельности. Лицо сознает, что совершает взрыв, поджог или иные действия, создающие опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений либо ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий, и желает совершить эти действия, преследуя при этом любую из указанных целей. При отсутствии у виновного целей, предусмотренных ст. 289, совершения взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений либо ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий может квалифицироваться, в частности, как диверсия (ст. 360), либо как преступления против жизни и здоровья (ст. 139, 147), или против собственности (ст. 218), или против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 309).

Субъектом терроризма может быть лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Квалифицирующими признаками комментируемого преступления (ч. 2 ст. 289) являются: совершение терроризма группой лиц по предварительному сговору, а также причинение ущерба в особо крупном размере.

Ответственность за терроризм, совершенный при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 289), наступает в том случае, если действия, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 289, были сопряжены с убийством или совершены организованной группой. Убийство, совершенное в рамках терроризма, независимо от количества жертв, полностью охватывается квалификацией по ч. 3 ст. 289.

Примечание к ст. 289 содержит поощрительную норму, которая предусматривает основания для освобождения от уголовной ответственности за подготовку акта терроризма при условии своевременного предупреждения государственных органов о готовящемся преступлении или предотвращения акта терроризма иным образом.

Своевременным признается такое предупреждение, при котором у государственных органов существует возможность предотвратить совершение преступления, предусмотренного ст. 289 УК Республики Беларусь.

Предотвращение акта терроризма иным образом может выражаться в приведении лицом, участвующим в его подготовке, орудий и средств террористической деятельности в негодное состояние, задержании исполнителя преступления и других действиях по предупреждению террористического деяния [5].

Завершая юридический анализ ст. 289 УК, следует отметить, что эффективная борьба с терроризмом во многом зависит от совершенствования законодательства, включая и уголовное. Для противодействия проявлениям терроризма нужны нетрадиционные подходы конструирования юридических норм, особенно уголовно-правовых. Существующая конструкция объективной стороны ст. 289 УК является очень сложной. По данной проблеме еще ни разу не издавалось руководящее постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, разъясняющее вопросы квалификации. Последнее, в свою очередь, затрудняет возможность единообразия в правоприменительной практике и справедливости судебных решений.

1. Национальная безопасность: интересы личности, общества, государства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, май 2011 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2011. – 391 с.

2. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А.В. Белякова, О.А. Матвейчева. – М. : Эксмо, 2009. – 412 с.

3. Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27.07.2015 г. № 631 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studfiles.ru/>. – Дата доступа: 25.04.2017.

УДК 343.7

М.В. Ковальчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

Каждое уголовно наказуемое деяние имеет историю развития норм законодательства, предусматривающих ответственность за его совершение. Не является исключением и причинение имущественного ущерба без признаков хищения. Проведенный ретроспективный анализ норм уголовного законодательства Республики Беларусь об уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения позволяет выделить три периода в генезисе законодательства об ответственности за совершение рассматриваемого уголовно наказуемого деяния.

1) Начало XI – 20-е гг. XX вв. – период зарождения законодательства об уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения;

2) 20-е гг. XX – 90-е гг. XX вв. – период становления законодательства об уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения;

3) Конец 90-х гг. XX в. – настоящее время – период развития норм уголовного законодательства о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения [1, с. 9].

Начало периода зарождения уголовного законодательства об ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения определяется первым упоминанием в правовом сборнике Древней Руси «Русской Правде» (1019–1054 гг.) норм об уголовной ответственно-

сти за самовольное пользование чужим имуществом (лошадью, оружием или одеждой). В этом же нормативном правовом акте в ст. 15 впервые предполагалось наступление ответственности за корыстное злоупотребление доверием путем невозвращения денежного долга на протяжении длительного срока или отказе вообще от такового [2, с. 47].

Продолжением зарождения законодательства об уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения явилось действие Статута Великого Княжества Литовского 1529 г. (далее – ВКЛ), нормы которого, в части совершения имущественных преступлений, в основном повторяли положения Судебника Казимира 1468 г. Новеллой этого законодательного акта явилось введение уголовной ответственности за пассивный обман при имущественных сделках с недвижимостью, выразившийся в несообщении факта долга на недвижимое имущество до его продажи [1, с. 11–12].

Статут ВКЛ 1566 г. в некоторых разделах дополнил положения Статута ВКЛ 1529 г. В нем впервые в уголовном законодательстве было приведено понятие ущерба «шкоды» (артикул 4) [3], под которым понимались реальные негативные имущественные последствия для владельца имущества, возникшие в результате действий виновного. В Статуте ВКЛ 1566 г. была дифференцирована уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику в формах незаконного вылова рыбы, покоса травы, порчи приспособлений для ловли птиц, бортного дерева [1, с. 12].

Статут ВКЛ 1588 г. также как и исследованные ранее нами акты уголовного законодательства не предусматривал ответственность за совершение изучаемого общественно опасного деяния.

В конце XVIII в. в результате трех разделов Речи Посполитой (1772 г., 1793 г., 1795 г.) практически вся территория современной Беларуси была присоединена к Российской империи. В этой связи следует обратить внимание на действовавшие на тот момент нормативные правовые акты. Так, в ст. 2295, содержащейся в Своде законов Российской империи Николая I 1832 г., была введена уголовная ответственность за передачу в наем или безвозмездное пользование чужим имуществом. Детальный анализ указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что преступным признавалась в то время не только противоправная передача виновным другому лицу в безвозмездное пользование чужого имущества, но и пользование без разрешения владельца чужим имуществом с намерением извлечь для себя выгоду [1, с. 14].

В Уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. впервые в генезисе уголовного законодательства была закреплена ст. 2200,

которая, по сути, являлась прототипом современной ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) о причинении имущественного ущерба без признаков хищения: «Кто из корыстных или иных личных видов, через сообщение с умыслом кому-либо ложных заведомо известных о каких-либо мнимых происшествиях или обстоятельствах побудит его к невыгодной по имуществу сделке, или также через заведомо ложные сведения и уверения вовлечет его в убыточные или, по крайней мере, весьма неудобные для него предприятия или обороты, тот за сие приговаривается: к лишению некоторых особенных прав и преимуществ и к заключению в смиренном доме на время от одного года до двух лет» [4, с. 342]. В анализируемой статье при определении размера причиненного ущерба учитывалась и упущенная выгода [1, с. 14].

С созданием СССР начался период становления в уголовном законодательстве Беларуси норм об ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения. УК БССР 1922 г. не содержал статей, посвященных криминализации анализируемого преступления. Позднее, принятый УК БССР 1928 г., установил ответственность за деяние, являющееся специальным видом по отношению к исследуемому. Так, ст. 163 УК БССР 1928 г. инкриминировала совершение кражи электрической энергии [1, с. 15–16].

С введением в действие УК БССР 1960 г. впервые в истории уголовного законодательства появилась статья, предусматривающая ответственность за «причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения». Статья входила в гл. 7, в которой предусматривалась ответственность за преступления против социалистической собственности. Из содержания нормы следовало, что в качестве потерпевшего от анализируемого деяния могли выступать лишь государство или общественная организация.

Принятие Республикой Беларусь УК 1999 г. определило начало периода развития уголовного законодательства об ответственности за совершение анализируемого нами общественно опасного деяния. В УК рассматриваемая статья была помещена в главу «Преступления против собственности». Содержание диспозиции ч. 1 ст. 216 УК претерпело изменения. Так, для наступления уголовной ответственности по указанной статье необходимо, чтобы в результате преступного деяния, выражающегося в причинении ущерба посредством извлечения имущественных выгод, был причинен ущерб в значительном размере. Одновременно в данной статье, помимо обмана и злоупотребления доверием,

появился новый способ совершения анализируемого деяния – модификация компьютерной информации [1, с. 17].

По сравнению с УК 1960 г. в диспозиции соответствующей статьи были закреплены квалифицирующие признаки причинения имущественного ущерба без признаков хищения: совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору либо в крупном размере.

Анализируя все вышеизложенное, считаем возможным сделать следующие выводы.

1. Генезис уголовного законодательства Республики Беларусь об ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения включает в себя три исторических периода: зарождение (начало XI – 20-е гг. XX в.), становление (20-е гг. XX – 90-е гг. XX в.), развитие (конец 90-х гг. XX в. – настоящее время).

2. Период зарождения характеризуется возникновением самостоятельных способов – обмана и злоупотребления доверием, использование которых применительно к исследуемому деянию имело место при незаконном самовольном использовании чужого имущества, преступной неоплате по договорам о предоставлении услуг и выполнении работ, потреблении энергии. В силу казуистичности норм права, общей статьи уголовного закона об ответственности за анализируемое деяние в указанный период закреплено не было.

3. Период развития характеризуется изменением имущественных отношений на постсоветском пространстве, повлекшим различные законодательные подходы к регламентации ответственности за данное преступление в УК. В законодательстве появилось указание на квалифицированные виды анализируемого общественно опасного деяния.

1. Ковальчук, А.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения в уголовном праве России и Беларуси: сравнительное исследование : монография / А.В. Ковальчук. – М., 2015. – 256 с.

2. Чистяков, О.И. Законодательство Древней Руси / О.И. Чистяков // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. – М., 1984. – Т. 1. – 432 с.

3. Беляев, И.Д. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года (вытрымкі з выдання: Статут Велікага княства Літоўскага 1566 года і паправы статуты 1578 года) / И.Д. Беляев // Временник Московского общества истории и древностей российских : в 25 кн. – М., 1855. – Кн. 25. – 242 с.

4. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / Н.С. Таганцев. – СПб., 1845. – 592 с.

5. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н.С. Таганцев. – СПб., 1886. – 714 с.

А.А. Михеенко, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Ковальчук*

О ПОНЯТИИ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СПОСОБАХ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА

Согласно ч. 5 ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) подстрекателем признается «лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления» [1].

Историко-правовой анализ развития законодательства о соучастии в преступлении показывает, что упоминание о подстрекателе, в его современном понимании, можно найти в ранних законодательных актах. Никоновская летопись свидетельствует, что при Ярославе новгородцы наказали раба, оклеветавшего епископа Луку Жидяту: «...урезаша ему нос и обе руки отсекоша и побежа в немцы, сице и его лукавым советникам». Воинский и Морской уставы Петра I определяли подстрекателями лиц, которые склоняли других к совершению преступления. Подстрекателем признавался тот, кто наймет, подкупит, уприсит, склонит, прикажет и т. д. [2].

Уложение о наказаниях 1845 г. в ст. 13 именуется рассматриваемого нами соучастника в преступлении «подговорщиком». Им признавалось лицо, которое, «не участвуя в совершении преступления, употребляло просьбу, убеждение или подкуп и обещание выгод, или обольщение и обман, или же принуждение и угрозу, дабы склонить к оному других» [3, с. 125].

В отличие от Уложения о наказаниях, в Уголовном уложении 1903 г. подстрекатель упоминается лишь как вид соучастников без его развернутого определения: «Лицо, подстрекнувшее другого к соучастию в преступном деянии» [3, с. 126]. Характерно, что вместо более точного термина «склонившее», который уже до этого прочно вошел в юридический обиход, здесь подстрекатель определяется посредством термина «подстрекнувшее».

Таким образом, законодатель уже в рассматриваемые исторические периоды точно определял юридическую природу подстрекателя.

Обращаясь к современному зарубежному уголовному законодательству, примечателен опыт российского законодателя. Так, согласно ч. 4 ст. 33 УК Российской Федерации подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом [4]. В данном определении законодатель, в отличие от УК Республики Беларусь, предпринял попытку

указать на возможные способы склонения лица к участию в преступной деятельности. Действительно, вопрос о возможности размещения в законе полного списка способов подстрекательства актуален. Приведем некоторые точки зрения по данной проблеме.

По мнению А.О. Жиряева, средствами подстрекательства являются: поручение, исполнение приказа, физическое принуждение и угрозы, просьба, выражение желания, совет [5, с. 61–65]. Г.О. Колоколов признает способом подстрекательства наравне с другими «притворное старание удержать лицо от преступного действия» [6, с. 114]. М.И. Ковалев предлагает относить к способам подстрекательства: подкуп, просьбу, поручение, убеждение и уговоры, приказ, физическое насилие, обман, и даже возможность подстрекательства путем одобрения [7, с. 71–87]. П.Ф. Тельнов к убеждению относит просьбы, предложения, подкуп, а к принуждению – приказ, угрозу, физическое насилие, признавая данный перечень примерным [8, с. 88].

Вместе с тем, на наш взгляд, исчерпывающий перечень способов подстрекательства возможен, однако практика свидетельствует, что они слишком разнообразны, чтобы быть формализованными.

В уголовном законодательстве иных зарубежных стран подстрекатель как самостоятельный вид соучастников выделяется не всегда. Так, в Уголовном кодексе Испании подстрекателя как такового не существует, поскольку все иные, кроме исполнителя, лица просто признаны соучастниками (ст. 27). Не обособляя понятия подстрекателя, Уголовный кодекс Голландии относит к основным участникам лиц, которые подстрекают к совершению преступления. То же самое происходит и в уголовном законодательстве Швеции, согласно ч. 2 ст. 4 гл. 23 которого, если лицо побуждало другое лицо к совершению преступления, оно должно быть приговорено за подстрекательство к преступлению, а также за пособничество преступлению [7, с. 140–141].

Уголовный кодекс Швейцарии признает подстрекателем тех, «кто умышленно склоняет другое лицо к совершению преступления» (ст. 24 УК). Уголовный кодекс Польши также выделяет подстрекателя, которым признается «тот, кто желая, чтобы другое лицо выполнило запрещенное деяние, склоняет его к этому» (параграф 2 ст. 18 УК) [3, с. 141]. Здесь речь идет о традиционном склонении к выполнению запрещенного деяния, но это поведение может быть только умышленным.

Отметим, что наличие прямого умысла является обязательным условием для подстрекательства в законодательстве большинства зарубежных стран. При этом следует иметь в виду, что подстрекатель, склоняя другое лицо к совершению преступления, может преследовать соб-

ственные интересы, интересы других лиц или неадекватно поняты им интересы долга, службы. Однако личные цели, мотивы подстрекателя безразличны для его ответственности. Также важно уточнить, что подстрекательство предполагает склонение определенного лица к совершению конкретного преступления.

Уголовный кодекс Франции термина «подстрекатель» не выделяет, однако в рамках иных соучастников, помимо исполнителей, дифференцирует две их разновидности, одной из них «является лицо, которое посредством подарков, обещаний, угроз, требований, злоупотребления властью или полномочиями провоцирует преступное деяние или дает указания для его совершения» (ч. 2 ст. 121-7 УК) [3, с. 142]. Очевидно, что здесь идет речь о подстрекателе как виде соучастников в преступлении. Также, как видим, законодатель предлагает исчерпывающий перечень способов подстрекательства.

Выделяет подстрекателя и Уголовный кодекс Японии: «Лицо, которое путем подстрекательства побуждало другое лицо к совершению преступления» (п. 1 ст. 61 УК). В данном определении кажется странным следующее: подстрекательство выступает в качестве способа соучастия «путем подстрекательства», тогда как оно является разновидностью соучастия, имеющей свою сущность. Вместе с тем законодатель вводит довольно интересную формулу, которая свидетельствует о четком представлении его в плане развития причинности при подстрекательстве: «То же в отношении лица, которое подстрекало подстрекателя» (п. 2 ст. 61 УК) – подстрекатель подстрекателя объявлен подстрекателем исполнителя» [3, с. 143–144].

На основании анализа зарубежного уголовного законодательства применительно к подстрекательству необходимо отметить следующее: а) не во всех УК зарубежных стран содержатся нормы о подстрекательстве и подстрекателе; б) в некоторых УК описаны функции, схожие с функциями подстрекателя, однако сам термин «подстрекатель» не применяется; в) в тех УК, где законодателем применяется данный термин, как правило, он признается видом соучастников, однако некоторые УК признают подстрекательство лишь способом; г) иногда функции подстрекателя частично относят к другим соучастникам; д) не во всех УК указаны способы подстрекательства, в тех же УК, где эти способы регламентированы, объем носит исчерпывающий либо не исчерпывающий характер.

Таким образом, уголовно-правовой анализ подстрекателя к преступлению дал нам основание полагать, что определение понятия этого вида соучастника в преступлении, закрепленное в УК Республики Беларусь, по отношению с формулированием такового по УК других государств является наиболее оптимальным и законодательного изменения, на наш

взгляд, не требует. Закрепление полного перечня способов подстрекательства в УК нецелесообразно, так как подобный подход, во-первых, ведет к проблемам правоприменения, а во-вторых, предусмотреть полный перечень таких действий невозможно.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Швед, Н.А. Ответственность за организованные формы преступной деятельности в зарубежном уголовном законодательстве [Электронный ресурс] / Н.А. Швед // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Козлов, А.П. Соучастие. Традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб., 2001. – 362 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 07.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

5. Жиряев, А.О. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А.О. Жиряев. – Дерпт, 1850. – 128 с.

6. Колоколов, Г.О. Соучастие в преступлении / Г.О. Колоколов. – М., 1881. – 200 с.

7. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Екатеринбург, 1999. – 204 с.

8. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М., 1974. – 136 с.

УДК 343.222

А.С. Мозоль, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

О ВМНЯЕМОСТИ И УМЕНЬШЕННОЙ ВМНЯЕМОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вменяемость как правовая категория характеризуется такими основополагающими понятиями, как «сознание» и «воля». На этот аспект совершенно правильно указывает В.Г. Павлов: «Сознание и воля представляют собой наиболее важные психические функции, которые вообще опреде-

ляют повседневное поведение любого человека» [1, с. 43]. Понимание, равно как и непонимание, причин и сущности психических расстройств (как наиболее часто встречающейся в судебно-следственной практике причины, определяющей вменяемость-невменяемость) в различные историко-правовые эпохи определяло одновременное появление и существование подчас противоположных уголовных норм по отношению к душевнобольным, совершавшим общественно опасные деяния [2, с. 43].

В римском праве способность отвечать за причиненный преступлением вред сливалась со способностью предпринимать действия с юридическими последствиями. Иными словами, уголовная вменяемость совпадала с гражданской дееспособностью. Тем не менее существовали отдельные постановления о безответственности малолетних, умалишенных и т. п., но общих признаков вменяемости установлено не было. Не были установлены признаки вменяемости и в средневековом праве.

Французский уголовный закон 1810 г. одним из первых в истории уголовного законодательства исключил уголовную ответственность в отношении лиц, которые совершили общественно опасные деяния на фоне психического расстройства. В ст. 64 данного закона говорится: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия». Таким образом, первым появился медицинский критерий невменяемости, весьма несовершенный и недостаточно дифференцированный.

В первом руководстве по уголовному праву (1841 г.), автором которого является «учитель русских криминалистов» С.И. Барышев, термин «вменяемость» не использовался вообще. Основным критерием вменяемости авторы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) назвали «познавательную способность», вкладывая в это понятие следующее: уголовной ответственности подлежит только то лицо, которое «разумет свои действия и понимает противозаконность и наказуемость их». В 1847 г. Г.Г. Блосфельд в первом судебно-медицинском пособии для юристов рассматривал вменяемость как «состояние человека, когда он подвергается ответственности перед законом в своих действиях и поступках». Выдающийся русский юрист Н.С. Таганцев вменяемость отождествлял с дееспособностью [3, с. 101].

Только в конце XIX в. появляются попытки определить общие условия вменения и вырабатываются понятия вменяемости и невменяемости. Исторически первым появилось понятие «невменяемость»: установление признаков вменяемости совершалось отрицательным путем.

К вопросу вменяемости подходили и в дореволюционной России. В 1912 г. С.В. Познышев дал определение вменяемости: «С правильной

точки зрения под вменяемостью надо разуметь: способность сознавать и обсуждать причинные отношения явлений, не смешивая ощущений и восприятий действительно существующего с представлениями, и способность поступать согласно тому решению, к которому привело обсуждение поступка».

Также было понятно, что способность правильно понимать и оценивать фактическую сторону и значимость своих поступков и при этом осознанно руководить своей волей и действиями отличает вменяемое лицо от невменяемого.

Впервые об уменьшенной (ограниченной) вменяемости говорится в кодексах германских государств: Брауншвейгский 1840 г., Саксен-Альтенбургский 1841 г., Гессенский 1841 г., Баденский 1845 г. и др. В числе обуславливающих уменьшенную вменяемость факторов считались слабоумие, недостаточное развитие, старческая дряхлость, опьянение, полное отсутствие воспитания, крайне неблагоприятная и развращающая обстановка в детстве. Последствия – смягчение наказания.

Кроме юристов точку зрения о том, что уменьшенной вменяемости не существует, занимали и видные ученые в области психиатрии В.Х. Кандинский (1890 г.), В.П. Сербский (1896 г.). Так, В.Х. Кандинский, рассматривая данный вопрос, пояснял: «Логически можно признавать только одно из двух – или наличие или отсутствие способности ко вменению, никакое среднее решение здесь невозможно». В.П. Сербский продолжал, что невозможно определить ту мерку, которая бы могла точно определять критерий уменьшенной вменяемости, и вместе с тем под указанную категорию лиц можно будет подводить лиц, у которых «резко нарушена способность понимания и руководства своими действиями» [3, с. 153].

В начале 20-х гг. XX в. из-за неполного подхода не только к ограниченной вменяемости, но и вменяемости в целом, произошел ряд перекосов и ошибок, о которых в свое время предупреждал В.П. Сербский. Так, при проведении судебно-психиатрических экспертиз в связи с отсутствием четких критериев невменяемости с точки зрения медицины (душевные болезни) и с юридической (только интеллектуального признака), производство судебной экспертизы позволяло трактовать очень широко невменяемость и ограниченную вменяемость. В результате экспертиз, производимых в институте им. Сербского, «в 1921 г. невменяемыми были признаны 77,7 %, в 1922 г. – 74,7 %, и в 1923 г. – 60,5 %. Наряду с этим значительный процент испытуемых признавался уменьшенно вменяемыми: в 1921 г. – 22,3 %, 1922 г. – 21,3 %, 1923 г. – 30 %, 1924 г. – 22,2 %». Судя по данной статистике, из направленных на судебную медицинскую экспертизу в 1921 г., не было ни одного, кто был признан вменяемым. Лица, совершившие преступления, направлялись в

психиатрические лечебницы, откуда в скором времени выходили, имея на руках справку о психических расстройствах. Учитывая то, что экспертные комиссии с самого начала подходили к испытуемому, не имея определенных рамок, обозначивших пределы нормы невменяемости, они допускали ряд ошибок и перегибов. [3, с. 174].

Таким образом, в разные исторические эпохи в различных государствах в уголовно-правовой науке существовали свои точки зрения по поводу вменяемости и ограниченной вменяемости. На современном же этапе сформировалось наиболее непротиворечивое понятие вменяемости, под которым необходимо понимать способность человека по своему психическому состоянию осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими ко времени совершения преступления.

1. Павлов, В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность / В.Г. Павлов. – СПб., 2000. – С. 43.
2. Примаченко, А.Ю. Уголовное право Республики Беларусь / А.Ю. Примаченко. – Минск, 2008. – 104 с.
3. Игнатов, А.Н. История развития уголовного права / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М., 1998. – 185 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое : с 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб., 1830. – Т. 1. – 690 с.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845. – 383 с.
6. Чучаев, А.А. Преступление в концепции Г.И. Солнцева / А.А. Чучаев // Право и практика. – 2008. – № 5. – С. 396–404.

УДК 343.542.1

А.Г. Рыбаков, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Н.И. Козелецкая

АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ОБОРОТА ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

Детская порнография является одним из наиболее опасных видов негативного информационного контента, оказывающим негативное влияние на психику человека и общественное сознание. Общественная

опасность детской порнографии во многом обуславливается тем, что в большинстве случаев она непосредственным образом связана с сексуальной эксплуатацией и сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних. В этой связи производство и распространение детской порнографии признано уголовно наказуемым деянием в большинстве стран мира. Консенсус в отношении криминализации и борьбы с детской порнографией выработан и международным сообществом. Он нашел отражение в ряде международно-правовых актов, важнейшим из которых является Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г. [1, с. 53].

Последствия сексуального насилия над ребенком очень опасны. Многочисленные исследования в области детской психиатрии и психологии свидетельствуют о том, что психологические травмы, полученные в детстве, оказывают сильное влияние на всю последующую жизнь человека, формирование его характера, физическое и психическое здоровье. Дети, снимающиеся в порнофильмах, начинают воспринимать себя как товар, который можно продать. Как и у других жертв сексуального принуждения, в зрелом возрасте у них часто возникают сексуальные проблемы. И, что хуже всего, дети, подвергавшиеся сексуальной эксплуатации, впоследствии сами становятся насильниками и совершают похожие или аналогичные преступления [2].

Для противодействия данному пагубному явлению на уровне стран СНГ был разработан Модельный уголовный кодекс (далее – МУК) – рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств, принятый на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. Данный законодательный акт разработан с целью дальнейшего его использования при разработке национального законодательства государств – участников СНГ, и поэтому он носит исключительно рекомендательный характер.

Проблемы противодействия детской порнографии в связи с ее возрастающей актуальностью не могли быть не отражены в МУК. Указанные положения были закреплены в разд. 7 гл. 22 в ст. 168 МУК «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение». Согласно ч. 1 данной статьи вовлечение несовершеннолетнего лица в систематическое потребление спиртных напитков, в немедицинское потребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, в проституцию, бродяжничество или попрошайничество, в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографиче-

ского характера, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, признано преступлением небольшой тяжести [3]. Тем самым авторы данного законодательного акта признали и закрепили на законодательном уровне опасность, возникающую в связи с изготовлением детской порнографией. В данном случае преступления, связанные с детской порнографией, относятся к преступлениям против семьи и интересов несовершеннолетних.

Однако стоит отметить, что далеко не все страны – участницы СНГ относят преступления, связанные с детской порнографией, к преступлениям против семьи и интересов несовершеннолетних. Данная концепция нашла свое отражение в уголовном законодательстве Республики Армения, Киргизской Республики, Республики Молдова, Республик Узбекистан и Туркменистан (неофициальный ассоциированный член). Следует отметить, что в Туркменистане не предусмотрена уголовная ответственность за детскую порнографию. Такие действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за «взрослую порнографию». Все остальные страны относят преступления, связанные с детской порнографией, к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности. К данной группе государств относятся Российская Федерация и Республика Казахстан.

Республика Беларусь, Украина (неофициально ассоциированный член), Республика Таджикистан и Азербайджанская Республика относят рассматриваемое преступление к преступлениям против общественного порядка и общественной нравственности. Азербайджанская Республика пошла по пути Туркменистана и не выделила в отдельную норму совершение действий, связанных с порнографией, в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, условно уголовное законодательство стран – участниц СНГ в сфере детской порнографии можно разделить на три группы:

1) первая группа – страны, в уголовном законодательстве которых не предусмотрена ответственность за детскую порнографию. Такие деяния оцениваются как «взрослая порнография» (Азербайджанская Республика и Республика Туркменистан);

2) вторая группа – страны, в которых уголовная ответственность за детскую порнографию предусмотрена в качестве квалифицирующего признака уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за «взрослую порнографию» (Украина, Республика Узбекистан);

3) третья группа – страны, которые предусматривают уголовную ответственность за детскую порнографию в отдельной уголовно-правовой

норме (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Молдова, Республика Армения, Киргизская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан).

Стоит отметить, что некоторые государства дифференцируют ответственность за изготовление и использование несовершеннолетнего в целях изготовления детской порнографии путем закрепления ответственности в различных уголовно-правовых нормах (Российская Федерация, Республика Таджикистан).

Законодательный и практический опыт зарубежных стран заслуживает внимания и может быть позаимствован Республикой Беларусь в целях повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с оборотом порнографических материалов или предметов с изображением несовершеннолетних. Сравнительная характеристика уголовного законодательства показала, что в отдельных государствах недооценивают степень общественной опасности детской порнографией, признавая ее лишь отдельным элементом «взрослой порнографии». Некоторые страны не рассматривают в качестве квалифицирующего признака совершение данного преступления с использованием интернета. Между тем мировой опыт свидетельствует, что создание и распространение детской порнографии представляют собой не только один из наиболее жестоких и циничных видов транснациональной организованной преступности, но и один из самых доходных видов криминального бизнеса. Это потребует от государств решительных мер, направленных на противодействие данному опасному виду преступной деятельности, включая, в том числе, и совершенствование мер уголовного характера.

1. Смирнов, А.А. Об установлении личности детей при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии / А.А. Смирнов // Проблемы теории и практики предварительного расследования и использования специальных знаний в деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. 2012 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: отв. ред. И.Г. Мухин [и др.]. – Минск, 2012. – С. 53–54.

2. Детская порнография в Интернете [Электронный ресурс] // Детский сайт г. Благовещенска. – Режим доступа: <http://kids.amur.net/?option=article&task=view&id=900>. – Дата доступа: 15.04.2016.

3. Модельный уголовный кодекс : рекоменд. законодат. акт для Содружества Независимых Государств : принят на седьмом пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи Содружества Независимых Государств. – 1996. – № 10. – Прил. – С. 86–213.

В.В. Сидорук, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Н.И. Козелецкая

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ВИДА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ

На протяжении целого ряда лет отечественный и зарубежный опыт уголовной политики неоднократно убеждал, что одними мерами ужесточения наказания невозможно добиться снижения числа совершаемых преступлений и обеспечить их полную раскрываемость. Учитывая этот факт, законодательство Республики Беларусь в некоторых случаях прибегает и к поощрительным нормам, которые предлагают гражданам добровольно прекратить преступную деятельность с гарантией освобождения от наказания, проявить деятельное раскаяние, смягчающее или исключющее ответственность за совершенные деяния. Деятельное раскаяние является осознанным и эффективным механизмом правомерного поведения лица после совершения преступления. Оно имеет большое значение для реализации принципов справедливости, объективности, полноты и всесторонности рассмотрения уголовных дел в суде.

Следует отметить, что в юридической литературе до сих пор нет единого мнения о социальной сущности института освобождения от уголовной ответственности. Так, А.А. Бержанин рассматривает данный институт как уголовно-правовую льготу, предоставляемую государством при наличии условий, предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством [1, с. 96]. Р.А. Середа считает освобождение от уголовной ответственности элементом института поощрения в уголовном праве, так как он способствует социальной переориентации лиц, совершающих или уже совершивших преступление, путем регламентации возможности и пределов освобождения от уголовно-правовых последствий преступления в силу их позитивного посткриминального поведения [2, с. 265].

Институт освобождения от уголовной ответственности не является новым для уголовного законодательства. Так, уже X в. в Русской Правде содержались отдельные нормы, указывающие на возможность ис-

правления лица, совершившего преступление, с использованием мер уголовно-правового воздействия, не связанных с государственным принуждением [3, с. 39]. В действующем уголовном законодательстве указанный институт стимулирует раскрытие и пресечение целого ряда тяжких или особо тяжких преступлений, а также обеспечивает достижение целей уголовной ответственности без применения ее мер. Предусматривая в ст. 88 УК Республики Беларусь возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, законодатель определяет, во имя чего смягчается участь лица, проявившего такое раскаяние, какие цели в каждом конкретном случае приоритетны.

Торговля людьми – это деяние, посягающее на особо важные общечеловеческие ценности. Нередко деятельность, связанная с совершением сделок в отношении человека, остается вне контроля правоохранительных органов. Раскрытие и расследование таких преступлений чрезвычайно затруднено, поэтому очень важно определить приоритет: раскрыть более тяжкое преступление либо проявить гуманность к виновному, не прибегая к мерам государственного принуждения.

В литературе все чаще обсуждается вопрос о необходимости закрепления института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием применительно к торговле людьми.

Возможность освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми зафиксирована в законодательстве ряда государств, включая Российскую Федерацию и Республику Таджикистан.

Так, в примечании 1 к ст. 127.1 УК Российской Федерации предусмотрен отказ государства от уголовного преследования лица, совершившего торговлю людьми, которое добровольно освободило потерпевшего и способствовало раскрытию совершенного преступления [4]. Следует отметить, что указанное положение применяется лишь к лицу, впервые совершившему деяния, предусмотренные ч. 1 или п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК, т. е. положение может распространяться только на лиц, ранее не судимых и совершивших торговлю людьми без квалифицирующих признаков, либо совершивших указанное преступление в отношении двух и более лиц. Однако такая конструкция примечания вызывает возражение некоторых российских исследователей.

Так, например, Е.В. Сердюкова считает, что данный вид освобождения от уголовной ответственности чрезмерно перегружен излишними условиями. Прежде всего это касается ограничения сферы действия примечания только лицами, совершившими преступление впервые. Такого ограничения, как отмечает автор, нет в нормах о похищении человека и

о захвате заложника, которые по своему фактическому содержанию и юридической сущности однородны с торговлей людьми [5].

Кроме того, как отмечает М.В. Зябликова, не совсем оправданным представляется указание на возможность применения данного специального вида освобождения от уголовной ответственности лишь в отношении тех лиц, которые совершили деяния, подпадающие под действие ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК. Непонятна для ученых позиция законодателя, отдавшего предпочтение только одному из квалифицирующих признаков перед другими равнозначными по своему правовому «весу» [6].

Возможность исправления лица, совершившего торговлю людьми, без использования мер уголовно-правового воздействия закреплена и в УК Республики Таджикистан. Однако сфера действия примечания к ст. 130 (1) ограничена. Условием освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми является несовершеннолетний возраст потерпевшего.

Представляется, что опыт зарубежных государств в целом является положительным и подлежащим учету отечественным законодателем при решении вопроса о возможности освобождения лица от уголовной ответственности за торговлю людьми.

1. Бержанин, А.А. Вопросы освобождения от уголовной ответственности в Республике Беларусь / А.А. Бержанин // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 96–100.

2. Серeda, Р.А. Освобождение от уголовной ответственности как элемент института поощрения в уголовном праве / Р.А. Серeda // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2008. – С. 264–265.

3. Кашапов, Р.М. История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности / Р.М. Кашапов // Рос. следователь. – 2010. – № 13. – С. 39–40.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63 ФЗ : в ред. Федер. закона от 07.02.2017 г. // Банк данных правовой информ. КОДЕКСЫ СТРАН СНГ // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Сердюкова, Е.В. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми [Электронный ресурс] / Е.В. Сердюкова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

6. Зябликова, М.В. Виды освобождения от уголовной ответственности, содержащие элементы деятельного раскаяния [Электронный ресурс] / М.В. Зябликова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

С.М. Свило

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ

Необходимая оборона, закрепленная в ст. 34 УК Республики Беларусь, предоставляет право каждому гражданину на защиту. При этом, что законодатель понимает под защитой, четко не сформулировано. Анализ литературы, а также сама этимология термина «оборона» свидетельствуют о целесообразности замены термина «необходимая оборона» на «необходимую защиту», ввиду того, что последний наиболее точно отражает содержание данного права. Так, «оборона» охватывает, в том числе, и пассивную форму поведения, в то время как «защита» ориентирована на активные действия. Кроме того, «оборона» предполагает заведомость нападения, что и определяет ее упредительный характер. При этом «оборона» выступает одной из тактических форм защиты от преступного посягательства, о чем свидетельствует этимологическое толкование данного термина. В свою очередь, «защита», «защищать» – значит «оградить от посягательства, враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь»; «защитник» – это то лицо, которое защищает, охраняет, оберегает кого-либо или что-либо»; «оборона» – это совокупность средств, необходимых для отпора врагу».

Следует отметить, что термин «самозащита» применительно к необходимой обороне также неуместен ввиду того, что он предполагает защиту обороняющегося без постороннего содействия, что исключает возможность помощи со стороны третьих лиц. Тем более в ст. 10 Конституции Республики Беларусь говорится о «защите государством гражданина».

Таким образом, термин «защита» наиболее точно соответствует формулировке закона ввиду того, что он имеет в своей основе глубокую смысловую нагрузку, ведь действия по защите должны быть интенсивнее, чем само посягательство, а защита именно тогда будет иметь результат, когда она превосходит своей активностью посягательство.

Полагаем, что целесообразно исключить из законодательной конструкции предикат «необходимая» с последующей его заменой катего-

рией «правомерная». Даже с точки зрения этимологии термин «необходимая» употреблен в ст. 34 УК Республики Беларусь некорректно, так как «необходимый» – это такой, без которого нельзя обойтись. Исходя из этого определения, действия лица по отражению посягательства являются обязанностью, что, в свою очередь, вступает в противоречие с содержанием нормы, согласно которой эти действия являются правом лица. По нашему мнению, предикат «необходимая» следует применять к лицам, обязанности которых регламентированы на законодательном уровне, и в них входит защита прав и жизни человека, интересов общества и государства.

Вследствие вышесказанного, следует сделать вывод о том, что название ст. 34 УК Республики Беларусь «Необходимая оборона» целесообразно заменить на более точную формулировку, отражающую ее правовую суть: «Правомерная защита».

Исследованием установлено, что в своей практической деятельности органы дознания и предварительного следствия встречают ряд трудностей в квалификации действий в состоянии необходимой обороны, что закономерно ведет к стремлению минимизировать использование данной нормы. Одной из первопричин этого явилось то, что квалификация действий как деяния, совершенного в состоянии необходимой обороны, вызвала массу противоречий как для правоприменителей, так и для лиц, стремившихся к реализации своего права на необходимую оборону. На наш взгляд, для повышения эффективности функционирования института необходимой обороны в диспозиции ст. 143 УК Республики Беларусь целесообразно произвести разделение объектов на общие и специальные. Так, к первой группе представляется возможным отнести группу общественных отношений, которые будут подлежать защите уголовного закона. При этом из группы общих объектов, очерченных в общей норме о «правомерной защите», логично произвести выделение специальной нормы, которая будет описывать специальные объекты. В ней целесообразно закрепить общественные отношения, являющиеся наиболее ценными и охраняемыми. Например, к ним следует отнести: в случае покушения на убийство либо его угрозы – жизнь и здоровье человека; при осуществлении разбоя, вымогательства с применением насилия или угрозой причинения тяжкого телесного повреждения, либо особо тяжкого телесного повреждения – собственности; при изнасиловании либо же насильственных действий сексуального характера – половая свобода и неприкосновенность. Представляется, что логичным в специальной норме санкционировать

причинение смерти либо тяжких телесных повреждений лицу посягающему, если оно проникает в жилое помещение с целью хищения в ночное время суток, если возникает угроза применения насилия в отношении лица, находящегося в состоянии «правомерной защиты», вне зависимости от формы хищения.

Соответственно, способ защиты общего и специального объекта должен иметь дифференцированный характер и прямую зависимость от ценности охраняемого блага. С этой целью целесообразно установить уголовную ответственность за превышение пределов правомерной защиты, которая должна наступать сугубо в случае причинения смерти или тяжких телесных повреждений, при условии, что было установлено явное несоответствие между действиями защищавшегося лица и действиями, охватываемыми специальной нормой.

В случае избрания вышеописанного подхода о правомерной защите это позволит полностью исключить ее оценочную категорию. Кроме того, предлагаемый алгоритм к определению состояния необходимой обороны нужен для того, чтобы каждый гражданин, не являясь юристом, попав в экстремальную жизненную ситуацию, вызванную преступным посягательством в отношении его со стороны посягающего лица, мог свободно выбирать формат дозволенного поведения. Установив в законе возможность причинения смерти посягающему лицу в случае осуществления последним деяния, предусмотренного в специальной норме, законодатель тем самым даст возможность обороняющемуся идти по пути беспредельной обороны, т. е. для обороняющегося будет установлен специальный правовой режим обороны, который сводится не к цели расправы с посягающим лицом, а к цели отражения преступного посягательства и при этом возможным причинением вреда посягающему лицу, вплоть до лишения его жизни. Самим последствиям, которые будут наступать для жизни и здоровья посягающего, не должно уделяться особое значение. В этом случае доминирующим является защита обороняющегося, а не посягающего.

При этом установление перечня общественно опасных посягательств не должно происходить произвольно, а должно быть произведено по уменьшению значимости охраняемых уголовных законом благ. В содержании этой специальной нормы необходимо установить исключительные объекты обороны, охрана которых должна носить абсолютно определенный характер в плане ее правовой оценки.

Основываясь на вышеизложенном, первоочередное место среди охраняемых благ в специальной норме необходимо отвести жизни чело-

века, а если точнее, общественным отношениям, гарантирующим право на неприкосновенность жизни каждого человека, который находится на территории действия УК Республики Беларусь. Целесообразно наделить человека правом на использование любых способов обороны, вне зависимости от обстоятельств ее использования. Следует отметить, что лишение жизни необходимо санкционировать не только при защите жизни, но и при защите менее ценных благ. Это положение логично будет допустить в случае если посягательство направлено на причинение тяжких телесных повреждений либо смерти. Именно в этом случае верхний предел обороны может быть выше причиняемого вреда (либо угрозы его причинения) и должен быть санкционирован на уровне лишения жизни посягающего.

По нашему мнению, в содержании специальной нормы необходимо закрепить, что «беспредельная» оборона не выступает как конечный способ защиты, т. е. лишение жизни не должно выступать для обороняющегося конечной целью или же стимулом. Также целесообразно указать ряд условий, при которых обороняющийся может лишиться посягающего жизни на законных основаниях. В случаях когда лицо, отражающее посягательство, явно ставит перед собой намерение лишить жизни нападающего, то необходимо признать правомерными любые оборонительные действия лица посягнувшего по противодействию этому.

Особое место в числе обстоятельств, допускающих лишение жизни посягающего, следует отвести сексуальному посягательству. Нарушение права собственности также может выступать в качестве повода на оборону, который будет предусмотрен специальной нормой. Однако может иметь место и двуобъектный состав преступления, в котором посягательство происходит на имущество, а также жизнь и здоровье человека.

Именно поэтому к числу специальных объектов защиты в норме следует относить право собственности при вымогательстве и разбое, которые совершаются с применением насилия либо угрозой причинения тяжких телесных повреждений. Установив в специальной норме о необходимой обороне круг особо охраняемых объектов защиты и определив пределы возможного причинения вреда посягнувшему лицу, законодатель Республики Беларусь тем самым создаст ряд гарантий для возможного субъекта обороны от уголовной ответственности за свои действия.

Таким образом, разделение нормы о необходимой обороне на общую и специальную части, с последующим определением в последней допустимого объема причинения вреда, будет являться существенным

шагом к исключению оценочной категории о превышении пределов необходимой обороны. При этом замена названия ст. 34 УК Республики Беларусь «Необходимая оборона» на более точную формулировку, отражающую ее правовую суть, – «Правомерная защита» будет корректно, так как предложенная нами категория более полно отражает правовую суть изучаемого нами института.

УДК 343.237

К.И. Цеховой, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Для реализации задач уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающих изобличение и привлечение к уголовной ответственности виновных, правильное применение закона, с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, необходимым условием является умение правильно квалифицировать преступления, в том числе и преступления, совершенные в соучастии [1, с. 496].

К специальным вопросам квалификации соучастия в преступлении, в частности, относятся следующие:

1. Квалификация деяний соучастников при эксцессе исполнителя.
2. Квалификация неудавшегося соучастия.
3. Квалификация соучастия в преступлении со специальным субъектом.

При характеристике эксцесса исполнителя во внимание принимаются только те обстоятельства, которые имеют юридическое значение, т. е. являются признаками состава преступления, и потому оказывают непосредственное влияние на квалификацию. Например, различной будет квалификация хищения, если оговоренным предметом хищения было имущество, а исполнитель похищает оружие. Если же исполнитель не учел договоренность в отношении обстоятельств, не имеющих юридического значения, то его поведение не рассматривается как эксцесс исполнителя [2].

При качественном эксцессе действия исполнителя квалифицируются по совокупности:

1. Как приготовление к преступлению, в отношении которого имелся сговор соучастников, и фактически совершенное преступление, если исполнитель совершил новое преступление вместо задуманного;

2. Как оконченное преступление, если исполнитель совершил новое преступление наряду с задуманным.

Второй специальный вопрос квалификации соучастия в преступлении относят к квалификации неудавшегося соучастия.

Неудавшимся соучастием признаются действия организатора, подстрекателя или пособника, которые по независящим от них обстоятельствам не завершились совершением исполнителем преступления [2, с. 496].

Неудавшееся соучастие может быть в следующих случаях:

1. Исполнитель по каким-либо причинам вообще отказался от совершения преступления, не начиная его совершать;

2. Исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца на стадии приготовления к преступлению либо покушения на преступление;

3. Начатое исполнителем преступление было прервано на стадии покушения на преступление по независящим от него обстоятельствам.

В первом случае действия организатора, подстрекателя или пособника квалифицируются как приготовление к преступлению, которое охватывалось умыслом всех соучастников, в том числе и исполнителя. Аналогично квалифицируются действия указанных лиц, если добровольный отказ от преступления исполнителя имел место на стадии приготовления.

Если же преступление было уже начато, но исполнитель добровольно отказался от доведения до конца либо преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, независящим от исполнителя, действия организатора, подстрекателя или пособника квалифицируются со ссылкой на ст. 14 Уголовного кодекса Республики Беларусь как покушение на преступление, которое намеревался совершить исполнитель, и на соответствующую часть ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь с указанием на роль, которую выполнял соучастник [3, ст. 14, 16].

Следовательно, можно говорить о том, что соучастие в преступлениях со специальным субъектом имеет свои особенности. Они состоят в следующем:

1. Поскольку исполнителем преступления со специальным субъектом может быть только лицо, обладающее признаками специального субъекта, указанными в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, то преступную группу могут образовывать только лица, обладающие такими признаками;

2. Действия лиц, непосредственно участвующих в совершении преступления, но не обладающих признаками специального субъекта, квалифицируются в зависимости от роли как действия пособника либо организатора, или подстрекателя;

3. Организатором, подстрекателем либо пособником в преступлении со специальным субъектом может быть любое лицо, как обладающее признаками специального субъекта преступления, так и не обладающее такими признаками [4].

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что к специальным вопросам квалификации соучастия в преступлении, в частности, относятся следующие:

1. Квалификация деяний соучастников при эксцессе исполнителя.

2. Квалификация неудавшегося соучастия.

3. Квалификация соучастия в преступлении со специальным субъектом, т. е. исполнителем данного преступления может являться лишь лицо, обладающее рядом специальных признаков, предусмотренных в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь [4].

Таким образом, рассматривая влияние различных объективных и субъективных обстоятельств, имеющих место на стороне исполнителя, на ответственность соучастников, следует исходить из деления данных обстоятельств на те, которые учитываются в зависимости от их осознания соучастником (наступление тяжких последствий, совершение преступления с особой жестокостью, с использованием оружия и т. д.), и те, которые не учитываются, независимо от их осознания соучастником (не-совершеннолетие или беременность виновного лица, неоднократность и рецидив преступлений, особый мотив преступления и т. д.).

1. Хомич, В.М. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

2. Хомич, В.М. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.О. Грунтов [и др.] ; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие для студентов вузов / Э.А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.

5. Круглов, В.А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.

**Научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы совершенствования
правового регулирования экономических отношений
в Республике Беларусь»
(16 июня 2017 г.)**

УДК 347.73

А.И. Белоглазов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
СБОРА НА ФИНАНСИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ**

Как известно, государство должно обладать собственной территорией, населением, правом, т. е. законодательством и, кроме этого, таким немаловажным элементом, как налоги.

Налоги, сборы и пошлины формируют бюджет государства, который необходим ему для выполнения государственных функций. Исходя из данных, приведенных в Законе Республики Беларусь от 18 октября 2016 г. № 431-З «О республиканском бюджете на 2017 год», доход республиканского бюджета составляет около 18 млрд руб., 14 млрд из которых относятся к налоговым доходам, что составляет примерно 77 % от общего дохода [1]. Налоговый доход представляет собой совокупность налогов, сборов и пошлин, взимаемых в установленном порядке с определенных субъектов в соответствии с налоговым законодательством Республики Беларусь.

Согласно ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) сбором признается обязательный платеж в республиканский и (или) местный бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц за совершение в отношении них государственными органами, юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу специальных разрешений (лицензий), либо в связи с ввозом товаров на территорию Республики Беларусь [2]. Законодатель выделяет два вида сборов: республиканские и местные. К республиканским согласно ст. 8 НК относятся оффшорный сбор, консульский сбор, таможенный сбор, утилизационный сбор, сбор за проезд автомобильных транспортных средств иностранных государств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь и, появившийся после

вступления в законную силу Декрета Президента Республики Беларусь № 3 от 2 апреля 2015 г. «О предупреждении социального иждивенчества» (далее – Декрет), сбор на финансирование государственных расходов. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь аргументировало необходимость и целесообразность введения данного сбора тем, что «с точки зрения социальной справедливости уплата налогов должна быть обеспечена всеми трудоспособными гражданами в трудоспособном возрасте».

Таким образом, рассматривая природу сбора, плательщиками данного сбора являются трудоспособные граждане, которые на протяжении соответствующего года не участвовали в финансировании государственных расходов либо участвовали в таком финансировании менее 183 дней в году [3]. По данным Белорусского национального статистического комитета Республики Беларусь, на конец 2016 г. число безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, составляет 35, 3 тыс. человек. Также стоит отметить, что эти данные не могут отражать полную картину реальной действительности ввиду того, что существует так называемая скрытая (латентная) безработица, и поэтому число безработных в Республике Беларусь будет гораздо больше, что, в принципе, является одной из причин введения данного сбора.

Однако с введением вышеуказанного сбора возникло много вопросов, связанных с наличием множества пробелов и неточностей в Декрете. Так, данный сбор обязаны были уплачивать лица, ведущие личное подсобное хозяйство, но не имеющие никаких трудовых отношений с организациями. Такие люди приравнивались к так называемым «тунеядцам», хотя фактически работали «на земле» и получали «зарплату» путем продажи продукции собственного производства. К категории тунеядцев были приравнены и безработные, состоящие на учете в центре занятости населения, а также домохозяйки, занимающиеся ведением домашнего хозяйства и воспитывающие ребенка, а также ряд иных лиц.

В связи с несовершенством данного нормативного правового акта, а также большим количеством жалоб со стороны лиц, которых признали плательщиками этого сбора, 12 января 2017 г. были внесены изменения и дополнения, которые, по сути, устранили большинство пробелов и конкретизировали плательщиков сбора на финансирование государственных расходов. Так, к лицам, освобождающимся от данного сбора, были отнесены лица, которые ведут личное подсобное хозяйство, но для этого необходимо подтверждение сельским исполнительным и распорядительным органом. Освободили от уплаты сбора членов национальной

сборной Республики Беларусь по видам спорта. Освобождаются от сбора и военнослужащие, сотрудники военизированной организации, имеющие специальные звания, резервисты во время прохождения занятий и учебных сборов, военнообязанные во время прохождения военных сборов и специальных сборов, проходящие альтернативную службу.

К сожалению, даже после внесенных изменений в Декрет, остались открыты вопросы по некоторым категориям граждан, которые, по сути, фактически являются работающими, но с некоторыми особенностями.

Так, до сих пор не решен вопрос по лицам, осуществляемым сезонные работы либо лица, которые занимаются так называемыми «вахтами» в страны зарубежья. Такие лица, согласно действующему законодательству, признаются неработающими и, соответственно, плательщиками данного сбора.

Некоторые настоящие пункты Декрета несколько недоработаны и требуют конкретики. Так, согласно ст. 15¹ Декрета местные Советы депутатов или по их поручению местные исполнительные и распорядительные органы вправе освободить от уплаты сбора граждан в связи с нахождением в трудной жизненной ситуации. Однако данная категория является оценочной и по каким критериям и на основе чего вышеуказанные органы будут определять «трудность жизненной ситуации» непонятно.

Еще одной проблемой при реализации Декрета на практике является то, что, когда налоговые органы направляют извещения на уплату сбора о финансировании государственных расходов, они исходят из той базы, которая у них имеется, т. е. налоговые органы нередко пользуются устаревшими базами данных плательщиков сбора, из-за чего извещения об уплате приходят лицам, которые в соответствии с Декретом освобождаются от уплаты сборов на финансирование государственных расходов.

Таким образом, Декрет, хотя и был изменен с учетом предыдущих недостатков и упущений, но нуждается в дальнейшей корректировке с целью устранения существующих в нем пробелов и коллизий. Также необходимо отрегулировать механизм взыскания сбора на финансирование государственных расходов с целью недопущения различного рода недоразумений и конфликтов со стороны граждан.

1. О республиканском бюджете на 2017 год [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 окт. 2016 г., № 431-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О предупреждении социального иждивенчества [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 2 апр. 2015 г., № 3 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 12.01.2017 г. № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.73

П.С. Вертелко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ

Практически все страны мира, проводя экономические преобразования, прибегают к внешним источникам финансирования. Рациональное использование иностранных займов, кредитов и помощи способствует ускорению экономического развития, решению социально-экономических проблем. Однако отсутствие целостной государственной политики по привлечению и использованию внешних финансовых ресурсов ведет к образованию внешней задолженности, которая становится серьезным препятствием на пути экономических преобразований. Финансовые отношения по поводу формирования, обслуживания и погашения государственного долга оказывают значительное влияние на основные элементы социально-экономической жизни общества. Если ранее росли долги банков и частных компаний, то в последние годы наблюдается рост государственных долгов, что дает основание говорить о кризисе суверенных долговых обязательств.

Государственный долг – совокупность внешнего и внутреннего государственного долга на определенный момент времени. А.Н. Азрилияна в Большом экономическом словаре рассматривает государственный долг как сумму задолженности по выпущенным и непогашенным государственным займам (включая начисленные по ним проценты) [1].

Привлечение заемных средств может дать положительный эффект для развития национальной экономики при условии создания высокоэффективных производств и сферы услуг, но при превышении опреде-

ленного лимита государственный долг становится обременительным для страны и создает угрозу финансовой безопасности. При накоплении государственного долга возникают проблемы с его обслуживанием. Поэтому для любой страны важное значение имеет эффективная система управления государственным долгом, способная предотвратить возможный долговой кризис. Управление государственным долгом предполагает совокупность мероприятий государства, направленных на погашение долговых обязательств страны – выплаты кредиторам, погашение внешних и внутренних займов, предоставление гарантий, изменение условий выпущенных займов, определение условий выпуска и размещения новых государственных долговых обязательств и др.

Эффективная политика управления государственным долгом включает в себя следующие направления.

1. Поддержание государственного долга на уровне, обеспечивающем сохранение экономической безопасности страны.

2. Осуществление постоянного мониторинга динамики долговых выплат с тем, чтобы в графике погашения долга отсутствовали периоды пиковых нагрузок, а основные выплаты приходились бы на моменты ожидаемого роста экономики.

3. Создание такой структуры государственных займов для того, чтобы выполнение обязательств по ним было сопряжено с наименьшими затратами и минимальным риском для экономики страны.

4. Минимизация стоимости долга за счет удлинения срока заимствований и снижения доходности по долговым обязательствам.

5. Своевременное и полное выполнение обязательств с целью недопущения начисления штрафов за просрочки и обеспечения стране репутации первоклассного заемщика.

6. Обеспечение эффективного целевого использования привлеченных средств.

7. Создание единой системы управления долгом для координации мер по снижению уровня задолженности и обеспечения более эффективного контроля за привлечением и использованием средств.

8. Согласование политики по обслуживанию внешнего долга с финансовой и экономической политикой в целом.

9. Применение различных методов управления государственным долгом [2].

Цель управления госдолгом заключается в нахождении оптимального соотношения между потребностями государства в дополнительных ресурсах и затратами по их привлечению, обслуживанию и погашению.

В условиях долгового кризиса, когда государство испытывает трудности с выполнением ранее взятых обязательств по погашению и обслуживанию государственной задолженности, используются следующие методы управления: рефинансирование, реструктуризация, консолидация, секьюритизация, аннулирование, конверсия.

Рефинансирование. В современных условиях наиболее часто государства используют такой метод управления долгом, как рефинансирование. Это представляет собой процесс погашения существующих государственных займов за счет привлечения новых. Однако это делает страну зависимой от внешних кредиторов, которые впоследствии могут диктовать государству свои условия не только экономического, но и политического характера. Опасность данного метода управления государственным долгом заключается в том, что он может вовлечь заемщика в бесконечную спираль наращивания долга до того момента, пока кредиторы не откажутся предоставлять новые займы. Рефинансирование может дать краткосрочный экономический эффект, но малоэффективно в долгосрочном периоде.

Реструктуризация. Реструктуризация долга означает изменения в условиях долгового контракта, в соответствии с которым кредитор предоставляет должнику какую-либо уступку или преимущество. Например, кредитор может пролонгировать сроки выплаты долга, временно отсрочить выплату процентов по долгу, принять меньший платеж, чем обусловлено в договоре. Реструктуризация дает должнику время для изменения экономической ситуации. Однако объявление о реструктуризации долга может ограничить доступ к другим источникам финансирования, негативно влиять на поведение коммерческих банков и инвесторов, что выражается в снижении объемов прямых иностранных инвестиций, вывозе капиталов из страны, т. е. ведет к снижению оценки конкурентоспособности государства.

Консолидация. Как вариант реструктуризации долга можно рассматривать консолидацию долга, которая предполагает предоставление кредиторам возможности переноса срока погашения внешней задолженности на более отдаленный период в соответствии с согласованными с заемщиком условиями.

Секьюритизация. Возможна схема сокращения государственного долга через механизм секьюритизации. В этом случае страна-должник эмитирует новые долговые обязательства в виде облигаций, которые либо непосредственно обмениваются на старый долг, либо продаются. В случае продажи полученные средства направляются на выкуп старых

обязательств. Если новые ценные бумаги торгуются на рынке с меньшим дисконтом, то такая операция приведет к сокращению общего объема задолженности.

Аннулирование. Аннулирование долга означает полный или частичный отказ страны от платежей по всем займам, включая проценты. Аннулирование государственного долга объявляется в нескольких случаях. Во-первых, при финансовой несостоятельности государства, т. е. его банкротства. Во-вторых, аннулирование задолженности может стать следствием прихода к власти новых политических сил, которые по определенным причинам отказываются признать финансовые обязательства предыдущего правительства.

Конверсия. Конверсия долга предполагает различные механизмы сокращения величины внешней задолженности и облегчения условий по обслуживанию внешнего долга. Это может быть обмен внешнего долга на собственность или на ценные бумаги государства-должника. Данный процесс возможно реализовать путем проведения тендеров по обмену пакетов акций приватизированных предприятий на долговые обязательства государства. Данная схема является трудоемкой, но позволяет привлечь стратегических инвесторов. Обмен долговых обязательств может проводиться и путем создания инвестиционных фондов, в активы которых передаются принадлежащие государству пакеты акций приватизированных предприятий. Использование данного метода ограничивается количеством предприятий, которые подлежат приватизации. При конверсии долга в акции инвесторы желают получить лучшие национальные активы, что не всегда выгодно государству. Кроме того, ряд предприятий, представляющих интерес для инвесторов, могут являться стратегически важными объектами для государства.

Таким образом, в настоящее время не существует универсального механизма управления государственным долгом и, на наш взгляд, не будет существовать. Механизм управления должен базироваться на особенностях государства, его экономических и финансовых возможностях. Идеальный механизм управления государственным долгом представляет собой совокупность вышеуказанных методов, рациональное использование которых позволит избежать государственных долгов и поднимет уровень жизни населения на высокий уровень.

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азриляна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Ин-т новой экономики, 2002. – С. 222.

2. Попкова, А. Управление государственным долгом в разных странах / А. Попкова. – Банк. вестн. – 2010. – № 6. – С. 34–41.

УДК 338.2

Е.Д. Вислобоков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

О.С. Буйкевич

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Деятельность по обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь осуществляется многими субъектами разнообразными способами, средствами и методами. Цели и задачи деятельности и компетенция органов, ответственных за экономическую безопасность страны, также различны.

Деятельность правоохранительных органов при осуществлении мер, направленных на обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь, предполагает контакты между собой и обмен необходимой информацией, а также контроль и надзор со стороны контролирующих органов.

Оптимальные результаты, эффективность и результативность работы правоохранительной системы могут быть достигнуты только при постоянном и продуманном взаимодействии, использовании всех полномочий, представленных законом, что позволяет добиться при самых сложных условиях наилучшего результата.

Система взаимодействия правоохранительных органов должна быть открытой и способной адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды.

Правоохранительные органы при единой, по существу, цели своей деятельности имеют разные задачи и специфические полномочия, используют различные методы работы в соответствии с законами, регламентирующими их деятельность. Объективная необходимость их взаимодействия, таким образом, обуславливается, с одной стороны, общностью задач предупреждения и пресечения экономических правонарушений, с другой – различиями в их функциональном и структурном положении.

В качестве основных целей взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения экономической безопасности можно выделить следующие:

совместные действия субъектов, которые направлены на укрепление законности и правопорядка, предупреждение экономических правона-

рушений, выявление и пресечение негативных явлений и процессов, которые порождают такие правонарушения или способствуют им;

повышение эффективности согласованных действий правоохранительных органов, администраций предприятий, учреждений, организаций и контролирующих органов в ходе мероприятий по установлению обстоятельств совершенных правонарушений.

Не умаляя важности пресечения, раскрытия и расследования экономических преступлений в обеспечении экономической безопасности государства в целом, роли взаимодействия различных государственных органов по данному направлению, нельзя сводить эту деятельность преимущественно к борьбе с экономическими правонарушениями, на что указывает ряд авторов. Эта проблема гораздо шире и требует комплексного подхода в своем решении. Взаимодействие в вопросах обеспечения экономической безопасности государства – в первую очередь, взаимодействие различных государственных и негосударственных структур по выводу экономики Беларуси из затянувшегося кризиса.

Следует отметить, что действующее национальное законодательство содержит в себе лишь самые общие правила осуществления взаимодействия между различными государственными органами. В большинстве своем подробное регламентирование обозначенных вопросов отдано на откуп ведомственным нормативным правовым актам, причем большинство из них имеет ограничительный гриф.

В процессе взаимодействия между субъектами устанавливаются взаимные связи, выражающиеся в совместной или согласованной деятельности. В зависимости от средств, обеспечивающих регулирование, они могут выступать в форме правовых или организационных отношений.

Основой взаимодействия является то, что каждый из его субъектов в пределах своей компетенции соответствующими средствами и методами осуществляет сбор информации о соблюдении требований законодательства, регулирующего осуществление тех или иных видов хозяйственной (экономической) деятельности, устанавливает факты нарушений, обстоятельства, которые им способствовали, предпринимает соответствующие меры реагирования.

Необходимость существования взаимодействия характеризуется тем, что одна из сторон взаимодействия обладает познаниями, которыми другая сторона не обладает и имеет возможности, которых у другой стороны нет. Совместные усилия в такой ситуации позволяют наиболее эффективно использовать возможности всех взаимодействующих субъектов.

Анализ юридической литературы и нормативных актов позволяет выделить несколько видов взаимодействия правоохранительных органов.

В зависимости от состава субъектов, взаимодействующих между собой, и цели такого взаимодействия можно выделить:

- межведомственное взаимодействие;
- функциональное взаимодействие;
- международное взаимодействие.

В зависимости от продолжительности взаимодействия между субъектами следует различать постоянное и разовое взаимодействие правоохранительных органов Республики Беларусь.

УДК 343.7

С.А. Воловик, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.Г. Сачек

МЕСТО КРИМИНОГЕННЫХ РИСКОВ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ БАНКОВ

Законодательные и исполнительные органы Республики Беларусь предпринимают серьезные меры по разработке и внедрению механизмов противодействия угрозам, в том числе криминогенным, экономической безопасности и нивелированию рисков. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента № 575 от 9 ноября 2010 г., одним из национальных интересов Республики Беларусь является сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем.

Современная банковская система Республики Беларусь представляет собой сложное многофункциональное образование. Ее структурные элементы существуют в тесной взаимосвязи. Основы функционирования современной банковской системы закреплены в Конституции Республики Беларусь. В ст. 136 Основного Закона отмечается, что банковская система нашего государства состоит из Национального банка Республики Беларусь (далее – Национальный банк) и иных банков. На настоящем этапе эти положения получили развитие в Банковском кодексе Республики Беларусь (далее – БК). Его вступление в силу в 2001 г. ознаменовало начало нового периода эволюции белорусской банковской системы. В настоящее время в Республике Беларусь зарегистрировано 25 коммерческих банков.

Основная особенность банковского законодательства заключается в том, что активно применяются превентивные меры по противодействию правонарушениям. Так, в целях противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 238–240 УК Республики Беларусь, т. е. связанным с банкротством субъектов хозяйствования, превентивные меры реализуются вне рамок процедуры банкротства и, соответственно, до отзыва лицензии у банка. Это обусловлено тем, что банковская деятельность связана с привлечением средств на счета и во вклады, осуществление чего в рамках процедуры банкротства нецелесообразно, поскольку получается, что для того, чтобы возратить средства прежним кредиторам, они должны привлекаться у новых. При этом одной из основных целей деятельности банков является минимизация рисков.

При рассмотрении вопросов, связанных с безопасностью функционирования банковской системы и противодействию правонарушениям при совершении финансовых операций, особое внимание представляется необходимым уделять понятию «банковский риск».

Под банковским риском понимается, присущая банковской деятельности, возможность (вероятность) возникновения у банка организации потерь (убытков) или ухудшения его ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий, связанных с внутренними или внешними факторами.

Внутренними факторами, предопределяющими возникновение рисков деятельности, могут быть сложность организационной структуры, уровень квалификации служащих, организационные изменения, текучесть кадров и т. д. Внешними факторами – изменение экономических условий деятельности банка, применяемые технологии и т. д. При этом противоправные проявления могут относиться в зависимости от субъекта угрозы как к внутренним, так и к внешним факторам.

Оценка и управление банковскими рисками является одним из основных направлений управления банком. В некоторых случаях, установленных Национальным банком, они должны определяться в количественном выражении и тогда приобретают вид экономических нормативов или показателей для их расчета.

В связи с этим риски приобретают основополагающее значение для банковского надзора, который в настоящее время нацелен на развитие содержательных (риск-ориентированных) подходов, включающих в себя оценку деятельности банков и применение мер надзорного реагирования, исходя, прежде всего, из содержания и реальной оценки рисков банковской деятельности с позиций их потенциального влияния на устойчивость банков.

К типичным банковским рискам относятся:

1) кредитный риск (риск возникновения убытков вследствие ненадлежащего исполнения должником-заемщиком обязательств перед банком);

2) страновой риск (риск возникновения убытков в результате неисполнения иностранными контрагентами обязательств из-за экономических, политических, социальных изменений, вне зависимости от их финансового положения);

3) рыночный риск, который включает в себя фондовый, валютный и процентный риски (риск возникновения убытков вследствие неблагоприятного изменения рыночной стоимости финансовых инструментов);

4) риск ликвидности (риск возникновения убытков вследствие неспособности банков обеспечить исполнение своих обязательств в полном объеме в результате несбалансированности сроков исполнения обязательств по привлеченным и размещенным средствам);

5) операционный риск (риск возникновения убытков в результате несоответствия характеру и масштабам деятельности банков внутренних процедур проведения банковских операций и сделок);

6) правовой риск (риск возникновения убытков вследствие несоблюдения банком требований нормативных правовых актов и заключенных договоров, допускаемых правовых ошибок при осуществлении деятельности, несовершенства правовой системы, совершения противоправных посягательств);

7) риск потери деловой репутации (риск возникновения убытков в результате уменьшения числа клиентов (контрагентов) вследствие формирования в обществе негативного представления о финансовой устойчивости банков, качестве оказываемых ею услуг или характере деятельности в целом);

8) стратегический риск (риск возникновения убытков в результате ошибок (недостатков), допущенных при принятии управленческих решений).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что устойчивое функционирование кредитно-финансовой системы республики в значительной степени зависит от устойчивого состояния и степени обеспечения экономической безопасности банков. Банковские риски необходимо понимать в широком смысле слова и рассматривать не только экономическую, но и правовую составляющую. Особое место в системе угроз кредитно-финансовой системе занимают криминогенные угрозы. Несмотря на то что они фактически относятся к правовым рискам, криминогенные риски носят комплексный характер и влияют на экономическую, управленческую и имиджевую составляющую безопасности банков.

И.Т. Голуб, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

О.С. Буйкевич

ОБМАН В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ

Проблема разграничения мошенничества (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и недействительных сделок, в том числе совершенных под влиянием обмана (ст. 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь), сводится к более общей проблематике соотношения уголовных и гражданских правонарушений. Еще Н.С. Таганцев отмечал важность вопроса о «взаимных отношениях и границах неправды гражданской и уголовной». Обращая особое внимание на тему разграничения положений уголовного и гражданского законодательства, он писал: «Грань, отделяющая даже в современной юридической жизни эти два вида неправд, представляется весьма тонкой и иногда даже едва уловимой; таково, например, различие между обманом гражданским и обманом уголовно наказуемым. В тех случаях, когда одно и то же юридическое событие, кража, поджог, увечье являются производящим фактором и неправды гражданской, и неправды уголовной, каких-либо второстепенных условий, часто даже процессуальных, достаточно, чтобы придать всему событию характер неправды или исключительно гражданской, или исключительно уголовной» [1].

Безусловно, уголовно-правовой обман по форме действия внешне имеет некоторое сходство (причем весьма существенное) с невыполнением обязательств по договорам гражданско-правового характера, поскольку собственность является объектом охраны как гражданского, так и уголовного законодательства. Поэтому установить грань, которая четко определяла бы признаки наказуемого обмана, весьма непросто, и в большинстве случаев правоприменитель, разрешая данную коллизию, руководствуется не четко сформулированным правилом, а своим внутренним убеждением (а оно порой весьма разное) и пониманием тех или иных процессов или же вовсе интуицией.

Общим для разноотраслевых правовых конструкций можно выделить обман, как способ совершения мошенничества и действий, направленных на совершение сделки, заключенной под влиянием обмана.

В этой ситуации актуальность приобретает правильность понимания обмана как юридической категории, так как данный термин является межотраслевым, о чем свидетельствует то, что и Гражданский кодекс Республики Беларусь, и Уголовный кодекс Республики Беларусь содержат в себе нормы с данной категорией.

В науке уголовного права сложилось традиционное понимание обмана как варианта воздействия на психику человека с целью создания определенного (ложного) восприятия им некоторых обстоятельств. Для конкретизации характера обманного воздействия сформулирован ряд признаков. Признаками являются умышленный характер данного воздействия, воздействие направлено на создание у объекта воздействия восприятия (осознания) фактов, не соответствующих действительности, цель воздействия – побуждение обманываемого к совершению определенных действий либо к воздержанию от их совершения.

В гражданско-правовой сфере, в свою очередь, понятие обмана менее разработано. Законодатель связывает обман с институтом недействительности сделок. Обманом признается «намеренное (умышленное) введение в заблуждение стороны в сделке другой стороной либо лицом, в интересах которого совершена сделка». Основное значение здесь признается воздействие контрагентом на процесс формирования воли другой стороны с целью побудить ее к заключению сделки в принципе или на определенных условиях. В соответствии со ст. 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь обман как вариант воздействия ставится в один ряд с насилием, угрозой, злонамеренным соглашением представителей сторон заблуждения, сложившегося у контрагента, независимо от действий первой стороны, влечет возможность признания сделки недействительной.

Кроме того, для признания недействительности сделки по указанной статье требуется формирование у стороны ложного восприятия обстоятельств не важных, а необходимых для ее заключения, т. е. существенных условий сделки, заблуждение по поводу мотивов не может считаться существенным. Таким образом, в гражданско-правовом понимании обмана прослеживаются те же признаки. Формирование ложного восприятия объективных обстоятельств, цель – побуждение к совершению определенных действий (заключению сделки).

Также обман, применяемый контрагентом, может прямо или косвенно влиять на заключение сделки и исполнение ее условий. По этому поводу обращают внимание на то, что мошенничество имеет место, если присутствует прямая связь между обманом и результатом сделки, т. е.

когда обман относится к данным о личности виновного, финансовому положению, его намерениям и т. д. (например, виновный умышленно искажает истинное состояние содержащихся в договоре данных либо заключает сделку без намерения или возможности ее исполнить). При наличии же косвенной связи, т. е. когда субъект, которому предоставляется имущество, достоверно отражает в договоре данные, однако искажает известные ему сведения об обстоятельствах, не имеющих прямого отношения к заключаемой сделке, и которые не могут повлиять на возможность исполнения сторонами своих обязательств в пределах заключенного договора, мошеннический обман будет отсутствовать.

Вместе с тем гражданское право стремится различать обман, влекущий признание сделки недействительной, от смежных с ним случаев, таких как неисполнение или ненадлежащее исполнение возникшего из сделки обязательства. Так, если продавец, осведомленный о дефектах отчуждаемого им имущества, не сообщит о них покупателю, то он будет отвечать за ненадлежащее исполнение договора купли-продажи, и напротив, если будет доказано, что продавец продал вещь, скрыв то, что она является краденной или подлежит уничтожению, такая сделка по требованию покупателя может быть признана недействительной, как заключенная под влиянием обмана.

В то же время с точки зрения уголовного права, и в первом, и во втором случаях действия продавца могут быть расценены при наличии всех признаков как обман (например, обман потребителей и мошенничество).

О данном факте стоило упомянуть еще и по той причине, что в последнее время популярность приобрел новый способ беззатратного взыскания долгов: перед тем как направлять исковое заявление в суд о взыскании задолженности, кредитор обращается в правоохранительные органы с заявлением о совершенном мошенничестве.

Таким образом, объемы понятий мошенничества и сделки, совершенной под влиянием обмана, в части совпадают, т. е. содержат общие элементы. Отсюда следует, что рассматриваемые правовые категории находятся в логическом отношении пересечения (перекрещивания), что важно принимать во внимание в правоприменительном процессе.

1. Таганцев, Н.С. Неправда гражданская и неправда уголовная [Электронный ресурс] / Н.С. Таганцев // Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item761.html>. – Дата доступа: 11.06.2017.

НАЛОГ ЗА ВЛАДЕНИЕ СОБАКАМИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Единственным местным налогом на сегодня является налог за владение собаками. Налог за владение собаками регламентирован гл. 30 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) [1].

Плательщиками налога являются физические лица [1]. Объектом налогообложения признается владение собаками в возрасте трех месяцев и старше. Налоговая база определяется как количество собак в возрасте трех месяцев и старше на 1-е число первого месяца налогового периода. Ставка устанавливается в размере 0,3 базовой величины за налоговый период. Исключение составляет ставка налога за породы собак, включенные в перечень потенциально опасных пород собак: устанавливается в размере 1,5 базовой величины за налоговый период. Налоговым периодом налога за владение собаками признается календарный квартал.

Минский городской Совет депутатов, местные Советы депутатов базового территориального уровня имеют право уменьшать (но не более чем в два раза) ставки налога за владение собаками [1]. Так, например, согласно Решению Гомельского областного Совета депутатов от 24 декабря 2009 г. № 302 ставки налога за владение собаками устанавливаются за собаку в зависимости от высоты в холке: до 40 см – 0,1 базовой величины, устанавливаемой в соответствии с законодательством Республики Беларусь (далее – б. в.), за каждый месяц налогового периода (далее – б. в. за месяц налогового периода); от 40 до 70 см – 0,2 б. в. за месяц налогового периода; от 70 см и более, а также если породы собак включены в перечень потенциально опасных пород собак, утвержденный постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 12 декабря 2001 г. № 40 «О некоторых вопросах разведения, содержания, ввоза в Республику Беларусь, а также обучения владельцев потенциально опасных пород собак» [2] (далее – Перечень) – 0,5 б. в. за месяц налогового периода [3]. В то же время Решением Минского городского Совета депутатов от 24 ноября 2010 г. № 60 установлены следующие ставки налога за владение собаками: до 40 см – 0,2 б. в. за месяц налогового периода; от 40 до 70 см – 0,5 б. в. за месяц налогового периода; 70 см и более – 0,6 б. в. за месяц налогового

периода; собаки, породы которых включены в Перечень, – 0,75 б. в. за месяц налогового периода [4].

В Перечень отнесены такие потенциально опасные породы собак, как айну, акабаш, американский стаффордширский терьер, английский мастиф, бельгийский мастиф, фила бразильеро, черный терьер, шарпей (китайская бойцовская собака), южнорусская овчарка и др. [2]

Уплата налога за владение собаками производится плательщиками путем внесения сумм налога организациям, осуществляющим эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющим жилищно-коммунальные услуги, одновременно с внесением платы за пользование жилым помещением (платы за жилищно-коммунальные услуги).

Организации, осуществляющие эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющие жилищно-коммунальные услуги, производят прием сумм налога за владение собаками и их перечисление в бюджет не позднее 27-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом, а также представляют в налоговый орган по месту постановки на учет информацию о перечислении налога за владение собаками в произвольной форме не позднее 30-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом.

В то же время Республика Беларусь является не единственным государством, в котором предусмотрен налог на какое-либо животное. Например, в Германии налог за владение собаками составляет до 700 евро. Также примечательными могут быть критерии определения собаки как объекта налогообложения. Например, в Норвегии владельцы собак платят тем больше, чем длиннее их пес. В Швеции величина налога зависит от роста собаки.

Актуальным также остается вопрос относительно содержания домашних животных, в том числе собак. В Республике Беларусь нормативным правовым актом, регулирующим порядок содержания домашних собак и кошек, является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2001 г. № 834 «Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь» [5] (далее – Правила). Собаки, кошки подлежат регистрации в течение трех дней со дня приобретения. Регистрация собак потенциально опасных пород производится только при наличии у владельца справки о прохождении соответствующего обучения. При регистрации собак, кошек их владельцам выдается регистрационное удостоверение и жетон установленного образца, который должен быть постоянно прикреплен к ошейнику животного. Организации, осуществляющие регистрацию собак, кошек, обязаны ознакомить

под роспись их владельцев с настоящими Правилами, а также санитарными и ветеринарными правилами.

Затрагивая вопрос о целесообразности налога за владение собаками, следует обратиться к официальной статистике о доле суммы, полученной государством, налогов за владение собак в местные государственные органы. По данным официальной статистики, удельный вес в общей сумме платежей в 2016 г. этого налога составил 0,01 % [6]. Данный показатель связан как с относительно низкой налоговой ставкой и налоговой базой рассматриваемого налога, так и с довольно низким количеством зарегистрированных собак, которые являются объектом налогообложения по этому налогу.

Таким образом, остается проблемным полем система информирования граждан о вышеназванных особенностях. Также открытым остается вопрос об актуальности существования данного налога. Тем не менее правовая регламентация содержания домашних животных наравне с правовой регламентацией налогообложения собак находится на должном уровне в Республике Беларусь и надежно функционирует.

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. № 15-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О некоторых вопросах разведения, содержания, ввоза в Республику Беларусь, а также обучения владельцев потенциально опасных пород собак [Электронный ресурс] : постановление М-ва сел. хоз-ва и прод. Респ. Беларусь, 12 дек. 2001 г., № 40 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об установлении на территории Гомельской области местных налогов и сборов и введении их в действие [Электронный ресурс] : решение Гомел. обл. Совета депутатов, 24 дек. 2009 г., № 302 // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Об установлении и введении в действие налога за владение собаками [Электронный ресурс] : решение Мин. гор. Совета депутатов, 24 нояб. 2010 г., № 60 // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 июня 2001 г., № 834 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nalog.gov.by/>. – Дата доступа: 02.06.2017.

К.Ю. Гутер, А.И. Прачкина,
курсанты уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ВИРТУАЛЬНАЯ ВАЛЮТА BITCOIN НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Следуя мировому тренду ухода из среды реального в среду виртуальную, деньги стали электронными. Электронные деньги – новое для финансового рынка понятие, которое находится сегодня на этапе становления. Как правило, под «виртуальной валютой» принято понимать денежные обязательства эмитента в электронном виде, находящиеся на электронном носителе в распоряжении пользователя. Виртуальная валюта – это электронные частные деньги, используемые для покупки или продажи виртуальных товаров во всевозможных сетевых сообществах. Также существует и криптовалюта. Криптовалюта – вид цифровой валюты, эмиссия и учет которой основаны на криптографических методах, функционирование системы происходит децентрализованно в компьютерной сети.

В 2008 г. Сатоши Накамото разработал новую электронную платежную систему «Bitcoin», использующую криптовалюту. Ее принципиальное отличие от всех ранее созданных электронных валют и платежных систем заключается в отсутствии привязки к какому-либо физическому активу или официальной валюте. Фактически система «Bitcoin» основана на математике – выпуск новых монет осуществляется согласно четким и понятным математическим формулам, не подверженным влиянию мировых экономик. При этом цена одной цифровой монеты bitcoin регулируется исключительно рыночным спросом и предложением. В «Bitcoin» отсутствуют единый контролирующий центр и комиссия за хранение и перевод сумм любого размера, а также независимость от каких-либо определенных организаций и возможность анонимного использования обеспечило одной из первых криптовалют bitcoin популярность среди энтузиастов IT-мира [2].

Для того чтобы получить bitcoin нужно проводить сложные вычисления, гарантирующие проведение очередной операции. Процесс назвали «майнинг» (от англ. mining – добыча полезных ископаемых). Задача «вычислителя» (майнера) – записать в один блок все операции после

появления предыдущего и защитить криптографической подписью. Новый блок создается на базе предыдущего. Поэтому возврат денежной единицы невозможен и исключено попадание в систему фальшивых bitcoin. Цепочка блоков называется блокчейн.

Представляется возможным выделить основные черты bitcoin. Во-первых – доступность, требуется всего лишь иметь базовую программу-клиент. Важной особенностью является возможность расплатиться анонимно. Адрес – 34 знака. По этим данным никто не может вычислить истинного владельца bitcoin. И, бесспорно, мощная защита. Взломать эту сеть невозможно. С каждым днем ее надежность возрастает.

Пока обыватели спорят и присматриваются к новым деньгам, большинство государств попросту игнорируют bitcoin. С одной стороны, это можно понять: это новое явление, неизвестно что от него ожидать. С другой стороны, для того и существует государство, чтобы вносить ясность в те процессы, которые происходят в обществе и экономике. Но молчание по поводу bitcoin хранят не все государства. Некоторые уже издали официальные документы, которые в той или иной степени выражают официальную позицию правительств. А позиции эти самые разные.

Наша страна, к сожалению, не издавала никаких официальных документов насчет признания или непризнания криптовалют. С учетом норм ст. 14, 232, 274 Банковского кодекса расчеты на территории Республики Беларусь могут осуществляться в безналичной или наличной форме, в том числе с использованием белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег в порядке, установленном законодательством. Виртуальная валюта bitcoin не имеет правовых оснований для использования на территории Республики Беларусь, соответственно, расчеты с ее использованием несут для юридических и физических лиц правовые риски, а также риски, связанные с отсутствием надлежащей гарантии погашения обязательств для держателей виртуальной валюты bitcoin.

В разных странах отношение к bitcoin сильно различается. В конце августа 2013 г. Министерство финансов ФРГ сделало заявление о том, что bitcoin не может быть классифицирован как электронная или иностранная валюта, а больше подходит под определение частные деньги, с помощью которых могут осуществляться многосторонние клиринговые операции. Китай стал, пожалуй, первой страной на политической карте мира, которая официально выступила против использования bitcoin финансовыми институтами государства. Но гражданам Китая не запрещено использовать криптовалюту, но все риски ложатся на самих же граждан. Кстати, принятие правительством Китая в конце ноября 2013 г.

постановления о запрете использования bitcoin финансовыми институтами стало началом падения курса этой криптовалюты после достижения ею исторического максимума на отметке около 1 240 долл. США считает bitcoin виртуальной валютой. Крупнейшая экономика мира после некоторых раздумий одной из первых в мире дала юридическую оценку криптовалюте bitcoin. 18 ноября 2013 г. прошли слушания в Сенате по виртуальной криптовалюте bitcoin. Основным их итог – цифровая валюта является законным финансовым инструментом, а ее широкое использование несет значительные выгоды потребителям. Такая оценка содержится в отчетах Министерства юстиции и Комиссии по ценным бумагам США, предоставленных к слушаниям комитета Сената США [3]. В январе 2014 г. налоговые органы Сингапура приравнили операции с bitcoin к операциям, облагаемым налогом на товары и услуги. Стандартный налог на прибыль планируется взимать с компаний, занимающихся покупкой и продажей bitcoin. Не будет облагаться налогами долгосрочное инвестирование в bitcoin, приравненное к вложениям в капитал. В январе 2014 г. Центральный банк РФ признал валюту bitcoin «денежным суррогатом» и предупредил, что ее участники могут быть непреднамеренно вовлечены в преступную деятельность – отмывание доходов или терроризм. Банк также обратил внимание, что за криптовалютой не отвечает ни один центральный банк мира [4].

Таким образом, в последнее время криптовалюты стали явлением, которое невозможно игнорировать. В то же время распространенность и популярность в мире системы «Bitcoin» не повышает ее надежности и не гарантирует доходности вложений. Существует устойчивое мнение, что в отношении криптовалют Беларусь ожидает решения, которое будет принято в России, чтобы затем скопировать и реализовать у себя.

С учетом всего вышесказанного фактически на сегодня в Республике Беларусь отсутствуют юридически закрепленные санкции и ограничения с работой bitcoin. Мы находимся в веке компьютерных новаций. Текущая позиция органов власти не соответствует интересам общества. Скорее, преобладает некий консерватизм в этом отношении, который нужно отбросить для прогрессивного развития страны.

Так, необходимо создать специальный орган, который возьмет на себя функцию кодификации bitcoin. Вследствие этого сложатся и нормативные акты, касающиеся, в первую очередь, налогов и сборов. А юридические лица, являющиеся обменниками или биржами, будут обязаны сообщать в соответствующую службу о подозрительных транзакциях с целью проверки. Данная система позволит успешно контролировать оборот криптовалюты bitcoin и пресечь преступные деяния.

1. 8 «виртуальных валют» Беларуси: все об электронных деньгах // Myfin.by. – Режим доступа: <http://myfin.by/stati/view/2555-a-8-virtualnyh-valyut-belarusi-vseob-elektronnyh-dengah>. – Дата обращения: 28.05.2017.

2. Королюк, А. Монета из Интернета / А. Королюк // Рос. Бизнес-газета. – 2014. – 21 янв. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/01/21/bitkoin.html>. – Дата обращения: 28.05.2017.

3. Благовещенский, А. Bitcoin-банкоматы впервые появятся в США / А. Благовещенский // Рос. газета. – 2014. – 18 февр. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/02/18/bitcoin-atm-site.html>. – Дата обращения: 28.05.2017.

4. Благовещенский, А. Валюту Bitcoin стали продавать на eBay / А. Благовещенский // Рос. газета. – 2014. – 9 апр. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/09/ebay-bitcoin-site.html>. – Дата обращения: 29.05.2017.

УДК 349.7

Д.П. Книш, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

М.А. Кравцова

ОБ ОБРАЩЕНИИ С РАДИОАКТИВНЫМИ ОТХОДАМИ

В существующем перечне угроз экологической безопасности особое место занимают радиоактивные отходы и ядерные материалы. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О радиационной безопасности населения» от 5 января 1998 г. № 122-3 радиоактивные отходы – это источники ионизирующего излучения, использовавшиеся в ходе экономической или иной деятельности пользователей источников ионизирующего излучения, которые они не намерены либо не могут использовать по прежнему назначению, а также образовавшиеся при выполнении мероприятий по ликвидации последствий радиационной аварии, в которых содержание радионуклидов превышает уровни, установленные нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми документами [1].

Учитывая, что данная проблема носит транснациональный характер, ее решение в рамках только одного государства невозможно – необходимы совместные усилия, в том числе в области правового регулирования обращения с радиоактивными отходами. В большинстве стран на законодательном уровне закреплены положения, касающиеся обращения с радиоактивными отходами, обеспечения безопасности при таком обра-

щении. Так, следует выделить Объединенную конвенцию о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами (г. Вена, 5 сентября 1997 г.); Конвенцию о ядерной безопасности (г. Вена, 17 июня 1994 г.); Конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (г. Базель, 22 марта 1989 г.); Конвенцию о физической защите ядерного материала (принята в Вене 26 октября 1979 г. на Межправительственной конференции) и ряд других международно-правовых актов, ратифицированных в Республике Беларусь.

В связи со строительством Белорусской АЭС существует необходимость рассмотреть вопрос, может ли это способствовать возникновению угрозы большего загрязнения территории государства радиоактивными отходами. Поэтому следует обратить внимание на рассмотрение таких вопросов, как:

1. Достаточно ли мероприятий при обращении с радиоактивными отходами, а также их правовой регламентации?

2. Хватит ли в Республике Беларусь мест захоронения для данных отходов, а именно хранилищ-могильников?

3. Проинформированы ли граждане Республики Беларусь о мерах предупреждения радиоактивного загрязнения?

Решение этих вопросов поможет свести к минимуму все риски неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть при обращении с радиоактивными отходами.

На данный момент, исходя из результатов многолетних исследований и практического опыта, государством разработано множество методов и способов по радиационной защите и обращению с такими отходами. Так, например, в Законе Республики Беларусь «Об обращении с отходами» от 20 июля 2007 г. № 271-3 установлен определенный процесс обращения с радиоактивными отходами, который состоит из отдельных стадий: сбор отходов и разделение их по видам, переработка, обезвреживание, хранение, перевозка и захоронение отходов [2].

На сегодня государство предпринимает все меры для захоронения радиоактивных отходов по установленным нормам, которые четко прописаны в ст. 16¹ Закона Республики Беларусь «О радиационной безопасности населения» [2]. Также для обеспечения безопасности населения постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2015 г. № 460 «Об утверждении стратегии обращения с радиоактивными отходами Белорусской атомной электростанции» разработан план строительства нового пункта захоронения с возможностью его расши-

рения для обеспечения захоронения радиоактивных отходов в соответствии с нормативными требованиями [3].

Для предотвращения рисков угрозы экологической безопасности эксплуатационные радиоактивные отходы подлежат государственному учету и контролю в единой государственной системе учета и контроля источников ионизирующего излучения. Порядок ведения государственной системы учета и контроля радиоактивных отходов Республики Беларусь, а также единой государственной системы учета и контроля источников ионизирующего излучения определяется Правительством Республики Беларусь, это следует из Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» от 30 июля 2008 г. № 426-3 [4].

Из вышеуказанного мы можем сделать вывод, что обращение с радиоактивными отходами четко регламентировано нормативно-правовыми актами Республики Беларусь. Государство разрабатывает новые стратегии для предупреждения любых неблагоприятных последствий в ходе обращения с радиоактивными отходами. В стадии разработки находятся новые объекты захоронения отходов, которые смогут обеспечить безопасность не только в настоящее время, но и в будущем. Существует незакрытая нормативно-правовая база, с которой может ознакомиться каждый гражданин нашего государства. Выделенные ранее вопросы об обращении с радиоактивными отходами требуют постоянного контроля и усовершенствования, чтобы на протяжении всего срока потенциальной опасности радиоактивных отходов негативное воздействие на человека и окружающую среду как в настоящее время, так и в будущем не превышало пределов, установленных соответствующими нормами.

1. О радиационной безопасности населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 1998 г., № 122-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июня 2007 г., № 271-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об утверждении стратегии обращения с радиоактивными отходами Белорусской атомной электростанции [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 июня 2015 г., № 460 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Об использовании атомной энергии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июля 2008 г., № 426-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Е.В. Костючук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ОБ УКЛОНЕНИИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ. ПУТИ РЕШЕНИЯ

Всем известно, что налоги – основной источник пополнения государственного бюджета. Именно поэтому поступление данных платежей в бюджет является одной из приоритетных задач государства. Правовую основу системы налогообложения составляет не только Налоговый кодекс Республики Беларусь, но и другие методические указания, инструкции, а также письма и разъяснения по их применению. Это является основанием возникновения налоговых нарушений и преступлений. Уклонением от уплаты налогов в общем смысле слова можно назвать целенаправленные действия налогоплательщика, которые позволяют последнему избежать или в той или иной степени уменьшить его обязательные выплаты в бюджет, производимые им в виде налогов, сборов, пошлин и других платежей. Эти действия имеют ряд присущих им признаков: во-первых, это должны быть активные действия налогоплательщика и, во-вторых, они направлены на снижение размера налоговых отчислений.

Способы уклонения от уплаты налогов достаточно разнообразны, но, исходя из многолетней практики деятельности правоохранительных органов, можно выделить наиболее часто встречаемые. К таковым относятся сокрытие налоговой базы, занижение налоговой базы, уклонение от представления налоговой декларации, внесение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений.

В общих чертах рассмотрим каждый из указанных способов.

Соккрытие налоговой базы характеризуется тем, что прибыль или другой объект налогообложения у плательщиков налогов и сборов фактически имеется, но она не декларируется, не упоминается в документах, связанных с начислением и уплатой налогов (сборов), которые представляются в налоговые и иные контролирующие органы.

Занижение налоговой базы означает частичное уклонение от уплаты налогов, сборов и выражается в неотображении в представленных в налоговый орган отчетных документах полного объема объектов налогообложения, умышленное неправильное исчисление тех сумм, которые подлежат уплате в бюджет.

Уклонение от представления налоговой декларации состоит в умышленном непредставлении в налоговые органы в установленный срок декларации о доходах субъектов предпринимательской деятельности и физических лиц и, как правило, одновременно является сокрытием объектов налогообложения. В большинстве случаев это связано с непредставлением гражданином налоговой декларации, когда ее подача является обязательной.

Внесение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений. Способами фальсификации налоговой декларации здесь являются:

умышленное указание любых, не соответствующих действительности, данных об объекте налогообложения, расчете налоговой базы, наличии налоговых льгот и вычетов и любой иной информации, влияющей на правильное исчисление и уплату налогов;

полное или частичное неотражение в налоговой декларации полученных доходов (включение в налоговую декларацию заведомо искаженных сведений о полученных доходах и расходах);

необоснованное увеличение расходов, связанных с получением дохода и подлежащих исключению из налогооблагаемой базы.

Исходя из вышеизложенного, можно выработать определенные способы борьбы с уклонением от уплаты налогов. Полагаю, что существует необходимость в:

ужесточении санкций в отношении нарушителей налогового законодательства;

постоянном совершенствовании комплекса организационных и правовых мер по предупреждению, контролю и пресечению правонарушений в области уплаты налогов.

Наличие в законодательстве налоговых льгот порождает у предпринимателя желание искать все возможные пути их использования. В связи с этим можно говорить о необходимости совершенствования нормативной правовой базы, дающее возможность закрытия законных путей, используемых для уклонения от уплаты налогов.

Если проанализировать налоговое законодательство зарубежных стран, то во многих предусмотрено создание автоматизированных систем выявления недобросовестных налогоплательщиков. Практика применения данных систем свидетельствует об их эффективности в борьбе с уклонением от уплаты налогов. Исходя из опыта зарубежных стран, необходимо рассмотреть вопрос о создании автоматизированных систем выявления недобросовестных налогоплательщиков и на территории нашего государства.

В последнее время уклонение от уплаты налогов приобретает массовый характер и наиболее сложные формы. Такое явление обусловлено реакцией граждан на различные налоговые мероприятия государства, т. е. попыткой собственника защитить свое имущество от посягательства со стороны государства.

УДК 347.7

Д.С. Лашко, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

О НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Налог – это обязательный индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты.

Налоги – необходимое звено экономических отношений в обществе, а также основной источник доходной части бюджетов всех уровней и эффективный инструмент государственного регулирования социально-экономических отношений.

В налоговой структуре Республики Беларусь основную долю доходов бюджета составляют косвенные налоги. Косвенными налогами признаются налог на добавленную стоимость и акцизы (ст. 6 Налогового кодекса (далее – НК)).

В основу налоговой системы Республики Беларусь заложены следующие принципы:

- однократность обложения;
- оптимальное сочетание прямых и косвенных налогов;
- одинаковый подход ко всем хозяйствующим субъектам обложения;
- установленный порядок введения и отмены органами власти разного уровня налогов, их ставок, налоговых льгот.

Белорусская налоговая система по количеству платежей практически не отличается от большинства систем налогообложения стран с развитой рыночной экономикой. Кроме того, в Беларуси довольно высокая ставка налога на прибыль – 18 %. Так, она выше, чем в России и Литве, где составляет 16 % и в Казахстане – 15 %.

Вывод можно сделать следующий: последнее место белорусской налоговой системы в рейтинге Всемирного банка – результат не только и не столько количества налоговых платежей.

Основные проблемы отечественной налоговой системы заключаются в следующем.

Во-первых, это нечеткость изложения отдельных норм и положений, регулирующих исчисление и уплату налогов, что приводит к высокой трудоемкости и непреднамеренным ошибкам. Прежде всего это относится к НДС, налогам на прибыль и экологическому налогу. Что касается НДС, то здесь действует весьма сложный механизм налоговых вычетов с рядом ограничений. Кроме того, действует довольно громоздкий порядок подтверждения правомерности применения нулевой ставки НДС. По налогу на прибыль по-прежнему часто возникают вопросы, связанные с учетом в целях налогообложения отдельных видов затрат, например на рекламу.

Во-вторых, носит «застарелый» характер и заключается в нестабильности налогового законодательства. Понятно, что налоговые нормы в стране, где собственная налоговая система сформировалась сравнительно недавно, могут и должны меняться. Но у нас эти новые нормы часто вводятся задним числом или накануне их вступления в силу. В результате рядом льгот, предусмотренных НК, невозможно было воспользоваться, поскольку не были утверждены соответствующие перечни.

В-третьих, высокая периодичность уплаты налогов. Большинство из них уплачивается у нас раз в месяц. Налог на прибыль и НДС при определенном размере выручки можно уплачивать раз в квартал.

В-четвертых, перечень налогов, которые предприятия должны платить в бюджет был и остается по-прежнему довольно широк и не формирует целостную и логическую и логически увязанную налоговую систему.

В-пятых, отдельные виды налогов нередко дублируют либо частично повторяют друг друга (НДС и налог на прибыль, НДС и налог на приобретение автотранспортных средств).

В-шестых, существование большого числа налогов, неоправданно отнесенных на себестоимость продукции (экологический, земельный и др).

Также в качестве проблемы можно выделить участвовавшие случаи уклонения от уплаты налогов, уменьшение налогооблагаемой базы предприятиями и предпринимателями с целью уплаты меньшей суммы налога.

Достаточно часто субъектам предпринимательства удается уклониться от уплаты налогов за счет манипуляции с ценами на реализуемую продукцию, оказываемые услуги и выполняемые работы. Одним из примеров таких налоговых уклонений является трансфертное ценообразование.

Подводя итог, можно выделить следующие проблемы функционирования налоговой системы Республики Беларусь:

- сложное законодательство;
- высокая периодичность уплаты налогов;
- большое количество налогов и сборов;
- относительно высокие налоговые ставки;
- частые случаи уклонения от уплаты налогов;
- большое количество документов, необходимых для заполнения при уплате налогов.

Белорусская налоговая система зародилась совсем недавно и сейчас находится на этапе формирования и становления. В настоящее время ведется активная работа по оздоровлению налоговой системы, и в качестве основных направлений развития можно выделить следующие тенденции:

- снижение числа налогов и сборов;
- упрощение налогового законодательства;
- упрощение документооборота;
- введение электронной системы расчетов;
- снижение налоговой нагрузки на экономику;
- меры по избежанию двойного налогообложения и др.

Подводя итог, можно сказать, что серьезным недостатком отечественной налоговой системы также является рассредоточение элементов ее нормативно-правовой регламентации по многочисленным законам и подзаконным актам. Более того, ситуация усугубляется недостаточной конкретизацией отдельных норм налогового законодательства и противоречивостью их интерпретации. Все это затрудняет возможность налогоплательщиков четко изучить свои права и обязанности, а также приводит к конфликтам между налогоплательщиками и налоговыми органами.

В настоящее время в Республике Беларусь ведется активная работа по упрощению механизма исчисления отдельных платежей, рационализации структуры налогов в направлении общего снижения налоговой нагрузки. Основной целью корректировок налоговой системы является достижение баланса интересов государства (по сбору налогов) и бизнеса (по возможностям экономического развития).

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. № 15-З // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Основные направления денежно-кредитной политики на январь – март 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/publications/ondkp/>. – Дата доступа: 09.06.2017.

3. Концепция развития платежной системы Республики Беларусь на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/publications/ondkp/>. – Дата доступа: 09.06.2017.

УДК 349.6

И.И. Лещинский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
М.А. Кравцова

ОБ УТИЛИЗАЦИИ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время вопросам экологической безопасности во всем мире уделяется особое значение. Проблема сбора и переработки твердых бытовых отходов (далее – ТБО) является чрезвычайно актуальной. С использованием новейших технологий человечество получило самую разнообразную структуру всевозможных отходов бытового и промышленного происхождения. Постепенно накапливаясь, отходы становятся серьезной угрозой, прежде всего, с точки зрения экологической безопасности.

Развитые страны принимают активные меры для полного уничтожения или частичной утилизации твердых бытовых отходов. Твердые бытовые отходы являются богатым источником вторичных ресурсов (в том числе черных, цветных, редких и рассеянных металлов), а также «бесплатный» энергоноситель, так как бытовой мусор – возобновляемое углеродсодержащее энергетическое сырье для топливной энергетики.

В Республике Беларусь в большинстве случаев отходы пока складываются на мусорных свалках, стихийных или специально организованных в виде «мусорных полигонов». По нашему мнению, это самый неэффективный способ борьбы с ТБО, поскольку мусорные свалки, занимающие огромные территории характеризуются высокой концентрацией углеродсодержащих материалов (бумага, полиэтилен, пластик, дерево, резина), часто горят, загрязняя окружающую среду отходящими газами. Кроме того, мусорные свалки нередко становятся источниками загрязнения поверхностных и подземных вод. Учитывая опыт зарубежных стран (Германия, Нидерланды) необходимо отметить, что переработка отходов обеспечивает существенную экономию энергии и сырья.

Согласно Закону Республики Беларусь «Об обращении с отходами» одним из основных принципов государственной политики в области обращения с отходами закреплен принцип приоритетности использования отходов.

Тем не менее в нашей стране государственное регулирование и управление в области обращения с отходами осуществляют различные министерства. За вторичное сырье отвечает Министерство торговли, за обращение с отходами черных и цветных металлов – Министерство промышленности, за отходы, содержащие цветные металлы, – Министерство финансов, за опасные отходы – Министерство по чрезвычайным ситуациям. Таким образом, в настоящее время не существует единого органа, который бы отвечал за деятельность, связанную с утилизацией всех видов отходов. Опыт зарубежных стран показывает, что за переработку отходов отвечает отдельная промышленная отрасль, которая несет ответственность за все вопросы, связанные с установлением норм переработки, составлением карт полигонов, разработкой планов по управлению отходами, проведением работы по минимизации и предотвращению образования отходов и обеспечению максимального уровня их переработки, а также установлением налогов в данной отрасли.

Основными принципами, на которых строится утилизация отходов в странах Европы, являются прежде всего разделение и сортировка мусора. В настоящее время в Республике Беларусь это представляет определенные трудности. Причиной этому видится недостаточное информирование населения о проблеме ТБО, о возможностях их отдельного сбора, об экологической и экономической целесообразности. Как показывает практика, работ, проводимых с населением по повышению экологической сознательности, недостаточно. Как результат – общественное понимание проблемы отходов и их инициатива участия в программе отдельного сбора остается на достаточно низком уровне. Решением данной проблемы может быть отказ от мусоропроводов в больших городах. Так, например в Германии для сбора и сортировки мусора используются только контейнеры. Они не одинаковые, отличаются своим цветом и типом выбрасываемого в них мусора.

Еще одним решением данной проблемы является привлечение как можно большего количества общественных, некоммерческих организаций, а также стимулирование людей к поддержанию чистоты в нашей стране. Для этого следует применять меры экономического стимулирования к тем, кто правильно утилизирует отходы.

Так, например, в Германии подростки, которые собирают мусор и сдают его на вторичную переработку, получают финансовое вознаграждение. Власти Нидерландов выдают гражданам страны, активно уча-

ствующим в программе отдельного сбора мусора, специальные купоны экологической лояльности. Данные купоны дают льготы на оплату жилья и коммунальных услуг, благодаря чему подавляющее большинство жителей Голландии очень внимательно относятся к сортировке мусора.

Таким образом, создание единого органа, регулирующего деятельность по утилизации и переработке отходов, правовое просвещение граждан в данной области и имплементация зарубежного опыта во многом снизят проблемы накопления твердых бытовых отходов. Это будет способствовать улучшению экологического состояния государства.

1. Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Чтобы отходы приносили доходы // Вести потребкооперации. – 2007. – 3 авг. – С. 1–2.

УДК 347.7

В.О. Одинец, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

РИСК ЛИКВИДНОСТИ БАНКОВ

Ликвидность банка – это способность банка своевременно выполнять свои договорные обязательства, в том числе с помощью займов на межбанковском рынке или путем реализации активов.

От ликвидности отдельных банков зависит в значительной степени стабильность денежно-кредитной системы государства в целом. Нарушение ликвидности и банкротство одного из банков может повлечь за собой неплатежеспособность других банков и их клиентов. Этим объясняется важность регулирования деятельности банков в области ликвидности центральным банком.

При формировании системы управления риском ликвидности банкам следует руководствоваться требованиями к локальным нормативным правовым актам банка по управлению рисками и внутреннему контролю, установленными Инструкцией о нормативах безопасного функционирования для банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 28 сентября 2006 г. № 137, Инструкцией об организации системы внутреннего контроля в банках и небанковских кредитно-

финансовых организациях, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 28 сентября 2006 г. № 139.

При выявлении (идентификации) риска ликвидности банку необходимо установить причины превышения исходящих денежных потоков над входящими на протяжении различных периодов времени. Источниками превышения могут быть: неудовлетворительная структура позиций ликвидности, связанная с несбалансированностью по срокам объемов активов и пассивов; отток привлеченных средств, связанный с возможностью непредсказуемого увеличения исходящих и (или) уменьшения входящих платежей по счетам клиентов.

При выявлении (идентификации) риска ликвидности банку также необходимо принимать во внимание влияние других рисков: кредитного (непоставка или невозврат активов), рыночного (снижение рыночной стоимости активов), валютного (несбалансированность активов и обязательств по видам валют), репутационного (утрата доверия к банку, влекущая отток привлеченных средств клиентов), операционного (потеря ликвидности в результате неадекватных или ошибочных внутренних процессов, действий сотрудников и систем или внешних событий), риска концентрации (зависимость банка от небольшого количества источников заемных ресурсов, чрезмерный объем краткосрочных депозитов или долгосрочных кредитов).

Для обеспечения полноты измерения (оценки) риска ликвидности рекомендуется предусмотреть включить в процесс управления риском ликвидности определение величины издержек или потенциальных затрат, возникающих при реализации мер по обеспечению покрытия дефицита ликвидности (стоимости риска ликвидности), а также отношение их на соответствующие виды деятельности (бизнес-линии), позиции, портфели, отдельные сделки. Включение таких издержек во внутреннее ценообразование, использование при бюджетировании, оценке эффективности деятельности, при подготовке к введению новых видов банковских продуктов позволят осуществлять корреляцию склонности руководителей отдельных подразделений (бизнес-линий) к принятию риска (по определению Базельского комитета – риск-аппетит) с общей стратегией управления риском ликвидности банка.

Для выявления потенциальных проблем с ликвидностью банкам следует разработать количественные и качественные индикаторы раннего предупреждения, к которым могут относиться, например, быстрый рост активов, увеличивающийся отток депозитов, усиление концентрации активов или пассивов, неоднократные нарушения нормативов ликвидности и (или) лимитов, снижение кредитного рейтинга, негативная ин-

формация о банке в средствах массовой информации, существенное снижение доходности и иные индикаторы, присущие конкретному банку и позволяющие выявить негативный тренд риска ликвидности.

В банке необходимо организовать активный мониторинг риска ликвидности и позиций ликвидности, для чего следует располагать надежной системой сбора, обработки, анализа информации, охватывающей позиции ликвидности по всем балансовым и внебалансовым статьям в разрезе валют, значимых клиентов, видов банковских услуг (продуктов), бизнес-линий, подразделений, регионов. Такая система управления информацией должна охватывать все имеющиеся и потенциальные источники риска ликвидности, которые могут возникнуть из новых видов деятельности. Результаты ежедневного мониторинга потребности банка в ликвидности, соблюдения лимитов (ограничений), проявления индикаторов раннего предупреждения должны использоваться при составлении управленческой отчетности, которую следует регулярно доводить до руководства банка для принятия им соответствующих мер по соблюдению политики, процедур и ограничений риска ликвидности, улучшению структуры баланса, переходу (при необходимости) к альтернативному сценарию планирования ликвидности в целях снижения риска.

Кроме того, следует осуществлять постоянный мониторинг факторов, которые могут оказать влияние на способность банка быстро привлекать ресурсы, а также обеспечить эффективную диверсификацию источников и сроков финансирования в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе в рамках разработанных банком планов финансирования в обычных условиях. В рамках диверсификации банку следует определить основные действующие и потенциальные внешние источники финансирования, с которыми поддерживаются наиболее прочные взаимоотношения. Для укрепления способности противостоять стрессовым ситуациям банку необходимо разработать сценарии стресс-тестов и планы финансирования в кризисных ситуациях, в которых следует определить основные и альтернативные источники финансирования (внутренние и внешние).

Поскольку доступ к рынку, на котором банк может не только привлекать ресурсы, но и реализовывать активы, имеет важное значение для управления риском ликвидности, банку необходимо осуществлять активное управление таким доступом и его мониторинг, что требует развития в банке соответствующей информационно-технологической инфраструктуры.

На 1 января 2017 г. в целом по системе коэффициент текущей ликвидности в белорусских рублях был равен 164,4 %, в иностранной валюте –

109,8 %. На 1 июля 2016 г. данные коэффициенты составляли 167,3 % и 98,3 %. Но при этом коэффициент текущей ликвидности в инвалюте у госбанков находился на отметке 69,9 %, т. е. ниже общего норматива.

1. О совершенствовании управления риском ликвидности в банках [Электронный ресурс] : письмо Нац. банка Респ. Беларусь, 31 дек. 2009 г., № 23-14/114. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic07/text863/index.htm>. – Дата доступа: 09.06.2017.

2. Об утверждении Инструкции о нормативах безопасного функционирования для банков и небанковских кредитно-финансовых организаций [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 28 сент. 2006 г., № 137 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об утверждении Инструкции об организации внутреннего контроля в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 28 сент. 2006 г., № 139 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.37

Д.Н. Подомацкий, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ОСОБЕННОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

На наш взгляд, актуальность исследования заключается в том, что налоги – это основная форма доходов государства. Необходимость своевременного и полного поступления денежных средств от уплаты налогов обусловлена такими классическими функциями государства, как политическая, экономическая, социальная и др. Для государства основная статья доходов в бюджет – это налоги.

Полагаем, что именно эти факторы обуславливают пристальное внимание государства к правонарушениям и преступлениям в сфере экономической деятельности.

В настоящее время в Республике Беларусь существует достаточное количество правонарушений в сфере налогового законодательства. Это обусловлено тем, что не каждый гражданин желает своевременно и в

полном объеме уплачивать суммы налогов и сборов. Законодательство Республики Беларусь предусматривает три основных вида ответственности за нарушения налогового законодательства: дисциплинарную, административную и уголовную.

Так, в соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь в ст. 197 установлена дисциплинарная ответственность за противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязательств (дисциплинарный проступок).

Административная ответственность наступает в случае совершения налогоплательщиком административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В отличие от ряда стран (например, России), где существует специальный институт ответственности в рамках налогового законодательства (так называемые налоговые санкции), в нашей стране ответственность за налоговые нарушения имплементирована в специализированные отрасли: законодательство об административных правонарушениях – КоАП и уголовное законодательство – УК [1].

На наш взгляд, наиболее эффективной мерой государственного регулирования правонарушений в сфере экономической деятельности является применение к правонарушителям мер уголовной ответственности. Уголовная ответственность наступает в случае совершения налогоплательщиком преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Уголовный кодекс Республики Беларусь криминализирует такое деяние, как уклонение от уплаты налогов и сборов. Указанный состав преступления закреплен в ст. 243 Уголовного кодекса [2].

По мнению судьи Верховного Суда Республики Беларусь С.В. Гурова, удельный вес уклонений от уплаты налогов в общем количестве преступлений довольно мал – 0,2–0,3 % в год, т. е. на 350 осужденных приходится лишь одно лицо, судимое за уклонение от уплаты налогов. Однако этот показатель никак не отражает ущерб, наносимый госбюджету нашей страны совершением таких преступлений. Даже одно уголовное дело может иметь огромное значение, если причиненный им ущерб исчисляется в миллионах долларов. И в судебной практике такие дела не редкость [3].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что сравнительно малое количество указанных преступлений не может говорить о том, что проблема уклонений от уплаты налогов и сборов неактуальна в Республике Беларусь. Незначительное число преступлений обусловлено

тем, что для квалификации данных действий необходимо причинение крупного и особо крупного ущерба.

Согласно примечанию к ст. 243 УК, крупным размером ущерба признается уклонение от уплаты сумм налогов, сборов на сумму в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером – в две тысячи и более раз превышающую размер такой базовой величины.

Следует отметить, что законодательная дефиниция действий, характеризующих уклонение от уплаты налогов и сборов отсутствует. Исходя из анализа ст. 243 УК, можно вывести определение, которое имеет значение только в целях привлечения к уголовной ответственности, подразумевающее исключительно умышленное деяние и не охватывающее всех возможных жизненных ситуаций [1].

В реальной действительности, говоря об уклонении от уплаты налогов, подразумеваются любые (умышленные и неумышленные) действия плательщика, которые приводят к непоступлению или неполному поступлению сумм налогов в бюджет в установленные сроки.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 243 УК, является физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, на которое в соответствии с налоговым законодательством возложена обязанность по исчислению и уплате в бюджет налогов и сборов. Также оно обязано представлять в налоговые органы налоговую декларацию (расчет) и другие документы, необходимые для исчисления, уплаты и взыскания налогов и сборов.

Однако при практическом применении данной статьи возникал ряд трудностей. Когда руководитель субъекта хозяйствования лично участвует либо организует деятельность по уклонению от уплаты налогов, то у правоприменителей не было проблем с привлечением к уголовной ответственности указанного лица. Однако если указанные действия совершал учредитель либо собственник, либо другое лицо, то возникал вопрос, возможно ли привлечение к уголовной ответственности лица, фактически осуществляющего руководство организацией-плательщиком.

Вышеуказанные пробелы были решены постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2015 г. № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов и сборов (ст. 243 УК)». Так, в ч. 7 вышеназванного постановления указано, что лицо, фактически осуществлявшее руководство организацией-плательщиком, может признаваться исполнителем преступления, предусмотренного ст. 243 УК, при условии, что

уполномоченное лицо данной организации, в обязанности которого входило подписание документов налогового учета и (или) отчетности, не было осведомлено о своем участии в уклонении от уплаты сумм налогов, сборов [4].

По характеру и степени общественной опасности уклонение от уплаты сумм налогов, сборов относится к категории менее тяжких (санкция ч. 1 ст. 243 УК предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (ч. 3 ст. 12 УК)) и тяжких преступлений (санкция ч. 2 ст. 243 УК предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет (ч. 4 ст. 12 УК)).

Проанализировав статистические данные осужденных лиц по ст. 243 УК за 2010–2014 гг., в 2010 г. было осуждено 130 человек, 2011 г. – 135, 2012 г. – 63, 2013 г. – 103, 2014 г. – 118. Примечательно, что из указанного количества осужденных большинство было осуждено по ч. 2 ст. 243 УК [5].

Полагаем, что количество осужденных лиц остается примерно ежегодно одинаковым, однако ущерб для государства является огромным. В связи с этим предлагаем ужесточить ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов, в частности ужесточить срок лишения свободы по ч. 2 ст. 243 УК и установить его максимальное значение от 7 до 12 лет. Также считаем целесообразным изменить примечание к ст. 243 УК, а именно: уменьшить размер особо крупного ущерба с 2 500 базовых величин до 2 000.

Таким образом, проанализированные особенности привлечения к уголовной ответственности по ст. 243 УК и предложенные на их основе пути совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь будут способствовать уменьшению числа преступлений в указанной сфере.

1. Коршекевич, М.Г. Уклонение от уплаты налогов, сборов: понятие и ответственность [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.gov.by/> – Дата доступа: 31.05.2017.

4. О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2015 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Лазарь, М.В. Индивидуализация наказания за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 349.7

Ю.В. Полковниченко, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
М.А. Кравцова

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития (далее – Стратегия) представляет долгосрочную стратегию, определяющую цели, этапы и направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды. В ней рассматриваются направления развития, способы обеспечения безопасности и иные вопросы социально-экономического развития. Отдельное внимание уделяется сохранению природного потенциала для будущих поколений и улучшению окружающей среды.

Обеспечение экологически благоприятных условий для жизнедеятельности общества и граждан – стратегическая цель государственной политики в области охраны окружающей среды.

Эта цель предполагает повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала при обеспечении целостности природных комплексов и удовлетворении потребностей общества в настоящем и будущем; обеспечении устойчивого снижения вредных воздействий на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности; экологизации социально-экологического развития; совершенствования технологий по снижению негативного воздействия на окружающую среду; повышению уровня экологической безопасности; реабилитации загрязненных территорий, восстановление их биосферных функций.

Затраты на охрану окружающей среды в 2015 г. составили 1,2–1,3 %, уже к 2020 г. должны составить 1,5–2,0 %, а к 2030 г. – 2–3 %. Увели-

чение государственных расходов на охрану окружающей среды свидетельствует о повышенном внимании государства к данной проблеме.

Также к 2030 г. планируется выйти на 25-е место в международном рейтинге по индексу экологической эффективности (в 2015 г. Беларусь заняла 32-е место).

Для обеспечения экологической безопасности и благоприятной окружающей среды запланировано достичь понижения уровня выбросов загрязненных веществ в атмосферный воздух от стационарных и мобильных источников к 2020 г. 98,6 %, а к 2030 г. 96,4 %; понижения уровня снижения выбросов парниковых газов к 2020 г. не менее 8 %, к 2030 г. не менее 15 %; понизить индекс сброса недостаточно очищенных сточных вод в водные объекты к 2020 г. на 60 %, 2025 г. – 30 %, 2030 г. – 0 %.

Кроме того, в Стратегии повышенное внимание уделяется проблемам изменения климата, защиты атмосферного воздуха, ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции, управления опасными химическими веществами.

Отдельное внимание акцентируется на рациональном использовании природно-ресурсного потенциала, целью которого является использование меньшего количества природных ресурсов на единицу экономического результата.

Также рассматривается вопрос сохранения и устойчивого использования биологического и ландшафтного разнообразия, целями которого является предотвращение сокращения численности (площади) и разнообразия видов диких животных, дикорастущих растений, экологических систем, природных ландшафтов и биотопов, восстановление численности редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и дикорастущих растений, их популяций и генетического разнообразия и поддержание их в объемах, обеспечивающих их устойчивое существование; пользование биологическим и ландшафтным разнообразием таким образом и такими темпами, которые не приведут в долгосрочной перспективе к их истощению и позволят сохранить способность удовлетворять экономические, эстетические и иные потребности нынешних и будущих поколений; поддержание воспроизводящих возможностей биосферы, обеспечение регионального и глобального экономического равновесия в условиях возможных климатических изменений.

Одним из существенных блоков Стратегии является эффективное обращение с отходами. Цель государственной политики в этой области заключается в максимальном уменьшении объемов образования отходов во всех секторах экономики, предотвращение их вредного воздействия на окружающую среду и здоровье граждан, наиболее полным во-

влечении отходов в хозяйственный оборот в качестве вторичного сырья. В Стратегии прописано повышение использования отходов производства к 2020 г. – 83 %, а к 2030 г. – 87 %. Уменьшение накопления опасных отходов производства к 2020 г. – 80 %, 2030 г. – 50 %. Повышения процента использования твердых коммунальных отходов (процентов от общего объема образования твердых коммунальных отходов) к 2020 г. – 25 %, а к 2030 г. – 40 %.

Таким образом, в Республике Беларусь большое внимание уделяется вопросам сохранения природного потенциала для будущих поколений и улучшения окружающей среды. Существуют конкретные планы улучшения показателей эффективности обращения с отходами, интегральных показателей охраны окружающей среды, показателей экологической нагрузки, использования природно-ресурсного потенциала. По нашему мнению, в Стратегии целесообразно предусмотреть положения, связанные с отходами, образованными в связи с будущей деятельностью Белорусской атомной электростанции.

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/concept/nac-strategists.php>. – Дата доступа: 12.06.2017.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minpriroda.gov.by/ru/nsur2020-ru>. – Дата доступа: 12.06.2017.

УДК 349.6

А.И. Прачкина, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.И. Стельмах

АРЕНДА ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Использование водных объектов на условиях аренды приобретает все большее значение. Сегодня договорное регулирование в сфере водопользования продолжает свое развитие, которое подтверждается соответствующими изменениями в водном законодательстве. Институциональные трансформации постепенно начали распространяться и в сфере водопользования. Аренда водных объектов является разновидностью права специального водопользования. В идеале она представляет собой

эффективную форму использования водных объектов, поскольку предполагает сохранение данного актива в собственности государства или другого собственника, но при этом позволяет более эффективно использовать его с целью получения максимальной прибыли. К сожалению, в Республике Беларусь еще полностью не отработаны институциональные предпосылки внедрения арендных схем в системе водоснабжения и водоотведения, а также других видов водопользования.

Во многих случаях передача государственными администрациями водных объектов в аренду происходит без учета интересов граждан, проживающих в непосредственной близости от водных объектов. Имеют место прецеденты, когда водный объект передают арендатору без согласования с областными управлениями мелиорации и водного хозяйства. Очень часто процесс передачи водных и водохозяйственных активов в аренду происходит без соответствующих конкурсов, что не позволяет найти эффективного арендатора, который будет заниматься хозяйством на данном участке, вложением средств в укрепление берегов арендованных водоемов, а также станет дисциплинированным плательщиком налогов в местные бюджеты.

В итоге арендаторы нарушают законодательство Республики Беларусь относительно беспрепятственного купания местных граждан, спортивной и любительской рыбной ловли. Не всегда временные пользователи водных объектов возмещают местным жителям убытки, понесенные последними вследствие ограничений водопользования в связи с переходом водных объектов в аренду.

Порядок передачи водных объектов (их частей) в аренду регулируется Водным кодексом (далее – ВК) [1], Гражданским кодексом (далее – ГК) (гл. 34. Аренда) [2], Положением о порядке предоставления поверхностных водных объектов в аренду для рыбоводства [4] и иными актами законодательства Республики Беларусь.

Часто в современной практике аренды не различают понятия природного объекта и природного ресурса. Объектом аренды согласно ст. 578 ГК может быть только неупотребляемая вещь [2]. Следовательно, объектом аренды формально является именно природный объект, а не природный ресурс. Вместе с тем право пользования природным объектом, которое передается пользователю на основании договора аренды, включает в себя право использовать (потреблять) содержащиеся в природном объекте ресурсы на условиях, определенных в договоре аренды.

Срок водопользования ограничен ВК. Так, ст. 33 закрепляет точные сроки природопользования. Водные объекты для осуществления специального водопользования предоставляются на срок от 1 года до 10 лет [1]. Срок специального водопользования указывается в разреше-

ниях на специальное водопользование, комплексных природоохранных разрешениях. Поверхностные водные объекты (их части) в обособленное водопользование для хозяйственно-питьевых, гидроэнергетических нужд и нужд обеспечения обороны предоставляются на 25 лет. Поверхностные водные объекты предоставляются в аренду для рыбоводства на срок от 5 до 25 лет. Срок аренды поверхностных водных объектов для рыбоводства устанавливается в договоре аренды.

В соответствии со ст. 28 ВК водные объекты (их части), включенные в фонд рыболовных угодий и фонд охотничьих угодий, могут быть предоставлены для ведения рыболовного или охотничьего хозяйства юридическим лицам в аренду юридическим и физическим лицам в порядке, определяемом Президентом Республики Беларусь, либо в безвозмездное пользование по решению Президента Республики Беларусь [1].

С 8 марта 2017 г. изменился порядок аренды прудов и обводненных карьеров для рыбоводства. Изменения затронули требования к плану мероприятий по использованию таких объектов. Перечень оснований, по которым могут отказать в аренде водного объекта, стал шире. Статья 32 ВК содержит список водных объектов, не подлежащих передаче в аренду для рыбоводства и других целей. К таким относятся: водные объекты, включенные в Республиканскую комплексную схему размещения рыболовных угодий, используемые для питьевых, бытовых и иных нужд населения; расположенные на территории населенных пунктов и (или) на особо охраняемых природных территориях; расположенные на территории редких и типичных биотопов, мест обитания животных и мест произрастания растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь или охраняемым в соответствии с международными договорами Республики Беларусь [1]. Пункт 13 Положения говорит о том, что решение будет отрицательным, если: прошло меньше пяти лет после того как с претендентом расторгли договор аренды за нарушение договорных обязательств; имеется обоснованное несогласие землепользователя, на территории которого находится водный объект; исполком включил водный объект в перечень мест массового отдыха граждан.

Несомненно, новые правила аренды – шаг вперед. Они ужесточили требования к тем, кто хочет взять в пользование водоем. Например, претенденту откажут, если он привлекался к административной или уголовной ответственности за правонарушения в сфере экологии. А тех, кто пруд получил, обяжут убирать мусор, расчищать берега от зарастания кустарниками и сорняками. Но самое главное – разработчики документа нашли возможность в некоторых случаях избегать конфликтных ситуаций. Пруд или карьер нельзя сдавать в аренду, если он включен властями в перечень мест массового отдыха.

Несомненно, при передаче водных объектов в аренду одной из основных проблем являются конфликты с местными жителями. Водоем на территории населенного пункта сдавать в аренду нельзя. Разумным решением будет включение водоемов, примыкающих к населенным пунктам, в их состав. Это позволит избежать конфликтных ситуаций. Возможен и другой вариант. Когда в нормативных документах предусматривается положение о том, что разрешается сдавать в аренду для рыбоводства только водные объекты, находящиеся на определенном расстоянии от населенных пунктов, например, километр или два.

1. Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 30 апр. 2014 г., № 149-З : принят Палатой представителей 2 апр. 2014 г. : одобр. Советом Респ. 11 апр. 2014 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 399-3// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Положение о порядке предоставления поверхностных водных объектов в аренду для рыбоводства [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 1 марта 2017 г., № 169 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 дек. 2005 г., № 580 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 01.12.2014 г. № 552 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 349.4

Д.В. Сидорович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
М.А. Кравцова

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЛИОРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На территории Республики Беларусь на государственном уровне осуществляется деятельность, связанная с созданием приемлемой структуры земельного фонда, внедрения действенного механизма регулирования

землепользования в целях совершенствования земельных отношений. И в связи с этим возникает вопрос об экономической и экологической целесообразности такого рода деятельности.

Так, например, в 1960–1980-х гг. высокая переувлажненность и заболоченность на территории Республики Беларусь (66 % сельскохозяйственных угодий) вызвали необходимость проведения осушительной мелиорации, поскольку чрезмерная обводненность почвенного покрова была большим тормозом в экономическом развитии страны. По этой причине землепользователи с нерегулярным водным режимом недобирали до 40 % урожая сельскохозяйственных культур, что явилось решающим фактором к проведению осушения переувлажненных земель [2]. Мелиорация создала условия замены естественных процессов развития болот и излишне увлажненных почв на культурное почвообразование.

В процессе проводимых мероприятий не уделялось должного внимания негативным последствиям осушительной мелиорации. Несомненно, некоторых положительных результатов достигли. Однако негативные аспекты проведенной работы не были приняты во внимание. В этой связи образовались определенные проблемы экологической направленности, основными из которых являются ускоренная деградация почв, разрушение водного режима мелиорированных территорий, нарушение химического состава поверхностных и подземных вод, минерализация торфяного слоя, а также ухудшение микроклимата.

На наш взгляд, важной проблемой является и то, что сельскохозяйственная нагрузка на данных землях способствовала изменению характеристик и свойств почв. Это повлекло снижение плодородности и увеличение степени их минерализации.

Кроме того, в результате мелиорации в республике деградировали более 200 тыс. га торфяных почв. Это привело к серьезному ухудшению экологической ситуации.

Помимо вышеперечисленных отрицательных последствий в результате реализации программ мелиорации в Республике Беларусь на 1 января 2016 г. мелиорировано 3 442,5 тыс. га, или 16,6 % земель страны (на 2,4 тыс. га больше, чем в 2014 г.), в том числе свыше 1,4 млн га торфяных болот, которые прекратили выполнение своих естественных биосферных функций и дестабилизируют биосферные процессы [1, с. 196]. Подобных примеров мелиоративных преобразований в столь широких масштабах в мировой практике нет.

Существенное влияние на окружающую среду оказало осушение земель на начальном этапе мелиоративных работ, так как они проводились почти без учета экологических условий и требований охраны при-

родных комплексов. С одной стороны, причиной этому мог быть недостаток финансирования и необходимого технического оборудования для создания экологически безопасных мелиоративных систем, а с другой – недостаточный уровень профессиональной подготовки специалистов в области мелиорации и использования земель.

В 2015 г. площадь осушенных земель составила 3 412,3 тыс. га (на 1,9 тыс. га больше, чем в 2014 г.), из которых на сельскохозяйственные земли приходилось 84,3 % осушенных земель, на лесные и другие лесопокрываемые земли – 11,8 %, на остальные – 3,9 % [1, с. 198].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на ранних этапах мелиорации земель не уделялось должного внимания всем отрицательным моментам ее проведения. Это привело к определенным последствиям, явившимся тормозом в экономическом развитии страны.

1. Состояние природной среды Беларуси : экол. бюл. 2015 г. – Минск, 2016. – 323 с.

2. География почв Беларуси : учеб. пособие / Н.В. Клебанович [и др.]. – Минск, 2009.

УДК 349.4

В.В. Сидорук, выпускник факультета милиции
Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
М.А. Кравцова

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

В условиях интенсивного развития общественных отношений, опосредующих гражданский оборот, особое место занимают имущественные права. Они неотчуждаемы от деятельности субъектов земельного гражданского права. Проанализировав имущественные права путем анализа взглядов ученых различных эпох, мы готовы сделать вывод о том, что с течением времени понимание имущественных прав менялось. Дело в том, что за последнее столетие объем имущественных прав в гражданском праве значительно увеличился и приобретает все большую актуальность. В связи с этим многие положения становятся предметом. Поэтому изучение имущественных прав на данный момент имеет огромные перспективы в современной юриспруденции.

Итак, под имущественными правами следует понимать принадлежащее управомоченному лицу благо идеального (нематериального) характера, выступающее, преимущественно, как право требования кредитора к должнику, которое может быть реализовано третьими лицами.

Соответственно, в качестве самого явного выражения имущественных прав являются правомочия собственника, в частности, на земельный участок.

Под правомочиями собственника принято понимать право владения (возможность иметь имущество в своем хозяйстве), право пользования (возможность получать от этого пользу) и право распоряжения (возможность определять судьбу вещи: продать, сдать в аренду и т. д.). Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону [1, с. 82].

Имущественные права на землю в Республике Беларусь существуют в следующих видах.

Право постоянного пользования – пользование земельными участками без заранее установленного срока.

Право временного пользования – краткосрочное – до трех лет и долгосрочное – от трех до десяти лет. Президентом Республики Беларусь по отдельным видам пользования земельными участками может быть установлен и более длительный срок долгосрочного пользования.

Пожизненное наследуемое владение – предоставляются земельные участки гражданам Республики Беларусь для нужд и в размерах, предусмотренных законодательством Республики Беларусь ст. 69–73 Кодекса Республики Беларусь о земле [2] (далее – КоЗ).

Частная собственность – в частной собственности могут находиться земельные участки:

приобретенные гражданами Республики Беларусь, постоянно проживающими на территории Республики Беларусь или приравненными к постоянно проживающим в соответствии с законодательством Республики Беларусь, а также переданные гражданам Республики Беларусь для строительства и обслуживания многоквартирных, блокированных жилых домов (за исключением случаев, когда земельные участки находятся в пользовании, пожизненном наследуемом владении этих граждан или на праве аренды, но с расположенными на них жилыми домами, принадлежащими гражданам на праве собственности) по результатам проведения аукционов по продаже земельных участков в частную собственность;

переданные юридическим лицам Республики Беларусь, в том числе предприятиям с иностранными инвестициями (далее – юридические лица

Республики Беларусь), при приватизации объектов государственной собственности, а также негосударственным юридическим лицам Республики Беларусь по результатам проведения аукционов по продаже земельных участков в частную собственность, в случаях предусмотренных законодательными актами. Перечень государственных объектов, при приватизации которых вместе с объектами в собственность может быть передан земельный участок, утверждается Президентом Республики Беларусь;

Земельные участки также могут передаваться в собственность юридическим лицам Республики Беларусь при осуществлении инвестиционных проектов.

Иностранным государствам земельные участки могут передаваться в собственность в порядке и на условиях, предусмотренных ст. 37 КоЗ [2].

Аренда – арендаторами земельных участков могут быть юридические и физические лица Республики Беларусь, лица без гражданства, иностранные юридические и физические лица, иностранные государства, международные организации.

Арендодателями земельных участков являются сельские (поселковые), городские (городов областного подчинения и города Минска), районные исполнительные и распорядительные органы в пределах своей компетенции, а также граждане и юридические лица Республики Беларусь, имеющие земельные участки в частной собственности.

Сроки аренды земельного участка определяются договором. При этом сроки аренды земельных участков не должны превышать 99 лет, а аренда земельных участков для сельскохозяйственного использования не может быть менее пяти лет.

Предоставление земельных участков в пользование, частную собственность, пожизненное наследуемое владение, передача в аренду, кроме случаев аренды земельных участков, находящихся в частной собственности граждан Республики Беларусь, осуществляются в порядке их отвода.

Предоставление в аренду земельных участков, находящихся в частной собственности, осуществляется в соответствии с гражданским законодательством.

Отвод земельных участков производится на основании решений соответствующих исполнительных и распорядительных органов в порядке, установленном Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 [3].

В решениях о предоставлении земельных участков в пользование, пожизненное наследуемое владение, о передаче их в аренду или собственность указываются цель, для которой они отводятся или передаются, и условия отвода.

Таким образом, земельные участки в Республике Беларусь передаются гражданам во владение и пользование, однако право распоряжения земельными участками во многом ограничено. Это связано с тем, что земля в Республике Беларусь традиционно имеет особое значение. Поэтому процедуры, связанные с земельными участками, не остаются без участия государства, а само владение и пользование земельными участками подробно регламентировано законодательными актами и, в целом, соблюдается субъектами земельных правоотношений.

1. Экономика и право : слов.-справ. / сост. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. – М. : Вуз и школа, 2004. – 1072 с.

2. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об изъятии и предоставлении земельных участков [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2007 г., № 667 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.09.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.73

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

О ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственный долг – явление в экономике далеко не новое. В разных общественно-экономических формациях менялись его роль и формы, а сущность оставалась прежней – сумма задолженности страны своим или иностранным юридическим и физическим лицам, правительствам других республик, т. е., перефразировав, можно сказать, что правительства начали занимать средства для удовлетворения различных целей с момента появления государства и денег.

Основой возникновения государственного долга является бюджетный дефицит, который представляет собой сумму превышения расходов из бюджета над его доходами, и, следовательно, государственный долг состоит из общей накопленной суммы бюджетных дефицитов и суммы фи-

нансовых обязательств иностранным кредиторам на определенную дату. Рост государственного долга наблюдается практически во всех странах мира, что в основном объясняется хронической дефицитностью государственных финансов. Таким образом, госдолг можно также определить как задолженность, накопившаяся у правительства в результате заимствования денег для финансирования прошлых бюджетных дефицитов.

В настоящее время долговые отношения Правительства Республики Беларусь регулируются Указом Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2006 г. № 252 «Об утверждении Положения о внешних государственных займах (кредитах)», Бюджетным кодексом Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «О республиканском бюджете, нормативными документами, регулирующими рынок ценных бумаг Республики Беларусь на 2018 год».

Бюджетный кодекс своей юрисдикцией охватывает долг (внутренний и внешний) органов государственного и местного управления и самоуправления. В соответствии с данным документом Министерство финансов Республики Беларусь регулирует вопросы управления, обслуживания и погашения, ответственности, учета и контроля обязательств, возникающих в результате привлечения заимствований, только от имени страны Правительством по решению Президента Республики Беларусь, а также резидентами Республики Беларусь под гарантии Правительства.

Согласно Бюджетному кодексу государственный долг Республики Беларусь определяется как совокупность внешнего государственного долга и внутреннего государственного долга на определенный момент времени (ст. 2. п. 1.28).

Характерно, что до начала нынешнего века проблемы внешнего долга в Республике Беларусь практически не существовало. Еще в 2005 г. объем внешнего госдолга не достигал и 1 млрд долл. США.

Однако госдолг на 1 мая составил 35,9 млрд р. и уменьшился по сравнению с началом 2017 г. на 1,1 млрд р., или на 2,9 %.

В январе – апреле были привлечены внешние государственные займы на 530,3 млн долл., в том числе 300 млн долл. от Евразийского фонда стабилизации и развития, 160,7 млн долл. – правительства и банков Российской Федерации, 32,2 млн долл. – банков КНР, 34,6 млн долл. – МБРР, 2,8 млн долл. – ЕБРР и СИБ.

Погашение внешнего государственного долга с начала года составило 337 млн долл. США (119,6 млн – правительству РФ, 98,9 млн – банкам КНР, 29,3 млн – МБРР, 88,3 млн – ЕФСР, 0,7 млн – США, 0,2 млн – ЕБРР и СИБ).

Внутренний государственный долг уменьшился с начала года на 0,3 млрд руб. (с учетом курсовых разниц) и составил 9,9 млрд руб.

На погашение государственного долга в республиканском бюджете предусмотрено 5,2 млрд р., в том числе внешнего госдолга – 2,3 млрд р., внутреннего – 2,9 млрд р.

Негативная тенденция последних лет заключается в том, что происходит рост расходов по обслуживанию государственного долга Республики Беларусь. Так, доля этих платежей в объеме расходов республиканского бюджета в 2016 г. составила более 10 %, в то время как в 2010 г. – около 2 %.

Очевидно, что большую часть внешнего долга Республики Беларусь составляет задолженность организаций. Сюда относятся:

текущая задолженность промышленных предприятий за сырье, комплектующие и энергоносители, непогашенная задолженность торговли за поставленный товар;

займы, взятые организациями напрямую у внешних кредиторов.

Основные причины увеличения внешней задолженности – шок на внешних рынках, дисбаланс в денежно-кредитной политике, мягкая фискальная политика, колебания экономической конъюнктуры.

В настоящее время Республика Беларусь испытывает недостаток собственных ресурсов для наращивания экономического потенциала страны, покрытия дефицита государственного бюджета, проведения социально-экономических преобразований и выполнения долговых обязательств по внешним заимствованиям.

Управление государственным долгом – одно из направлений финансовой политики любого государства, связанное с его деятельностью в качестве заемщика, эмитента государственных ценных бумаг и гаранта. Иными словами, это комплекс мероприятий, направленных на оптимизацию государственного долга. Он предусматривает решение таких задач, как минимизация стоимости долга, недопущение переполнения рынка заемными обязательствами государства и резкого колебания их курса, эффективное использование мобилизованных средств, обеспечение своевременного возврата кредитов, поиск средств для выплаты долга, нейтрализация негативных последствий государственного долга, а также максимальное решение задач, определенных финансовой политикой.

Серьезные проблемы и негативные последствия большого государственного долга заключаются в следующем:

снижается эффективность экономики, поскольку отвлекаются средства из производственного сектора экономики как на обслуживание долга, так и на выплату самой суммы долга;

перераспределяется доход от частного сектора к государственному; усиливается неравенство в доходах и т. д.

Таким образом, внешний долг становится одной из серьезных проблем, несущих потенциальную угрозу стабильности макроэкономического развития и экономической безопасности страны. Можно отметить недостаточную ресурсную способность республики погашать внешний долг, недостаточность валютных резервов по отношению к объемам краткосрочного долга, ухудшение платежеспособности государственного сектора. Для решения этих проблем необходима реализация комплекса мероприятий, которые бы способствовали замедлению роста государственного долга и его снижению в дальнейшем.

На основе вышеизложенного мы полагаем, что для полноценного управления государственным долгом Республики Беларусь необходимо:

переработать правовую базу Республики Беларусь, регламентирующую сферу совокупного внешнего долга;

обозначить пределы полномочий соответствующих органов Правительства в этой области;

сформировать единую систему учета долговых обязательств, предполагающую наличие единой учетной методологии, интегрированной базы данных и учетного центра;

сформировать новую систему анализа и учета долговых рисков;

отработать систему долгосрочной взаимосвязи политики управления внешним долгом с денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политикой.

УДК 349.1

П.Д. Терешёнок, Д.Н. Подомацкий,
курсанты следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
М.А. Кравцова

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ОТХОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Отходы, их классификация, уничтожение, захоронение и перевозка на сегодня являются одним из самых обсуждаемых вопросов в мировом сообществе. Не случайно в последние годы уделяется большое внимание проблемам, связанным с обращением с отходами, причем данный вопрос обсуждается как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Решением указанных вопросов занимаются специалисты различных отраслей науки, в том числе и в области юриспруденции, кото-

рые разрабатывают правовые нормы, регулирующие правила обращения с отходами на каждой из стадий их возникновения, а также занимаются разработкой и совершенствованием классификаций отходов в зависимости от их происхождения, агрегатного состояния, степени их опасности и возможности дальнейшего их использования. Правовое регулирование отходов развивается по следующим направлениям: классификация отходов, создание определенных требований к различным видам отходов, разработка новых способов переработки и утилизации.

В Республике Беларусь основным нормативно-правовым актом, регулирующим обращение с отходами, является Закон Республики Беларусь «Об обращении с отходами» от 20 июля 2007 г. № 271-3. Легальное определение отходов закреплено в ст. 1 указанного Закона, исходя из которой под отходами следует понимать вещества или предметы, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного назначения по месту их образования либо утратившие полностью или частично свои потребительские свойства [1].

Отходы разделяются по видам в зависимости от: происхождения – на отходы производства и отходы потребления; агрегатного состояния – на твердые отходы и жидкие отходы; степени опасности – на опасные отходы и неопасные отходы; возможности их использования – на вторичные материальные ресурсы и иные отходы производства и потребления. Опасные отходы классифицируются по классам опасности: первый класс опасности – чрезвычайно опасные; второй класс опасности – высокоопасные; третий класс опасности – умеренно опасные; четвертый класс опасности – малоопасные [1]. Постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 8 ноября 2007 г. № 85 утвержден классификатор отходов, образующихся в Республике Беларусь. В классификаторе приведены наименования отходов, их степень и класс опасности [2].

В настоящее время на территории Республики Беларусь строится атомная электростанция типа АЭС-2006, возводящаяся в 18 километрах от города Островца Гродненской области, в 50 километрах от столицы Литвы – Вильнюса. В ходе ее эксплуатации будут образовываться радиоактивные отходы, обращение с которыми нуждается в законодательной регламентации. На сегодня эта проблема представляет особую актуальность для нашего государства. Так, по заявлению главного инженера Дирекции строительства атомной электростанции А. Бондаря «такие отходы хранятся на территории станции в специальном корпусе. Проектом просчитано хранение радиоактивных отходов в течение десяти лет и даже более» [3].

Система обращения с радиоактивными отходами АЭС предназначена для сбора, очистки, переработки, кондиционирования, транспортирования и хранения радиоактивных отходов, образующихся в процессе эксплуатации атомной электростанции. Под радиоактивными отходами следует понимать источники ионизирующего излучения, использовавшиеся в ходе экономической или иной деятельности пользователей источников ионизирующего излучения, которые они не намерены либо не могут использовать по прежнему назначению, а также образовавшиеся при выполнении мероприятий по ликвидации последствий радиационной аварии, в которых содержание радионуклидов превышает уровни, установленные нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми актами [4].

Согласно классификации радиоактивные отходы по агрегатному состоянию подразделяются на жидкие, твердые и газообразные.

К жидким радиоактивным отходам относятся не подлежащие дальнейшему использованию органические и неорганические жидкости, пульпы и шламы.

К твердым радиоактивным отходам относятся радионуклидные источники, отработавшие свой ресурс, не предназначенные для дальнейшего использования материалы, изделия, оборудование, биологические объекты, грунт, а также отвержденные жидкие радиоактивные отходы.

К газообразным радиоактивным отходам относятся газообразные смеси, содержащие радиоактивные газы и (или) аэрозоли, образующиеся при производственных процессах, не подлежащие использованию [4].

Таким образом, при эксплуатации АЭС будут образовываться отходы трех агрегатных состояний: газообразные, жидкие и твердые радиоактивные. Однако согласно Закону Республики Беларусь «Об обращении с отходами» от 20 июля 2007 г. № 271-3 отходы классифицируются по двум агрегатным состояниям – твердому и жидкому.

Полагаем, что приведенная законодательная классификация нуждается в изменении и дополнении. На основании анализа законодательства предлагаем внести изменения в Закон Республики Беларусь «Об обращении с отходами» от 20 июля 2007 г. № 271-3, а именно в п.1.2 ст. 15, изложив его в следующей редакции:

1.2. Агрегатного состояния – на твердые отходы, жидкие отходы и газообразные отходы.

1. Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 г. № 397-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об утверждении классификатора отходов, образующихся в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 8 нояб. 2007 г., № 85 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.03.2012 г. № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Оработанное топливо с БелАЭС будет вывозиться в Россию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/362225.html>. – Дата доступа: 08.06.2017.

4. О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : решение комиссии Тамож. союза от 28 мая 2010 г., № 299 : с изм., внес. решением коллегии ЕЭК от 8 дек. 2015 г. № 162 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 349.7

А.В. Фурманов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

М.А. Кравцова

О ВОЗДЕЙСТВИИ БЕЛОРУССКОЙ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Строительство в Республике Беларусь атомной электростанции привлекло внимание общественности к теме ядерной энергетики. Ядерная энергетика, с одной стороны, является одним из наиболее экологически чистых и дешевых источников энергии, с другой – ее использование несет в себе серьезные техногенные риски. Возможность проявления таких рисков ставит под вопрос как состояние безопасности государства в целом, так и экологической безопасности в частности. Ряд аварий на различных АЭС, в особенности на Чернобыльской и Фукусиме-1, заставили человечество серьезно задуматься над состоянием их защищенности от экологически небезопасного воздействия строительства и эксплуатации такого рода станций. На данный момент в мире действуют более 440 ядерных энергоблоков, строится еще 45 новых в Китае, Японии, Иране, Южной Корее и других странах. Ни одно государство, кроме Украины и Литвы, после аварии на Чернобыльской АЭС полностью не остановило действующие АЭС, были лишь усилены меры безопасности по их эксплуатации, с особым акцентом на человеческом факторе. По такому пути развития ядерной энергетики последовала и Республика Беларусь.

Белорусская АЭС – атомная электростанция типа АЭС-2006, возводится в 18 км от города Островца Гродненской области, в 50 км от столицы Литвы – Вильнюса. Финансирование строительства БелАЭС осуществляет Российская Федерация. Станция будет состоять из двух энергоблоков суммарной мощностью 2 400 МВт. Ввод в эксплуатацию первого блока запланирован на 2019 г., второго – на 2020 г.

Как заявляют руководители РУП «БелАЭС», схема энергоблока и системы безопасности Проект АЭС-2006 отличается повышенными характеристиками безопасности и технико-экономическими показателями и полностью соответствует международным нормам и рекомендациям МАГАТЭ. В проекте электростанции применяются самые современные средства и системы безопасности. Данные системы строятся на принципах самозащитности реакторной установки, наличия нескольких барьеров безопасности и многократном дублировании каналов безопасности. Применяются активные, т. е. требующие вмешательства человека и наличия источника энергоснабжения, и пассивные, не требующие вмешательства оператора и источника энергии, системы безопасности.

О безопасности электростанции и воздействии на окружающую среду при эксплуатации во время строительства АЭС можно только предполагать. На момент строительства проводится мониторинг состояния защищенности и экологической безопасности, который находит свое отражение в отчетах и заявлениях об оценке воздействия на окружающую среду. Оценка воздействия на окружающую среду БелАЭС выполняется в соответствии с требованиями природоохранного законодательства и технических нормативно-правовых актов, действующих в Республике Беларусь, а также с учетом рекомендаций Международного агентства по атомной энергии. Согласно последнему отчету при нормальной работе АЭС население, а также окружающая среда абсолютно защищены от различных воздействий АЭС. Основными источниками воздействия на природную среду являются радиационное, химическое, тепловое и связанное с урбанизацией региона и выполнением строительных работ. Основным видом воздействий нормально работающей АЭС на водные экосистемы, в частности на р. Вилия, являются тепловое воздействие, т. е. сброс в водоем избытков выработанного на АЭС тепла, а также химическое загрязнение. На наземные экосистемы производятся воздействия, сопровождающие строительные работы, урбанизацию региона и, возможно, химическое воздействие. Кроме того, воздействие в период строительства включает образование нерадиоактивных отходов в виде строительного мусора, отходы упаковочного материала, санитарные отходы персонала, стоки, за-

грязненные нефтяными продуктами, запыление атмосферы и т. д. Основными вредными веществами, выбрасываемыми в атмосферу, являются двуокись азота, бензин, окись углерода, фенол, формальдегид, пыль и др. Оценка состояния загрязненности атмосферы при строительстве говорит о том, что на данный момент все в пределах установленных норм. Это носит локальный и кратковременный характер, и, в конечном счете, не приносит изменений в состояние окружающей среды.

Общие экологические результаты оценки воздействия на окружающую среду в последнем отчете указывают на то, что выбранная площадка для строительства БелАЭС не имеет ограничений по совокупности природных и техногенных факторов; проведено комплексное обследование объектов окружающей среды, в результате которого определено фоновое состояние объектов окружающей среды, дана комплексная оценка исходного состояния окружающей среды; радиоактивное загрязнение ее компонентов находится на уровне глобальных радиоактивных выпадений; химическое загрязнение, как правило, не превышает регламентированных значений; выделены основные критические элементы в различных компонентах окружающей среды (почва, поверхностные и грунтовые воды, ландшафты, животный и растительный мир, гидросистемы, сельское хозяйство); описана предполагаемая система системы контроля и комплексного радиационно-экологического мониторинга состояния окружающей среды в зоне наблюдения АЭС; показано, что в предполагаемой к проектированию АЭС-2006 использована совокупность пассивных и активных систем безопасности, обеспечивающих критерии безопасности и проектные пределы.

Таким образом, основой экологической безопасности Белорусской АЭС является мониторинг окружающей среды на площадке и в зоне наблюдения. Он проводится в рамках Национальной системы мониторинга окружающей среды (НСМОС) в Республике Беларусь в соответствии с действующим законодательством. Такой мониторинг включает организационно-самостоятельные и проводимые на общих принципах следующие виды мониторинга окружающей среды: мониторинг земель, поверхностных вод, подземных вод, атмосферного воздуха, радиационный мониторинг, геофизический мониторинг и др.

1. МАГАТЭ опубликовало в целом позитивный отчет об оценке внешних рисков на БелАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/54671.html>. – Дата доступа: 07.06.2017.

2. Окончательный отчет об оценке воздействия на окружающую среду белорусской АЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dsae.by/ru/ecologia/html>. – Дата доступа: 07.06.2017.

К.И. Цеховой, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

М.А. Кравцова

ВОЗВРАТ ЗЕМЕЛЬ, ЗАГРЯЗНЕННЫХ РАДИОНУКЛИДАМИ

Чернобыльская катастрофа нанесла огромный ущерб Беларуси, создала опасную радиационную обстановку на значительной части ее территории. Республика была объявлена зоной национального экологического бедствия [1]. Тем не менее в последние годы идет целенаправленная работа, с одной стороны, по получению чистой продукции на загрязненных почвах, с другой – по постепенному возвращению в оборот земель, выведенных из него сразу после аварии на ЧАЭС.

Последовательная реализация комплекса защитных мер в сельском хозяйстве обеспечила производство пригодной для использования продукции. Производство продукции ограниченного использования ежегодно снижается как в общественном секторе, так и в личных подсобных хозяйствах. Выполнение мероприятий по ведению лесного хозяйства в зонах радиоактивного загрязнения содействовало созданию безопасных условий труда, получению нормативно-чистой лесной продукции [2].

Так, в постановлении Совета Министров от 1 февраля 2010 г. № 132 «Об утверждении перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» утвержден перечень населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения [3].

Относительно порядка предоставления земель, загрязненных радионуклидами, определен следующий механизм. Субъект хозяйствования должен заявить о своем желании их получить. После этого проводится обследование.

Выводились земли из оборота на основе данных измерений по методике измерений, которые проводились на тот момент. А она была несовершенна. Часто на поле отбиралась одна проба почвы, и на основании этого делались выводы об уровне загрязненности. Потом появились новые возможности и методики, которые позволяют проводить детальное обследование. Поля делятся на участки, где по диагоналям отбирается большое количество точечных проб почвы. Таким образом детализируется радиационная обстановка. И данные новых обследований часто не

совпадают с предыдущими. Обследование проводится не только радиологическое, но и агрохимическое: определяется кислотность почвы, содержание питательных элементов в ней. На основании такого комплексного анализа делается прогноз загрязнения продукции, которую можно получать с этой земли. Рассчитываются и потенциальные дозы облучения людей, которые будут работать на полях. При этом учитывается, для каких целей возвращается земля.

Разрешение на предоставление в пользование данной категории земель должны дать Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Министерство здравоохранения и Министерство лесного хозяйства. И только после этого Министерство по чрезвычайным ситуациям готовит проект постановления Совета Министров о возврате определенных участков земель в оборот и передаче их конкретным субъектам хозяйствования.

Почти за двадцатилетний период было возвращено 17,2 тыс. га земель. А заявлялось и обследовалось во много раз больше. Скажем, за 2010 г. запрашивались к возврату чуть более 10 тыс. га, а положительное решение было принято лишь по 2,5 тыс. га. Это значит, что три четверти забраковали, посчитали, что там земледелие вести рано.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня вернуть некогда загрязненный радионуклидами участок для сельскохозяйственных целей не так уж и сложно. Главное условие – проведение установленного перечня мероприятий по оценке загрязненности данной территории. Поэтому в скором времени для ведения сельского и крестьянско-фермерского хозяйства будут предоставляться участки, ранее считавшиеся непригодными для данного вида деятельности. Это позволит увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции, что приведет к дополнительным доходам, уменьшить расходы государства по содержанию некоторых земель, подвергшихся радионуклидному загрязнению, а также использовать дополнительные, ранее запрещенные, земельные участки.

1. Об утверждении Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 годы и на период до 2020 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 1922 // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Об утверждении перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Респ. Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 132 // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС : Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 1991 г., № 1227-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я.М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.

5. Рец. на кн. : Израэль, Ю.А. Атлас современных и прогнозных аспектов последствий аварии на Чернобыльской АЭС, на пострадавших территориях России и Беларуси / под. ред. Ю.А. Израэля, И.М. Богдевича. – М. : Фонд «Инфосфера» – НИА-Природа ; Минск : Белкартография, 2009. – 140 с.

6. Экология и защита окружающей среды : сб. тез. докл. II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 марта 2015 г. – Минск, 2015. – С. 124–127.

УДК 34(09)

О.П. Циунель, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

О РАЗВИТИИ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Банки относятся к категории финансовых посредников. Они осуществляют посредничество в кредитных операциях, стабилизируют денежные средства, которые временно высвобождаются в процессе кругооборота фондов, и предоставляют их во временное пользование тем, кто нуждается в дополнительных средствах. Кредитование является одной из основных услуг, предоставляемых банками физическим и юридическим лицам.

Кредитование оказывает немаловажное влияние на развитие экономики, потому как является основной сферой деятельности банков. Финансовая поддержка ведущим и социально значимым предприятиям, населению выражается посредством банковских кредитов, что положительно влияет на развитие реального сектора экономики.

Перенимая прогрессивные тенденции, которые можно применять при сложившейся в нашей стране экономической ситуации, по своему развитию кредитный рынок Республики Беларусь отстает от аналогичных структур западных стран и даже Российской Федерации. Кредитный рынок Республики Беларусь претерпел существенные изменения, а именно – значительно вырос и укрепился. Кредитование является одной из самых востребованных банковских услуг как физическими, так и юридическими лицами.

По состоянию на 1 января 2016 г. внешний долг Беларуси составил 12,4 млрд долл. США. За год госдолг увеличился на 1 млрд 198,8 млн долл. США до 13,6 млрд долл. США с учетом курсовых разниц. Таким образом, внешний долг страны за год вырос на 9,6 %.

Можно выделить главные проблемы банковского кредитования в Республике Беларусь, а также предложить основные пути их решения.

1. Проблемный характер принимаемых правительством постановлений по инвестиционной деятельности. Из-за этого предприятия, которые обязаны реализовать инвестиционные проекты с финансированием за счет кредитов банков, в банки не обращаются или предоставляют в них крайне слабые по экономическому обоснованию проекты. Распространенным способом решения данной проблемы стала практика проведения реструктуризации кредитной задолженности организаций нефинансового сектора на периодической основе. Предоставляемая предприятиям отсрочка по погашению полученных ими у банков кредитов негативно сказывается на деятельности самих банков. Из-за этого у банковского сектора снижаются возможности для последующего кредитования и сильно уменьшается прибыльность его работы.

2. Проблема «закредитованности» предприятий и недостаточного количества эффективных инвестиционных проектов. Решение этой проблемы видится в необходимости разрабатывать на предприятиях выгодные, эффективные и прибыльные для обеих сторон инвестиционные проекты.

3. Проблема роста уровня номинальных процентных ставок. Причиной снижения темпов прироста валовых кредитов банков послужила именно эта проблема. Дальнейшее совершенствование инфраструктуры создаст условия для рефинансирования белорусских банков и управления их финансовыми рисками. Банки смогут продолжить снижение процентных ставок по кредитам, только снизив финансовые риски и ощущая конкуренцию.

4. Проблема создания вторичного рынка банковских кредитов. Механизм этого рынка может быть запущен на основе технологии секьюритизации банковских активов. Функционирование такого рынка может позволить задействовать потенциал банков, не относящихся к категории уполномоченных, для кредитования экономики.

5. Проблема создания условий для уменьшения стоимости кредитов банков. Для обеспечения более качественного и оперативного мониторинга банками финансового состояния заемщиков необходимо совершенствование учета и отчетности предприятий как инструмента повышения прозрачности деятельности заемщиков банков. При этом банковская система будет прилагать усилия к формированию баз данных по кредиторам и внедрению эффективных систем анализа финансового положения заемщиков и оценки обеспечения кредитов.

6. Защита интересов банков-кредиторов. Необходимо быстрое развитие залоговых отношений и совершенствование их правового обеспечения. Оптимальные условия для развития кредитных отношений банков с предприятиями и организациями реального сектора экономики возможны при решении вопроса об удовлетворении требований, обеспеченных залогом. Чтобы решить данную проблему необходимо упростить процедуры обращения взыскания на предмет залога и удовлетворения, обеспеченных залогом, требований кредиторов, усовершенствовать систему регистрации имущества и имущественных прав.

7. Один из приоритетов деятельности банков – развитие потребительского кредитования. В связи с этим необходимо продолжить работу по обеспечению гарантий прав потребителей при использовании потребительского кредита. В будущем должна постоянно проводиться «линия защиты» прав потребителей на получение достоверной и полной информации об условиях предоставления, использования и возврата потребительских кредитов, прежде всего о размере начисляемых по кредиту процентов и порядке их начисления.

Таким образом, в Республике Беларусь банковское кредитование имеет много проблем, решив которые оно может перейти на новый уровень развития, догнать аналогичные структуры западных стран и даже сравняться с Российской Федерацией.

VII курсантские научные чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(14 декабря 2017 г.)

УДК 341.241 + 340.130

С.О. Вашумирский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

«МЯГКОЕ ПРАВО»: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Современные международные отношения регулируются не только посредством международных договоров и международно-правовых обычаев, но и с помощью документов, не создающих правовых обязательств.

Практика заключения таких актов существует довольно длительное время, и государства относятся к ним с большой ответственностью. Уже в 1934 г. посол Федеративной Республики Германия в Ирландии К. Страпп высказал мнение, что большее внимание следует уделять именно таким, недоговорным, обязательствам. На сегодня использование данных актов получило широкое распространение. В практике государств и юридической науке к этой категории документов применяется термин «мягкое право». Несмотря на то что недоговорные соглашения использовались для регулирования международных отношений и ранее, появление концепции «мягкого права» скорее следует связывать с деятельностью органов Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Появление этого термина было обусловлено принятием Генеральной Ассамблеей ООН большого количества резолюций, носящих согласно Уставу ООН рекомендательный характер (за исключением резолюций по внутриорганизационным вопросам ООН и финансово-бюджетным вопросам) и не являющихся нормами международного права.

Таким образом, в истории формирования концепции «мягкого права» можно выделить несколько этапов.

1. Предварительный этап, связанный с началом дискуссий о правовой природе резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (50–60-е гг. XX в.). В конце этого периода сформировалась концепция «рекомендательных норм международного права».

2. Этап формирования концепции (70-е гг. XX в.). У истоков концепции стояли западные ученые Д. Шелтон, А. Венглер и др. Этот этап характеризовался: а) резким увеличением активности Генеральной Ассамблеи ООН; б) созданием и деятельностью Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

3. Следующим важным этапом для развития «мягкого права» стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро в 1992 г. Стало ясно, что «мягкое право» приобретает все большее значение в международной жизни, особенно в некоторых областях, новых для международно-правового регулирования (права человека, вопросы охраны окружающей среды, космическое право и т. д.).

4. Важной вехой в истории «мягкого права» стал Саммит тысячелетия и принятая на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларация тысячелетия (2000 г.) и последовавшие за ней «мягко-правовые» акты ООН и международных конференций.

Традиционное понятие о «мягком праве» было таковым, что оно было близко связано с международным правом, хотя нельзя не сказать, что оно применяется и в области внутреннего права, оказывая непосредственное воздействие на важнейшие сферы жизни общества [1, с. 30].

Несмотря на то что термин «мягкое право» уже занял свое место в международно-правовой доктрине и практике государств, четкого определения он еще не получил. Более того, сама концепция часто подвергается резкой критике. Трудность заключается в том, что, во-первых, под «мягким правом» понимаются разные по своей природе и характеру нормы, во-вторых, они имеют свои особенности в регулировании международных отношений, которые не всегда хорошо воспринимаются сторонниками формально-правового подхода.

Обычно под «мягким правом» в литературе по международному праву понимается совокупность, состоящая из двух видов норм:

1) нормы договоров, которые неопределенны по своему содержанию и не порождают для государств конкретных прав и обязанностей;

2) нормы, содержащиеся в резолюциях международных органов и организаций, не обладающих юридически обязательной силой.

В итальянской правовой доктрине Ф. Снайдером было предложено определение норм «мягкого права» – «это правила поведения, которые в принципе не имеют правовой обязательности, но которые, тем не менее, могут иметь практический эффект» [2, с. 26].

В частности, М.Ю. Велижанина определяет «мягкое право» как совокупность юридически необязательных международных норм, создаваемых государствами, международными организациями и иными субъектами «мягкого права», не противоречащих основным принципам международного права и направленных на регулирование международных отношений [1, с. 10].

Ю.Б. Фогельсон определяет, что нормы мягкого права – это правила поведения, которые необходимо выполнять, но они не являются юридически обязательными. Поэтому ни у кого не вызывает сомнений, что мягкое право создает обязанности, но они не являются юридически обязательными [3, с. 45].

В отечественной юридической науке на данном этапе не разработано таких концепций, которые бы могли дать исчерпывающий ответ на вопросы: «А что же такое мягкое право? Каковы его признаки и содержание?». Таким образом, зарубежные издания являются вспомогательным компонентом на пути к исследованию «мягкого права».

Анализируя множество различных концепций, связанных с определением феномена «мягкое право», можно выделить его существенные черты. Во-первых, это правила поведения, которые содержатся в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, других международных организаций и конференций. Во-вторых, данные нормы являются юридически необязательными. И, в-третьих, данные нормы можно классифицировать как

диспозитивные (рекомендательные). Несмотря на то что данные акты не имеют обязательной юридической силы, их положения часто оказывают не меньшее влияние по сравнению с международными договорами и обычаями на развитие и сближение законодательства государств.

Как было сказано ранее, нормы «мягкого права» не имеют четкой формы. Сложность классификации таких нормативных актов заключается в том, что в современном арсенале правовых категорий трудно подобрать для характеристики этих документов наиболее удачную. Акты эти нельзя отнести к правовым, потому что они не содержат норм права, не являются также и правоприменительным правом, поскольку рассчитаны на неоднократное применение. Причисление актов рекомендаций к мягкому, но все же праву, во-первых, позволяет отделить их по юридической силе от по-настоящему правовых норм; во-вторых, свидетельствует, что они создаются в рамках международной правовой системы. «Мягкое право» привлекательно, потому что оно часто содержит желательные цели, направленные на развитие лучших возможных сценариев. Однако язык во многих документах «мягкого права» может быть противоречивым, несогласованным с существующими юридическими обязательствами и потенциально дублирующим существующие правовые/юридические и политические процессы. Другой ключевой особенностью «мягкого права» является то, что договаривающиеся стороны видят тот потенциал, который скрыт в «мягком праве». Если договаривающиеся стороны ощущают то, что «мягкое право» имеет потенциал для дальнейшего превращения его в нечто обязательное (в «жесткое право»), это может негативно повлиять на процесс договаривания, а содержание «мягкого права», которое обсуждается, может быть «слито» так низко и окружено столькими ограничениями, что теряется смысл их создания. Маловероятно, что его использование прекратится; намного более вероятно, что на него не следует полагаться в большом количестве случаев, поскольку оно также служит в качестве «испытательного полигона» для новых, передовых идей, на котором прорабатываются политические формулировки для происходящих в мире быстрых изменений и предстоящих спорных проблем, например, таких как изменение климата [4]. Часто «мягкое право» содержит в себе основные принципиальные начала, общие принципы действий всех сторон. Встречаются такие формулировки, как «стороны способствуют», «стороны содействуют», «стороны поощряют», «правительства должны стремиться к достижению целей», «должно стремиться найти пути и средства...» и т. п. Исходя из контекста, мы видим, что общеобязательности в содержании норм не существует. Стороны лишь стремятся, а не обязываются совершить те или иные предписания.

Таким образом, на современном этапе «мягкое право» получило широкое распространение в практике регулирования отношений преимущественно субъектов международного права, являясь достаточно неплохой альтернативой. Ряд вопросов, имеющих большое значение для государств, решаются именно с помощью «мягкого» права. Это довольно новое правовое явление – незаменимое, быстрое и эффективное средство.

1. Велижанина, М.Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / М.Ю. Велижанина. – М., 2007. – 29 с.
2. Кашлач, О.В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки / О.В. Кашлач // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 2. – С. 26–32.
3. Фогельсон, Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе / Ю.Б. Фогельсон // Журн. рос. права. – 2013. – № 9. – С. 43–51.
4. Алиева, А.Б., Нормы «мягкого права» в современной правовой системе / А.Б. Алиева, Н.Г. Идрисова // Евраз. науч. журн. – 2015. – № 7. – Режим доступа: <http://naukarus.com/normy-myagkogo-prava-v-sovremennoy-pravovoy-sisteme>. – Дата доступа: 01.12.2017.

УДК 947.6 (09)

Р.В. Герасименко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
С.Ф. Лапанович

АНДРЕЙ ПОЛОЦКИЙ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Как считает С.Б. Каун, период с 1230 по 1240-й гг. (когда формируется новое государство) и до середины 1380-х гг., когда князь Ягайло заключает 14 августа 1385 г. Кревскую унию с Польской Короной, является первым этапом в развитии Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ). Именно этот этап мы предлагаем рассмотреть, чтобы понять суть эволюции ВКЛ [1, с. 240].

Как сообщают исторические хроники, после смерти великого князя Ольгерда внутреннее политическое равновесие, создавшееся в ВКЛ, нарушилось. Борьба наследников за власть обостряется как никогда раньше. Это в скором времени и дало результаты [2, с. 70].

Но с другой стороны, как мы видим, полоцкий князь Андрей был также достойным представителем на великокняжеский престол. Этот факт подчеркивает именно то, что Андрей Полоцкий в союзе с Кейстутом делали в 1375 г. походы на Ливонский орден, который перед этим совершал побеги на Жемайтию.

Это характеризует Андрея как выдающегося государственного деятеля и талантливого полководца, что давало ему повод для получения великокняжеского престола после смерти отца, не говоря уже о том, что он это право имел как старший сын. Но его надежды не оправдались, великокняжеское достоинство получил Ягайло [2, с. 71].

Однако без борьбы не обошлось. Дело в том, что Ольгерд передал Ягайло все свои владения, но не отдал ему Полоцка. Очевидно, Ягайло потребовал от Андрея подчинения своей власти, на что тот не согласился. Этим можно объяснить то, что активные действия предпринял не Андрей, а Ягайло, войско которого в 1377 г. подошло к Полоцку и взяло его в осаду. Нельзя обойти вниманием и то, что в союзе с Ягайло против Андрея выступил Кейстут. Как покажут дальнейшие события, для него тоже было важным избавиться от еще одного претендента на великокняжеский престол [2, с. 72].

Князь Андрей, оставшись без поддержки братьев, вынужден был обратиться к ливонскому магистру, который вскоре и оказал ему помощь. Это и заставило Ягайло и Кейстута, убоявшихся вступить в бой с крестоносцами, снять осаду и отступить от Полоцка. Андрей также стал искать поддержки у сильного союзника, что привело его в Москву. Однако мы не имеем никаких свидетельств о намерении Дмитрия Ивановича помогать Андрею в его борьбе с Ягайло. Зато хорошо видно использование московским князем военного таланта князя Андрея. В 1378 г. он участвует в битве на р. Воже против войска татарского хана Мамаю [2, с. 72].

Политические условия толкали ВКЛ, Русское и Жемойтское к союзу с Золотой Ордой. Причины нам уже известны, и в качестве их важнейшим моментом выступает противостояние Москвы с Великим Княжеством, а также с Андреем Полоцким, который в свою очередь показывал и неоднократно доказывал, что и он вправе занять великокняжеский престол, который в это время занимал Ягайло. Таким образом, Андрей встал под знамена московского князя, а Ягайло заключил военный союз с Золотой Ордой.

Кульминацией стали события 1380 г., когда войско ВКЛ остановилось за двадцать верст от Куликова и на русско-монгольскую битву не

пошло. Не стоит гадать, как повернулась бы наша история, ударь Ягайло в спину москвичам. Сделать этого он не мог, так как его воины-русины не пожелали идти против единоверцев, хорошо помня, как громили ордынцев на Синих Водах [3, с. 168].

Таким образом, Ягайло необходимо было столкнуть московское и татарское войско друг с другом. Ягайло осознал то, что независимо от того, кто победит, все равно победитель будет ослаблен. Он остался праведным в глазах своих людей, ослабив при этом Москву. Действительно, Москва одолела татар, однако с большими потерями.

Вместе с тем во время Куликовской битвы Андрей Ольгердович сражался в одном строю с простыми воинами. На шестом часу сечи полк левой руки и половина большого полка показали татарским саблям спины. Правый фланг с полочанами, несмотря на скорое окружение, стоял насмерть. Ожидание близкой победы уже пьянило Мамаю, но в битву вступил засадный полк. Полочане вместе с теми, кто выстоял, перешли в наступление [4, с. 168].

Андрей по-прежнему воевал с Ягайло. Восстания, которые совершал Андрей Полоцкий, были подавлены, несмотря на то, что сопротивление полочан было мощным, их город был захвачен, а Андрей отправлен в Польшу в плен, подальше от своей земли. В борьбе полоцкого князя Польша прежде всего видела врага, так как Андрей, будучи во главе государства, недопустил бы распространения влияния Польской Короны на ВКЛ. В 1390 г. Андрей по ходатайству нового князя ВКЛ Витовта был освобожден.

Существует мнение, что основной движущей силой унии был народ. Но непосредственно переговоры о заключении династической унии между Польшей и ВКЛ отражали интересы узкого круга феодалов и католического духовенства. Об этом свидетельствует и тот факт, что феодалы Великого Княжества оспаривали подлинность текста Кревского соглашения, заявляя, что эти записи никогда не существовали [5, с. 107].

Также после заключения Кревской унии некоторое количество князей не считало это явление положительным как для ВКЛ, так и для отдельных его частей. Была известна реакция большей части населения на распространение католицизма и подчиненное положение православной части населения.

Известно, что полоцкая земля являлась наиболее важной в экономических и культурных отношениях частью государства, защищая государственную самостоятельность и существование традиционной православной религии. И решительные действия от князя Андрея против унии не заставили долго ждать [3, с. 224].

Внутренние конфликты в развивающемся государстве стали причинами подписания унии в Криве. И с подписанием этого документа правовое положение большей части православного населения в Великом Княжестве изменилось не в лучшую сторону. В связи с насаждаемой идеологией средние слои населения стали испытывать недовольство от проводимой политики. Орден крестоносцев еще продолжал существовать как «неизлечимая болезнь». Уния натолкнула ВКЛ на противостояние с Москвой и, таким образом, невозможность объединения с Московским княжеством по религиозным причинам привела к дальнейшей потере ВКЛ инициативы и главенства на политической арене, а также невозможно было создание масштабной коалиции.

Андрей Ольгердович был одним из тех, кто не присутствовал при заключении Кривской унии и являлся давним противником Ягайло. Андрей Полоцкий имел большее право на великокняжеский престол, и это обстоятельство заставляло его бороться за власть. Еще одним стимулом являлось то, что, одолев Ягайло, Андрей смог бы успешно бороться и за независимость государства, которое было подорвано Кривской унией.

Множественные полоцкие восстания были остановлены Ягайло. Однако, несмотря на то, что Полоцком стал править ненавистный всеми полочанами брат нового польского короля князь Скиргайло, преданность полочан к Андрею не нарушилась. Полоцкие действия против итогов Кривской унии лишили Скиргайло положения на этой святой земле [3, с. 227].

Необходимо также отметить, что в 1504 г. на территории бывшего княжества создается Полоцкое воеводство, крупнейшими городами и местечками которого были Дрисса, Дисна, Улла, Освея, Себеж, Ушачи, Бешенковичи, Лепель, Кубличи, Ветрино, Чашники и Глубокое [1, с. 168].

1. Каун, С.Б. Привилей 20 февраля 1387 г. как исторический источник / С.Б. Каун // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. – Мінск : БДУ, 2014. – Вып. 9 / рэдкал.: адк. рэд. С.М. Ходзін [і інш.]. – С. 240–241.

2. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд : гіст. дасл. / М.І. Ермаловіч. – Мінск : Бацькаўшчына : МП «Бясядзь», 1994. – 91 с.

3. Ермаловіч, М.І. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М.І. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.

4. Орлов, В.А. Тайны Полоцкой истории / В.А. Орлов. – Минск : Попурри, 2012. – 608 с.

5. Шукан, М.Г. Крэўская унія і дзяржаўная палітыка ВКЛ / М.Г. Шукан // Праблемы сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і прававога развіцця грамадства ў кантэксце агульнаеўрапейскіх і сусветных інтэграцыйных працэсаў : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. маладых навукоўцаў і студэнтаў / пад рэд. С.Ф. Сокала, А.У. Рудцага. – Мінск, 2004. – С. 107–108.

С.П. Горбачевский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

Н.А. Горбаток

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Право как социальное явление вызывает определенное отношение к нему людей. Оно может быть положительным (человек понимает необходимость и ценность права) и отрицательным (относится к нему с недоверием). Соответствующее отношение к праву и правовым явлениям в обществе может быть индивидуальным у группы людей, общества в целом. Отражение в сознании людей правовой действительности определяется в юридической науке как правосознание.

Правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права, т. е. это субъективное восприятие людьми правовых явлений.

В зависимости от уровня познания индивидами ценностей права, от глубины проникновения в его суть, в юридической литературе правосознание подразделяется на обыденное и профессиональное.

Основаниями разделения правосознания на виды можно взять уровень осознания необходимости права, глубину проникновения в сущность права и правовых явлений в обществе, которые позволят дать его как бы качественную характеристику. По данным критериям правосознание делится на три уровня.

Первый уровень – обыденное правосознание. Этот уровень свойствен основной массе членов общества, формируется на базе повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования. Люди так или иначе сталкиваются с правовыми предписаниями: какую-то информацию получают из средств массовой информации, наблюдают юридическую деятельность государственных органов, должностных лиц и т. д. Для субъектов с этим уровнем правосознания характерно знание общих принципов права, правовые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями.

Второй уровень – профессиональное правосознание, которое складывается в ходе специальной подготовки (например, при обучении в

юридическом учебном заведении), в процессе осуществления практической юридической деятельности. Субъекты этого уровня обладают специализированными, детализированными знаниями действующего законодательства, умениями и навыками его применения. Формированию профессионального правосознания должно быть уделено особое внимание в современных условиях. Отсутствие профессионализма в правотворчестве и правоприменении – одна из бед нашего общества.

Третий уровень – это научное, теоретическое правосознание. Оно характерно для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений.

В зависимости от отношения к праву, правовым явлениям в сознании индивидов складываются внутренние мотивы и установки на соответствующий вид правового поведения. Этим определяется его важное значение.

В юридической науке правосознание как одна из форм общественно-го сознания чаще всего определяется как система права.

Профессиональное правосознание – это глубокие, объемные и формализованные знания законов и подзаконных актов, других источников права, правильное понимание принципов права и задач правового регулирования, профессиональное отношение к праву и практике его реализации, высокая степень владения приемами и способами практической правомерной деятельности.

Важность профессионального правосознания заключается в том, что от его состояния зависит не только качество и эффективность правоприменительной деятельности соответствующих должностных лиц, но и формирования правосознания членов общества. Исследования подтверждают, что в обыденном правосознании представление о ценности и необходимости права чаще всего складываются под влиянием работы юридических учреждений, с которыми сталкиваются граждане в повседневной жизни.

Следует подчеркнуть, что особенностью профессионального правосознания является то, что оно не может быть сформулировано лишь на основе общественного правосознания, правового воспитания или практической деятельности. Профессиональное правосознание базируется на специальных знаниях, государственно-правовых явлениях о праве как универсальной регулятивной системе. Причем эти знания должны носить комплексный характер и сочетаться с их правильной политическо-правовой и нравственно-мировоззренческой оценкой, умением практического применения.

Для профессионального правосознания характерно не просто формальное знание той или иной правовой нормы, а понимание целей, задач и принципов права, точные представления об условиях действия

правовой нормы. В чем же заключается специализированность юридических знаний?

Во-первых, знания юристов характеризуются детализированностью и конкретностью, т. е., в отличие от массового правосознания, они не могут быть ограничены общими правовыми представлениями. Для них необходимо проникновение в глубину содержания правовых норм, четкие представления об обстоятельствах, при наступлении которых норма вступает в действие, о правовых последствиях, которые наступают при наличии предусмотренных нормами условий.

В каждой конкретной области практической деятельности юриста необходимы углубленные знания определенных отраслей права и законодательства. Некоторые участки этой деятельности требуют универсальных глубоких правовых знаний всех отраслей права, например, деятельность по осуществлению правосудия.

Во-вторых, специализированность профессиональных знаний проявляется в их системности. Это связано, в первую очередь, с системностью самого права, с тем, что нормы права не действуют изолированно.

В-третьих, специализированность профессионального правосознания заключается в умении применять юридические знания на практике. Закон, интегрированный в правосознание юриста, является его профессиональным инструментом, основой служебной деятельности. Поэтому специализированность юридических знаний означает умение профессионально применять нормы права в практической деятельности при решении юридических дел. Умение применять юридический инструментариум предполагает не только знание и понимание правовых норм, но и овладение данными юридической практики. В связи с этим специализированность юридических знаний достигается как в результате правового образования, так и в процессе практической деятельности.

Содержание профессионального правосознания юристов характеризуется рядом черт:

предполагает уважительное отношение к праву, закону, к практике его применения;

убежденность в необходимости неукоснительного соблюдения буквы закона;

оно характерно к совершению активных правомерных действий по защите прав и свобод граждан;

взаимосвязано с общественным и индивидуальным правосознанием; оказывает значительное влияние на различные сферы жизнедеятельности;

с точки зрения уровня познания правовой действительности, других качественных характеристик отлично от правосознания граждан.

Реализация идеи демократического правового государства в нашей стране предполагает достижение высокого уровня правового сознания всех членов общества, но в первую очередь профессионального правосознания и профессиональной культуры.

УДК 340.130

И.В. Децук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
С.Ф. Лапанович

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Обретение независимости и создание суверенного государства Республики Беларусь в начале 90-х гг. XX в. ознаменовало тот факт, что Беларусь впервые стала самостоятельным государством, независимым на международной арене, а белорусский народ получил политическое самоопределение. Актуальность темы обусловлена тем, что проблема истоков белорусской государственности является одной из самых обсуждаемых как в научной, так и в общественной среде. Важно то, что белорусы во все периоды своего развития стремились к независимости. Одной из таких попыток стал план Огинского.

Разделы Речи Посполитой в конце XVIII в. положили конец политическому существованию одного из крупнейших государств Восточной Европы, обусловив возникновение «польского вопроса», который до начала XX в. оставался важнейшим в европейской политике. Земли Королевства Польского и Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) оказались включенными в состав трех соседних держав: Австрии, Пруссии и России. Однако подавляющее большинство шляхетского сословия и зарождающейся интеллигенции бывлой Речи Посполитой, прежде всего политически активные силы польского общества, не утратили надежды на восстановление «общего дела».

В 1697 г. на трон Речи Посполитой был избран саксонский курфюрст Август II. Главной целью этого династического союза было желание магнатов и шляхты вернуть своему государству прошлый авторитет и значимость в Европе. Однако вместе с этим уния с Саксонией вынудила Речь Посполитую вступить в Северную войну, к которой она была не готова. В итоге всего за несколько месяцев Карл XII сумел захватить

большую часть центральной и восточной Беларуси и договориться с Варшавской конфедерацией об избрании нового короля. Им стал познаньский воевода С. Лещинский. В свою очередь Август II обратился за помощью к России, и в ВКЛ вошла большая армия Петра I, к которой примкнули отряды Радзивиллов и Огинских, что предало войне еще и характер гражданской. Все это привело к тому, что Речь Посполитая стала «заезжей корчмой» для иностранных армий, которые, как правило, «забывали об оплате» [1, с. 175]. Это стало одной из основных причин разделов государства.

Все попытки сохранить государство путем реформ: созыв и работа Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.), принятие Конституции 3 мая 1791 г., так же как и попытки вооруженных восстаний и выступлений: восстание Тадеуша Костюшко 1794 г. и другие, а также государственные реформы и революционные устремления пришли слишком поздно, чтобы предотвратить раздел государства. Экспансионистские замыслы соседних государств проявились гораздо раньше [2, с. 11].

Тем не менее после разделов Речи Посполитой идея восстановления этого государства оставалась актуальной. Осуществить это сторонники возрождения надеялись, опираясь на сильного союзника. Им в тот период мог стать император Франции Наполеон Бонапарт, который вел многочисленные войны, претендуя на европейское и мировое господство. После победы Франции в войне четвертой коалиции 1806–1807 гг. и заключения договоров, известных как Тильзитский мир 1807 г., на занятой Наполеоном части территории Пруссии, а именно на захваченной ею в ходе разделов Речи Посполитой, образовывалось подконтрольное французскому императору польское государство – Варшавское Герцогство, управляемое союзником Франции королем Саксонии Фридрихом Августом I. К России согласно Тильзитскому миру переходил Белостокский округ, в результате чего все этнические белорусские земли оказались в составе Российской империи [3].

Наполеон готовился к войне с Россией, которая и после поражения под Аустерлицем в 1807 г. оставалась для него главной преградой на пути к мировому господству. Александр I понимал, что московские порядки после раздела Речи Посполитой не поддерживают ни белорусские дворяне, ни мещане, ни мелкая шляхта. Поэтому он склонился к восстановлению ВКЛ под эгидой России, которое, по его мнению, станет своеобразным буфером между Наполеоном и Россией [4, с. 164].

Разработкой плана возрождения Великого Княжества занимался Михаил Клеофас Огинский – участник восстания Тадеуша Костюшко, известный композитор, государственный и военный деятель ВКЛ из рода Огинских. В 1802 г. он вернулся на родину после амнистии. В 1810 г.

многokrатно встречался с Александром I, от которого получил титул сенатора и даже стал его доверенным лицом [5, с. 92].

План Огинского затрагивал скорее территорию бывшего ВКЛ, нежели Королевства Польского. Он предлагал универсальное решение сепаратистской проблемы: создать такую автономию новоприсоединенным территориям, чтобы они, с одной стороны, чувствовали себя самостоятельными в своей политике, а с другой – могли эту самостоятельность поддерживать только в союзе с Россией [6]. Предполагалось создать особую провинцию, состоящую из земель Беларуси, части Украины и Литвы. Ею управлял бы специальный императорский наместник. Огинский, видимо, видел на этом месте самого себя. Столицей стала бы Вильня. Также был бы в символическом виде воссоздан Статут ВКЛ 1588 г., который стал бы формальным признаком суверенитета провинции. Все государственные должности могли занимать только уроженцы Великого Княжества, которые должны были заниматься вопросами территориального деления, распределения налогов, набора и содержания войска, содержания полиции и ведомств юстиции, народного образования, земледелия и промышленности. Самый амбициозный проект Михаила Клеофаса – «Литовское войско», армия в армии, которая была бы предана русским идеалам и наравне с русскими солдатами боролась бы с врагами Российской империи, в том числе и с Наполеоном [7, с. 138].

С проектом воссоздания ВКЛ не согласились и максимально оттягивали московские и петербургские высшие чиновники, которые смотрели на земли ВКЛ как на исконно свои земли и видели в этом попытку расчленения империи. Окончательно решить все вопросы восстановления государственности ВКЛ обе стороны не успели: французы начали войну раньше, чем ее ожидали [8, с. 194].

Вторжение войск Наполеона на территорию бывшего ВКЛ поначалу было встречено народом этих земель с воодушевлением. Почти вся шляхта литовских и белорусских земель приветствовала Наполеона как освободителя и пошла воевать вместе с ним против России. Французские войска 28 июня 1812 г. вступили в г. Вильно. 1 июля 1812 г. Наполеон подписал Декрет о восстановлении ВКЛ и создании его временного правительства. В состав комиссии входили представители мелкой шляхты, которые надеялись, что Наполеон восстановит государственную независимость княжества. При наступлении французов выяснилось, что население просто жаждало освобождения от русских. Российское правительство эксплуатировало земли ВКЛ чрезмерными налогами и поборами [2, с. 150].

Воссозданное ВКЛ не принесло крестьянству личной свободы, так как Наполеон не отменил крепостное право, как это произошло в Варшавском Герцогстве. Главной его задачей являлось снабжение французской армии

и выполнение всех указаний французского командования [7, с. 138]. Все поборы привели к голоду. Это и вынудило крестьян оказывать сопротивление как новой администрации ВКЛ, так и французским войскам [9].

Однако уже осенью Наполеон отдает приказ покинуть Москву и отступает с территории Литвы и Беларуси. В это время заканчивает свою деятельность комиссия временного правительства ВКЛ. Уже в 1814 г. русские войска вошли в Париж. Война завершилась крушением империи Наполеона. В дальнейшем Александр I не раз возвращался к вопросу восстановления Великого Княжества, но Михаил Клеофас Огинский более не участвовал в обсуждении будущего польско-литовских земель. В ноябре 1815 г. после беседы с русским царем он понял, что воссоединение с Польшей Литвы и других бывших провинций Речи Посполитой вряд ли произойдет. В связи со слабым здоровьем и разочарованностью в политике он в 1823 г. выехал с семьей в Италию. Жил во Флоренции, где и умер [10, с. 201].

Неудача плана Огинского во многом состояла в упорном нежелании аристократии наделять автономией новоприсоединенные территории ВКЛ. Русская власть знала, что «литвины» ее не поддерживают и предадут при любом удобном случае. Речь Посполитая и Российская империя слишком долго находились в тесном соперничестве, и надделение автономией вряд ли бы принесли России положительные результаты. Таким образом, план Огинского был попыткой на время успокоить и привлечь белорусов на свою сторону в связи с надвигающейся угрозой со стороны Наполеона.

1. Гісторыя Беларусі (у кантэксте сусветных цывілізацый) : вучэб. дапам. / В.І. Галубовіч [і інш.] ; пад рэд. В.І. Галубовіча, Ю.М. Бохана. – Мінск : Экаперспектыва, 2005. – 584 с.

2. Деружинский, В.В. Тайны белорусской истории / В.В. Деружинский ; под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 560 с.

3. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах / А.И. Михайловский-Данилевский. – СПб. : Тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи, 1846. – 455 с.

4. Саракавік, І.А. Гісторыя Беларусі ў кантэксте сусветнай гісторыі / І.А. Саракавік. – Мінск : Саврем. шк., 2006. – 456 с.

5. Мяснікоў, А.Ф. Сто асоб беларускай гісторыі: гістарычныя партрэты / А.Ф. Мяснікоў. – Мінск : Лит. і Искусство, 2008. – 344 с.

6. Иван Горшенев, Михаил Огинский и его план в контексте российской внешней политики. – Режим доступа: <https://topwar.ru/84849-mihail-oginskiy-i-ego-plan-v-kontekste-rossiyskoj-vneshney-politiki.html>.

7. Аргучинцев, Г.К. История государства и права Беларуси : учеб. пособие для студентов специальности «Правоведение» / Г.К. Аргучинцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2017. – 380 с.

8. Гісторыя Беларусі / А.Л. Абецэдарская [і інш.] ; пад рэд. А.Г. Каханойскага [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1997. – 496 с.

9. Ворса, С.А. Наполеон и Великое княжество Литовское. – Режим доступа: <http://vorsa.jo.by/?p=278>.

10. Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. – Т. 1. Абаленскі-Кадэнцця / рэдкал.: гал. рэд. Г.П. Пашкоў [і інш.] ; маст. З.Э. Герасімовіч. – Мінск : БелЭн, 2005. – 688 с.

УДК 351.74(09)

В.А. Зубков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

В.А. Данилов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВА 30-х гг. В СССР

В истории Советского государства 30-е гг. – времена большого кризиса. Изменения коснулись всех сфер общества. Страна была на пороге войны. Развитие народного хозяйства обусловлено задачами построения социализма в СССР. В конце 20-х гг. наблюдается рост числа колхозов и начинается массовое колхозное движение. Большое значение для социалистического переустройства деревни имело постановление ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». ЦК ВКП(б) этим постановлением подчеркнул, что ведущей формой коллективных хозяйств должны стать сельскохозяйственные артели (добровольное объединение людей для совместной работы или иной коллективной деятельности, часто с участием в общих доходах и общей ответственностью). Стремление сократить и без того предельно сжатые сроки коллективизации осуществлялось путем воздействия на крестьян. Удары, направленные на кулаков, в какой-то мере падали на средних крестьян. Это наносило большой урон сельскому строительству. В начале 30-х гг. наблюдался резкий спад колхозного движения, вызванный развалом колхозов. В связи с этими событиями Коммунистическая партия и Советская власть приняли срочные меры для исправления ситуации в стране. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства сопровождалась острой классово-борьбой. Кулачество всеми силами пыталось остановить колхозное движение. И тем самым вынудило Советскую власть перейти от постепенного ограничения и вытеснения экономическими мерами к политике

насильственной экспроприации кулаков. Этот курс был закреплен в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Это постановление отменило в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах. Также постановление предоставило краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры по борьбе с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей).

В сфере финансового права произошли следующие изменения. В связи с проведением коллективизации, индустриализации и культурной революции государство нуждалось в денежных средствах. Требовалась коренная перестройка существовавших форм финансовых отношений. Перестройка заключалась в налоговой и кредитной реформах. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. закреплялась налоговая реформа. Реформа установила: однократность обложения товаров налогом с оборота; единые средние отраслевые ставки НСО; централизованный порядок расчетов с бюджетом, означавший, что плательщиками налога с оборота и отчислений от прибыли выступали не отдельные предприятия, а объединения; максимальный размер отчислений от прибыли (81 %), за исключением сумм, направляемых на создание поощрительных фондов. Кредитная реформа 1930 г. преследовала две главные цели: установление принципа демократического централизма в работе банков и концентрация кредитного, расчетного и кассового обслуживания народного хозяйства в одном общенациональном банке. Исходя из этих целей, реформа проводилась по следующим направлениям: ликвидация взаимного товарного кредитования и замена коммерческого кредита банковским; сосредоточение в одном государственном банке – Госбанке – ресурсов для краткосрочного кредитования; превращение безналичных расчетов, осуществлявшихся с помощью банков, в основной вид денежных расчетов между предприятиями и организациями при минимальном использовании в расчетах наличных денег; перестройка банковского аппарата по функциональному признаку с четким разграничением функции по краткосрочному кредитованию производства и долгосрочному кредитованию капитальных вложений. Данные мероприятия касались преимущественно юридических лиц.

Преобразования коснулись и сферы гражданского и хозяйственного права. Ведущая форма собственности – социалистическая. К ней от-

носились государственная и колхозно-кооперативная собственность. Государственная собственность считалась высшей формой собственности, общенародной, т. е. принадлежащей всему обществу. Субъектом колхозно-кооперативной собственности являлись отдельные колхозы, предприятия промкооперации и т. п. Имущественные отношения между кооперативами строились на основе безвозмездности. В 1931 г. ЦИК и СНК СССР обязали хозяйственные органы оформлять заказы и поставки договорами. Были установлены формы договоров – генеральные и локальные. Генеральные договоры заключались между каким-то промышленным наркоматом и торговым ведомством. На основе генерального договора заключались локальные: между конкретными поставщиками и потребителями. Ужесточились требования к договорной дисциплине. Вводились штрафные санкции. Запрещался также односторонний отказ от исполнения договора. В 1932 г. было запрещено открытие частных магазинов и лавок. В 1934 г. отменили карточную систему на хлебобулочные продукты и ввели единую цену на эти товары.

Изменения в сфере трудового права. С распространением индустриализации на территории СССР государство было заинтересовано в большом количестве кадров. Эта задача решалась развертыванием широкой сети учебных заведений: от краткосрочных курсов и профтехшкол до техникумов и вузов. Молодые специалисты после окончания учебных заведений гарантированно получали рабочие места согласно их специализации. В это же время у них появлялась обязанность отработать определенный срок.

Колхозное право. Важным событием в развитии колхозного права в СССР 30-х гг. было принятие Примерного Устава сельскохозяйственной артели, утвержденного Президиумом ЦИК и СНК СССР 1 марта 1930 г. По содержанию устава все полевые наделы сливались в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели. В единоличном пользовании оставались только приусадебные земли.

Члены артели обязаны были расширять посевную площадь путем использования всей находящейся в распоряжении артели земли, использовать на общественных началах всю имеющуюся тяговую силу, инвентарь, тракторы, машины, семена и другие средства производства. А также члены артели должны были улучшать пахотные и луговые земли, проводить агрокультурные мероприятия, необходимые для повышения урожайности, проводить зоотехнические и ветеринарные мероприятия, организовать строительство на общественных началах хозяйственных и общественных построек и подсобных учреждений и повышать культурно-политический уровень членов артели.

Стать участником могли все трудящиеся, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Не принимались кулаки и лица, лишенные избирательных прав. Бесхозяйственное и нерадивое отношение к инвентарю и скоту рассматривалось артелью как измена делу коллективизации, как практическая помощь врагу – кулаку. За такое отношение к имуществу, невыход без уважительных причин на работу и другие нарушения дисциплины на виновных правление артели налагало взыскания согласно правилам внутреннего распорядка (например, выговор, предупреждение, временное отстранение от работы, штраф и т. д.). В отношении «неисправимых» правление ставило перед общим собранием вопрос об их исключении из состава артели.

В 30-е гг. право было инструментом и в такой же мере продуктом сплочения советского общества. Коллективизация, индустриализация, культурная революция, подготовка к войне – взаимосвязанные процессы, определявшие развитие государства и права в тот период. Сопутствующее явление, которое изменило весь уклад жизни огромного количества людей, – урбанизация, т. е. быстрый рост городов и их населения.

УДК 351.74(09)

О.А. Ивашина, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
В.А. Данилов

БОРЬБА ЗА ЖЕНСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Женское избирательное право – это право женщин принимать участие в выборах в представительные органы власти, включающее в себя право избирать и быть избранным. С конца XIX в. в социальном развитии многих европейских стран (как и в экономически развитых САСШ) встал вопрос о гендерном равенстве. Его подъем обусловил ряд факторов – развитие буржуазного парламентаризма, либерализация избирательного права, все большее вовлечение женщин в производство. В отличие от Средневековья, когда женщина была занята в семейном труде, развивающийся капитализм требовал расширения сфер применения женского труда на производстве. Широко распространенная формула женского бытия – дети, кухня, кирха – уже потеряла свою актуальность. С началом XX в. наблюдается активизация движения феминисток

за женские права, в том числе и право избирательное. Противниками выступали клерикальные круги и наиболее консервативные элементы, представляющие «традиционное общество». Борьба за женское право против консерватизма общества велась как мужчинами, так и женщинами самых разных взглядов, сословной принадлежности и уровня культуры. С победой этого общественного движения его завоевания были закреплены в праве ряда стран и затем в международном праве.

Особый накал это противостояние достигло в Великобритании. Это было связано с рядом факторов – общим традиционным консерватизмом английского общества, длительной и богатой событиями историей британского парламентаризма (не случайно Англию называют «родиной парламентаризма»), ранним промышленным переворотом и высоким уровнем развития производительных сил. Не случайно и вполне заслуженно в XIX в. Великобританию называли «мастерская мира».

В Великобритании участники борьбы за женское равноправие делились на суфражистов (тех, кто стремился к изменениям гендерных отношений конституционным путем) и суфражисток (тех, кто практиковал более радикальные акции). Также имелись различия во взглядах на место женщины в обществе. Многие представители «сильного» пола считали, что женщины по природе лучше, нежнее и более обеспокоены положением семьи и детей. Они придерживались мнения о том, что основная задача женщины – поддержание домашнего очага и забота о муже. Меньшая часть общества полагала, что женщины должны быть полностью уравнены с мужчинами. Впрочем, подобные различия во взглядах царили большей частью в кругах буржуазных. В семьях пролетарских данный вопрос уже давно не был столь актуальным.

В Великобритании движение за женское право началось еще в первой половине XIX в., когда значительно увеличилась политическая активность женщин. Джон Стюарт Милль, избранный в парламент в 1865 г., открыто поддерживал наделение женщин правом голоса и выступал за внесение этого права в «Хартию». После неоднократного провала данного вопроса в мужском по своему составу парламенте проблема стала очевидной для британского общества. Во второй половине XIX в. рост сторонников равноправия полов привел к формированию нескольких политических групп, активно лоббировавших интересы женщин в парламенте. В 1897 г. произошло организационное оформление сторонников женского равенства – 17 общественных организаций объединились в Национальный союз женских обществ. Этот союз организовывал встречи и направлял письма-запросы политикам и депутатам, в редакции влиятельных газет и журналов, публиковал в них различные материалы. В 1907 г. союз организовал первое массовое шествие, вошедшее в историю как

«Марш грязи», поскольку более чем трем тыс. женщин пришлось идти в холод по разбитым улицам Лондона от Гайд-парка до Эксетер-холла.

В 1903 г. в движении суфражисток произошел первый раскол – от Национального союза женских обществ отделилось несколько организаций, которые позднее объединились в Общественно-политический союз женщин. Поскольку национальные средства массовой информации постепенно теряли интерес к движению, созданный союз решил действовать иными методами. Новая тактика впервые была использована в 1905 г. во время выступления сэра Эдуарда Грея – члена либерального правительства. Во время его публичной речи две активистки постоянно выкрикивали вопрос: «Предоставит ли либеральное правительство право голоса женщинам?». После отказа прекратить шум была вызвана полиция. Суфражеток (так их называли газеты после инцидента) арестовали, их обвиняли в нападении. Заплатить штраф они отказались и были отправлены в тюрьму. Арест и заключение под стражу светских дам вызвал волну публикаций в средствах массовой информации. Событие получило нежелательную для правительства огласку.

Происшедшее шокировало британское общество. Оно обратило внимание на новый способ борьбы за права женщин. После широкого информационного успеха Общественно-политический союз женщин стал все чаще прибегать к насильственным действиям, иногда за гранью закона. В 1908 г. суфражетки попытались ворваться в Палату общин, затем подожгли дом Дэвида Ллойда Джорджа – министра финансов (несмотря на поддержку с его стороны – введения женского избирательного права). В 1909 г. за решетку попала леди Констанс Бульвер-Литтон – видная общественная деятельница и активный борец за права женщин. Но ее быстро освободили после установления личности. Тогда она стала выдавать себя за швею Джейн Уортон, была вновь арестована. В тюрьме испытала на себе бесчеловечное обращение в виде принудительного кормления. В 1913 г. в знак протеста она выбежала перед конем, принадлежащим королю Георгу V. Попав под копыта животного, получила тяжелые ранения и вскоре умерла.

Огромным потрясением устоев, общественной морали и нравственности стала Первая мировая война. Общественно-политический союз женщин, учитывая тяжелое положение страны, отказался от проведения акций. Его участницы встали на защиту своей Родины, многие пошли на фронт в качестве сестер милосердия. Национальный союз женских обществ, в свою очередь, заявил о прекращении политической борьбы, хотя тайно продолжал лоббировать интересы женщин в политических институтах страны.

В 1918 г., после окончания войны, парламент принял закон, открывавший доступ к выборам в Палату общин женщинам старше тридцати лет,

являющимся главой семейства или состоящим в браке с главой семейства, либо окончившим университет. Это была еще не победа, но решение проблемы сдвинулось с места. И, наконец, в 1928 г. был принят Закон «О народном представительстве», согласно которому женщины Великобритании были полностью уравнены в избирательных правах с мужчинами.

УДК 340.1

К.В. Казачёнок, выпускник факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Григорьев*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ РЕВЕРС

Одной из основных характеристик социального государства является гарантированность каждому человеку достойного прожиточного минимума. В Конституции Республики Беларусь предусмотрено право каждого на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение для этого условий.

Действительно, для значительной части белорусского общества наличие собственного жилья играет важную роль. Принято считать, что социальное государство решает проблемы тех, кто в этом нуждается. Тожественно ли «нуждается» и «заслуживает» – вопрос, на который сложно однозначно ответить. Ведь сегодня существует проблема справедливого распределения социального жилья. Как определить, кому оно более необходимо, кто самый нуждающийся? Из этого вытекает, что неутолимая мотивация любого человека к собственному благополучию отождествляется с ущемленностью и нуждой. Уже на первом этапе становления семьи, как ячейки общества, или самостоятельной жизни субъекта, доминирует образ торжества неблагополучия – доказать, что он самый уязвленный.

Сегодня существуют два способа государственного субсидирования социально-жилищной сферы: это социальное и льготное жилье, а также реализация недвижимости по сверхнизким ценам для всех желающих. Для многих граждан это действительно решение жилищной проблемы. Однако часть такого жилья выставляется «нуждающимися» на продажу еще до окончания строительства, о чем свидетельствует информация, представленная на белорусском портале торговли недвижимостью.

В условиях указанной действительности в обществе формируются социально-правовые отношения, которые выходят за рамки правового поля. Наблюдается упадок нравственности и правосознания, подмена

ценностей, применение недопустимых средств реализации своих целей. Возможно, это связано с тем, что естественные стремления и побудители всегда будут обладать разумом человека. В этой связи государство должно эффективно регулировать жилищные правоотношения и бороться с противоправными действиями в данной сфере. Ведь социальное государство – это государство, которое удовлетворяет нужды людей.

Что касается второго пути – реализация недвижимости по сверхнизким ценам для всех желающих, то следует учитывать один из основополагающих принципов рынка: спрос превышает предложение – цена растет, спрос меньше, чем предложение – цена падает. Создает рынок внутри рынка и мотивирует появление искусственно созданного спроса. Это подразумевает то, что в рынок входят люди со свободным капиталом – «перекупы». Затем возрастает спрос, что в свою очередь увеличивает цену, и вместе с искусственно созданными штатными единицами, дельта перекупщика увеличивает стоимость самого социального жилья до среднерыночной стоимости, лишая при этом частных застройщиков мотивации понижать стоимость.

При контрастной, исключительно ликвидной цене, появляется ажиотаж. При этом на первых позициях всегда будут выступать люди со свободным капиталом – незадействованными деньгами. Дело в том, что продать свое имущество за короткий промежуток времени достаточно проблематично. Также и суммами, скапливаемыми поколениями, не распорядятся «на авось», нужно время для мониторинга. Следовательно, даже в случае честной борьбы, у действительно нуждающихся людей мало шансов строить жилье по заниженной стоимости. Так как понятно, нуждающийся человек – человек без свободного капитала. А ведь такие обстоятельства являются прямой предпосылкой коррупции.

Таким образом, социальное жилье не всегда доходит до целевой аудитории и не понижает стоимость жилья на рынке, а государственные застройщики находятся на грани рентабельности. При таких обстоятельствах не происходит необходимое развитие застройщиков государственной формы собственности, что негативно отражается на качестве новостроек и создает замкнутый круг. Также важно учитывать и спекулятивную дельту (это та часть средств, которая уходит из бюджета государственных застройщиков прямо, не говоря уже о том, сколько теряет косвенно все общество).

Анализ рынка недвижимости свидетельствует о падении цены на жилье за последние два года, однако «дешевле» не синоним «доступнее». Это последствия падения спроса, который возник в результате падения покупательской способности. Причина вовсе не в том, что все граждане

обеспечены жильем или перестали в нем нуждаться, также это не результат честной конкуренции или прогресса.

Указанная закономерность называется «социально-правовой реверс» и объясняет, почему существует проблема доступности жилья. Поскольку в современных условиях противоречие между объективной потребностью общества в стабильном правопорядке и ее реальным воплощением в практике становится все острее, важно помнить непосредственное и действительное назначение социального государства и предпринять соответствующие меры. В этой связи считаем необходимым разработать комплекс мер, направленных на решение проблемы, связанной со справедливым и эффективным распределением и строительством льготного и социального жилья.

УДК 340.130

А.С. Карпук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.И. Павлов

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА ИРАН

Правовая система Исламской Республики Иран (ИРИ) по классификации известного компаративиста Рене Давида входит в религиозно-традиционную правовую семью. Государственной религией страны является ислам шиитского толка.

После Исламской революции 1979 г. в республике началась «исламизация» законов. «Исламизация» законов означает их введение на основании исламских принципов и методов шариата.

Основным законом данного государства является Конституция. Конституция Исламской Республики Иран была окончательно утверждена 15 ноября 1979 г. на заседании Конституционного собрания большинством в две трети голосов от его общего состава. 24 апреля 1989 г. в нее были внесены изменения. Согласно Конституции в Иране действуют три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная [1, с. 96].

Законодательная власть в Иране представлена Консультативным советом (меджлис-шура). Конституция гласит, что главной задачей Консультативного меджлиса (совета) является принятие законов в соответствии с Конституцией. Меджлис берет на себя задачу толкования законопроектов, представляемых правительством на рассмотрение меджлиса.

Депутаты меджлиса (числом не менее 15) могут выступать с предложениями по принятию законов и добиваться их одобрения. Согласно ст. 77 Конституции Ирана договоры и соглашения, заключаемые правительством с другими государствами, могут вступить в силу лишь после ратификации их меджлисом.

Исполнительная власть описана в девятом разделе Конституции, согласно которой органы исполнительной власти представлены, начиная с президента, премьер-министра, министров и заканчивая армией и войсками революционной гвардии («стражей революции»). В ст. 113 говорится, что президент республики представляет высшую государственную власть в стране и отвечает за соблюдение Конституции и регулирование взаимоотношений между тремя ветвями власти. Срок полномочий президента – четыре года. Он избирается непосредственно народом. В ст. 115 перечисляются условия, которым должен отвечать претендент на пост президента Исламской Республики Иран (избирательный ценз). Важнейшее из них – чтобы он разделял официальную религиозную доктрину страны (т. е. был шиитом) [2, с. 36].

Президент республики избирается среди верующих политиков, обладающих следующими качествами: 1) иранец, имеющий иранское гражданство; 2) управленец и хозяйственник; 3) благочестивый; 4) порядочный и богобоязненный; 5) верующий и следующий принципам Исламской Республики Иран и официального религиозного течения страны. Президентские выборы проводятся под прямым контролем со стороны Совета конституционного надзора. Избранный президент вправе назначить премьер-министра, заручившись согласием Консультативного меджлиса. Президент парафирует все международные договоры, соглашения и конвенции, заключенные Ираном с иностранными государствами, после ратификации их меджлисом.

Десятый раздел Конституции посвящен судебной власти. Основными целями и задачами судебной власти являются:

- 1) рассмотрение и вынесение приговоров;
- 2) восстановление общественных прав;
- 3) контроль за исполнением законов;
- 4) раскрытие преступлений, преследование и наказание преступников, приведение в исполнение наказаний и положение Исламского уголовного закона;
- 5) принятие соответствующих мер по предотвращению преступлений и исправлению преступников.

Для выполнения этих целей и задач судебная система Исламской Республики Иран состоит из следующих органов:

- 1) Министерство юстиции;

- 2) Верховный Суд;
- 3) Генеральный прокурор;
- 4) Общие суды;
- 5) Специализированные органы:

военные суды;
революционные суды;
суды административной справедливости;
генеральная инспекция страны.

В ст. 156 говорится о том, что судебная власть является независимой властью, защищающей индивидуальные и общественные права; она несет ответственность за соблюдение справедливости. Статья 157 предусматривает формирование Высшего совета юстиции, который является высшим органом судебной власти. На него возлагается задача составления судебных инструкций, назначение, перевод и смещение судей. Совет включает в свой состав 15 членов, в том числе председателя Верховного Суда и генерального прокурора республики, а также трех судей-муджтахидов, избираемых судьями страны на пять лет. Если учесть условие, выдвигаемое ст. 162 Конституции, которая предусматривает, что председатель Верховного Суда и генеральный прокурор должны быть муджтахидами, то становится очевидным, что муджтахидами должны быть все члены Верховного Суда юстиции. Здесь нет места юристам-специалистам. Достаточно знать шариат и быть муджтахидом чтобы стать членом этого высшего органа судебной власти [3, с. 380].

Что же касается законодательства, то в его основу заложены исламское право и священное писание Коран.

С исторической точки зрения, формирование источников права в ИРИ можно разделить на два периода. Первый: от Конституционной революции 1906 г., которая установила в стране конституционную монархию, до Исламской революции до настоящего времени.

На протяжении первого периода источники права располагались в следующем порядке по своей значимости:

I. Основные:

- 1) Статутное право;
- 2) Судебные решения пленарного заседания Верховного Суда;
- 3) Правовые обычаи.

II. Дополнительные:

- 1) Доктринальные труды;
- 2) Французский и исламский (шиитского толкования) законы;
- 3) Судебные решения.

В послереволюционный период источники уголовного права можно разделить на две группы:

I. Основные:

- 1) Священный Коран;
- 2) Сунна (предания пророка Муххамеда);
- 3) Учение Имамов (религиозных лидеров) и единодушные их мнения;
- 4) Уголовный кодекс (закон об исламских наказаниях).

II. Дополнительные:

- 1) Труды исламских правоведов и предводителей разных мусульманских правовых школ, фетвы;
- 2) Постановления главы судебной власти, судебные решения пленарного заседания Верховного Суда;
- 3) Правовые обычаи.

Уголовному праву в жизни иранского народа в общем и в системе права, в частности, ученые придают огромное значение. Более того, это подтверждается словами основателя Исламской Республики Иран Аятоллы Имама Хомейни: «Из всех дел в управлении государством, самым важным являются отправления правосудия и судебная система, ибо они связаны с жизнью, здоровьем, честью и достоинством человека». Одной из причин повышенного научного интереса к изучению уголовного права Ирана является его религиозная связь с догматикой и, прежде всего, с шариатом, как его источником. Уголовное право, таким образом, неразрывно связано с шариатом и опирается на ислам [4, с. 1628].

По действующему уголовному законодательству Ирана существует пять категорий преступлений:

1. Хадд (преступления, наказания за которые установлены Шариатом) оскорбление Аллаха или Ислама;
2. Касос (преступления, наказания за которые устанавливаются в виде возмездия) убийство или телесные повреждения;
3. Дият (преступления, наказания за которые устанавливаются в виде компенсации, штрафа) преступления против жизни и здоровья.
4. Тазир (преступления, за которые устанавливаются исправительные наказания) отказ от совершения молитвы, несоблюдение поста;
5. Преступления, за которые устанавливаются наказания сдерживающие совершение преступления. В основном за должностные преступления [4, с. 1629].

Говоря о принципах уголовного права, следует отметить, что они не закреплены непосредственно в отдельных нормах, а вытекают из норм уголовного закона в целом.

Основные принципы можно вывести из Конституции:

- 1) принцип равенства перед законом и в суде (там говорится что и мужчина и женщина равны в своих правах и перед судом);
- 2) презумпция невиновности;
- 3) принцип гуманизма (пытки запрещены на законодательном уровне).

1. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира : справ. / Ф.М. Решетников. – М. : Юрид. лит., 1993. – 256 с.

2. Хачим, Ф.И. Конституционное право стран Ближнего Востока (Иран, Египет, Израиль, ОАЭ, Ирак) / Ф.И. Хачим. – М. : РУДН, 2001. – 138 с.

3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник : в 4 т. – Т. 4. – Особенная часть / отв. ред. Б.А. Страшун. – М. : БЕК, 2001. – 639 с.

4. Даниленко, В.И. Уголовное право Исламской Республики Иран (ИРИ): современное состояние / В.И. Даниленко // Право и политика. – 2008. – № 7. – С. 1627–1630.

УДК 340. 135

Н.С. Каспяровіч, выпускнік факультэта міліцыі

Навуковы кіраўнік – кандыдат юрыдычных навук *А.У. Грыгор’еў*

ФАКТАРЫ, ЯКІЯ ўПЛывАЮць НА СУВЕРЭНІтЭТ ДЗЯРЖАВЫ

*Суверэнiтэт i бяспека Беларусi – гэта святое
А.Р. Лукашэнка*

Эфектыўнасць забеспячэння дзяржаўнага суверэнiтэту i бяспекi залежыць, перш за ўсё, ад якасцi вядзення ўнутранай i знешняй палiтыкi. Для таго, каб гэтыя ўнутраныя i знешнія справы дзяржавы мелi якi не залежыць ад каго б там нi было характар, яны маюць патрэбу ў суверэнiтэце, якi выступае гарантам iх недатыкальнасцi з боку iншых краiн. На мяжы XX–XXI стст. эканамiчныя, палiтычныя i прававыя сiстэмы многiх дзяржаў, перш за ўсё былога сацыялістычнага лагера, зведалі iстотныя змены. Статыстычны аналіз дазваляе сцвярджаць, што да XV ст. у Еўропе было каля тысячы незалежных дзяржаў, пасля Другой сусветнай вайны – пяцьдзясят адна дзяржава ва ўсiм свеце, а цяпер каля дзвюхсот, i гэты працэс не стаiць на месцы [1, с. 17]. У сувязi з гэтым узнікае неабходнасць больш дэталёвага даследавання пытанняў забеспячэння нацыянальнай бяспекi i суверэнiтэту.

Устаноўлена, што заканадаўцы розных краiн свету iндывiдуальна падыходзяць да разглядаемых пытанняў. Так, у канстытуцыях розных дзяржаў, у тым ліку i ў Канстытуцыi Рэспублікі Беларусь (ч. 1 арт. 3), носбiтам суверэнiтэту абвяшчаецца не канкрэтная персана або службовая асоба, а народ [2]. Акрамя таго, артыкул 1 Дэкларацыi аб дзяржаўным суверэнiтэце Рэспублікі Беларусь абвяшчае: «Рэспубліка Беларусь – суверэнная дзяржава, якая ўсталявана на аснове ажыццяўлення беларускай нацыяй яе неад’емнага права на самавызначэнне, дзяржаўнасцi беларускай мовы, вяршэнства народа ў вызначэннi свайго лёсу». Варта адзначыць, што ў Канстытуцыi Францыi, пытаннi суверэнiтэту разглядаюцца ў асобным раздзеле [3]. А ў Канстытуцыi ЗША тэрмін «суверэнiтэт» зусiм не знаiшоў свайго адлюстравання.

Цiкава заўважыць, што паняцце суверэнiтэту знаiшло адлюстраванне не яшчэ ў працах Арыстоцеля, i ў гiстарычным аспекце не было пастаянным, а трансфармавалася ў сілу дынамічных працэсаў, якiя адбываюцца ў свеце. Артыкул 1 Статута ААН у якасцi адной з галоўных мэт абвяшчае «павагу да прынцыпу роўных правоў i самавызначэннi народаў». Тым не менш, належнага нарматыўнага замацавання дэфініцыя «суверэнiтэт» не атрымала ў цяперашнi час. Мы лічым, што ліквідацыя дадзенага прабелу спрыяла б ліквідацыi дваякага тлумачэння гэтага паняцця.

Сусветны вопыт пераканаўча сведчыць пра тое, што *de jure* ўдзел у міжнародных арганiзацыях, ратыфікацыя міжнародных актаў не могуць з’яўляцца парушэннем дзяржаўнага суверэнiтэту, паколькi прыняцце міжнародных дагавораў – гэта волевыяўленне самой дзяржавы. Аднак са з’яўленнем наднацыянальных аб’яднанняў, напрыклад, Еўрапейскага саюза i міжнародных арганiзацый, у прыватнасцi, Арганiзацыi Аб’яднаных Нацый, абмяжоўваецца свабода дзеянняў iх членаў. Гандлёвымі пагадненнямі Сусветнай гандлёвай арганiзацыi абмяжоўваюцца магчымасцi бакоў у абароне нацыянальнай эканомікі з дапамогай тарыфных бар’ераў. Такім чынам, можна зрабiць выснову, што падобныя ініцыятывы ў пэўнай ступені ўшчамляюць магчымасцi дзяржаў у прыняццi самастойных рашэнняў у галiне эканамічнай палiтыкi.

Так, шэраг даследчыкаў акцэнтуюе ўвагу на тое, што рашэнне праблемы рэалiзацыi дзяржаўнага суверэнiтэту на міжнародным узроўнi патрабуе яго абмежавання толькi ў тых выпадках, калi гэта не супярэчыць асноўным прынцыпам міжнароднага права, аргументуючы гэта тым, што асноўныя прынцыпы міжнароднага права паходзяць ад міжнародна-прававых звычаяў, абавязковым для ўсiх дзяржаў. Адсюль вынікае, што сама наяўнасць гэтых прынцыпаў ужо ёсць ускосная згода дзяржаў на пэўнае абмежаванне суверэнiтэту ў міжнародных адносінах.

Актуальнасць даследавання праблем забеспячэння нацыянальнай бяспекі і суверэнітэту для Рэспублікі Беларусь вызначаецца, перш за ўсё, сучаснымі рэаліямі геапалітычнага становішча.

Адным з найбольш значных фактараў, якія ўплываюць на суверэнітэт дзяржавы, з'яўляецца міграцыя насельніцтва. Акрамя таго, разглядаемае пытанне ў цяперашні час заслугоўвае пільнай увагі. Яшчэ ў 1982 г. палітолаг Э. Балібар сцвярджаў, што глабалізацыя і перамяшчэнне насельніцтва ў рамках існуючай сістэмы рана ці позна прывядуць да пераасэнсавання паняцця «мяжа». Каментуючы дадзенае становішча, варта звярнуць увагу на з'яўленне адзінай прасторы Еўрасаюза, адбываецца аблегчэнне візавых рэжымаў. У дадзеным кантэксце, лічым пазітыўным вопыт Азербайджанскай Рэспублікі, у якой распрацаваны і паспяхова функцыянуе Міграцыйны кодэкс, які вызначае ажыццяўленне дзяржаўнай палітыкі ў сферы міграцыі, а таксама рэгулюе Міграцыйныя працэсы і адносіны, якія ўзнікаюць у гэтай сферы. Адзначым, што па такім жа шляху пайшла і Расійская Федэрацыя, заканадавец якой актыўна працуе над стварэннем кадыфікаванага закона ў галіне міграцыі. Мяркуем, што такая навэлла пазітыўна паспрыяла б на бяспеку Рэспублікі Беларусь у разглядаемым напрамку.

Несумненна, адной з найбольш важнай канстытуцыйна-прававой формай з'яўлення, замацавання і рэалізацыі дзяржаўнага суверэнітэту з'яўляецца грамадзянства. Яго змест і форма выказвання абумоўлены самім дзяржаўным суверэнітэтам. Інстытут грамадзянства як сукупнасць юрыдычных норм уносіць стабільнасць у жыццё грамадства і дзяржавы, спрыяе фарміраванню і вырашэнню нацыянальнай палітыкі, прымірэння нацый, іх дзяржаў, умацаванню садружнасці дзяржаў. З аднаго боку, яно дае магчымасць дзяржаве кантраляваць склад насельніцтва і выконваць свае правамоцныя функцыі ў дачыненні да асобы, а менавіта дыпламатычную абарону сваіх правоў. З іншага боку, яно павінна разглядацца з пункту гледжання асобы як прызнання асноўных правоў чалавека. Разглядаючы дадзенае пытанне ў адносінах да Рэспублікі Беларусь, неабходна адзначыць, што яна імкнецца да прававой уніфікацыі заканадаўства аб грамадзянстве на шматбаковай аснове з краінамі СНД. Адсюль вынікае, што грамадзянства служыць прававым сродкам не толькі выражэння, але і ажыццяўлення дзяржаўнага суверэнітэту.

Цікава заўважыць, што дыскусійным з'яўляецца пытанне: ці ўплывае падзел дзяржаўных уладаў на ўтрыманне дзяржаўнага суверэнітэту? У літаратуры няма адназначнага адказу на гэтае пытанне. Некаторыя аўтары лічаць, што падзел уладаў вядзе да расшчаплення, паслаблення ўлады і дзяржаўнага суверэнітэту. Аднак з падобным падыходам цяжка пагадзіцца. Сусветны вопыт сведчыць пра тое, што рэалізацыя прынцыпу падзелу ўлад не раздрабняе, не паслабляе ўлады дзяржавы ў цэлым,

а, наадварот, спрыяе супрацоўніцтву і кааперацыі ўсіх яе галін, што вядзе да ўмацавання дзяржавы і яе суверэнітэту.

Акрамя таго, выяўлена, што ўтрыманне рэальнага суверэнітэту і развіццё суверэннай дэмакратыі патрабуюць развітага і глыбокага пачуцця асвечанага патрыятызму і нацыянальнай самапавагі. Дадзенае становішча знайшло адлюстраванне ў Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, якая адным з асноўных нацыянальных інтарэсаў у сацыяльнай сферы абвешчае развіццё інтэлектуальнага і духоўна-маральнага патэнцыялу грамадства, захаванне і памнажэнне яе культурнай спадчыны, умацаванне духу патрыятызму [4]. Прыняцце ў 2016 г. у Рэспубліцы Беларусь першага на постсавецкай прасторы Кодэкса аб культуры, на наш погляд, спрыяе ўмацаванню рэгулюемых адносін ад унутраных і знешніх пагроз, бо суверэнітэт павінен выказваць інтарэсы і самабытнасць народа, у тым ліку яго прыхільнасць вызначанага мове, традыцыям, рэлігіі.

З нашага пункту гледжання, для вырашэння праблемных пытанняў у названай сферы недастаткова стварэння належнай сістэмы нарматыўнага прававога рэгулявання. Рэфармаванне практычных пытанняў абумоўлена правапрымяняльнай практыкай. Мяркуем, што станоўчым прыкладам з'яўляецца стварэнне камісіі па абароне дзяржаўнага суверэнітэту, як гэта зроблена ў Расійскай Федэрацыі. Так, наяўнасць спецыяльнай камісіі, якая вядзе маніторынг дзейнасці замежных дзяржаў, міждзяржаўных аб'яднанняў і міжнародных арганізацый, з мэтай пазбегнуць умяшання ў розныя сферы дзейнасці дзяржавы, дазволіць своечасова і аператыўна рэагаваць на любыя выбрыкі ў адносінах да дзяржавы як унутры, так і за яе межамі.

Такім чынам, дзяржаўны суверэнітэт займае значнае месца і не толькі ў навуковай тэорыі, але і ва ўнутрыдзяржаўных і міжнародных адносінах. Акрамя таго, рэзюмуючы вышэйсказанае, уяўляецца магчымым акцэнтаваць увагу на тым, што з'яўленне новых носбітаў суверэнітэту; узнікненне такіх дэфініцый, як «абмежаваны суверэнітэт», «мяккі суверэнітэт»; абмежаванне суверэнітэту нормамі міжнароднага права і шэраг іншых, выкладзеных намі праблемных пытанняў, патрабуе неадкладнай увагі і эфектыўнага рэагавання шляхам ліквідацыі існуючых прабелаў, стварэння эфектыўнай нарматыўнай прававой базы, якая адпавядае патрабаванням правапрымяняльнай практыкі.

1. Матарас, В.Н. Власть и суверенитет государства / В.Н. Матарас // Право.by. – 2016. – № 5. – С. 15–20.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

3. Уголовный кодекс Французской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimpravo.ru/codecs/france>. – Дата доступа: 28.11.2017.

4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 351.742

С.В. Король, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук *А.И. Мурашко*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДВИЖЕНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

Зубатов Сергей Васильевич – достаточно значимая фигура в истории российских охранительных учреждений. В юности он был социалистом, участвовал в нелегальном движении, за что позже, в 1882 г., был исключен из гимназии [1, с. 35]. Зубатов был умным и ловким, а близость к революционным кругам сыграла огромную роль в его дальнейшей карьере. Он стал осведомителем московской охранки, в 1889 г. – помощником начальника, а в 1896 г. – начальником Московского охранного отделения.

В то время Московское охранное отделение занимало центральное место среди розыскных органов Департамента полиции. Благодаря хорошо поставленному сыску и агентуре, отделению Зубатова удалось нанести несколько решающих ударов по революционному движению, а также были произведены массовые аресты в Минске, Харькове, Одессе, Москве. Но стоит отметить, что этого не хватало для остановки нараставшего революционного движения, которое было достаточно сильно подкреплено идейно и разрасталось массово. Также важно отметить, что выступления рабочих в 90-е гг. XIX в. в Петербурге и Москве дали понять, насколько сознателен и хорошо организован рабочий класс. В связи с этим нужны были новые методы борьбы с революционным движением. Зубатов приступил к выработке новой тактики борьбы с революционерами, которая вылилась в своеобразную систему русского «полицейского социализма» [1, с. 35]. Зубатов писал: «Пока революционер

проповедует чистый социализм, с ним можно справиться, но когда он начинает эксплуатировать мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер становится мало, а надлежит немедленно вырвать из-под ног его самую почву, урегулировать рабочее движение, дифференцировать различные его проявления и определить, с чем нужно бороться и что нужно только направлять» [2, с. 14].

По мнению Зубатова, руководить рабочим движением от имени правительства должна была именно полиция. По его словам, она была наиболее близка к пролетариям, а также хорошо знала нужды фабричных рабочих и могла заставить пойти предпринимателей на определенные уступки. Осенью 1900 г. Зубатов подготовил свою программу борьбы с революционным движением в Российской империи: «1. Идеологи – всегдашние эксплуататоры масс на почве их нужды и бедности, их надо изловлять, и, 2. борясь с ними помнить всячески: бей в корень, обезоруживая массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положений на почве мелких нужд и требований (большего масса никогда сама по себе и за раз не просит). Но обязательно это должно делаться самим правительством и при этом неустанно и без задержки» [2, с. 14].

Изначально тактика, выработанная Зубатовым, имела достаточно большой положительный результат. Северо-западные губернии в то время занимались мелкой кустарно-ремесленной промышленностью и торговлей. Особенность данного округа – рабочие-евреи. Рабочее движение этих губерний находилось в руках еврейской организации Бунд, из числа представителей которых Зубатов во время арестов набрал себе хорошую агентуру. В августе 1901 г. под зубатовцами находились шесть цехов: слесари, столяры, каменщики, жестянщики и другие. Зубатовские агенты чувствовали свою власть и силу, в связи с чем они решили покинуть Бунд и создать свою партию. Наиболее выдающиеся агенты охранки, такие как Ю. Волин, А. Чемерисский, М. Гольдберг 27 июля 1901 г. инициировали собрание своих сторонников, которые решили создать свою независимую рабочую партию в г. Минске. В манифесте данной партии указывалось, что она не преследует политических целей, а лишь хочет поднять культурный уровень еврейского пролетариата, путем развития профсоюзов, рабочих фондов под лозунгом «хлеба и знаний». Начальник местного жандармского управления Н. Васильев, в лице которого Зубатов видел своего сторонника, руководил и направлял вновь созданную партию [1, с. 36].

Зубатов с удовольствием отмечал успехи «независимцев» в Минске, и 28 ноября 1901 г. в Департамент полиции донес следующее: «За отсут-

ствием бывших интеллигентных сил в городе движение поневоле должно носить более мелкий характер, нежели в Москве, но оно идет более оригинальным ходом... полковник Васильев рассчитывает сломать преобладающее значение агитаторов в течение пары лет, путем изъятия из обращения наиболее видных революционно настроенных лиц» [1, с. 36].

В 1902 г. в организованной Независимой рабочей партии сложилась организационная структура. Исполнительное бюро данной партии ведало всеми текущими делами, такими, как издательство литературы, рассылка своих агитаторов, работа по подготовке кадров и др.

В 1903 г. цели зубатовских организаций становятся все более понятными. Решающую роль в разоблачении «зубатовщины» сыграла нарастающая волна рабочего движения и пропаганда социал-демократов. Это привело к банкротству зубатовцев в некоторых городах. В результате достаточно серьезной критики разоблачения революционерами связей «независимцев» с охранными отделениями вынуждены были прекратить свою деятельность зубатовские организации в Гродно, Вильно, Киеве. Стоит отметить, что в Минске «независимцы» боролись и защищались от разоблачения их революционерами, в связи с этим они все чаще участвовали в восстаниях и стачках.

В июле 1903 г. прошел съезд «независимцев» в Минске, на котором было принято решение распустить партию. Скорее всего, на данное решение повлияли сведения о том, что МВД готовит разгром Еврейской независимой рабочей партии.

В середине июня 1903 г. начался пиковый крах «зубатовщины». Независимое рабочее движение просто растворилось во всеобщей забастовке, которая массово охватила несколько городов белорусской губернии, а член Еврейской независимой рабочей партии Г. Шаевич стал во главе всеобщей одесской стачки, за что был позже сослан в Сибирь.

После разгрома «зубатовщины» идея легальной борьбы в рамках проправительственной партии не нашла своих последователей. Видные члены Еврейской независимой рабочей партии стали присоединяться к сионистскому движению или возвращаться в ряды Бунда, а затем примыкали к коммунистической партии.

Таким образом, стоит отметить, что противодействие Департамента полиции Российской империи революционному движению на территории белорусских губерний была хорошо продумано Зубатовым, и даже воплощено частично в жизнь. Однако революционеры тоже не стояли на месте, разоблачая зубатовцев и предугадывая их шаги. Можно сделать вывод, что зубатовцы из-за многих обстоятельств не справились с поставленной для них задачей, не смогли до конца противостоять революционному движению, и как итог – полнейший провал.

1. Железняк, М.Н. К вопросу о борьбе Департамента полиции Российской империи с революционным движением на территории Беларуси в 1900–1907 гг. / М.Н. Железняк // Романовские чтения : материалы Междунар. науч. конф., Могилев, 22–23 нояб. 2007 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. Я.Г. Риера [и др.]. – Могилев, 2007. – С. 35–36.

2. Корелин, А.П. Русский «полицейский социализм» (зубатовщина) / А.П. Корелин // Вопр. истории. – 1968. – № 10. – С. 13–17.

УДК 343.985

В.В. Кравец, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.М. Веремеенко

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Органы, уполномоченные на проведение ОРД, и пределы их вмешательства в конституционные права граждан, регулируются Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» 2015 г.

Необходимо отметить, что любое вмешательство в личную жизнь человека и гражданина, а значит нарушение его конституционных прав и свобод, подразумевает соответствующие пределы такого вмешательства.

В первую очередь стоит отметить, что вмешиваться в конституционные права и свободы граждан при проведении ОРД могут только специально уполномоченные на это:

- органы внутренних дел Республики Беларусь;
 - органы государственной безопасности Республики Беларусь;
 - органы пограничной службы Республики Беларусь;
 - Служба безопасности Президента Республики Беларусь;
 - Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь;
 - органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь;
 - таможенные органы Республики Беларусь;
 - разведывательные службы Вооруженных Сил Республики Беларусь [1].
- В соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматриваются правовые гарантии соблюдения прав и свобод граждан при проведении ОРД.

Государство гарантирует соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Эти гарантии выражаются в осуществлении надзора компетентными органами за осуществлением ОРД.

К основным гарантиям соблюдения прав и свобод граждан в ходе осуществления ОРД относятся:

- вневедомственный контроль;
- ведомственный контроль;
- прокурорский надзор;
- судебная защита.

Правом ведомственного контроля наделены руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и руководители их оперативных подразделений (ст. 23) и, как правило, при осуществлении ОРМ именно руководители органов, осуществляющие ОРД, не только контролируют и надзирают за деятельностью своих подчиненных, но и непосредственно под их руководством проводят некоторые ОРМ, потому как в структуре ОВД руководители подразделений несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении ОРД. Их компетенция зависит от уровня органа в структуре МВД и регламентируется ведомственными нормативными документами.

Также мы можем наблюдать то, что ведомственный контроль за оперативно-розыскной деятельностью осуществляется как по горизонтали (руководители оперативных подразделений и руководители органов), так и по вертикали (руководители вышестоящих оперативных подразделений и руководители вышестоящих органов).

Вневедомственный контроль за оперативно-розыскной деятельностью призваны осуществлять:

- Президент Республики Беларусь;
- Национальное собрание;
- Правительство;
- Совет безопасности;

Комитет государственного контроля Республики Беларусь в пределах своих полномочий, определяемых законом.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны предоставлять им информацию независимо от степени ее секретности. Исключение составляют сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе.

Прокурорский надзор за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности является одним из важных направлений деятельности прокуратуры и одновременно одной из важных гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Основу деятельности прокуроров в этой области составляют Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон «О прокуратуре»), «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуальный закон и ряд других законодательных актов, регламентирующих отдельные аспекты оперативной работы ОВД и устанавливающих компетенцию прокуратуры по надзору за ней.

В соответствии со ст. 29 Закона «О прокуратуре» при осуществлении надзора за исполнением законодательства органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, должностными лицами, а именно: Генеральным прокурором Республики Беларусь и уполномоченными им прокурорами. В пределах своей компетенции они имеют право на осуществление ряда процессуальных действий, которые регламентируют деятельность данных органов.

При установлении нарушений законодательства в зависимости от их характера Генеральный прокурор Республики Беларусь и уполномоченные им прокуроры в пределах своей компетенции принимают следующие меры прокурорского реагирования:

- опротестовывают противоречащие законодательству правовые акты и решения (действия) органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и их должностных лиц;

- в установленном порядке вносят представления, выносят предписания и официальные предупреждения, обязательные для исполнения органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и их должностными лицами;

- составляют протоколы об административных правонарушениях;

- вносят постановления о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении к материальной ответственности;

- вносят постановления о возбуждении уголовного дела [2].

Судебная защита является следствием практической реализации конституционной гарантии защиты прав и свобод каждого компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (ст. 60 Конституции). С целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда. Входя неотъемлемой составляющей в структуру правоохрани-

тельных органов, эта ветвь власти провозглашается законом высшим арбитром при разрешении споров гражданина с государством. Тем самым она выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан государственными органами в ходе их практической деятельности.

Исходя из этого, следует отметить, что соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД выражается в том, что такая деятельность государственных органов, уполномоченных на ее проведение, основана исключительно на безусловном выполнении предписаний Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и других нормативно-правовых актов законодательства Республики Беларусь.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.07.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 340.130

А.И. Кучинский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент
А.А. Козел

О СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

Проблема эффективности права – одна из узловых проблем в современном правоведении. Эффективность права определяется уровнем продуктивности созданных правовых норм. Есть несколько подходов к определению понятия эффективности правовых норм. Самое распространенное следующее: эффективность правовых норм – это отношение между фактическим результатом их действия и той социальной целью, для достижения которой эти нормы были приняты. Этот подход заключается в том, что здесь эффективность рассматривается в качестве общенаучного понятия, которое выступает обобщенным выражением проблемы оптимальных способов достижения цели нормативно-правового регулирования общественных отношений.

Социальная эффективность права является одной из основных характеристик, позволяющей реально судить об уровне воздействия права на социальную реальность, его адекватность социальным потребностям и целям. При изучении данной проблемы применительно к отечественной юриспруденции требуется рассмотрение ряда тенденций, понятий для установления их подлинной сущности. Известно, что в Беларуси правовая система построена на основе конституционных западноевропейских концепций, которые провозглашают личные свободы как высшую ценность действующего права. В этом случае максимально эффективным выступает лишь максимально гарантирующее реализацию личных прав и свобод социальное устройство. Огромное влияние на понимание эффективности права оказало то, что страна является пограничной: находится на границе Западной и Восточной правовых культур. Также влияние на понимание социальной эффективности права оказывает и советское прошлое страны. В СССР правоведы рассматривали максимально эффективным социальным то устройством, которое рассматривало реализацию прав и свобод общества как наиболее важной задачей правовых норм [1, с. 1].

Социальная эффективность права зависит от содержания самого закона, т. е. соответствия реальной социально-политической и правовой ситуации в обществе. Надуманный по содержанию закон, не отражающий объективных обстоятельств, реальных социальных потребностей, обречен оставаться мертворожденным, поскольку не сможет оказать существенного влияния на общественные отношения.

Вторым важным фактором эффективности закона выступает тип правовой культуры граждан и их правосознания. Любая правовая норма более эффективна в том обществе, где подавляющее большинство населения привыкло уважать закон и руководствоваться им в своей практической жизни, знает и правильно понимает свои собственные права в их соотношении с обязанностями. Во многом на эффективности права сказывается традиционно присущий данному обществу тип правовой культуры. Так, например, для Беларуси в этом плане всегда было характерно признание приоритета совести, нравственности перед позитивным правом. Отсюда вытекает некоторая принципиальная недооценка права, закона как средства решения возникающих проблем.

В-третьих, социальная эффективность права в очень значительной степени определяется качеством деятельности правоохранительных и правоприменительных органов. От компетентности работников этих органов, их неподкупности и честности, добросовестности и внима-

тельного отношения к людям зависит, в частности, обратное отношение граждан к этим органам, уважение к ним, желание сотрудничать и помогать, или, наоборот, восприятие правоохранительных органов как потенциального врага и нарушителя их собственных личных прав. Недостатки и злоупотребления в работе правоохранительных органов способствуют росту негативного отношения к ним, недоверия и враждебности, и, следовательно, стремлению искать помощи в случае необходимости где-то в другом месте, не опираться на право [2, с. 209].

А.А. Козел же считает, что определяющими социальными условиями социальной эффективности права являются:

- уровень социально-экономического развития общества;
- уровень общей культуры и среднее личностное развитие;
- эффективность действия иных (помимо правовых) социальных норм общества;
- функционирование механизмов социально-правового контроля.

К юридическим условиям социальной эффективности права социолог относит:

- профессионализм и научность правотворческой деятельности;
- качество нормативных правовых актов;
- достаточное количество нормативно-правовых актов в правовой системе (степень правовой урегулированности общественных отношений);
- качество правоприменительной деятельности;
- уровень правосознания и правовой культуры субъектов права;
- уровень правового воспитания;
- уровень правовой консолидации (правовая идеология) [3, с. 128].

Одним из направлений повышения социальной эффективности права является повышение качества принимаемых норм права, так как любая правовая идея всегда стремится к воплощению в конкретной норме права, обладающей общеобязательностью, формальной определенностью и принудительным исполнением. В Республике Беларусь в рамках данного направления разработана Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь. Эта концепция принята с целью совершенствования законодательства Республики Беларусь, повышения эффективности нормотворческого процесса, положениями которой должны руководствоваться все государственные органы и иные организации, участвующие в нормотворческой деятельности. Также эта концепция указывает на то, что действующая система права нуждается в реформировании.

Авторы приведенной выше концепции предлагают следующие методы повышения социальной эффективности права:

определение перечня актов, подлежащих принятию (изданию), в целях реализации положений Конституции Республики Беларусь;

закрепление основополагающей роли Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» в регулировании вопросов нормотворческой деятельности;

комплексный качественный и количественный анализ современной системы законодательства для дальнейшего перспективного и текущего планирования нормотворческой деятельности, подготовка проекта концепции Государственной программы развития национального законодательства;

применение в нормотворческой деятельности пакетного принципа регламентации общественных отношений, обеспечение согласованности нормативных правовых актов, теоретическое обоснование проведения различных форм систематизации в отдельных отраслях законодательства, оптимальное упрощение структуры законодательства;

разработка методик определения финансово-экономических, социальных, криминологических и иных последствий принятия нормативных правовых актов.

Социальная эффективность права как нормативного регулятора достигается путем усиления внутрисистемных свойств законодательства, его регулярным обновлением и адекватным отражением социальных отношений, а также обеспечение оптимального баланса индивидуальных, общественных и государственных интересов в контексте защиты суверенитета и национальной безопасности Республики Беларусь. При изучении социальной эффективности права необходимо учитывать различие подходов к праву, используемых различными цивилизациями: на Западе – это основной социальный регулятор, исключаящий иные нормы; на Востоке – один из многих регуляторов, содержание которых определяется традиционными ценностями. Стоит учитывать и различные типы правосознания и правовой культуры субъектов права, которые прямо пропорционально влияют на социальную эффективность права, уровень социально-экономического развития.

1. Калинин, С.А. Проблемы социальной эффективности права в Республике Беларусь / С.А. Калинин // *Jurisprudencija: Teiss socialinis veiksmingumas*. – Mokslo darbai 54 (46). – Vilnius : Lietuvos teiss universitetas, 2004. – P. 94–107.

2. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 336 с.

3. Социология права : учеб. пособие / А.А. Козел [и др.] ; под ред. В.И. Павлова, А.А. Козела ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – 281 с.

А.А. Латышёнков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

В.А. Данилов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАНЦЕЛЯРИИ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ

В начале XIX в. в развитии российской государственности произошли серьезные перемены, существенно изменившие систему высших и центральных государственных органов. Это в свою очередь повлияло и на формирование местных органов управления. Перемены были вызваны, прежде всего, необходимостью приведения в соответствие государственного аппарата и меняющейся социально-экономической и политической обстановки в стране.

Вся деятельность МВД Российской империи была подчинена выполнению функций государства внутреннего характера. В его управлении оказались местные административно-полицейские органы, сословные органы, учреждения благотворительности, управление иностранными поселенцами, продовольственное дело, медицина, почтовое дело, управление отраслей промышленности. Цели, поставленные перед МВД, безусловно, сказывались на эффективности управления полицией, на которую, в свою очередь, возлагались самые разнообразные задачи. Круг деятельности полиции был широк – от непосредственных правоохранительных функций, связанных с охраной общественного порядка, борьбой с преступностью, участием в судебно-следственной деятельности, контролем за исполнением судебных приговоров и т. п. до сугубо административных, хозяйственных вопросов.

Важное место в государственном аппарате занимала Особая канцелярия – орган политического сыска, осуществлявший борьбу с крестьянским движением, функции цензуры, контрразведки и расследования крупных уголовных дел. Именно она стала первоосновой специального органа политической полиции – знаменитого Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

После восстания декабристов и восшествия на престол Николая I Императорская канцелярия была разделена на функционально обособленные отделения. В числе прочих 3 (15) июля 1826 г. было создано и Третье отделение во главе с А.Х. Бенкендорфом. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии являлось высшим органом политической полиции империи в годы правления Николая I и Александра II. Этот орган занимался надзором за политически неблаго-

надежными лицами и сыском. Исполнительным органом Третьего отделения был Отдельный корпус жандармов. Во главе отделения стоял главноуправляющий (шеф жандармов). По своему значению отделения императорской канцелярии приравнивались к министерствам.

Данное ведомство было четко структурировано. К 1826 г. насчитывалось 59 жандармских частей общей численностью более четырех тыс. человек. Такая раздробленность подразделений военной полиции привела Николая I к мысли о скорейшем объединении жандармов под единое начало. 25 июня 1826 г. император назначил генерал-адъютанта графа А.Х. Бенкендорфа шефом жандармов. 28 апреля 1827 г. вышел указ об организации Корпуса жандармов с правами общевойсковой армии, а Бенкендорф стал его командиром. Корпус состоял из 26 отделений, расположенных в пяти территориальных округах империи, двух дивизионов (Петербургского и Московского), а также многочисленных губернских Жандармских команд.

В 1830 г. в Корпус жандармов поступил отставной армейский полковник Л.В. Дубельт. Под его руководством в 1836 г. было разработано Положение, где впервые подробно расписаны обязанности, возлагавшиеся на жандармов. Произошло правовое закрепление статуса Корпуса. Жандармам предписывалось наблюдение за исполнением законов, преследование разбойников, рассеяние запрещенных скопищ, усмирение бунтов, преследование тайных обществ, конвоирование арестованных, производство обысков и дознаний и др. Как видим, обязанности были достаточно расплывчаты. В 1836 г. по Корпусу жандармов числилось свыше пяти тыс. сотрудников в погонах и нестроевых.

Хотя Собственная канцелярия Его Императорского Величества возникла в начале XIX в., но лишь при Николае I она приобрела законченный вид и структуру высшего государственного учреждения. Канцелярия включала шесть отделений: Первое отделение занималось рассмотрением отчетов министерств, составлением указов, местной администрацией, подбором служащих центрального бюрократического аппарата; Второе отделение осуществляло кодификацию законодательства; Четвертое отделение ведало благотворительными учреждениями; Пятое отделение разрабатывало проекты по государственным крестьянам; Шестое отделение – разработкой управлением Кавказом. Каждое отделение состояло из канцелярии и нескольких экспедиций.

Определяя задачи преобразования Третьего отделения, император писал: «Предметами занятий сего третьего отделения собственной моей канцелярии назначаю: сведения о числе существующих в государстве различных сект и расколов; известия об открытиях по фальшивым ас-

сигнациям, монетам, штемпелям, и проч., коих розыскная и дальнейшее производство остаются в зависимости министерств финансов и внутренних дел; сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих; высылка и размещение людей поднадзорных и вредных; заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники; все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из оного выезжающих; ведомости о всех без исключения происшествиях; статические сведения, до полиции относящиеся». Николай I поставил Третье отделение над другими учреждениями империи. Генерал-губернаторам и губернаторам предписывалось доносить о состоянии дел не МВД, а Бенкендорфу и через него – царю.

В 1847 г. был организован архив Третьего отделения, где хранились дела всех экспедиций, доклады и отчеты императору, а также приложения к делам (например, вещественные доказательства). Вся работа в Третьем отделении осуществлялась в пяти экспедициях. Первая (секретная) экспедиция наблюдала за «общественным мнением», осуществляла политический сыск, следствие и контроль исполнения наказания. Вторая экспедиция занималась делами церковного раскола, сектантством, должностными и уголовными преступлениями (кроме политических), прошениями и жалобами. Ведала также Секретным домом Алексеевского равелина, Петропавловской крепостью, Суздальским, Спасо-Ефимиевым монастырями и другими политическими тюрьмами. Третья экспедиция осуществляла надзор за проживавшими в России иностранцами. Четвертая экспедиция занималась крестьянскими делами, в том числе подавлением крестьянских волнений, а также сбором сведений о происшествиях, случившихся на территории Российской империи (статистической). Пятая экспедиция ведала цензурой.

Следует отметить, что своей первоначальной цели, как это подразумевалось при его основании, Третье отделение не достигло. Не было уничтожено ни взяточничество, ни казнокрадство, не прекратились в стране «беззакония», хотя граф Бенкендорф надеялся на их прекращение, раз «преступные люди будут удостоверены, что невинным жертвам их алчности проложен прямой и кратчайший путь к покровительству государя». Своим неограниченным и часто произвольным вмешательством в самые различные дела, недоверием к малейшим проявлениям независимых взглядов, выражаемых устно или письменно (даже в научных сочинениях), Третье отделение скоро стало для общества учреждением репрессивным и угрожаемым любому проявлению свободомыслия.

В.В. Павлович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
Н.А. Горбатов

НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Форма правления в теоретической юридической литературе традиционно рассматривается в единстве трех элементов: формы правления, формы государственного устройства и политико-правового режима. Вместе с тем чаще всего ведущим элементом указанной триады признается форма правления, поскольку, по мнению ученых, она в конечном счете предопределяет форму государственного устройства, а также характер политико-правового режима.

Форма правления представляет собой организацию верховной государственной власти. Это структура высших органов государственной власти, порядок их образования и взаимодействия между собой и с населением.

В сущности, это установление порядка формирования института главы государства, высших законодательных и исполнительных органов и определение их взаимоотношений в процессе управления делами общества и государства.

Форма правления зависит от многих факторов и исторически складывается в процессе борьбы и взаимодействия социальных и политических сил общества. Форма правления в зависимости от характеристики субъектов политической деятельности и порядка осуществления ими государственной власти обычно подразделяется на монархическую (монархия) и республиканскую (республика).

Разделение на монархии и республики, а по внутренней классификации на абсолютную, дуалистическую, парламентарную монархии, президентскую и парламентарную республики имеют достаточно устойчивый характер. Основные различия этих форм состоят в том, что в монархии глава государства является наследственным и пожизненным, а в республике – выборным на определенный срок. В абсолютной монархии конституция и парламент отсутствуют, разделения властей не существует, вся полнота власти сосредоточена в руках монарха. В дуалистической монархии законодательствует парламент, а управление страной возглавляет монарх, перед которым (а не перед парламентом) несут ответственность министры. В парламентарных монархиях, по образному

выражению, король царствует, но не правит. В президентской республике взаимоотношения главы государства, парламента и правительства напоминают отношения в дуалистической монархии, но место монарха занимает избираемый президент, а в парламентской республике они похожи на отношения в парламентской монархии.

Указанные выше критерии для различения форм правления и ныне сохраняют свое значение. Но на их базе и наряду с ними путем совмещения и появления новых признаков создаются неизвестные ранее формы, а традиционных форм остается все меньше. Формы правления во вновь возникающих государствах (например, при распаде СССР, Югославии, Чехословакии) соединяют разные черты. Утрачивается жесткость существующих классификаций и по юридическим признакам: соединяются черты республики и монархии (например, в Малайзии), абсолютной и конституционной монархии (Кувейт), президентской и парламентской республики (Колумбия по Конституции 1991 г.)

По мнению ученых, это обусловлено рядом причин. Практика последних десятилетий показывает, что для управляемости государством важны не только разделение властей и система взаимных сдержек и противовесов (эти моменты обеспечивают демократизм в управлении, исключают концентрацию власти в руках какого-либо одного органа), но и установление необходимых взаимосвязей, взаимодействия, взаимосогласованности в работе высших органов государства.

Кроме того, традиционные формы правления имеют недостатки. Например, президентская республика тяготеет к президентскому авторитаризму, а парламентской республике имманентно присуща нестабильность правительства, частые правительственные кризисы и отставки.

Возникновение смешанных, «гибридных» форм связано также с распространением и восприятием во все большем числе стран мира общечеловеческих ценностей и др. Под их влиянием в эмиратах Персидского залива (Кувейте, Катаре, Бахрейне, ОАЭ, в 1992 г. в Саудовской Аравии – государстве, наиболее упорно сопротивлявшемся идеям конституционализма) приняты конституции.

К нетипичным формам правления чаще всего относят смешанные и суперпрезидентские республики. Смешанная республика сочетает черты и парламентской, и президентской республик. Так, президент избирается народом, но права законодательной инициативы у него нет. Как правило, ряд актов главы государства требуют контрассигнации. Право вето у президента есть, но оно «слабое» – преодолевается простым большинством от численности парламента при повторном рассмотрении законопроекта. Главная специфическая черта смешанных республик – статус главы государства. Как правило, президент выводится из

трех ветвей власти и объявляется арбитром, гарантом конституции, суверенитета народа и др. Другая отличительная черта всех смешанных республик – порядок формирования и роспуска правительства. Правительство формируют совместно президент и парламента. Родиной смешанной республики по праву называют Францию.

Суперпрезидентская республика – организационная форма авторитарной власти президента. Это есть некий аналог абсолютной монархии. Президенты в таких государствах являются доминантами по отношению ко всем трем ветвям власти. В таких государствах президенты могут возглавлять исполнительную власть и осуществлять функции главы правительства (как в президентских республиках), но это никоим образом не влияет на их статус. В таких государствах президенты – арбитры, причем арбитры высшей политической инстанции. Как правило, эти лица избираются внепарламентским способом в ходе недемократических безальтернативных выборов, при проведении особого референдума или иным образом. Ограничения по срокам президентуры нет. В суперпрезидентских республиках парламента фактически или юридически подчинен президенту. Глава государства наделен правом законодательной инициативы, правом «сильного» или даже абсолютного вето, правом роспуска парламента. Часто президенты наделяются правом издавать акты, имеющие силу закона.

В целом создание смешанных и «гибридных» форм правления, как показывает опыт многих стран, имеет определенные плюсы. Тем самым обеспечивается стабильность управления страной, устраняется возможность частой смены правительства по конъюнктурным партийным соображениям, обеспечивается консолидация партий. Не нарушая местного самоуправления, этот процесс ведет к укреплению роли государственной власти на местах, способствует единству государства. Это особенно важно в условиях стран, которые не имеют опыта длительного парламентского управления, и где последнее в условиях не сформировавшихся партийных структур, не сложившихся механизмов парламентского управления, может вести к постоянному разброду и шатаниям.

Вместе с тем такой процесс имеет и свои минусы. Во-первых, нарушается имманентно присущее той или иной форме единство структуры управления и одновременно возникают новые виды отношений, коллизии и несогласованности, которых не было в «отработанных» формах правления. Разрушаются сложившиеся стандарты разделения властей, имеющие свои устойчивые формы и в президентской, и в парламентской республиках. Происходит смешение разных начал, и это не всегда способствует соблюдению конституционной законности.

Во-вторых, возрастание роли парламента в президентской (полупрезидентской) республике при создании смешанных форм, усиление его контроля за деятельностью правительства – часто лишь внешнее, обманчивое явление. В парламентарной же республике при создании смешанных форм значение парламента падает, происходит значительное усиление власти президента, к чему эта форма не приспособлена, а потому не имеет достаточных гарантий против президентского всевластия.

В-третьих, в форме правления снижается роль институциональных факторов, она все более зависит от личности конкретного президента. А носители президентской власти нередко обнаруживают стремление к персонализации власти, к авторитаризму. Наибольшие возможности для этого создаются, как упоминалось, в президентской республике. Поэтому переход парламентарной республики (а также и парламентарной монархии в развитых странах с давно сложившимися традициями) к смешанной форме правления, а затем, возможно, и к президентской республике всегда означает усиление авторитаристских тенденций. Таковы же последствия рационализированного парламентаризма, если его результатом является усиление власти не президента, а премьер-министра.

УДК 9(075.8)

Д.А. Петербурцев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент

О.Н. Сувалов

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прошло уже более 100 лет со дня образования белорусской милиции. За этот долгий период она не раз подвергалась реформам. Белорусская милиция стала участницей практически всех событий, которые происходили на территории СССР.

В годы войны ОВД Белоруссии принимали активное участие в освобождении современной территории Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков. Их деятельность в предвоенные годы военизировалась. Это было связано в первую очередь с реорганизацией, которая проходила в два этапа: первый в 1941 г., а второй в 1943 г. Милиция вела решительную борьбу с преступностью, дезертирами, выявляла вражеских агентов и провокаторов, поддерживала организованную эвакуацию

гражданского населения, промышленных предприятий, других хозяйственных грузов. Сотрудники вместе с партизанами сталкивались с вражескими десантниками-парашютистами, которые устраивали диверсии.

Решение о переходе на двенадцатичасовую рабочую смену (их было две) и отмене отпусков было принято Главным управлением милиции НКВД СССР. Также были приняты меры к увеличению численности бригад содействия милиции, истребительным группам и группам охраны общественного порядка.

В пограничных районах велись бои органами милиции вместе с пограничниками и подразделениями Красной Армии против наступающих фашистских войск. Милиция вела борьбу с вражескими сигнальщиками-ракетчиками, которые во время налета гитлеровской авиации на города подавали световые сигналы, наводя самолеты противника на важные военные объекты.

Отделы уголовного розыска также проходили стадию реорганизации в связи с переходом на военное положение. Они вели борьбу с преступниками, совершающими убийства, грабежи, разбои, мародерство, кражи из квартир эвакуируемых, осуществляли изъятие оружия у преступных элементов и дезертиров, оказывали помощь органам государственной безопасности в выявлении вражеской агентуры.

Отделы борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией боролись с посягательствами на нормированные продукты, направленные на обеспечение армии и населения, пресекали преступную деятельность расхитителей, спекулянтов и фальшивомонетчиков.

Стоит также отметить деятельность оперативно-чекистских групп, которые занимались непосредственной подготовкой к восстановлению деятельности органов милиции.

20 июля 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении Народного комиссариата государственной безопасности СССР и Народного комиссариата внутренних дел СССР в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР». Это позволило сконцентрировать все усилия по борьбе с вражеской агентурой и преступностью в одном органе, укрепить охрану общественной и государственной безопасности в стране.

Обязанности милиции после вступления указа в законную силу значительно расширились. Теперь помимо борьбы с дезертирством, мародерством, с паникерами, распространителями провокационных слухов и измышлений органы милиции обеспечивали проведение в жизнь приказов и распоряжений военных властей, регламентировавших режим в местностях, объявленных на военном положении. На основе правовых актов, принятых в первые месяцы войны, Наркомат внутренних дел

СССР издал ряд приказов и директив, конкретизировавших деятельность милиции в военное время. Так, Директива от 7 июля 1941 г. требовала, чтобы личный состав органов милиции в любое время, в любой обстановке был готов к самостоятельному или совместно с подразделениями Красной Армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне военных действий, где боевая деятельность органов милиции должна быть тесно связана с тактикой армейских соединений.

Стоит отметить еще один очень интересный факт. В начале войны была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН), которая стала учебным центром подготовки и отправки в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и отрядов. Формировалась она из сотрудников органов НКВД, милиции, добровольцев-спортсменов, из рабочей молодежи, а также антифашистов-интернационалистов, пожелавших принять участие в борьбе с германским фашизмом. За четыре года войны Отдельная бригада подготовила по специальным программам для выполнения задания в тылу противника 212 специальных отрядов и групп общей численностью 7 316 человек.

Данная бригада провела 1 084 боевые операции, уничтожили около 137 тыс. фашистских солдат и офицеров, ликвидировали 87 руководителей немецкой администрации, 2 045 немецких агентов.

Говоря о милиции, стоит упомянуть ряд нормативно-правовых актов, которые регулировали ее деятельность в тот период времени. К примеру, основные принципы деятельности советской милиции закреплялись в Указах и постановлениях советского руководства. 22 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР «О военном положении». При этом большое значение имела Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. началось проведение комплекса мероприятий по обеспечению безопасности тыловых районов. 24 июня 1941 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) № 00804 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», исполнение которого было возложено на НКВД СССР.

28 апреля 1942 г. было подписано «Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл, действующей Красной Армии». На войска возлагались задачи по борьбе с диверсантами, бандгруппами, шпионами в тылу и др.

2 июля 1941 г. постановлением СНК СССР в стране была введена всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне, организацией которой занималась милиция.

19 сентября 1941 г. ГКО принял постановление о введении осадного положения в Москве, по которому расширялись права и полномочия органов НКВД и должностных лиц [1].

В годы войны важнейшей проблемой для страны были беспризорные дети. В соответствии с решением СНК СССР от 23 января 1942 г. о выявлении безнадзорных детей и размещении их в приемниках-распределителях НКВД прежде всего милиция усилила работу по этой линии. В апреле 1943 г. было учреждено «Положение о комиссиях по устройству детей, оставшихся без родителей».

С первых месяцев войны в Ленинград устремились толпы беженцев, в том числе шпионы и дезертиры. 29 июля 1941 г. Управление НКВД Ленинграда и области Приказом «Об усилении борьбы с дезертирством и проверки документов» предписывало городским и районным органам систематизировать проверки документов и повысить бдительность.

16 января 1942 г. ГКО принял постановление «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от воинского учета». Также были изданы приказы НКВД СССР от 24 января 1942 г. и УНКВД на местах [2].

Важнейшей задачей милиции в годы войны являлась охрана общественного порядка. Эта деятельность регламентировалась постановлениями ГКО и СНК, Военного совета фронта и округов, местных советских органов, приказами НКВД СССР, УНКВД и начальников (комендантов) военных гарнизонов.

В местах лишения свободы распространялись пораженческие настроения, активизировалась антисоветская агитация, проявлялись акты саботажа. В целях пресечения подобных действий в феврале 1942 г. была введена Инструкция о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время.

Таким образом, советская милиция внесла огромный вклад в победу в Великой Отечественной войне. Ее деятельность регламентировалась множеством нормативных правовых актов и была высоко оценена. Сколько бы времени ни прошло со дня окончания Великой Отечественной войны, благодарный белорусский народ будет свято чтить подвиг своих героев, в том числе и работников милиции.

1. Шарков, А.В. Органы внутренних дел Беларуси в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / А.В. Шарков; Респ. гос.-обществ. об-ние «Белорус. о-во «Знание». – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2009. – 35 с.

2. Милиция Беларуси: документы и материалы (1917–2007) / сост. К.И. Барвинок [и др.] ; под ред. К.И. Барвинка, А.Ф. Вишневого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.

Н.Д. Попков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.М. Якубель*

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Уголовно-процессуальный институт дознания за время своего формирования прошел достаточно большой путь развития.

Рассматривая первые значимые правовые документы, действовавшие на белорусских землях, представляется целесообразным выделить особую роль в становлении института дознания Статутов Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), а именно 1566 и 1588 гг. Что касается Статута 1529 г., то данный документ регламентировал различные общественные отношения, однако в части рассматриваемого института не содержал значимых нормативных указаний.

В Статуте ВКЛ 1566 г. фигурировал такой участник уголовного процесса, как «возный», который являлся должностным лицом в местных поветовых судах и фактически являлся судебным следователем и исполнителем. В его обязанность входило свидетельство следов преступления, назначение меры наказания, сохранение вещественных доказательств и многое другое [1, с. 324].

Документ 1588 г. изменил процессуальный статус «возного», наделив его более обширными полномочиями: обязанностью принимать заявления и сообщения о совершенных преступлениях, регистрировать их в «правительственных книгах», уведомлять о производстве процессуальных действий представителей местной администрации в двухнедельный срок; правом на производство обыска в жилище и иных законных владениях [2, с. 65]. Таким образом, Статут ВКЛ 1588 г. сыграл большую роль в формировании института дознания, так как в данном документе впервые фигурировало должностное лицо, уполномоченное на осуществление досудебного производства – «возный», появился перечень соответствующих процессуальных действий, которые он имел право осуществлять; были закреплены отдельные уголовно-процессуальные сроки.

Следующий этап нормативного становления института дознания в уголовном процессе связан с принятием и действием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) [3]. Согласно его положениям

органом дознания являлась полиция, которая была наделена правом производства оперативно-розыскных мероприятий: «словесный расспрос», «розыск» и «негласное наблюдение». Однако анализируемый документ запрещал органам, осуществляющим дознание, производить «обыск» и «выемку». Таким образом, в УУС процессуальный статус органа дознания и лица, производящего дознание, не подвергся детальной регламентации, а объем их полномочий несколько сузился по сравнению со Статутом ВКЛ 1588 г. Вместе с тем в УУС на органы дознания впервые были возложены функции, свойственные им на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства.

Следующим не менее важным нормативным правовым актом, регулировавшим уголовный процесс, стал Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) БССР 1923 г. Данный документ существенно изменил правовую регламентацию института дознания по сравнению с УУС 1864 г. Появились две формы дознания: дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, и дознания по делам, по которым производство предварительного следствия не требуется [ст. 98], расширились полномочия должностных лиц, осуществлявших данную деятельность, на производство следственных и иных процессуальных действий, орган дознания был наделен правом задержания подозреваемого. Досудебное производство стало все более походить на дознание в его современном виде.

УПК Республики Беларусь 1960 г. продолжил нормативное совершенствование рассматриваемого института. В данном правовом акте впервые упоминался такой участник уголовного процесса, как лицо производящее дознание, и определялся он как должностное лицо, производящее досудебное производство, уполномоченное на то органами дознания [ст. 45].

В данном документе были определены полномочия органов дознания: принятие необходимых оперативно-розыскных и иных, предусмотренных УПК, мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших;

принятие всех мер, необходимых для предупреждения и пресечения преступления [ст. 46].

Все также оставались две формы дознания, и деятельность органов, его осуществлявшего, различалась в зависимости от них.

При производстве дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, орган, обладающий данными полномочиями, имел право на возбуждение уголовного дела и производство

неотложных следственных действий, таких, как осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей. Срок производства дознания в этом случае был равен десяти суткам и мог быть продлен прокурором до одного месяца.

Производя дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, орган дознания имел право на возбуждение уголовного дела и производство предварительного расследования в полном объеме. В данном случае срок не мог превышать одного месяца, однако мог быть продлен прокурором до трех и шести месяцев.

Таким образом, в УПК 1960 г. по сравнению с УПК 1923 г. перечень процессуальных действий, которые имел право производить орган дознания, существенно изменен не был, однако более детальной нормативной регламентации подверглись сроки производства двух форм дознания.

УПК Республики Беларусь, принятый в 1999 г., именовал лицо, осуществлявшее досудебное производство, дознавателем.

Данный документ возложил на органы дознания:

прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении;

проведение дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно;

выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно;

ускоренное производство;

производство по уголовным делам, по которым не установлено подлежащее привлечению в качестве обвиняемого лицо, до его установления [ч. 2 ст. 37].

Следует отметить, что действующий УПК за все время своего существования претерпел немало изменений. В части уголовно-процессуального института дознания, определяющие дополнения и изменения были внесены в 2011 г. в связи с образованием Следственного комитета Республики Беларусь. Полномочия органа, осуществляющего досудебное производство, существенно изменились. Дознание, по сути, стало первоначальным этапом предварительного расследования и может производиться в течение десяти суток, после чего орган дознания обязан передать дело следователю. Однако перечень следственных и иных процессуальных действий, которые вправе произвести лицо, производящее дознание, расширился.

Таким образом, рассмотрение исторических аспектов формирования института дознания на белорусских землях свидетельствует о том, что

он прошел путь от единичных упоминаний в исторических памятниках права до современного многоаспектного процессуального института.

Представляется, что нормативное определение процессуального статуса органов и лиц, которые в различные исторические периоды наделялись функциями дознания, имело и имеет большое значение. Это обусловлено тем, что именно данные участники уголовного процесса являются первыми, кто рассматривает заявления и сообщения по поступившей информации о преступлении, а, следовательно, именно от них во многом зависит своевременность реагирования на поступившую информацию, организация и осуществление ее надлежащей проверки, обеспечение производства неотложных следственных и иных процессуальных действий, благодаря которым возможно дальнейшее всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств совершенного противоправного деяния.

1. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / склад.: Т.І. Доўнар, У.М. Саголін, Я.А. Юхо ; рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.

2. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2002. – 207 с.

3. Устав Уголовного судопроизводства. – СПб. : Юрид. кн. магазин Н.К. Мартынова, 1899. – 342 с.

УДК 343

Е.Л. Рыжий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук *А.И. Мурашко*

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Термин «коррупция» впервые вошел в употребление в римско-античный период. Так, в римском праве существовал термин «согитуприге», обозначающий подкуп кого-либо деньгами или иными материальными благами, и происшедший от сочетания латинских слов «сог» (сердце; душа, дух; рассудок) и «гиртум» (портить, разрушать, развращать) [1, л. 29].

Коррупция в Российской империи существовала во все годы ее существования. Практически каждый из представителей власти Российской империи не стремился к так называемому заработку «честным» трудом, а рассчитывал на получение дохода от своего должностного положения, что было обусловлено многими факторами.

До XX в. был предпринят ряд мер для борьбы с развивающейся коррупцией в Российской империи, среди которых можно отметить:

введение штрафных санкций для коррупционеров;

уголовную ответственность за коррупцию;

введение смертной казни за коррупционные проявления и др.

На рубеже XIX–XX вв. при фрагментарном введении мер предупреждения коррупции очевидной стала ограниченность нормативно-правового регулирования основ государственной службы. Стоит сказать, что отсутствовал строгий порядок назначения на вышестоящие должности государственных служащих, не было ограничений и требований для лиц, поступающих на государственные должности, что было похоже на ситуацию вольного найма в государственной сфере.

К началу XX в. в России взяточничество неразрывно сплелось с укладом политической жизни. Коррупцией, основанной на фаворитизме, была поражена вся верхушка государственной власти.

В связи с этим в Российской империи была принята нормативно-правовая установка, целью которой было создание актов законодательства, которые содержали бы в себе четкие нормы предотвращения и защиты от коррупции.

В 1903 г. предпринимается попытка законодательного ограничения коррупции – введение Уголовного Уложения 1903 г., которое предусматривало ряд составов коррупционных правонарушений (ст. 665, 681, 682, 683 и др.).

Особенностью предупреждения коррупции становится введение правовосстановительной нормы в Уголовное Уложение 1903 г. В ст. 662 Уголовного Уложения закреплялось, что поступивший дар отбирался у того, кто его получил за оказанную услугу, а если дар отсутствовал к этому времени, то изымалась его стоимость [2]. В то же время Уголовное Уложение 1903 г. не содержало в себе норм уголовной ответственности для всех лихоимателей, что существенно затрудняло борьбу с коррупцией. Большинство коррупционеров действовали через посредников, оставаясь безнаказанными. Необходимо было вносить коррективы в уголовное законодательство в части расширения мер уголовной ответственности за соучастие в преступлениях, относящимся к коррупционным.

Интересной особенностью Уголовного уложения 1903 г. было выделение самостоятельных составов многочисленных видов должностного бездействия, в которых корыстное побуждение выступает в качестве квалифицирующего признака.

В 1904 г. препятствованию развитию коррупции способствовала проверка благонадежности лиц, назначаемых на государственную службу. В первую очередь такую проверку проходили ведомства, которые наи-

более были подвержены коррупции – Таможенный департамент, Главное управление неокладных сборов, Министерство финансов и др.

С течением времени борьба с коррупцией в Российской империи продолжалась, дополнялась новыми средствами и методами. Для обеспечения системного подхода борьбы с коррупцией, депутатами Государственной Думы в 1915 г. было внесено законодательное предложение «о признании дачи взяток, посула и обещаний, иных каких-либо выгод, с целью склонения должностного лица к нарушению его служебных обязанностей, за деяния преступные и наказуемые в уголовном порядке» [3, с. 34].

Советом Министров было дополнено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных нормами, направленными на действенное обеспечение борьбы с подкупом-продажностью служащих.

Однако, несмотря на усилия различных государственных ведомств в борьбе с коррупцией, Первая мировая война внесла в нее свои коррективы. Нарастающая политическая, экономическая нестабильность, тяжелое социально-экономическое положение Российской империи привели к ужесточению борьбы с коррупцией. В 1916 г. был принят чрезвычайный закон, по которому существенно повышалось наказание за мздоимство и лихоимство. Особые строгости применялись к взяточникам, вовлеченным в дела, связанные со снабжением армии и флота. В то же время предпринятые меры не дали положительных результатов. Коррупция продолжала процветать в Российской империи. В связи с тяжелым материальным положением в 1917 г. в Российской империи резко увеличилось число подкупа-продажи должностных лиц.

Подводя итог, стоит сказать, что основная задача борьбы с коррупцией в начале XX в. заключалась в осуществлении мер профилактического, предупредительного характера. Несмотря на попытки власти применить комплексный подход в решении этих проблем, взяточничество и лихоимство так и не были искоренены.

Время показало, что решить проблему коррупции только путем установления ответственности, т. е. применения карательных мер, было невозможно. Меры, предпринятые правительством в XIX – начале XX в. в сфере борьбы со взяточничеством и лихоимством, несколько отличались от способов, предложенных правительством в XVIII в.

Во-первых, были изменены санкции за взяточничество и лихоимство (не было применения смертной казни за коррупцию).

Во-вторых, была сделана систематическая обработка отдельных законодательных актов, касающихся взяточничества и лихоимства.

В третьих, до сведения граждан доводились решения Сената по применению норм закона о лихоимстве и взяточничестве, что при несогласованности законов и обилии в них пробелов имело особо важное значение.

Стоит отметить, что борьба с коррупцией в XX в. хоть и включала в себя различные подходы, но все же не была достаточно результативной. Вводя новые статьи в законы о противодействии коррупции, в Российской империи «обходных» путей для них становилось еще больше. Тяга к обогащению за счет государства возникала практически у каждого представителя власти, государственного служащего. На наш взгляд, необходимо было ужесточать меры наказания за коррупционные проявления в государстве, вплоть до смертной казни, отрубания рук и т. д. Такие жесткие меры заставили бы задуматься большинство коррупционеров о своей дальнейшей жизни или ее отсутствии из-за жажды единоразовой «наживы». Требовалось введение более жестких наказаний от самой власти, однако в Российской империи, в связи с частой сменой руководителей, этого было добиться достаточно трудно.

1. Шедий, М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / М.В. Шедий. – М., 2014. – 393 л.
2. Круч, С.А. Уголовное уложение 1903 г. : с приложением / отв. ред. С.А. Круч [и др.]. – СПб. : Каменноостр. Юрид. кн. магазин, 1903. – 230 с.
3. Сальников, А.А. Законодательное регулирование борьбы с коррупцией в органах полиции Российской империи в XIX – начале XX века / А.А. Сальников // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2009. – № 2. – С. 171–174.

УДК 340.114

А.А. Шванковский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП ПРАВА

Справедливость – категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказаниями и т. д. [1, с. 314]. Категория справедливости представляет собой не только важную категорию для правовой науки, также она является традиционной темой социальной философии и этики.

Феномен справедливости вызвал к себе интерес исследователей очень давно. В древнегреческой (как ранее и в древнеиндийской, и древнеки-

тайской) философии справедливость считалась выражением мировой гармонии, показателем жизни человечества по единым законам космоса. Так, классическое определение справедливости принадлежит Аристотелю: «справедливость есть равное, но только для равных» (и наоборот: «неравное, но лишь для неравных»).

До сих пор среди ученых нет однозначного мнения о том, существовала ли справедливость в первобытно-общинном строе. Некоторые исследователи, занимающиеся разработкой проблемы справедливости, считают, что первое понимание справедливости сложилось уже в эпоху первобытного общества, когда справедливость существовала как равенство, обусловленное весьма низкой индивидуальной производительностью труда.

С возникновением частной собственности и классов справедливость принимает осознанные формы и закрепляется в виде законов, несущих на себе следы жестокости первобытного общества. Примером тому могут быть Законы Хаммурапи в Вавилоне, Законы Ману в Древней Индии, Законы Драконта в Древней Греции. В дальнейшем жестокие законы заменяются другими законами, более гуманными по отношению к членам бывшего рода. Суровые законы сыграли свою роль – новые отношения были закреплены в человеческом сознании. Происходит политизация справедливости. Так, в Древней Греции справедливость трактовалась как требование к каждому заниматься тем, что определено ему его природой, – древние греки понимали, что наилучшим состоянием является некий устойчивый социально-политический баланс, в рамках которого достигается всеобщая удовлетворенность и разрешаются конфликты.

В Древнем Риме право развивалось под влиянием не столько политико-правовых теорий, сколько социально-правовой практики. Цицерон поднимал проблему соотношения справедливости и юридического закона, предвзято тем самым позднейшие теории позитивного, государственного права. Появление христианства приводит к новому пониманию справедливости. Справедливость трактуется как равенство всех людей, но только перед Богом. По этому поводу Ф. Энгельс верно заметил, что в христианстве впервые было выражено отрицательное равенство перед Богом всех людей как грешников.

Своеобразие взглядов на справедливость мыслителей Средневековья состоит в ее теологическом истолковании, сведении ее к божественной справедливости. Справедливость оказывается полностью оторванной от земной социальной сферы, что служило одним из средств идеологического оправдания социального гнета как установленного Богом порядка. Несправедливость же преподносится как действие судьбы и является в этой трактовке следствием неверия в Бога, следствием неправильной веры или божественным испытанием [2, с. 249].

С появлением буржуазного общества и классовой стратификации понимание справедливости не сводилось только к классовым интересам. Совокупность требований справедливости основывалась и на ценностях, признающих особенности различных культурных, локальных практик жизнеустройства, где центром и конечной целью являются интересы сообщества, многообразие альтернативных моделей развития человечества в целом, т. е. понимание справедливости прогрессировало не только в каком-то конкретном образовании, но и в пространстве, которое ныне принято называть социокультурным.

Справедливость, хоть и не закреплена как правовой принцип в Конституции Республики Беларусь, однако закреплена во многих нормативных правовых актах как принцип деятельности государственных органов управления, других организаций и принципов отраслей права. Из этого следует, что единого определения справедливости в правовой системе Республики Беларусь не существует и данный принцип трактуется относительно конкретных отраслей права и нормативных правовых актов. Так, в Уголовном кодексе Республики Беларусь закреплено, что уголовная ответственность в Республике Беларусь основывается на принципе справедливости. Так, суд, назначая наказание или иную меру уголовной ответственности, руководствуется принципом индивидуализации ответственности, в частности, суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность [3].

Справедливость уголовной ответственности гарантируется объективной характеристикой характера и степени тяжести совершенного преступления и данных о личности виновного. Она является необходимой предпосылкой достижения целей уголовной ответственности, в частности основной цели – исправления лица, совершившего преступление.

В соответствии с п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны» [4]. Как мы видим, белорусской законодатель разделяет международные стандарты в части уголовной ответственности.

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что реализация принципов в правоприменительной практике представляет определенную сложность, так как они не сформулированы как конкретные предписания. Кроме того, значение принципа справедливости на уровне правоприменения обеспечивается неукоснительным следованием его

положениям. Это повышает авторитет законодательства и государства, позволяет избежать судебных ошибок, ограничивает судебское усмотрение, гарантирует единообразное применение уголовного закона.

1. Клименко, Т.М. Справедливость как принцип уголовного права / Т.М. Клименко // Общество и право. – 2012. – № 3. – С. 314–318.

2. Гроздилов, С.В. Становление и особенности проявления проблемы справедливости в социально-политических учениях докапиталистического общества / С.В. Гроздилов // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 248–250.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи 16 дек. 1966 г. // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 01.12.2017.

УДК 340.1

К.А. Щербачевич, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.С. Гайдельцов

ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Дальнейшее развитие теории государства и права в современных условиях требует заинтересованного анализа и переосмысления ряда ее положений. К числу таких проблем можно отнести и определение перечня и содержания источников права. Ее решение следует рассматривать как одно из условий эффективного использования источников в правотворческой и правоприменительной деятельности в целом, так и в деятельности ОВД в частности.

В современной теории права до настоящего времени нет не только устоявшегося понятия источников права, но и их исчерпывающего перечня.

Значительная часть ученых понимает источник права как способ закрепления государственной воли, с помощью которой она становится обязательной для исполнения. Выделяют источники права в материаль-

ном (экономические отношения), идеальном (правосознание законодателя) и юридическом (формы внешнего, документального закрепления права) смысле слова. Возможно также рассмотрение источника права в социальном (как продукт взаимодействия людей) и в политическом смысле как выражение воли правящей политической элиты [1, с. 149–150].

По мнению С.Г. Дробязко и В.С. Козлова, официальными формами установления и выражения правовых норм, или источниками права в юридическом смысле, выступают законы и иные нормативные акты, судебный прецедент, правовой обычай, общие принципы права, идеи или доктрины, нормативный договор и религиозные тексты [1, с. 150].

А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбатов и В.А. Кучинский не упоминают в качестве источников общие принципы права [2, с. 344–345]. В.В. Лазарев и С.В. Липень в качестве одного из источников называют юридическую науку [3, с. 208–209].

При этом следует отметить, что разные ученые далеко не однозначно определяют сущность и роль каждого из источников права.

Анализ литературных источников показывает, что чаще всего авторы называют четыре основные формы права: правовой обычай, юридический (судебный) прецедент, нормативный правовой акт и договор с нормативным содержанием.

Правовой обычай – это исторически сложившееся в ходе многократного повторения, санкционированное государством, правило поведения.

Судебный (юридический) прецедент – это решение по конкретному делу, служащее примером при разрешении подобных дел в будущем.

Нормативный правовой акт – это акт установленной формы, закрепляющий общеобязательные правила поведения, принятый в пределах компетенции высшим законодательным органом в соответствии с Конституцией или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры.

Договор с нормативным содержанием – соглашение, содержащее нормы права между равноправными субъектами по поводу совместной деятельности, представляющее их общий интерес (федеративный договор, коллективный договор между администрацией предприятия и профсоюзной организацией и т. д.).

Источники права являются одним из критериев, позволяющих характеризовать исторически складывающиеся правовые семьи. Исторически в мире сложилось четыре основные правовые семьи.

Романо-германская семья (континентальная правовая система), объединяет страны Европы – Республика Беларусь, Германия, Франция,

Испания, Италия, Скандинавские страны, а также включает ряд неевропейских стран. Основным источником права здесь является нормативный правовой акт.

Англосаксонская правовая семья включает США, Великобританию, Австралию, Канаду, Новую Зеландию, а также ряд других стран. Основным источником права – судебный прецедент.

Семья мусульманского (религиозного) права характерна для стран, где традиционно исповедуется ислам (Иран, Саудовская Аравия, Ирак и ряд других). Основным источником права – религиозные учения.

В семью традиционного (обычного) права входит ряд государств Африки. Значительную роль играет правовой обычай.

Белорусская правовая система исторически складывалась как система писаного права, в ее основе – нормативный правовой акт. Иерархия нормативных правовых актов изложена в ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [4]. Сегодня не без дискуссий, но в Республике Беларусь в качестве источников права признаются правовой обычай и нормативный договор. Договор с нормативным содержанием широко используется в международном праве. Республика Беларусь в настоящее время состоит в различных договорных отношениях со многими странами и международными организациями. Правовой обычай в белорусском законодательстве определяется как сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения. Особенно видима роль обычаев в международной торговле, которые широко известны и постоянно соблюдаются сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли. Они работают и в гражданском праве, и в сфере делового оборота и подтверждения действительности сделок. Благодаря обычаю в белорусском праве обеспечивается преемственность традиций.

Органы внутренних дел – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них законодательными актами Республики Беларусь. Определяющей правовой основой организации ОВД являются нормативные правовые акты, определяющие правовое положение, задачи, основные функции, принципы деятельности правоохранительных органов. К таким актам можно отнести в первую очередь Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [5], Положение о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь [6], Закон Республики Беларусь «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь» [7].

ОВД не только действуют в соответствии с законами, но и сами имеют право издания нормативных правовых актов. Их правотворчество заключается в разработке и принятии постановлений и приказов, а также уставов, регламентов, инструкций и т. д.

Правоприменительная деятельность ОВД состоит в установлении и анализе фактических обстоятельств дела, выборе и применении надлежащей правовой нормы. Приведем следующий пример: следует дать правовую оценку правонарушению и для этого необходимо проанализировать совершенное деяние правонарушителя, найти соответствующую норму права, которая нарушена (например, статью Кодекса об административных правонарушениях, определяющую деяние (действие либо бездействие) и устанавливающую меру ответственности за совершенный административный проступок. При этом проверяется действие нормы в пространстве и по кругу лиц, а также действие данной нормы в настоящее время (не отменена ли данная норма).

ОВД являются одним из основных субъектов правоприменительной и правотворческой деятельности. Вся деятельность сотрудников органов внутренних дел регламентируется нормативными правовыми актами, реализация норм которых является их служебной обязанностью.

1. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск : НО ООО «БИП-С», 2003. – 336 с.

2. Вишневицкий, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневицкий, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – Минск : Амалфея, 2004. – 688 с.

3. Лазарев, В.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. : Спарк, 2000. – 511 с.

4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 дек. 2007 г., № 611 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 июня 1993 г., № 2341-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

А.С. Юргель, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
В.М. Веремеенко

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Степень социальной напряженности в обществе так или иначе зависит от уровня преступности. Последняя на сегодня переживает не только количественные, но и качественные изменения. Реальность угрозы правам и свободам личности со стороны организованной преступности заключается в том, что свобода подавляется актами насилия, лоббирования и террора. Вследствие чего основополагающие конституционные права и свободы поддаются влиянию со стороны преступных сообществ.

Одна из наиболее важных задач государства – защита прав, свобод и интересов личности. Для ее обеспечения и возникает постоянная необходимость в разработке новых методов и форм расследования и раскрытия преступлений, поиске теоретической модернизации оперативно-розыскной деятельности, способной положительно влиять на практику.

Преступления, совершаемые организованными преступными группами, в большинстве своем несут опасность на уровень выше, нежели деяния, совершенные отдельно взятыми индивидами. В преступлениях, которые совершаются организованными преступными группами, параллельно привлекается определенное количество участников (в отдельных случаях их количество достигает нескольких сотен и больше). В связи с этим возникает определенная специфика в механизме и иных составляющих преступного производства, которое в свою очередь наносит значительный ущерб обществу и приводит к наиболее тяжким последствиям.

Наркобизнес как основная сфера деятельности организованных преступных групп в последние годы является неоднозначной проблемой. В 2012 г. было совершено 4 230 преступлений, связанных с наркотиками, в 2013 г. их количество возросло до 5 037, а в 2014 г. – до 7 356 [1]. Сложившаяся ситуация вызвала ответную реакцию со стороны руководства страны и непосредственно ОВД. 28 декабря 2014 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков». В трехмесячный срок были разработаны и утверждены комплексные планы мероприятий, которые предусматривали принятие наиболее результативных мер, направленных

на противодействие незаконному обороту наркотических средств и профилактики их потребления.

С конца 2014 г. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, стало падать – сначала на 1 % в 2015 г., затем сразу на 14 % в 2016 г. (6 041 преступление). На текущий год мы видим снижение преступной деятельности в сфере наркотических средств на 16 % относительно того же периода прошлого года [1].

Торговля людьми также является основным родом деятельности для множества организованных преступных групп стран постсоветского пространства. На сегодня мы имеем отрицательно сформировавшуюся тенденцию к количественному изменению данного вида преступных деяний. Если в 2012 г. в данной сфере было выявлено 384 преступления, то в 2013 г. уже 459, 2014 г. – 563, а в 2015 и 2016 гг. 875 и 1 374 преступлений соответственно. За прошедшее пятилетие были выявлены четыре организованные преступные группы, ликвидированы 13 порно-студий, прекращена деятельность более 20 порносайтов [2].

Принимая во внимание вышеуказанное, следует отметить если не самую, то одну из самых главных статистических особенностей – увеличение числа людей, совершивших преступления в группе лиц. С 2013 по 2016 г. это количество увеличилось более чем на 7 %. Вместе с тем также прослеживается увеличение общего количества лиц, совершивших преступления. Если в 2013 г. 49 801 человек, то в конце 2016 г. 51 551, из которых более десяти тыс. несовершеннолетние и женщины [3].

Преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые организованными преступными группами, также не остаются без внимания. Имея варьирующиеся годовые показатели за последнее пятилетие, мы видим общую тенденцию к численному увеличению фактов регистрации подобных преступлений.

В 2012 г. представителями Генпрокуратуры утверждалось, что благодаря целенаправленным государственным политическим мероприятиям организованная преступность в Беларуси побеждена. Однако ликвидированная сотрудниками Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией «встреча» с участием более 25 криминальных лидеров Беларуси и России летом 2016 г. на территории города Минска напомнила о существовании данной проблемы в обществе и на современном этапе.

Анализ статистических данных, исследование судебной практики и обзор средств массовой информации позволяют сделать определенный вывод. Возможно, организованная преступность и побеждена на терри-

тории Республики Беларусь, но это не исключает того, что ее остатки видоизменились как таковые. От банды с «воровскими законами» она могла эволюционировать в высокоорганизованное, оснащенное крупным капиталом и профессиональными кадрами, интеллектуальное общество. Учитывая допустимые изменения, потенциальная общественная опасность возросла в разы, а процесс расследования и раскрытия многократно усложнился. Добавив ко всему этому сферу высоких технологий, современную межнациональную интеграцию и мобильность общества, мы получим четко выраженную необходимость в пересмотре и реорганизации некоторых форм, методов, мероприятий, инструментов и средств расследования и раскрытия подобных преступлений.

1. Раздел официальной статистики по социальной сфере в области правонарушений национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupnost-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 09.12.2017.

2. Отчет в правительство по противодействию торговле людьми Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 1 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=322813>. – Дата доступа: 09.12.2017.

3. Рубрика статистики Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=1081/>. – Дата доступа: 09.12.2017.

УДК 343.133

А.С. Юргель, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *М.М. Якубель*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела сформировался не одномоментно. Общественные отношения породили потребность создания правовых установлений, регулирующих данный вид отношений. На белорусских землях становление нормативной регламентации анализируемого института происходило своеобразным путем в

силу того что государственная принадлежность указанной территории в разные исторические периоды неоднократно изменялась.

Исследование генезиса института стадии возбуждения уголовного дела свидетельствует о том, что первые попытки нормативной регламентации в указанной сфере связаны со Статутами ВКЛ. Применительно к рассматриваемой тематике разделы и статьи Статуты ВКЛ содержали нормы, устанавливающие, каким образом начинался процесс расследования преступления, т. е. регламентировали начальный этап уголовного процесса. Статут Великого Княжества Литовского 1566 г. уже предусматривал такой термин как «начатие дела» (статья 30, раздел 4). Поводом к началу дела была «жалоба» (статья 19, раздел 4), по существу напоминающая нынешнее заявление физического лица в уголовном процессе. Обязанность доказывания возлагалась на сторону, пострадавшую от преступления. Это напоминает нынешний порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения.

Таким образом, Статуты ВКЛ заложили правовую основу процессуального порядка возбуждения уголовного дела, регистрации поступивших сведений о противоправном деянии, а также способствовали появлению публичности и диспозитивности в уголовном процессе.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи, а соответственно, и действие Свода законов Российской империи на территории нашего государства ознаменовало начало следующего этапа развития нормативной правовой регламентации анализируемого института. Наряду с использованием терминологии Статуты ВКЛ происходит дальнейшее ее совершенствование. Законодатель впервые использует термин «уголовное дело» (том 15 Свода законов Российской империи); а также устанавливает новый перечень поводов к возбуждению уголовного дела – извещение, жалоба, донос, донесение прокурора и стряпчих, явка с повинной.

С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., досудебное судопроизводство получило весьма широкую регламентацию. Статьей 262 было установлено, что предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и достаточного основания. Поводами «к началу следствия» согласно ст. 297 являлись объявления и жалобы частных лиц, сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц, явка с повинной, возбуждение дела прокурором, возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя.

Положения УУС просуществовали до Октябрьской революции 1917 г. С приходом советской власти начался следующий этап развития уголовного процесса. Декрет СНК РСФСР «О суде» 1917 г. отменил пред-

шествующие методы и формы начала досудебного судопроизводства. А в соответствии со ст. 3 п. «д» Инструкции № 170 о «Революционном Трибунале» устанавливались новые поводы к «возбуждению дел». Ими являлись сообщения судебных и административных мест и должностных лиц, общественных, профессиональных партийных организаций и частных лиц. Исходя из данной Инструкции, по вышеуказанным сообщениям дело возбуждалось одновременно с поступлением сообщения, а уже в последствии создавалась следственная комиссия, которая в течение 48 ч рассматривала материалы и постановляла о прекращении дела в случаях отсутствия состава преступления.

Следующим шагом развития уголовно-процессуальной мысли явился УПК БССР 1923 г. Поводами к возбуждению уголовного дела согласно ст. 91 являлись заявления граждан и различных организаций, сообщения правительственных учреждений и должностных лиц, явка с повинной, предложение прокурора, непосредственное усмотрение органов дознания, следователя.

Следует отметить, что впервые мнение о необходимости оформления начала расследования процессуальным документом было высказано заместителем прокурора СССР А.Я. Вышинским на Первом Всесоюзном совещании работников юстиции в 1934 г. Далее циркуляром прокурора СССР № 10/1 от 26 февраля 1937 г. была установлена специальная форма постановления о возбуждении уголовного дела [1, с. 4]. Свое окончательное закрепление институт возбуждения уголовного дела как обособленный этап уголовного процесса нашел в УПК РСФСР, принятом 29 октября 1960 г., а применительно к территории нашего государства с принятием 29 декабря 1960 г. УПК БССР. Нормативный правовой акт установил сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении – не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в отдельных случаях – не более десяти суток. Согласно ст. 105 поводами к возбуждению уголовного дела являлись заявления граждан, сообщения профсоюзных организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций, сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц, статьи, заметки и письма, опубликованные в печати, явка с повинной, непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором, судьей или судом признаков преступления.

Также ст. 105 указывала, что дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на наличие признаков преступления. Таким образом, в данной статье получил нормативное закрепление институт оснований к возбуждению уголовного дела. Законодатель предусмотрел, что наличие одних только пово-

дов недостаточно, и при отсутствии оснований должностное лицо либо орган и вовсе отказывали в возбуждении уголовного дела (ст. 111).

Без всяких сомнений, УПК 1960 г. для своего времени был прогрессивным законодательным актом, регулировавшим общественные отношения в области уголовного процесса почти четыре десятилетия, а также закрепившим правовую основу стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа уголовного процесса.

Значительным шагом в развитии белорусского уголовно-процессуального права в целом и рассматриваемого института, в частности, стало принятие УПК в 1999 г. В нем были увеличены сроки проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях, предусмотрено задержание подозреваемых до возбуждения уголовного дела; из числа субъектов уголовного процесса, наделенных правом принятия решения о возбуждении уголовного дела, исключен суд, регламентирована возможность обжалования решения об отказе в возбуждении уголовного дела [2, с. 22]. В качестве поводов к возбуждению уголовного дела закреплены заявления граждан, явка с повинной, сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций, сообщение о преступлении в средствах массовой информации, непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления.

Статьей 167 действующего УПК введены и закреплены основания к возбуждению уголовного дела. Законом был расширен и закреплён перечень следственных действий, допускаемых к производству до момента возбуждения уголовного дела.

Таким образом, исследуя правовое закрепление стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа уголовного процесса, можно отметить, что стадия прошла достаточно длительный путь эволюционного становления. С развитием уголовно-процессуального закона изменялись и вводились новые поводы к возбуждению уголовного дела. Постепенно, благодаря объемной правоприменительной практике, законодатель пришел к выводу, что регламентации одних только поводов недостаточно. Это послужило предпосылкой для нормативного обозначения оснований к возбуждению уголовного дела. Для эффективного реагирования на информацию о совершении преступлений постепенно устанавливался и расширялся перечень следственных действий, допускаемых к производству до момента возбуждения уголовного дела, был закреплён процессуальный порядок оформления решения о возбуждении уголовного дела.

1. Жогин, Н.В. Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин. – М. : Госюриздат, 1961. – 206 с.

2. Швед, А.И. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь / А.И. Швед. – Минск : Харвест, 2007. – 432 с.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Ан Е.С.</i> Международное правовое сотрудничество правоохранительных органов и международных некоммерческих организаций в розыске без вести пропавших и безвестно отсутствующих лиц	3
<i>Богданова А.А.</i> Особенности использования оценочных признаков в уголовном законодательстве Республики Беларусь	11
<i>Богомаз М.В.</i> Медико-криминалистическая оценка повреждений, причиненных выстрелами из травматического оружия	19
<i>Божко П.А.</i> Некоторые аспекты реализации принципа законности подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел	25
<i>Бурак А.С.</i> Сущность экономической безопасности	30
<i>Вислобов Е.Д.</i> Система правоохранительных органов Республики Беларусь, обеспечивающих экономическую безопасность	38
<i>Воловик С.А.</i> Способы защиты потребителей от информационной фальсификации	45
<i>Галабурда Д.Г.</i> Об организации и функционировании системы республиканских органов государственного управления	51
<i>Глухов Д.Н.</i> Некоторые аспекты развития и расследования фальшивомонетничества в Республике Беларусь	57
<i>Голуб И.Т.</i> Специальные виды экономического мошенничества	63
<i>Дементей О.А.</i> Реализация права на эвтаназию: зарубежный опыт	69
<i>Жмайлик А.С., Дементей О.А.</i> Правовые акты управления системы органов внутренних дел Республики Беларусь	76
<i>Зуй А.М.</i> О противодействии преступлениям, совершаемым в сфере незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями	83
<i>Канаиш М.С.</i> Международное сотрудничество в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, оказании правовой помощи по уголовным делам	89
<i>Ковальчук М.В.</i> О международно-правовых основах защиты беженцев	96
<i>Колупанович М.В.</i> О планировании деятельности оперативного сотрудника органов внутренних дел	102
<i>Кононов П.А.</i> Следовая картина как элемент криминалистической характеристики преступлений против информационной безопасности	109
<i>Коржов А.С.</i> Проблема перфекционизма личности	118
<i>Король С.В.</i> Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи второй половины XIX – начала XX в.	123
<i>Кравец В.В.</i> Эволюция уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественное по-	

ведение в контексте современных тенденций защиты прав несовершеннолетних	129
Куцко Е.Ю. Исторические аспекты использования специальных средств в правоохранительной деятельности	135
Лозко И.О. О налоговом правонарушении и его юридическом значении ...	143
Лукьян В.Г. Об использовании материалов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений коррупционной направленности	149
Михеенко А.А. О понятии исполнителя преступления	155
Никитенков А.С. О гармонизации налоговых систем стран Европейского союза	163
Озеров А.А. Место и роль Республики Беларусь в международных организациях	171
Подомцкий Д.Н. Участие Республики Беларусь в международных конвенциях о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ	179
Подсосонный А.В. Правовой нигилизм граждан в реализации мер профилактического воздействия	187
Полковниченко Ю.В. Правовой анализ преступлений против информационной безопасности в Республике Беларусь	194
Радецкий А.В. Гарантии защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица государственного органа в информационных ресурсах интернета	201
Резников А.Д. Роль материалов специального расследования при производстве по материалам и уголовным делам о нарушении правил охраны труда	208
Рыбаков А.Г. Выявление оборота детской порнографии в интернете в Республике Беларусь	214
Самусев Н.М. Противодействие незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь	220
Сидорук В.В. Сравнительная характеристика законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, предусматривающего ответственность за торговлю людьми	225
Скурат В.А., Матлахов А.В. Психологический аспект игорного бизнеса	232
Терешёнок П.Д. Теоретико-правовые аспекты развития института необходимой обороны	240
Цыганович И.В. О некоторых историко-правовых аспектах обязательств хранения	247
Чепелевич М.Н. Противодействие криминальному банкротству	254
Чижиков И.С. Особенности тактики неотложных следственных действий при расследовании преступлений по горячим следам	261
Шейко А.В. Должностное лицо: теоретико-правовые и исторические аспекты определения понятия	267

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Круглый стол

«Вопросы реализации норм Конституции и конституционного права»
(16 марта 2017 г.)

Дементей О.А. Современные классификации прав и свобод человека	274
Ковальчук М.В. Конституционные основы правового регулирования миграции в странах Европейского союза	278
Синяевский С.В. Конституционные принципы гражданства Республики Беларусь	282

Научно-практическая конференция

«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и практики его применения»
(27 апреля 2017 г.)

Грузинский Д.В. Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц: понятие, виды, содержание	286
Лецицкий И.И. Особенности производства по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних лиц, по законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины	290
Фурманов А.В. Судебная медицинская экспертиза в уголовном процессе: исторические аспекты возникновения и развития	295

Круглый стол

«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(28 апреля 2017 г.)

Богданова А.А. Оценочные признаки в уголовном праве	297
Грузинский Д.В. Понятие и общая характеристика состава акта терроризма	300
Ковальчук М.В. История развития законодательства об уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения	304
Михеенко А.А. О понятии подстрекателя преступления и способах подстрекательства	308
Мозоль А.С. О вменяемости и уменьшенной вменяемости: исторический аспект	311
Рыбаков А.Г. Анализ уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств в сфере оборота детской порнографии	314
Сидорук В.В. О необходимости установления специального вида освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми	318
Терешёнок П.Д. Необходимая оборона: совершенствование законодательной дефиниции	321

<i>Цеховой К.И.</i> Специальные вопросы квалификации соучастия в преступлении	325
---	-----

*Научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы совершенствования
правового регулирования экономических отношений
в Республике Беларусь»
(16 июня 2017 г.)*

<i>Белоглазов А.И.</i> О правовом регулировании сбора на финансирование государственных расходов	328
<i>Вертелко П.С.</i> Международный опыт управления государственным долгом	331
<i>Вислобоков Е.Д.</i> Понятие и общая характеристика взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь	335
<i>Воловик С.А.</i> Место криминогенных рисков в системе обеспечения безопасности банков	337
<i>Голуб И.Т.</i> Обман в гражданском и уголовном праве: сходство и отличие	340
<i>Грузинский Д.В.</i> Налог за владение собаками: общие положения и особенности	343
<i>Гутер К.Ю., Прачкина А.И.</i> Виртуальная валюта bitcoin на современном этапе	346
<i>Кныш Д.П.</i> Об обращении с радиоактивными отходами	349
<i>Костючук Е.В.</i> Об уклонении от уплаты налогов. Пути решения	352
<i>Лашко Д.С.</i> О налоговой системе в Республике Беларусь	354
<i>Лецинский И.И.</i> Об утилизации бытовых отходов в Республике Беларусь	357
<i>Одинец В.О.</i> Риск ликвидности банков	359
<i>Подобацкий Д.Н.</i> Особенности и пути совершенствования уголовной ответственности за нарушение налогового законодательства	362
<i>Полковниченко Ю.В.</i> Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития в обеспечении экономической безопасности	366
<i>Прачкина А.И.</i> Аренда водных объектов по законодательству Республики Беларусь	368
<i>Сидорович Д.В.</i> Негативные аспекты мелиорации в Республике Беларусь	371
<i>Сидорук В.В., Грузинский Д.В.</i> Имущественные права на земельные участки	373
<i>Терешёнок П.Д.</i> О долговых обязательствах Республики Беларусь	376
<i>Терешёнок П.Д., Подобацкий Д.Н.</i> Понятие и классификация отходов на территории Республики Беларусь	379
<i>Фурманов А.В.</i> О воздействии Белорусской атомной электростанции на экологическую безопасность	382

<i>Цеховой К.И.</i> Возврат земель, загрязненных радионуклидами	385
<i>Циунель О.П.</i> О развитии банковского кредитования в Республике Беларусь	387

*VII курсантские научные чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(14 декабря 2017 г.)*

<i>Ващумирский С.О.</i> «Мягкое право»: понятие и признаки	389
<i>Герасименко Р.В.</i> Андрей Полоцкий и его место в истории Великого Княжества Литовского	393
<i>Горбачевский С.П.</i> Профессиональное правосознание и особенности его формирования	397
<i>Децук И.В.</i> Возрождение Великого Княжества Литовского в рамках Российской империи	400
<i>Зубков В.А.</i> Основные тенденции развития советского права 30-х гг. в СССР	404
<i>Ивашина О.А.</i> Борьба за женское избирательное право в Великобритании	407
<i>Казачёнок К.В.</i> Социально-правовой реверс	410
<i>Карпук А.С.</i> Правовая система исламского государства Иран	412
<i>Каспярович Н.С.</i> Факторы, являющиеся на суверенитет дзяржавы	416
<i>Король С.В.</i> Противодействие Департамента полиции Российской империи революционному движению на территории белорусских губерний	420
<i>Кравец В.В.</i> Теоретико-правовые аспекты осуществления надзора за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	423
<i>Кучинский А.И.</i> О социальной эффективности права	426
<i>Латышёнко А.А.</i> Деятельность канцелярии Третьего отделения	430
<i>Павлович В.В.</i> Нетипичные формы правления в современном государстве	433
<i>Петербурцев Д.А.</i> Роль органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны	436
<i>Попков Н.Д.</i> Формирование института дознания на территории белорусского государства	440
<i>Рыжый Е.Л.</i> Борьба с коррупцией в Российской империи в начале XX в.	443
<i>Шванковский А.А.</i> Справедливость как принцип права	446
<i>Щербачевич К.А.</i> Источники права и возможности их использования в правотворческой и правоприменительной деятельности органов внутренних дел	449
<i>Юргель А.С.</i> Организованная преступность в Республике Беларусь на современном этапе	453
<i>Юргель А.С.</i> Теоретико-правовой анализ исторических этапов становления стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе	455

Научное издание

**КУРСАНТСКИЙ
ВЕСТНИК**

Сборник научных статей обучающихся

Выпуск 3

Подписано в печать 13.09.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 26,97. Уч.-изд. л. 27,34.
Тираж 30 экз. Заказ 222.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.